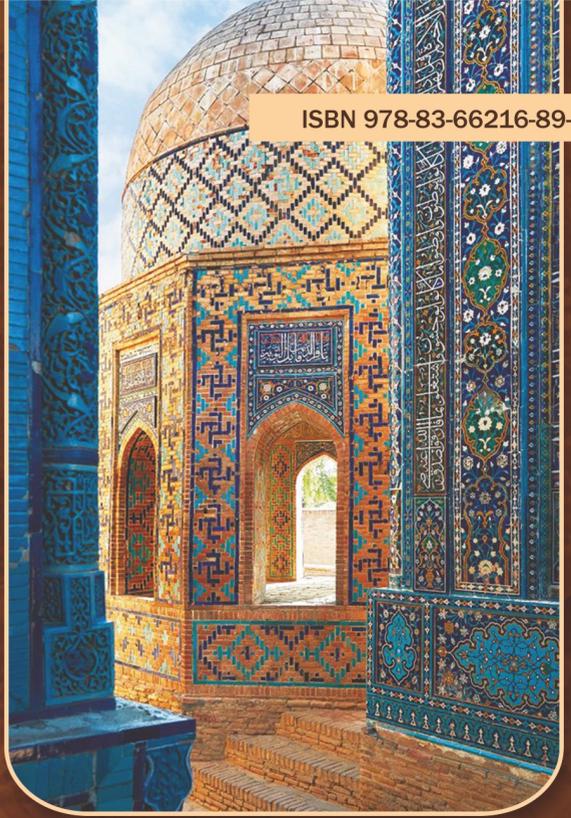

ISBN 978-83-66216-89-1

Махкамова Надира

**СОЦИАЛЬНАЯ
СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ,
НАСИЛЬСТВЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ
(КОНЕЦ XIX в. – 30-е ГОДЫ XX в.)**

Монография

 iScience
Варшава, Польша - 2024

Махкамова Надира

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ
УЗБЕКИСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ, НАСИЛЬСТВЕННОЕ
РАЗРУШЕНИЕ (КОНЕЦ XIX в. –
30-е ГОДЫ XX в.)**

Монография

Варшава-2024

*Монография рекомендована к печати по решению
Научно-технического совета ТУИТ им. Мухаммада аль-Хоразмий.
Протокол №3-22 от 30 марта 2022 года.*

Ответственный редактор:

Алимова Д.А., доктор исторических наук, профессор.

Рецензенты:

Шадманова С.Б., доктор исторических наук, профессор;

Мустафаева Н.А., доктор исторических наук, профессор.

Махкамова Н., Социальная стратификация общества на территории Узбекистана: тенденции развития, насильственное разрушение (конец XIX в. - 30-е годы XX в.). Монография. – Варшава: iScience Sp. z.o.o. – 2024. – 285 с.

Монография посвящена выявлению объективной картины развития социальных процессов в узбекистанском обществе, изучению его социальной структуры и ее трансформаций в конце XIX в. – 30-е гг. XX в. Работа представляет собой обобщающий научный труд, где проблема рассматривается комплексно в течение значительного периода времени с позиций теории социальной стратификации. При написании монографии вводятся в научный оборот материалы Всероссийской переписи населения 1897 г., городской переписи 1923 г., всесоюзной переписи населения 1926 г., многочисленные статистические материалы и др. источники, что позволило дать глубокий анализ динамики изменений социальной стратификации общества Бухарского эмирата, Хивинского ханства, Туркестана и Узбекистана в условиях различных политических режимов и наглядно показало пагубность политики искусственного конструирования социального состава общества.

ISBN 978-83-66216-89-1

© Н. Махкамова, 2024

© iScience Sp. z o. o.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ	9
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ И ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.	27
2.1. Социальный срез общества Бухарского эмирата и Хивинского ханства.....	27
2.2. Социальная стратификация общества в Туркестанском генерал- губернаторстве.....	47
2.3. Формирование слоя собственников и его роль в туркестанском обществе.....	71
ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА В ТУРКЕСТАНЕ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	91
3.1. Политические и социально-экономические преобразования советской власти в Туркестане и их влияние на состояние социальных страт.....	91
3.2. Изменения в стратификации городского населения.....	106
3.3. Социально-экономическая ситуация в кишлаке.....	123
3.4. Национальная интеллигенция и советская власть. Начало формирования «рабоче-дехканской» интеллигенции.....	138
ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА НА ФОНЕ МОНОПОЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ	156
4.1. Формирование промышленных рабочих.....	156
4.2. Ухудшение положения городских собственников.....	170
4.3. Социальная структура кишлака накануне массовой коллективизации.....	184
4.4. Проблемы становления советской интеллигенции.....	197
ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ ПОСЛЕ ДЕКЛАРАЦИИ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР	211
5.1. Окончательная ликвидация традиционных социальных страт региона и укрепление новых.....	211
5.2. Итоги социального конструирования в Узбекистане в конце 30-х годов XX века.....	233
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	250
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	262

ВВЕДЕНИЕ

Провозглашение Республикой Узбекистан независимости обусловило коренные изменения в исторических судьбах ее народа, и открыла широкий простор для активных преобразований в экономике, социальной и духовной сферах общества.

Неизмеримо велико значение независимости для исторической науки. Она кардинально изменила ее суть и содержание. Сегодня история призвана помочь определить стратегию дальнейшего развития государства, содействовать возрождению национального самосознания его народа, очищению его исторической памяти, формированию активной жизненной позиции у каждого члена общества, осознанию им своего места в мире. Как пишет известный философ К. Ясперс, «история становится идеей целого при выяснении места человека в обществе и смысла его жизни. К чему я принадлежу, во имя чего я живу – все это я узнаю в зеркале истории»¹. Придавая большое значение изучению истории, Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев отмечал, что «оценка прошлого должна быть объективной, самое важное, свободной от каких-либо идеологических догм».²

В свете задач, поставленных сегодня перед историками республики, среди проблем отечественной истории, требующих сегодня переосмысления и более глубокого научного анализа, является изучение истории социальных отношений в среднеазиатском регионе и особенно трансформаций социальной структуры местного общества, как «совокупности всех существующих в нем общностей (слоев, групп, этносов), взятых в их взаимосвязи и взаимодействии»³. Необходимость исследования именно этой проблемы объясняется тем, что в условиях независимого Узбекистана, развитие которого базируется на рыночной экономике, идет активный процесс формирования адекватной ей социальной структуры. В этой связи знание опыта, накопленного нашим народом в процессе развития этой важной сферы социальных взаимоотношений, может помочь не только углубить знания о прошлом республики, полнее понять особенности ментальности народа, но и содействовать решению проблем его национального возрождения.

Новое время потребовало от историков республики применения в работе новых современных концептуально-методологических подходов, базирующихся на обновленном изучении источников и достижений мировой исторической науки. Особенно это

---

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1999. – С. 276.

² Послание Президента РУз Олий Мажлису. 28.12.2018. // <https://uza.uz/ru/politics>.

³ Основы философии. – Т., 2004. – С. 381.

было необходимо для выявления объективной картины социального развития общества, поскольку в исторической науке до конца 80-х годов XX века преобладали два методологических концептуальных подхода в исследовании его социальной структуры – «классовый» и «стратификационный».

В советской историографии безраздельно господствовал классовый подход. Он основывался на марксистско-ленинской теории, согласно которой общество делилось на классы, а их основным признаком считалось отношение к средствам производства. В зависимости от того, в чьих руках они находились, определялись и классы - эксплуататоров (собственников средств производства) и эксплуатируемых (не имеющих таковых)⁴. Такая схема структуры была искусственно создана для решения чисто идеологических задач. Она не учитывала множество других социальных групп населения, которые не имели классовых признаков, но являлись составными частями социальной структуры общества - интеллигенции, служащих, духовенства, ремесленников, кустарей, торговцев, домохозяек, инвалидов, учащихся, пенсионеров и т.д. Существовала также и сословная стратификация, которая никак не отвечала признакам классовости. При классовом подходе в сословном обществе к эксплуататорскому классу относились самодостаточные ремесленники и зажиточные крестьяне, использующие наемный труд, а к эксплуатируемому - основная масса ремесленников и крестьян. Но все они по своему происхождению входили в одно низшее третье бесправное сословие. В результате классового подхода в науке не было четкой терминологии, которая давала бы ясное представление о составе населения. Так, в советской историографии в эксплуататорский класс входили «класс буржуазии» и «класс зажиточных крестьян», в то же время были еще и «класс трудовых крестьян», и просто «класс крестьян» и т.д. Концепция классовой структуры общества не давала возможности правильно определить место каждой социальной группы в нем, выявить факторы, воздействующие на динамику ее развития, создавала односторонний и часто предвзятый подход к историческим процессам и явлениям. При изучении структуры советского общества

---

⁴ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – Собр. соч., т. 20; Его же. Письмо Фридриху Адольфу Зорге. – Собр. соч., т. 37; Маркс К. Письмо Иосифу Вейдгеймеру. – Собр. соч., т. 28; Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге господина Струве. – Полн. собр. соч. (далее ПСС), т. 1; Его же. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. – ПСС, т. 20; Его же. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. ПСС, т. 39; Его же. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. ПСС, т. 41; Его же. Как нам реорганизовать Рабкрин (предложения XII съезду партии). ПСС, т. 45.

она четко работала на сокрытие процессов его внутренней социальной дифференциации.

Совершенно очевидно, что в современных условиях новым задачам исторической науки более отвечает теория социальной стратификации общества, которая широко применяется в мировой практике с 40- годов XX века⁵. Она делит человеческий социум на страты. Сам термин «страта» заимствован у геологов и означает «пласт». В социологии «страта» означает «слой общества», а «стратификация» - его деление на слои. Согласно теории стратификации, в обществе могут выделяться различные страты по самым различным критериям – по профессиональным занятиям, образованию, этническим, демографическим, гендерным признакам, территориальному местонахождению (городское и сельское население) и т.д. Понятие «страта» более гибкое, чем понятие «класс», оно включает в себя широкий круг общественных явлений и предоставляет широкие возможности для анализа состава общества. Американский социолог И.Краус считает, что «стратификация и классовое деление, по сути, разные структурные отношения. Стратификация – это понятие описательное, подразумевающее некую упорядоченность членов общества на основе какого-либо критерия: доход, образование, профессия, этническое происхождение. Классы в марксистской теории – это конфликтные группы, которые оспаривают существующее разделение власти. Признание класса означает признание антагонизма, противоположности интересов больших общественных групп. Признание же страт означает признание определенных различий между людьми, которые приводят к слоевому размещению индивидов в обществе»⁶.

Стратификационный подход показывает, что социальная структура общества есть динамично меняющаяся социальная категория и вектор ее изменений определяется его общим прогрессом, который

---

⁵ См.: Weber M. The Theory of Social and Economic organization, translated and edited by A. Henderson and Talcott Parsons. - New York. 1947; Landberg G., Scharg C., Larsen O. Stratification: Shared Possibilities and Responsibility.// Sociology. №4. 1954; Schrag C., Larsen O., Catton W. The Nature of Stratification.// Sociology.; №4 1968; Kraus J. Stratification, Class, and Conflict. - New York, 1976; Wnigh E. Classe. – London. 1985; Giddens A. Sociology. – Oxford. 1991; Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории. – Новосибирск, 1991; Ильин В.И. Социальная стратификация. - Сыктывкар, 1991; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность.//СОЦИС. 1991. №1; Дэвис К. Мур У. Некоторые принципы стратификации// Социальная стратификация. – М., 1992. Вып 1.; Вебер М. Класс, статус и партия.// Социальная стратификация. – М., 1992. Вып. 1; Его же. Основные понятия стратификации// СОЦИС. №5. 1994; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М., 1995.

⁶ I. Kraus. Stratification, Class, and Conflict. – New York. 1976. – P. 15-16.

обуславливают умножающиеся и усложняющиеся формы разделения труда, увеличивающееся число профессий, меняющиеся отношения между членами общества, их образ жизни и т.д. Марксистская же теория классов перспективу социально-структурных процессов видит в уничтожении классов и достижении социальной однородности общества, что практически не осуществимо, так как человеческий социум – это непрерывно развивающийся организм и однородным оно может стать только в условиях регресса.

Большие возможности стратификационного подхода позволяют воссоздать более полную картину социальной жизни человеческого социума на каждом этапе его исторического развития. Именно на таком подходе базируется концептуально-методологическая основа настоящей монографии. Существуют различные формы социальной стратификации, но, несмотря на их многообразие, исследователь П.А. Сорокин, например, считал необходимым выделить три ключевые (экономическую, политическую и профессиональную), каждая из которых включает в себя определенные социальные страты. Причем П.А. Сорокин выделил формы не только социальной стратификации (экономическую, политическую, профессиональную), но еще и профессиональной стратификации (внутрипрофессиональную и межпрофессиональную), а также обратил внимание на важность знаний. Помимо выше перечисленных, П.А. Сорокин определил еще и ряд так называемых небазисных критериев. Среди них можно отметить такие, как пол, возраст, раса, семейное положение, религиозная принадлежность и другие критерии, на основании которых формируются различные социальные группы.⁷

В данной монографии анализ социального состава общества на территории Узбекистана основывается на его стратификации по профессиональным занятиям, которая чаще всего применяется в современной научной практике. «Профессия, - по определению российских социологов В.В. Радаева и О.И. Шкаратана, – это особого рода деятельность индивидуума, имеющая рыночную стоимость, которой этот индивидуум занимается постоянно с целью получения устойчивого дохода и которая предопределяет его социальное положение»⁸. Она является объективно устойчивым материальным критерием социальной стратификации, поскольку в различных исторических ситуациях члены профессиональных групп, имеющие общую сферу труда, занимают совпадающие социальные позиции и показывают сходное поведение. «Рассматривая профессиональную

---

⁷ Сорокин П.А. Человек. Общество. Цивилизация. Москва, 1992. – С. 302.

⁸ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М., 1999. – С. 217.

стратификацию в качестве социального феномена, обладающего специфическими чертами, следует все же отметить, что причинами его появления явилось общественное разделение труда, которое в ряду иных детерминатов (неодинаковый доступ к ресурсам и пр.) выступает основополагающим и для образования других форм социальной стратификации (политической и экономической)», - отмечает российский исследователь Н.А. Николенко.⁹

Старый классовый подход к исследуемой проблеме социальной стратификации общества на территории Узбекистана породил тенденциозное и одностороннее ее освещение в советской историографии и обусловил написание фальсифицированной истории, когда основной движущей силой социальной жизни общества представлялся только рабочий класс, а такие социально-активные страты как ремесленники, кустари, люди занятые в сфере торговли, национальная интеллигенция, прогрессивное духовенство оценивались по остаточному принципу. Переосмысление и освещение с новых концептуально-методологических позиций их места и роли в обществе отвечают потребностям настоящего дня

Учитывая все эти аспекты исследуемой проблемы, в данной монографии предпринята попытка с современных концептуально-методологических позиций, на значительно обновленной источниковой базе проанализировать в исторической ретроспективе трансформации социальной стратификации общества на территории Узбекистана в тесной взаимосвязи с общественно-политическими и социально-экономическими событиями в период с конца XIX в. до конца 30-х годов XX в.

---

⁹ Николенко Н.А. Профессиональная стратификация как социальный феномен: теоретические подходы и методы изучения. – Вестник Волгоградского университета. Серия 7, Философия. 2014. №6 (26). – С. 45

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Комплексный анализ исторической литературы показывает, что историография проблемы базируется на определенном объеме литературы, в которой она рассматривается по отдельным аспектам и периодам.

Хронологические рамки исследования – конец XIX в. - 30-е годы XX в. определили необходимость изучения большого пласта литературы, создававшейся более чем 100 лет в условиях различных политических режимов и с позиций различных концептуально-методологических подходов. Поэтому всю литературу, в той или иной мере затрагивающую избранную проблему можно разделить на группы – работы ученых и краеведов колониального периода; публикации советского периода; научные труды периода независимости; исследования зарубежных ученых.

Литература колониального периода представлена работами, написанными в конце XIX – начале XX вв., российскими и среднеазиатскими авторами. Российские авторы были востоковедами, этнографами, путешественниками, чиновниками, военными, прибывшими в Туркестан после его завоевания Российской империей. Их исследования весьма разнообразные по характеру и проблематике написаны с позиций, опирающихся на стратегию имперской державы. Доминанта их методологического подхода – исключительно негативная оценка уровня развития восточных государств. По определению академика В.В. Бартольда, он формулировался кратко: «Прогресс – характерный признак Запада, застой – характерный признак Востока»¹⁰. Государственное устройство и социальную структуру среднеазиатских ханств они характеризовали не как восточную модель общественного устройства альтернативную представлениям европейцев, а как модель отсталого общества, находящегося в состоянии стагнации под сильным воздействием религии. Но именно такой подход устраивал правительство царской России, поскольку служил оправданием его захватнической политики в Средней Азии и объяснял колонизацию региона стремлением принести его отсталым народам цивилизацию и прогресс. Общей задачей авторов публикаций тех лет было оправдать все действия самодержавия в регионе и защитить его интересы.

Специальных работ, посвященных анализу социальной

---

¹⁰ Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве / Соч. – М., 1966. Т. VI. – С. 303.

структуры колониального Туркестана, в тот период не было создано. Но имелось значительное число исследований в той или иной степени касавшихся отдельных аспектов проблемы. Мы назовем в этом обзоре только наиболее крупные из них, представлявшие для нас определенный интерес. Это исследования В.В. Григорьева, А.П. Хорошхина, М.И. Венюкова, А. Мидендорфа, Г.А. Арандаренко, И.И. Гейера, В.И. Массальского¹¹, содержащие обширные обобщающие сведения о крае (в том числе и о составе населения). Интересные данные, характеризующие экономическое и социальное положение различных социальных слоев туркестанского общества, содержатся у А.П. Демидова, С.И. Гулишамбарова, В.Н. Оглоблина, В.В. Заорской и А. Александер¹². Написанные в начале XX в., они хорошо отражали экономическую и социальную ситуацию в крае, когда уже была сформирована колониальная направленность развития экономики региона, как сырьевого придатка метрополии. Особо надо отметить капитальный труд супругов В.В. Заорской и А.А. Александер, ценный для нас тем, что дает первые и единственные официальные обобщающие сведения о численности промышленных заведений в Туркестане к 1914 г., характере их производства и особенно о численности, профессиональном и национальном составе рабочих. Современный концептуальный подход к оценке этих сведений приводит к выводам отличным от выводов советской историографии, поскольку они явно свидетельствуют о том, что накануне первой мировой войны слой промышленных рабочих в крае был крайне малочислен, полярно разобщен на национальной почве

---

¹¹ Григорьев В.В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время. – СПб., 1876. – 575 С.; Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – СПб., 1876. – 532 С.; Венюков М.И. Россия и Восток. Собрание геофизических и политических статей. – СПб., 1877. – 297 С.; Мидендорф А. Очерки Ферганской долины. – СПб., 1878. – 489 С.; Арандаренко Г.А. Досути в Туркестане. 1874-1889. – СПб., 1889. – 667 С.; Гейер И.И. Туркестан. – Ташкент, 1909. – 346 С.; Россия. Полное географическое описание. Т. XIX. Туркестанский край / Составил князь В.И. Массальский. – СПб., 1913. – 861 С.

¹² Демидов А.П. Экономический очерк хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. – Ташкент, 1912. – 256 С.; Гулишамбаров С. И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой (Закаспийская, Самаркандская, Сырдарьинская и Семиреченская области, а также Бухарское и Хивинское ханства). Части 1-3. – Асхабад, 1913; Оглоблин В.Н. Промышленность и торговля Туркестана. – М., 1914; Заорская В.В. и Александер А. Промышленные заведения Туркестанского края. Разработка данных анкеты, произведенной летом 1914 г. экономической организацией изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сырдарья. – Петроград, 1915. – 559 С.

привилегированным положением русских рабочих и составлял в обществе настолько незначительную социальную силу (на 1 тысячу человек населения Туркестана приходилось всего 3–4 рабочих)¹³, что никак не мог оказывать того решающего и организующего влияния на общественно-политическую жизнь края, которое ему приписывалось в работах советского периода.

Аграрный характер экономики края с ярко выраженным колониальным уклоном обусловил наличие обширной литературы о развитии сельского хозяйства в целом, социальном положении и социальной структуре кишлака в частности. В этом плане особый интерес представляют работы чиновников налоговой службы Туркестанского края А.И. Шахназарова, А.П. Демидова, агронома Управления по переселенческим делам Сырдарьинской области В.И. Юферева, агронома земельно-податного отдела той же области С.В. Понятовского¹⁴. Преследуемая ими цель – выявить реальное экономическое положение небольших дехканских хозяйств, являвшихся основными производителями хлопка в крае в начале XX в. и определить пути их укрепления в целях увеличения производства этого ценного сырья для текстильной промышленности метрополии, обусловили достаточно высокий уровень достоверности и объективности их сведений, что позволяет использовать их как достаточно достоверный источник при анализе социального положения туркестанского кишлака. Проведенный в этих работах анализ показывает, что в начале XX в. в туркестанском кишлаке значительная часть этих небольших дехканских хозяйств, специализировавшихся на выращивании хлопка, были хозяйствами среднего достатка. Это дает основание опровергнуть сложившееся в советской историографии мнение о крайне бедственном положении малоземельных хозяйств, которые уже в тот период были не способны вести самостоятельно эффективное хозяйствование.

Рассматривая литературу колониального периода, следует отметить труды видных русских краеведов и этнографов

---

¹³ Заорская В. и Александр А. Указ. соч. – С. 19.

¹⁴ Шахназаров А.И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. – СПб., 1908. – 512 С.; Демидов А.П. Экономический очерк хлопководства, хлопковой торговли и хлопковой промышленности в Туркестане. – Ташкент, 1912. – 280 С.; Юферев В.И. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана (опыт характеристики рабочего вопроса в хлопковых районах Туркестанского края). – СПб, 1914. – 60 С.; Его же. Хозяйство сартов Ферганской области. – Ташкент, 1911. – 76 С.; Понятовский С. В. Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области. – СПб., 1913. – 357 С.

В.П. Наливкина, Н.П. Остроумова, А.И. Добросмыслова, Н.С. Лыкошина,¹⁵ которые внесли значительный вклад в изучение таких важных проблем, как социальные отношения, социальная психология, ментальность и быт коренного населения Туркестана, роль религии в его жизни.

Более глубокому изучению этих проблем способствовали изданные в конце XIX в. – начале XX в. интересные местные исторические источники, переведенные на русский язык¹⁶.

Отдельное место в исторической литературе колониального периода занимают труды среднеазиатских авторов, рассказывающие о своем времени, событиях очевидцами которых они были¹⁷.

Интересную информацию о политической и экономической ситуации, социальной структуре общества, образе жизни коренного населения тех территорий государств Средней Азии, которые были завоеваны во второй половине XIX в. Российской империей содержат написанные в это время, но изданные в 40-60-х годах XX в., труды придворных историков и чиновников Бухарского эмирата¹⁸.

---

¹⁵ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. – Казань, 1886. – 244 С.; Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент, 1913. – 144 С.; Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. – Ташкент, 1896. Вып. 1. – 272 С.; Его же. Введение в курс исламоведения. – Ташкент, 1914. – 215 С.; Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. – Ташкент, 1912. – 520 С.; Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерк быта туземного населения. – Петроград, 1916. – 412 С.

¹⁶ Ходжа-Ахрар-Вали. Легенда / Пер. М. Айдарова. – Ташкент, 1896. – 90 С.; Джихадали газават (Мусульманские постановления о войне с неверными) / Пер. Ярового-Раевского // Сборник материалов по мусульманству. Т. 1. – Ташкент, 1899. – С. 101-128; Мухаммад Садык-и-Кашкари. Абд-ул-салихын (Кодекс приличий на Востоке) / Пер. Н. Лыкошина // Сборник материалов по мусульманству. Т. 2. – Ташкент, 1900. – С. 21-83; Постановления мусульманского законодательства о дольщиках / Пер. С. М. Граменицкого // Туркестанский сборник. Т. 459. – Ташкент, 1908. – С. 136-147; Рисоля сартовских ремесленников / Пер. М. Гаврилова. – Ташкент, 1912. – 59 С.

¹⁷ Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае / Публикация, перевод и приложения Н.И. Веселовского. – СПб., 1894. – 126 С.; Абдулгаффаров Саттархан. Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием его русскими // Туркестанские ведомости. 1892. №№ 26, 29, 36; 1893. № 61; Мирза Бухарин. Впечатления о поездке в Россию // Остроумов Н.П. Сарты. – Ташкент, 1896. Вып. 1. – С. 235-242; Фуркат Закирджан. Автобиография. // Остроумов Н.П. Сарты. ... – С. 243-263; Мухаммад Азиз ибн Мухаммад-Риза Маргилани. Тарихи Замири. – Тошкент, 1999. – 150 б.; Исхак-хан тура ибн Джунайдалла Ходжа. Мизан аз-Заман. – Ташкент-Токио, 2001. – 56 С.

¹⁸ Махдум Шарифджан. Бухарский трактат о чинах и званиях / Перевод и комментарии А.А. Семенова // Советское востоковедение. – М.-Л., 1948. Т. V. – С. 137-153; Дониш Ахмад. История мангытской династии / Предисловие и примечания И.А. Наджафовой. –

Сопричастность этих авторов к излагаемым ими событиям возводят их работы в ранг ценных источников для изучения социальной структуры общества среднеазиатского региона во второй половине XIX в.

В группу трудов среднеазиатских авторов колониального периода входят и публикации лидеров джадидской интеллигенции, которые по воле советских идеологов были практически закрыты для ученых до начала 90-х годов XX в. Творческое наследие джадидов представляет для современной исторической науки огромный интерес. Оно ценно тем, что его создавали высокообразованные люди своего времени, которые хорошо знали край, болели за его будущее, могли анализировать позитивные и негативные последствия его завоевания Россией. В их публикациях давалась объективная характеристика состояния промышленности и ремесленного производства, социальных отношений, культуры, общественной жизни Туркестана и сопредельных с ним государств. Этот богатый пласт литературы по отечественной истории профессор Д.А. Алимова характеризует как наше «бесценное культурное наследие», «важнейший участок не только народной, но и научной памяти». «К сожалению, - пишет она, - их идеи не были оценены своевременно, более того, были объявлены вредным буржуазным направлением, а сами джадиды попали, как и все мало-мальски интеллектуальные люди того времени в горнило тоталитарного режима и были уничтожены»¹⁹. За годы независимости узбекскими востоковедами и историками уже изданы труды и воспоминания многих из них²⁰. Они позволили широкой научной общественности изучать это великое творческое наследие.

Литература советского периода включает работы историков и обществоведов, изданные в 20–80-е годы XX в. Их методологической основой была марксистско-ленинская классовая теория, а

Душанбе, 1967. – 142 С.; Юсуф мунши Мухаммад. Та'рих-и Муқим-хоний (Муқимханская история) / Перевод, примечания и указатели А.А. Семенова. – Ташкент, 1956. – 303 С.; Сами Мирза Абдал'азим. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангитских государей) / Издание текста, предисловие и примечания Л.М. Епифановой. – М., 1962. – 248 С.

¹⁹ Алимова Д. Историческое мировоззрение джадидов и их проекция будущего Туркестана // Туркистон мустақиллиги ва бирлиги учун кураш саҳифаларидан. – Тошкент, 1999. – Б. 29.

²⁰ Фитрат А. Тангалар асарлар. Биринчи жилд. – Тошкент, 2000. – 256 б.; Авлоний А. Танланган асарлар. – Тошкент, 1998. – 304 б.; Бехбудий Махмудхўжа. Танланган асарлар. – Тошкент, 1999. – 280 б.; Абдурашидхонов Мунаввар Қори. Хотираларимдан (жадидлик тарихидан лавҳалар). – Тошкент, 2001. – 128 б.; Его же. Нажот йўли. – Тошкент, 2001. – 176 б.; Его же. Танланган асарлар. – Тошкент, 2003. – 120 б.

отличительной чертой – ярко выраженная апологетика советского строя. «Именно в советский период, - пишет профессор Д.А. Алимова, - история в наибольшей степени стала инструментом политики... Фактически произошло стирание граней между исторической наукой и политической пропагандой. В результате сформировалось ложное историческое сознание общества, усвоенное под влиянием пропаганды и использования ее в учебном процессе, особенно в школе»²¹.

В соответствии с идеологической конъюнктурой, в исторических трудах изучался «опыт борьбы коммунистической партии за построение социалистического общества» в республике, рассматривались вопросы формирования и созидательной деятельности только рабочего класса, колхозников и «рабоче-дехканской» интеллигенции. Все эти процессы излагались только в позитивной динамике. При этом доказывалось, что в 20-30-е годы все другие группы населения были явными (духовенство, национальная интеллигенция) или потенциальными (ремесленники, кустари, торговцы) врагами советского строя²².

Информационная и научная значимость литературы советского периода неравноценна. Для нашей работы большой интерес представляли труды историков, известных партийных и общественных деятелей по социально-экономической проблематике, изданные в 20-е годы²³.

Их авторы работали еще в сравнительно благоприятных условиях, когда в науке не утвердился методологический классовый подход, допускались нестандартные выводы, плюрализм мнений,

---

²¹ Алимова Д.А. История как история, история как наука. Т. 1. История и историческое сознание. – Ташкент: Узбекистан, 2008. – С. 97.

²² См.: Непомнин В.Я. Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане (1917-1937 гг.). – Ташкент, 1960. – 382 С.; История народного хозяйства Узбекистана. – Ташкент, 1962. Т. 1. – 250 С.; История Узбекской ССР. – Ташкент, 1967. Т. II. – 707 С.; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. – Ташкент, 1974. – 768 С.

²³ Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). – М., 1921. – 147 С.; Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана (Сборник главнейших статей, докладов, речей и тезисов). Ч. 1. 1917-1919. – Ташкент, 1925. – 218 С.; Силонов А.К. К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве Средней Азии. – Ташкент, 1926. – 77 С.; Ходжаев Ф. Десять лет борьбы и строительства (К десятой годовщине Октября). – Самарканд-Ташкент, 1927. – 42 С.; Резцов Л. Октябрь в Туркестане. – Ташкент, 1927. – 119 С.; Галузо П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). – М., 1929. – 235 С.; Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). – Ленинград, 1930. – 160 С.

обращалось внимание на достоверность фактов, а не на их политическую оценку. Все это, безусловно, положительно сказалось на научном уровне этих работ и качестве предоставляемой ими богатой и объективной информации.

В 20-е годы началось первое осмысление в условиях советской власти истории колониального Туркестана. В это время в науке господствовала концепция негативной оценки любого присоединения нерусских народов к Российской империи как «абсолютного зла» и открыто критиковалась захватническая колонизаторская политика царского самодержавия. В монографиях Г. Сафарова, А.К. Силонова, П.Г. Галузо, В. Лаврентьева с этих позиций рассматривалось социально-экономическое положение Туркестана, раскрывались такие его аспекты, как хищническое разграбление метрополией природных богатств, однобокое развитие экономики, когда богатый регион превратился «в хлопковую плантацию российского капитала», захватническая переселенческая политика и противоправная деятельность колониальной администрации, которая, как писал Г. Сафаров, «брала взятки, грабила, душила, усмиряла, опираясь на штыки русской оккупационной армии»²⁴.

В эти же годы были опубликованы работы крупных экономистов и аграрников А.П. Демидова, Г.И. Черданцева, Ю.М. Понятовского, Ю.М. Пославского, В.И. Юферева, Н.К. Ярошевича²⁵, которые детально исследовали социально-экономическое положение туркестанского кишлака в первые годы советской власти и предлагали пути выхода из создавшегося кризиса. Эти авторы обоснованно доказывали, что небольшое индивидуальное дехканское хозяйство в условиях Туркестана являлось в тот период наиболее устойчивой хозяйственной единицей и именно оно, при условии оказания ему помощи со стороны государства, могло стать

---

²⁴ См.: Сафаров Г. Указ. соч. – С. 82.

²⁵ Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства, хлопкоотгонки и хлопковой промышленности в Туркестане. 2-е изд. – М., 1922. – 260 С.; Среднеазиатский экономический район / Под ред. Ю.М. Пославского и Г.И. Черданцева). – Ташкент, 1922. – 128 С.; Понятовский С. В. К вопросу о восстановлении сельского хозяйства в Фергане // Хлопковое дело. – Ташкент, 1923. – № 3-4 – с.С. 15-25; Пославский Ю. Некоторые особенности и перспективы аграрной эволюции в Узбекистане // Народное хозяйство Средней Азии. – Ташкент, 1925. – № 8-9 – с.С. 31-42; Юферев В.И. Хлопководство в Туркестане. – Ленинград, 1925. – 158 С.; Его же. Очерки по экономике хлопкового хозяйства. – М., 1927. – 175 С.; Ярошевич Н.К. Организация крестьянского хозяйства средней Азии (популярный очерк). – Самарканд-Ташкент, 1926. – 85 С.

базой для подъема сельского хозяйства республики. Они выступали против создания крупных коллективных хозяйств, но поддерживали идею создания различных форм кооперации в кишлаке и, прежде всего, кредитной, как наиболее эффективного средства для подъема всего сельского хозяйства.

Именно за свои взвешенные выводы и рекомендации эти авторы в последующие годы были названы в советской историографии «аполитичными оппортунистами» и «буржуазными фальсификаторами», которые «прикрываясь научным объективизмом, отстаивали буржуазный путь развития сельского хозяйства Узбекистана»²⁶, а их работы на долгое время были преданы забвению.

Последующие годы в отечественной историографии советского периода были трудными для обществоведов и малоэффективными для развития исторической науки, которая по мере продвижения вперед процесса строительства социализма все более политизировалась и деформировалась, а творческая мысль исследователей сдерживалась идеологическим диктатом. Тем не менее, нельзя полностью зачеркивать вклад в науку ученых, работавших в эти годы. Они накопили и обобщили в традициях своего времени огромный фактический материал и не их вина в том, что при тоталитарной власти они были поставлены в условия, требующие выполнения концептуальных установок партийных органов.

В конце 50-х годов XX в. в историографии Узбекистана появилась новая концепция оценки завоевания Туркестана Российской империей. Оно стало называться «присоединением». Состоявшаяся в 1959 г. специальная научная сессия положила начало активной пропаганде положения о том, что произошедшее во второй половине XIX в. «присоединение Средней Азии к России, имело для ее народов огромное прогрессивное значение, оно приобщило их к революционной борьбе русского пролетариата, который принес великие идеи классовой борьбы, нашедшие среди трудящихся масс региона благоприятную почву»²⁷. «Присоединение Средней Азии к России, – писал в 1960 г. В.Я. Непомнин, – распространило на новую территорию влияние важнейших экономических и политических процессов, происходивших в России... Средняя Азия, являясь органической частью громадной

---

²⁶ См.: Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917-1926 гг.) / Сб. док. Предисловие. – Ташкент, 1962. – С. 6.

²⁷ См.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. – Ташкент, 1959. – 184 С.

страны, оказалась вовлеченной в водоворот самой мощной народной революции в истории – революции социалистической»²⁸.

С позиций этой новой концепции в 60–80-е годы XX в. был издан ряд фундаментальных исследований по истории колониального Туркестана²⁹, Социальная структура его общества специально в них не рассматривалась, но по некоторым ее аспектам (численность населения, занятия) приводились интересные сведения. Коллективная монография «Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября»³⁰, изданная в 1963г., практически была посвящена анализу только экономического и частично политического положения колониального Туркестана. При этом надо отдать должное ее авторам в том, что, несмотря на господствовавшую в то время в исторической науке концепцию о «прогрессивности присоединения» края к России, они акцентировали внимание читателей на негативных его последствиях, показывая, колониальное положение края, политика царского правительства практически тормозили развитие его экономики. Вопросы социальной структуры общества колониального Туркестана в монографии не рассматривались, но приводились отдельные сведения о численности его населения, занятиях.

Работы, опубликованные в эти годы по проблемам социального развития общества Туркестана и Узбекистана в советский период в основном исследовали процессы укрепления его «социальной однородности» в ходе «успешного строительства социализма», рассматривали социальную роль, достижения в динамике, качественном и количественном росте в ходе формирования каждого

---

²⁸ Непомнин В.Я. Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане (1917-1937 гг.). – Ташкент, 1960. – С. 22-23.

²⁹ Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). – Ташкент, 1959. – 298 С.; Вахобов М. Ўзбек социалистик миллати. – Тошкент, 1960. – 536 б.; Егю же. Формирование узбекской социалистической нации. – Ташкент, 1961. – 587 С.; Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865-1917) – М., 1960. – 118 С.; Зиёев Х. Ўрта Осиё ва Сибирь (XVI-XIX асрлар). – Тошкент, 1962. – 342 б.; Савицкий А.П. Поземельный вопрос в Туркестане. – Ташкент, 1963. – 208 С.; Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). – М., 1965. – 468 С.; Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX – начало XX в.). – Ташкент, 1969. – 255 С.; Вексельман М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX – начало XX в.). – Ташкент, 1988. – 185 С.

³⁰ Социально-экономическое и политическое положение в Узбекистане накануне Октября. – Ташкент, 1963. – 229 С.

социального слоя в отдельности - советского рабочего класса³¹, колхозного крестьянства³², интеллигенции³³. Необходимо отметить, что во всех этих работах был собран и обобщен большой новый фактический материал.

Первая попытка рассмотреть проблему социальной стратификации общества в целом были предпринята в монографии С. Турсунмухамедова «Великий Октябрь и изменения социальной структуры советского Узбекистана»³⁴, что являлось несомненным достоинством этой работы, хотя главным образом в ней исследовалась структура общества советского Узбекистана периода «развитого социализма». И лишь в начале автором была дана краткая

---

³¹ Мельникова Т.С. Формирование промышленных кадров в Узбекистане. – Ташкент, 1956. – 112 С.; Ульмасбаев Ш.Н. Промышленное развитие советского Узбекистана. Историко-экономический очерк. – Ташкент, 1958. – 244 С.; История рабочего класса Узбекистана. – Ташкент, 1964. Т. 1. – 339 С.; История рабочего класса в советском Узбекистане. – Ташкент, 1974. – 230 С.; Гентшке В.Л. Партия, рабочий класс, дехканство. – Ташкент, 1984. – 135 С.

³² Аминова Р.Х. Аграрная политика советской власти в Узбекистане (1917-1920). – Ташкент, 1963. – 344 С.; Ее же. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода советского государства к нэпу. – Ташкент, 1965. – 347 С.; Ее же. Аграрные преобразования в Узбекистане накануне коллективизации. – Ташкент, 1969. – 250 С.; Ее же. Осуществление коллективизации в Узбекистане (1929-1932). – Ташкент, 1977. – 230 С.; Ее же Победа колхозного строя в Узбекистане (1933-1941). – Ташкент, 1981. – 230 С.; Ризаев Г.Р. Аграрная политика советской власти в Узбекистане (1917-1965). – Ташкент, 1967. – 186 С.; Ибрагимова А.Ю. Победа ленинского кооперативного плана в Узбекистане. – Ташкент, 1970. – 180 С.; Алимов И.А. Узбекское дехканство на пути к социализму (социально-экономические преобразования в узбекском кшлаке в 1921-1925 гг.). – Ташкент, 1974. – 120 С.; Жураев М. Повышение культурно-технического уровня колхозного крестьянства Узбекистана в период победы и упрочения социализма. – Ташкент, 1987. – 130 С.

³³ Кары-Ниязов Т. О культурном наследии узбекского народа. – Ташкент, 1960. – 95 С.; Гулямова М. Из истории формирования узбекской советской интеллигенции (1933-1937). – Ташкент, 1962. – 96 С.; Валиев А.К. Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии. – Ташкент, 1966. – 120 С.; Его же. Советская национальная интеллигенция и ее социальная роль. – Ташкент, 1969. – 227 С.; Его же. Октябрь, культура, интеллигенция. – Ташкент, 1977. – 197 С.; Садыков С. С. Очерки развития высшего образования в Узбекистане. – Ташкент, 1969; – 230 С.; Его же. Высшая школа – кузница подготовки кадров. – Ташкент, 1973. – 150 С.; Аманов К. Производственно-техническая интеллигенция Узбекистана (методологические и социологические проблемы). – Ташкент, 1975. – 143 С.; Акилов К.А., Гулямова М.А. Советская интеллигенция Узбекистана. – Ташкент, 1978. Кн. 1. – 382 С.; Акилов К.А. Культура советского Узбекистана. – Ташкент, 1985. – 150 С.; Интеллигенция Узбекистана: место и роль в обществе. – Ташкент, 1987. – 189 С.

³⁴ Турсунмухамедов С. Великий Октябрь и изменение социальной структуры советского Узбекистана. – Ташкент, 1977. – 184 С.

характеристика социального состава населения Туркестана в колониальный период. Концептуально работа полностью соответствовала идеологическим требованиям своего времени. Так, автор утверждал, что «к моменту Октябрьской революции социальная структура общества в Туркестане была по существу чисто феодальной», в «кишлаке царили нищета и безземелье», а в социальном составе населения края «отсутствовали кадры национальной интеллигенции»³⁵. Характеризуя социальную структуру общества советского Узбекистана, он писал, что ее отличительной чертой является «наличие двух классов – рабочих и крестьян и социальной прослойки интеллигенции – и отсутствие промежуточных, не основных классов» и что именно это «является основой для формирования социально однородного общества, одним из преимуществ социалистической системы»³⁶. Какие социальные группы входят в понятие «промежуточных, не основных классов» автор не раскрывал, оставляя тем самым как бы вне общества значительные слои населения, которые не попадали под понятие «класса».

Коллективная монография «Изменение классової структуры общества в Узбекистане за годы советской власти (1917–1980 гг.)»³⁷, изданная в начале 80-х годов XX в. исследовала стандартную трехчленную структуру общества, состоящую из двух классов (рабочие и крестьяне) и прослойки (интеллигенция). Все остальные группы населения для авторов как бы не существовали и остались вне изучения. Они положительно оценивали такие исключительно негативные с современных позиций исторической науки явления социальной жизни республики, как массовая миграция европейского населения, коллективизация сельского хозяйства, выдвигенчество. По их мнению, формирование рабочего класса республики за счет приезжих из центра русских рабочих было исключительно положительным фактором, увеличивающим его численность и повышающим квалификационный уровень. Коллективизацию сельского хозяйства они рассматривали как единственный путь спасения кишлака от нищеты и создания для дехкан зажиточной жизни, возможность качественно улучшить его структуру, поднять производительность сельского хозяйства. Выдвижение активных производственников без образования и профессиональных

---

³⁵ Турсунмухамедов С. Указ. соч. – С. 12, 13, 17.

³⁶ Турсунмухамедов С. Указ. соч. – С. 70-71.

³⁷ Изменение классової структуры общества в Узбекистане за годы советской власти (1917-1980). – Ташкент, 1984. – 303 С.

знаний на руководящие должности партийного, советского и хозяйственного аппарата расценивали как эффективный метод формирования советской интеллигенции³⁸. В целом для данной монографии было характерно стандартное, исключительно позитивное некритическое раскрытие процесса формирования и развития «основных классов» советского общества.

В 1989 г. Р.Х. Каримовым была защищена докторская диссертация «Социально-экономическое развитие Узбекистана в 1921–1925 годы: узловые аспекты, исторический опыт»³⁹. Она была написана уже в русле перестроечных процессов, когда в исторической науке начались некоторые идеологические подвижки и обществоведы пытались отойти от стереотипов официальной методологии. На основе новых данных и ранее просто пропущенных фактов, автором были критически осмыслены особенности социально-экономического развития Узбекистана в условиях перехода к новой экономической политике. К сожалению, за небольшой исторический срок, определенный хронологическими рамками исследования, автору было трудно показать полную динамику только еще начавшихся изменений социальной структуры общества на территории Узбекистана.

Изданная в 1991 г. монография Р.Г. Рабича «Формирование и развитие социальной структуры Узбекистана (1917-1941 гг.)»⁴⁰ была следующей попыткой сделать новый шаг в развитии перестроечных процессов в отечественной исторической науке. Прежде всего, автор предложил совершенно новую периодизацию внутри хронологических рамок своего исследования. Основываясь на «личностном критерии» (по времени осуществления политики двух первых руководителей советского государства – Ленина и Сталина), он предложил выделить 2 этапа (1917-1927 гг. и 1928-1941 гг.), которые, «не совпадая со временем пребывания их во главе государства, характеризовались осуществлением вырабатываемой ими политики». Однако это заявленное новаторство в монографии не было реализовано. Она состоит из трех глав и, согласно сложившейся в советской историографии периодизации 20-30-х годов XX в., развитие социальной

---

³⁸ См.: Изменения классовой структуры общества в Узбекистане за годы советской власти. ... – С. 36, 37, 144, 165, 175, 232.

³⁹ Каримов Р.Х. Социально-экономическое развитие Узбекистана в 1921-1925 годы: узловые аспекты, исторический опыт: Автореф. дисС. ... докт. ист. наук. – Ташкент, 1989. – 52 С.

⁴⁰ Рабич Р.Г. Формирование и развитие социальной структуры Узбекистана (1917-1941 гг.). – Ташкент, 1991. – 124 С.

структуры Узбекистана исследует по периодам: 1917-1920 гг., 1921-1928 гг., 1928-1938 гг. Причем на последнем периоде автор сосредоточил свое основное внимание, посвятив ему более половины работы. Аспект же «личностного критерия», проводимой в республике в эти годы социальной политики, остался не раскрытым.

Достоинством работы является то, что Р.Г. Рабич предпринял попытку отойти от сложившихся стереотипов и дать новую для советской историографии конца 80 – начала 90-х гг. XX в. негативную оценку миграции европейского населения в Узбекистан в годы первых пятилеток, коллективизации сельского хозяйства, методам формирования советской интеллигенции. Кроме того, во введении он справедливо осудил «безраздельно господствовавший в науке принцип классового детерминизма в социальных процессах, не учитывавший многообразных критериев общественного развития» и поставил цель дать в работе «объективное, с учетом новых методологических и теоретических подходов изложение важнейших вопросов становления классов советского Узбекистана»⁴¹. Но старый классовый методологический подход к анализу социальной структуры общества автор в своей работе так и не преодолел и, как он сам пишет, придерживался «традиционного подхода, согласно которого, советское общество включает в себя рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию, а также промежуточные (межклассовые) группы»⁴², не раскрывая при этом какие именно социальные группы входили в эти «промежуточные группы», какова была их численность и роль в обществе. Поэтому в монографии остались не изученными такие значительные в исследуемый автором период слои населения Узбекистана, как ремесленники, кустари, торговцы, национальная интеллигенция, духовенство. Не раскрытой осталась и репрессивная политика советского государства по отношению к ним.

В результате доминанты классового подхода в работе нет четкого понятийного аппарата. Помимо понятий - «класс рабочих» и «класс колхозного крестьянства», часто употребляются и такие, как «класс буржуазии», «класс капиталистов», «класс зажиточных крестьян», «класс беднейших крестьян», «классы городского населения», ремесленники и кустари вообще обозначены как «типично феодальная категория», не относящаяся ни к классам, ни к межклассовым группам.

---

⁴¹ Рабич Р.Г. Указ. соч. – С. 3.

⁴² Рабич Р.Г. Указ. соч. – С. 4.

Старый методологический подход обусловил тот факт, что автор смог выполнить только половину из поставленных им самим задач – охарактеризовать, причем только в положительной динамике, специфику формирования классов в советском Узбекистане и определить источники пополнения рабочего класса и интеллигенции. Такие же задачи, как динамика полной классовой структуры Узбекистана в 20–30-е гг. XX в. и влияние политических, культурных и идеологических факторов на классовый состав населения республики в этот период, остались им не реализованными.

Кроме того, в монографии Р.Г. Рабича слабая источниковая база, много неточных цифр, грубых ошибок в научно-справочном аппарате. Например, излагая материал о ходе в республике коллективизации сельского хозяйства, автор многократно ссылается на ф. Р-58 НА Уз, в котором этих материалов нет и быть не может, так как это фонд Финансового управления ВСНХ Бухарской народной республики.

В целом же работа Р.Г. Рабича не достигла, заявленного им, прорыва в изучении проблемы формирования социальной структуры Узбекистана в 1917-1941 гг., поскольку к ее раскрытию он подошел со старых методологических позиций

Следующую группу исторической литературы, в которой исследовались различные аспекты избранной нами проблемы составляют труды, изданные в Республике Узбекистан после обретения независимости, когда у отечественных обществоведов появилась реальная возможность объективно и самостоятельно, без заранее заданных идейных рамок освещать историю своего народа, создавать работы в качественно новом концептуальном ключе с установкой на общепринятые научные принципы и идеологию независимости. Написанные уже в условиях демократического общества коллективные монографии⁴³, исторические и историографические сборники⁴⁴,

---

⁴³ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. – Ташкент: Шарк, 2000. – 672 С.; Тарих шохидлиги ва сабоқлари чоризм ва совет мустамлакачилиги даврида Ўзбекистон миллий бойликларининг ўзлаштирилиши. – Ташкент, 2001. – 463 б.; Тарихнинг хасратли саҳифалари. – Ташкент, 2006. – 304 б.

⁴⁴ XX асрнинг дастлабки ўттиз йиллигида Ўзбекистонда тарих фани (тарихшунослик очерклари). I, II қисмлар. – Ташкент, 1994. – 455 б.; Мустақил Ўзбекистон тарихининг дастлабки саҳифалари. – Ташкент, 2000. – 224 б.; Марказий Осиё XX аср бошида: ислохотлар, янгилашниқ, таракқиёт ва мустақиллик учун кураш (Жадидчилик, мухториятчилик, истиқлолчилик). – Ташкент, 2001. – 142 б.; Очерки по истории государственности Узбекистана. – Ташкент, 2001. – 207 С.; Ўзбекистонда тарих фани:

индивидуальные монографии⁴⁵, а также защищенные диссертационные работы⁴⁶ отличаются новизной методологических подходов и использованных исторических источников. Они положили начало выяснению причин деформаций в экономической, социальной и культурной сферах общества, исследованию пагубных последствий колонизаторской политики царского и советского правительств, изучению таких важных проблем как национально-освободительная борьба народов Туркестана, вклад национальной интеллигенции в развитие общества, трагедия узбекского кишлака в результате массовой коллективизации и мн. др. Под руководством профессора Д.А. Алимовой в республике сформировалась научная школа по изучению движения джадидизма, роли лидеров джадидской интеллигенции в развитии политической и культурной жизни края, значения для современников их научного наследия. В рассматриваемый

ютуқлар ва ривожланиш муаммолари. Тарихшунослик ўқишлари материаллари. I, II қисмлари. – Ташкент, 2006.

⁴⁵ Абдурахимова Н.А., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX в. – Ташкент, 1999. – 162 С.; Алимова Д. Женский вопрос в Средней Азии: история изучения и современные процессы (20-80-е годы). – Ташкент, 1991. – 250 С.; Ее же. История как история, история как наука. – Ташкент, 2008. Т. 1. – 280 С.; Агзамходжаев С. С. История туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). – Ташкент, 2006. – 263 С.; Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации в Узбекистане. – Ташкент, 1995. – 83 С.; Голованов А.А. Крестьянство Узбекистана: эволюция социального положения. 1917-1937. – Ташкент, 1992. – 160 С.; Голованов А.А., Саидов И.М. Дехканство Узбекистана на историческом повороте второй половины XIX – первой трети XX вв. – Самарканд, 2007. – 384 С.; Зиёев Ҳ. Туркистонда Россия тажовузи ва ҳуқумронлиги қарши кураш. – Ташкент, 1998. – 475 б.; Зиёева Д. Туркистон миллий озодлик ҳаракати. – Ташкент, 2000. – 176 б.; Исақов Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867-1917). – Ташкент, 1997. – 120 С.; Хасанов Б. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы. 1917 – начало 50-х годов. – Ташкент, 2000. – 202 С.; Шамсутдинов Р. Ўзбекистонда советларнинг кулоқлаштириш сиёсати ва унинг фожеали оқибатлари. – Ташкент, 2001. – 367 б.; Его же. Истиклол йўлида шаҳид кетганлар. – Ташкент, 2001. – 415 б.; Его же. Қишлоқ фожеаси: жамоатлаштириш, кулоқлаштириш, сургун (Ўрта Осиё республикари мисолида). – Ташкент, 2003. – 542 б.; Шамсутдинов Р., Мамажонов А. Шимолий Кавказ сургунидаги юртдошлар қисмати. – Ташкент, 2005. – 335 б.

⁴⁶ Садыков Х.Д. Колониальная политика царизма в Туркестане и борьба за независимость в начале XX в.: Автореф. дисс. ... док. ист. наук. – Ташкент, 1994; Гаибназаров Ш.Г. Общественное развитие Узбекистана в 20-х годах: противоречивость политических тенденций: Автореф. дисс. ... док. политологических наук. – Ташкент, 1994; Кулиев Х.М. Складывание экономических и духовных основ тоталитарного строя в Туркестане (1917-1920): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1998; Хайдаров М.М. Централизаторская политика советской власти в Туркестане и ее последствия (1917-1924): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1998 и др.

период было также опубликовано несколько работ, а также защищены диссертации, в которых затрагивались те или иные аспекты социальной стратификации общества на территории Узбекистана.⁴⁷

Все вышеназванные работы свидетельствуют о значительном продвижении вперед исторической науки республики за годы независимости.

---

⁴⁷ Ўзбекистон тарихи: янги нигоҳ. Жадидлар ҳаракатидан миллий мустақилликка қадар. Давра суҳбати материаллари. – Ташкент, 1998. – 96 б.; Жадидчилик: ислохот, янгиликлар, мустақиллик ва тараққиёт учун кураш (Туркистон ва Бухоро жадидчилиги тарихига янги чизгилар). Даврий тўплам № 1. – Тошкент, 1999. – 220 б.; Ўзбекистон тарихининг далзарб муаммоларига янги чизгилар. Даврий тўплам № 2. – Ташкент, 1999. – 208 б.; Алимова Д.А. Историческое мировоззрение джадидов и их проекция будущего Туркестана // Туркистон мустақиллиги ва бирлиги учун кураш саҳифаларидан. – Тошкент, 1991. – Б. 8-20; Ее же. Бухара в конце XIX – начале XX века и зарождение джадидизма // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1997. – № 9-10-11. – С. 81-93; Ее же. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. – Ташкент, 2000. – 24 С.; Ее же. Национально-прогрессивное движение джадидизм и его общественно-политическая сущность. Взгляды джадидов на государственность // Очерки по истории государственности Узбекистана. – Ташкент, 2001. – С. 141-161; Ее же. Религиозная толерантность и гуманистические идеи национально-прогрессивной интеллигенции Туркестана // O‘zbekiston tarixi. – Ташкент, 2005. – № 3. – С. 12-21; Бабаджанов Б.М. Журнал «HAQIQAT» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов. – TIAS Central Eurasia an Research Series. № 1. University Tokyo. 2007 – С. 1-66; Турсунов Р. Жадидларнинг Туркистон ижтимоий-иқтисодий ҳолатига қарашлари // O‘zbekiston tarixi. – Тошкент, 2004. № 3. – Б. 60-69; Его же. XX аср бошидаги миллий матбуотида Туркистондаги ижтимоий-иқтисодий ҳаёт масалалари // O‘zbekiston tarixi. – Тошкент, 2007. – № 1. – Б. 74-86; Эркаев Б.Х. Из истории становления и развития общественно-политических идей джадидизма. Идеология младобухарцев: Автореф. дисС. ... докт. ист. наук. – Ташкент, 1993; Худайкулов А.М. Просветительская деятельность джадидов Туркестана (конец XIX – начало XX вв.): Автореф. дисС. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1995; Махмудова Г.Т. Джадидское движение в Туркестане и его влияние на развитие нравственно-эстетической мысли: Автореф. дисС. ... канд. филоС. наук. – Ташкент, 1996; Козоков Т.К. Общественно-политическое положение в Ферганской долине и джадидское движение в начале XX в.: Автореф. дисС. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2001; Ражабова Д.Н. Проблемы молодежи и женщин в воззрениях джадидов Туркестана (конец XIX – начало XX в.): Автореф. дисС. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2003; Турсунов Р.Н. Воззрения национальных прогрессистов на социально-экономические процессы в Туркестане в начале XX века: Автореф. дисС. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2008; Махкамова Н.Р. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – конец 30-х гг. XX в.). – Ташкент: «Aloqachil». – 2009; «Стратификационные процессы общества Узбекистана в контексте исторических процессов». Коллективная монография. Ташкент – 2014; Нормуродова Г. XIX аср охири ва XX аср бошларида Самарқанд вилояти аҳолисининг ижтимоий стратификацияси. – Тошкент: “Yangi nashr”. – 2013; Нормуродова Г. Бухоро амирлиги стратификацияси ва аҳоли қатламларининг жамият ҳаётидаги ўрни (1868-1920 йиллар). – Тошкент: “Навруз”. – 2019.

В то же время их анализ показывает, что при всем многообразии поднятых учеными республики проблем, проблема трансформаций социальной структуры общества на территории Узбекистана в исторической ретроспективе остается пока еще мало изученной.

Помимо охарактеризованной выше исторической литературы по избранной проблеме необходимо отметить еще один значительный историографический пласт, к которому отечественные ученые получили свободный доступ лишь в условиях независимости. Это исследования западных ученых, названных в советское время за объективную оценку, происходивших в социалистическом государстве преобразовательных процессов, «буржуазными фальсификаторами» и поэтому находившихся под строгим запретом.

Из них по интересующей нас проблеме можно выделить 2 группы:

– первая: работы по теории стратификации Питирима Сорокина, Талькот Парсонса, Макса Вебера, Милтон М. Гордона, Леонарда Бигли, Даниэль Россидеса⁴⁸ и мн. др., в которых социальная структура общества рассматривалась независимо от уровня развития производительных сил и производственных отношений;

– вторая: исследования широко известных западных ученых, например, таких как М. Чокаев, Дж. Бэргхорн, В. Монтэйль, А. Парк, Б. Хайит, М. Ривкин, Дж. Уиллер, Б. Уолш, Элен Каррер д'Анкос, Э. Оллворт, В. Линн, Шошана Келлер⁴⁹ и др., подвергавших критике

---

⁴⁸ Sorokin P. *Contemporary Sociological Theories*. – New York, 1928 - 356 p.; Sorokin P. *Society, Culture, and Personality*. New York Harper. 1947 - 420 p.; Parsons T. *The Structure of Social Action*. – New York, 1937 - 80 p.; Weber M. *The Theory of Social and Economic Organization*, translated and edited by A. Henderson and Talcott Parsons. – New York, 1947 - 450 p.; Jilas M. *The new class: An analysis of the communist system*. – London, 1957. – 160 p.; Beeghly L. *The Structure of Social Stratification in the United States*. – London, 1996 – 328 p.; Rossides D. *Social Stratification. The Interplay of Class, Race, and Gender*. – New Jersey, 1997.- 524 p.; Kraus J. *Stratifications Class and Conflict*. – New York, 1979. – 300 p; Giddens A. *Social Theory and Modern Sociology*. – Stanford, 1987. – 280 p.

⁴⁹ Chokaev (Chokai-ogly) Mustapha. *Turkestan and the Soviet Regime // Journal of the Royal Central Asian Society*, XVIII (1931) – 403-420 pp.; Его же. *Туркестан под властью советов (к характеристике диктатуры пролетариата)*. – Париж, 1935; Barghoorn G. *Soviet Russian Nationalism*. – New York. 1956; Monteil V. *Les musulmans soviétiques*. – Paris, 1957 – 150 p.; Park A. *Bolshevism in Turkestan. 1917-1927*. – New York, 1957 – 428 p.; Hayit Baymirza. *Some Problems of Modern Turkistan History*. – Dusseldorf, 1963 – 61 p.; Rywkin M. *Russia in Central Asia*. – London. 1963 – 191 p.; Wheeler G. *The modern History of Soviet Central Asia*. – Washington, 1964 – 272 p.; Wheeler G. *The peoples of Soviet Central Asia*. – London, 1966 – 126 p.; Jukeles A. *Social Change in Soviet Russia*. – Cambridge, 1968 – 220 p.; Walsh W.

сугубо классовый, политизированный подход советских историков к освещению процессов социалистического строительства в Узбекистане и особенно таких его аспектов, как социальная и аграрная политика коммунистической партии и советской власти, репрессивные меры против национальной интеллигенции и мусульманского духовенства, формирование кадров промышленных рабочих за счет приезжих из центра европейцев, путей и методов решения вопроса раскрепощения женщин, имперских позиций центра в вопросах культурного строительства и др. Эти работы были широко использованы при написании данной диссертации.

Таким образом, историографический анализ общей и специальной отечественной и зарубежной литературы показывает, что при всем разнообразии накопленных знаний, комплексное и системное исследование на современном уровне развития исторической науки трансформаций всех элементов социальной структуры общества на территории Узбекистана в исторической ретроспективе, их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействии в отечественной науке проводилось в большей степени в рамках колониального и начала советского периодов.

Актуальность и научно-практическая значимость проблемы, обусловили выбор автором темы настоящей монографии.

Russia the Soviet Union. A modern history. Michigan University Press. 1968 – 682 p.; Hellen Carrere D'Encausse. Islam and Russian Empire. University of California Press. 1988 – 190 p.; Ollworth E. The modern Uzbeks From the Fourteenth Century to the Present. – California, 1990 – 410 p.; Lynne V. The Role of the OGPU in Dekulakization, Mass Deportation, and Special Resettlement in 1930 // The Carl Beck Papers. January. 2000 – 50 p.; Keller Shoshana. To Moscow, Not Mecca. The Soviet Campaign against Islam in Central Asia. 1917-1941. Westport, Connecticut, London. 2001 – 277 p..

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ И ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ

2.1. Социальный срез общества Бухарского эмирата и Хивинского ханства

В результате завоевательных акций Российской империи во второй половине XIX в. в центральноазиатском регионе произошли серьезные политические изменения: из захваченного Кокандского ханства, частей территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства была образована новая административная единица России — Туркестанское генерал-губернаторство. Бухарский эмират и Хивинское ханство царское правительство формально сохранило самостоятельными государствами под своим жестким протекторатом. Бухарский эмир и хивинский хан лишались права вести сношения с иностранными государствами и оставались независимыми только во внутренних делах.

Точных данных о численности населения Бухарского эмирата и Хивинского ханства нет, поскольку точный статистический учет в них никогда не велся. В работах русских путешественников и исследователей XIX и начала XX вв., а также исследователей советского периода, по этому вопросу имеются различные точки зрения: в Бухарском ханстве называют число населения в два, два с половиной, три миллиона человек⁵⁰, а в Хивинском ханстве — пятисот, шестьсот, восемьсот тысяч и даже один миллион человек⁵¹. Мы

---

⁵⁰ Цифру "2 миллиона" называют: Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства. — СПб., 1843. — С. 76-76; Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — Л., 1975. — С. 106; Кисляков Н.А. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века. — М.,-Л., 1962. — С. 19; История Узбекистана. Том II. — Т., 1968. — С. 91.; "2,5 миллиона" называют: Россия. Полное географическое описание. Том 19. Туркестанский край. (подготовлен В.И. Массальским). — СПб., 1913. — С. 346; Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). — М., 1958. — С. 120; Алимов И. Аграрные преобразования в Хорезме и Бухаре (1920-1924 гг.). — Т., 1970. — С. 7; "3 миллиона" называют: Логофет Д.Н. Страна бесправия. — СПб., 1909. — С. 37; Его же. Бухарское ханство под русским протекторатом. — СПб., 1911. — С. 187.

⁵¹ Цифру "немного более 500 тысяч" называют: Россия. Полное географическое описание. Том 19. Туркестанский край. — С. 193,347; Гиршфельд. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Часть II. — Т., 1903. — С. 56; История Узбекистана. Том II. — С. 109; "около 600 тысяч" называет Алимов И. Указ. соч.. — С. 7; "800 тысяч" называют:

поддерживаем точку зрения тех авторов, которые считают, что в Бухарском эмирате население составляло 2 миллиона человек, а в Хивинском ханстве — 800 тысяч. Аргументом в пользу этого является, по нашему мнению, тот факт, что, по сведениям Комиссии по районированию Средней Азии, в 1924 г. население Бухарской народной республики составляло 1531015 человек⁵², а Хорезмской народной республики — 640844 человек⁵³. Если принять во внимание выводы демографов 20-х годов о том, что население центральноазиатского региона за годы первой мировой войны, революции и гражданской войны уменьшилось на 25%⁵⁴, то получаться выше названные нами данные о численности населения ханств.

Что касается полового состава населения ханств, то установить его вообще не представляется возможным. Известный исследователь истории и этнографии Центральной Азии В.И. Массальский писал: "Относительно распределения населения по полу в Бухарском и Хивинском ханствах, сведений не имеется, но несомненно, что преобладание мужчин, как во всех мусульманских странах, наблюдается и здесь"⁵⁵. Не была внесена ясность в этот вопрос и в 20-х годах XX в. в условиях существования БНСР и ХНСР. В материалах вышеназванной Комиссии по районированию Средней Азии говорилось: "Половой состав, как Бухары, так и Хорезма установить чрезвычайно сложно и он, как правило, нигде не указывается. При опросах мусульманского населения нельзя установить истинное число женщин, аксакалы отказываются давать эти сведения. Строго соблюдаемые обычаи и предрассудки вынуждают местную администрацию и само население постоянно скрывать не только лица своих жен и дочерей, не только имена их, но и даже число женщин в

Юлдашев М.Ю. Указ. соч. — С. 151: Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. — Т., 1972. — С. 1; "около 1 миллиона" называет: Экономическая история советского Узбекистана (1917-1965 гг.). — Т., 1966. — С. 60.

⁵² Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Часть 1. Бухара — Т., 1926. — С. 149.

⁵³ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Часть 2..Хорезм. — Т., 1926. — С. 64.

⁵⁴ Лубны-Герцык Л.И. Движение населения СССР за время мировой войны и революции. — М., 1926. — С. 60; Поляков Ю. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. — М., 1986. — С. 208.

⁵⁵ Россия. Полное географическое описание. Том 19. Туркестанский край (далее — Туркестанский край). — С.350.

семе"⁵⁶. Таким образом, можно только, согласно сведениям В.И. Массальского, считать, что мужское население в ханствах несколько преобладало над женским. В национальном отношении население Бухарского эмирата в основном подразделялось на узбеков, таджиков, туркмен, каракалпаков, казахов, а Хивинского ханства — на узбеков, туркмен, каракалпаков, казахов. В конце XIX в. в ханствах появляется компактно проживающие европейцы.

Более 60% населения Бухарского эмирата и более 90% населения Хивинского ханства было оседлым, остальная часть вела полукочевой и кочевой образ жизни. Подавляющая часть населения обеих ханств проживала в сельской местности и основным его занятием было земледелие, тесно связанное с искусственным орошением, и скотоводство. Поэтому в городах проживала относительно небольшая часть населения. Города были административными, торговыми, ремесленными, религиозно-просветительными и культурными центрами. В Бухарском эмирате, где были хорошо развиты торговля и ремесла, городское население составляло 12-14%⁵⁷. Наиболее крупным городом была Бухара — столица эмирата, с населением 75-80 тысяч человек. До конца XIX в. она была самым крупным городом Центральной Азии, центром богословия, ремесла, торговли. В ней было около 260 мечетей, более 100 медресе, крупнейший в регионе книжный рынок⁵⁸. Высокую художественность и большое разнообразие архитектуры бухарских мечетей особо отмечал в своих путевых впечатлениях Е.К.Мейендорф⁵⁹. Бухара отличалась от других городов более высоким уровнем культуры, зажиточностью средних слоев населения, среди которых была значительно шире распространена грамотность. По данным обследования Института тропических заболеваний в 1926 г. в г. Бухаре грамотных было в среднем 39,8% горожан, причем, среди мужчин грамотные составляли 46%, женщин — 13,4%⁶⁰.

---

⁵⁶ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Часть 1. Бухара. — С. 155.

⁵⁷ Туркестанский край. — С. 346; Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. — С. 187.

⁵⁸ Сухарева О.А. Бухара. XIX — начало XX в. (позднефеодальный город и его население). — М., 1966.; Ремпель Л.И. Далекое и близкое. Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. — Т., 1981.

⁵⁹ Мейендорф Е.К. Указ. соч. — С. 99;

⁶⁰ Сухарева О.А. Бухара. XIX — начало XX в. (позднефеодальный город и его население). — С. 104.

Другими наиболее значительными городами эмирата были: Карши — 20 тысяч, который славился своими ткачами, кожевниками, медниками и Шахрисябз — 18 тысяч населения, славившийся кожевниками, сапожниками, гончарами⁶¹. В отличие от Бухарского эмирата, в Хивинском ханстве городская жизнь была развита более слабо и городское население составляло только 7%⁶². Столица ханства г. Хива насчитывал 19 тысяч жителей⁶³. Это был торговый, ремесленный и культурный центр, в котором было 79 мечетей, 64 медресе, в ханском дворце Нурла-бай была обширная библиотека, стены дворца были украшены мраморными досками с выгравированными на них стихами восточных авторов⁶⁴.

Во второй половине XIX в. Бухарский эмират и Хивинское ханство были типичными феодальными государствами с деспотической формой правления. В руках бухарского эмира и хивинского хана была сосредоточена вся законодательная, административная и высшая судебная власть⁶⁵. В них сохранилась практически в неприкосновенном состоянии не только средневековая политическая форма власти, но и средневековая сословная социальная структура. В обоих ханствах общество делилось на сословия: служилое (сипо) — беки, мирзы; духовное (улямо) — ишаны, ходжи, сеиды, шейхи, имамы, муллы; простонародье (фукаро) — купцы, ремесленники, дехкане. Принадлежность к определенному сословию определяла положение человека в общественной иерархии. Первое и второе сословия занимали в обществе высокое положение, обладали значительными как наследственными, так и пожалованными привилегиями. Отличительной чертой сословного деления ханств было то, что кроме социальных групп сеидов и ходжей, входивших в духовное сословие, сословия и входившие в них социальные слои и группы не были отделены друг от друга непроеходимой стеной. Человек незнатного рода,

---

⁶¹ Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). — Т., 1958.

⁶² История Узбекистана. Том II. — С. 109.

⁶³ Гиршфельд. Указ соч. — С. 128.

⁶⁴ Погорельский И.В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873-1917 гг.). — Л., 1968. — С. 45; Рахманов А. К истории топографии Хивы XVI-XIX веков. // Общественные науки в Узбекистане. 1997. № 7-8. — С. 18-19.

⁶⁵ Подробно о государственном устройстве ханств см.: Семенов А.А. Очерк устройства центрального и административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. // Труды АН Тадж ССР, Том 25. — Душанбе, 1954; Юлдашев М.Ю. Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы. — Т., 1960.

выдвинувшийся на эмирской службе, получив чины и должность, попадал в сословие "сипо", с другой стороны, семьи "сипо", обеднев или лишившись должности, превращались в простонародье — "фукаро". Точно также выходцы из низшего сословия, окончив полный курс медресе и получив высшее мусульманское образование, могли стать казиями, имамами, муллами, то есть попадали в высшее духовное сословие. Именно потому, что сословия при известных условиях могли смешиваться, и человек не был абсолютно замкнут в своем кругу, в Центральной Азии не сложился кастовый строй.

В привилегированное сословие "сипо" входили лица, имевшие чины. В Бухарском эмирате было 13 гражданских чинов и 5 — военных. Лица, имевшие гражданские чины, получали право особого кормления за счет дехканства, имевшие военные чины, получали жалованье. Причем наличие чина не обязательно было связано с исполнением его обладателем каких-либо административных должностей или обязанностей. Поэтому в служилое сословие входили: родовая знать, крупные феодалы, придворные, чиновники, занимающие должности в административном аппарате или в армии. В XIX в. административный аппарат Бухарского эмирата, который формировался раньше преимущественно из родовой знати, начинает пополняться также выходцами из неродовитой части населения, более того, нередко были даже случаи, когда "за деловые качества и заслуги различных чинов и званий достигали рабы-персы"⁶⁶. В Хивинском ханстве пополнение привилегированного служилого сословия не только из родовой знати, а и из других слоев населения в XIX в. получило особенно широкое распространение среди начальников войска нукеров. Нукеры были вооруженной силой, которая в первую очередь поддерживала власть хана и феодалов. В мирное время они несли службу в полиции, а в военное время — в войсках. За свою службу они получали земельный надел от 5 до 50 танапов и были в основном из зажиточных крестьян. Нести нукерскую службу было настолько выгодно, что в конце XIX в. в ханстве около 6% крестьян служили нукерами⁶⁷. По численности служилое сословие, по сравнению с другими сословиями, было незначительным, но в его руках была сосредоточена большая светская власть и значительные материальные богатства.

Особое место в социальной структуре общества Бухарского эмирата и Хивинского ханства занимало духовенство. Высшее

---

⁶⁶ Семенов А.А. Указ соч. — С. 14.

⁶⁷ Иванов П.П. Архив хивинских ханов XIX в. — Л., 1940. — С. 22,23.

духовенство состояло из потомственных родов сеидов (потомки пророка Мухаммеда), ходжей (потомки первых четырех "праведных" халифов), а также богословов, законовевов, знатоков шариата, преподавателей медресе. Большую силу составляли разнообразные дервишские ордена, возглавлявшиеся ишанами. По свидетельству Мухаммад Юсуф Мунши, их власть была сильнее власти ханов и эмиров. У многих число их последователей — мюридов нередко доходило до десятков тысяч и все они представляли своеобразное братство, объединенное слепым подчинением единой воле своего наставника. В руках ишанов были сосредоточены огромные земельные угодья, лавки, караван-сарай, были даже своего рода династии ишанов⁶⁸. В составе духовенства значительное число составляли рядовые священнослужители приходских мечетей и низшая его прослойка — хранители многочисленных мазаров и профессиональные проповедники.

В Бухарском эмирате духовенство составляло около 1% населения⁶⁹. Численность его в Хивинском ханстве была приблизительно такая же. Ф.Ходжаев писал о духовенстве: "Это вышколенная, грамотная армия, хорошо организованная, дисциплинированная и обладающая, кроме того, большими материальными ресурсами, вакуфными землями"⁷⁰. В начале XX в. хивинскому духовенству принадлежало 165-170 тысяч танапов земли, тогда как государственные пахотные земли занимали 86 тысяч танапов⁷¹. Что же касается Бухарского эмирата, то известно, что в начале 20-х годов XX в. в распоряжении Бухарского вакуфного управления находилось 278500 танапов земли⁷². Духовенство оказывало сильное влияние на государственную политику, ему принадлежали судебная власть, исключительное право толкования законов шариата, составление юридических решений, вся сфера образования, духовная и религиозная власть. Служилое и духовное сословия находились на верху социальной лестницы ханств и составляли их сословную и финансовую аристократию, освобожденную от налогов.

Основная часть населения ханств принадлежала к третьему

---

⁶⁸ Мухаммад Юсуф Мунши. Муким-ханская история. — Т., 1956.

⁶⁹ Ходжаев Ф. Избр. труды. Том I. — С. 81.

⁷⁰ Там же. — С. 82.

⁷¹ Юлдашев М. Указ. соч. — С. 36, 37.

⁷² История Узбекистана. Том II. — С. 98.

сословию — "фукаро", которое несло на себе все тяготы налогового бремени. Оно было представлено такими слоями населения как купцы, ремесленники, дехкане, городское обслуживающее население. В общей массе слоев третьего сословия более высокое социальное положение занимали купцы, при обращении к ним прибавлялось слово "достопочтенный". Особенно значительным был этот слой в Бухарском эмирате, который издревле имел широкие торговые связи, являлся перекрестком торговых путей Востока и Запада, "средоточием среднеазиатской караванной торговли"⁷³. Обширный слой купечества подразделялся на различные группы в зависимости от масштабов торговых операций и сфер деятельности. Были крупные купцы, занимавшиеся оптовой торговлей (саудогар), торговлей в лавках занимались лавочники (дукондор), очень много было торговцев в разнос. В торговом процессе участвовали также определенные группы, связанные с организацией торгового процесса: маклеры — посредники при заключении торговых сделок; грамотные, хорошо подготовленные приказчики — клерки (мирзо), которых имели все крупные купцы; посредники при покупке товаров в кредит (косыды); а также было значительное число людей, обслуживающих караван-сарай и торговые ряды. Кроме того, торговлей очень часто занимались ремесленники, имевшие на базаре мастерскую-лавку, в которой они сами продавали свою продукцию. Именно в силу этого практически невозможно было из-за отсутствия четкого разделения торговых и производственных функций даже приблизительно определить число, как купцов, так и ремесленников и кустарей. Например, в налоговых тетрадах архива хивинских ханов приводится список ремесленников и торговцев г. Хивы, в котором значились — 44 бакалейщика, 6 продавцов кошм, 20 продавцов деревянных чашек, 26 токарей, 35 медников, 37 продавцов чая и табака, 3 торговца лесом, 27 продавцов мыла, 18 кожевников, 18 продавцов вареных бараньих голов и рыбы, 11 торговцев солью, 47 красильщиков материи, 31 торговец шелком, 12 свечников, 40 сапожников, 12 золотых дел мастеров и т.д.⁷⁴ В этом списке обращает на себя внимание то, что вряд ли деревянными чашками, мылом, кошмами, бараньими головами торговали посредники, это конечно же были сами их изготовители-ремесленники, а они в данном списке значатся как торговцы.

Бухарские купцы торговали каракулем, хлопком, коконами,

---

⁷³ Баргольд В.В. Соч., Том IX, — С. 512.

⁷⁴ Иванов П.П. Архив хивинских ханов. — С. 138-139.

тканями, коврами, золотошвейными изделиями, лекарственными растениями, хивинские купцы вывозили хлопок, каракуль, кожи, ковры, ювелирные украшения. Среди крупных купцов существовала известная специализация по торговле определенными товарами. Так, в Бухарском эмирате каракулем торговали Убайдулло-ходжи Насреддин-бай, Абдурауф-корвон-боши, Ходжи Джурабек, известный в России и даже в Западной Европе, Ходжи Джурабек Арабов, Юсуф-бай и Мумин-бай Мукумбаевы; хлопком — Мулло Абдувахоби-паши, Домулло Шарификичири и др.⁷⁵. Бакалейными и галантерейными товарами торговали хивинские купцы Матъякуб Ирназаров, Мухаммад-Вафа Баккалов, Ирназар Аллакулов, мануфактурой — Курбан-Нияз Палваниязов, Рамаз Давлетбаев, Мадрасул Аллакулов, Юсупджан Аминджанов и др.⁷⁶. Бухарские и хивинские купцы вели обширную торговлю прежде всего с Россией. Например, в 1882 г. на Нижегородскую ярмарку ими было привезено товаров почти на 7 миллионов рублей, что составило 3% к общему числу всех товаров привезенных на ярмарку в этот год⁷⁷. Именно купеческие капиталы явились основой создания и развития в ханствах в конце XIX в. промышленного производства, а из крупных купцов начала формироваться национальная торгово-промышленная буржуазия.

Решающее значение в обеспечении населения ханств орудиями труда, предметами быта и продуктами питания имело ремесленное производство, а участники этого процесса — ремесленники занимали значительное место в хозяйственной жизни и социальной структуре феодального общества. Они располагались главным образом в городах и больших селениях. Характер расселения ремесленников и размещение отраслей производства на их территориях были не случайными: они определялись либо историческими традициями, либо целесообразностью, либо профессиональными или родственными связями.

Значительное развитие получило ремесленное производство в Бухарском эмирате. Из-за благоприятного положения эмирата на караванных торговых путях оно здесь являлось товарным производством, что способствовало его полному отделению от

---

⁷⁵ Сухарева О.А. Бухара. XIX-начало XX в. — С. 242.

⁷⁶ Садыков А.А. Города Хивинского ханства в конце XIX — начале XX в.//Научные труды ТашГУ. Вып. 441. — Т., 1973. — С. 67.

⁷⁷ Садыков А.А. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начала XX вв. — Т., 1965. — С. 65.

земледелия. Для ремесленников эмирата была характерна глубокая специализация производства, основанная на ручном труде. "Бухарские ремесленники, — пишет известный этнограф О.А. Сухарева, — располагали множеством вариантов инструментов, приспособлений для определенных операций. Но все же решающее значение имели руки — их ловкость и умелость, которые и ныне вызывают восхищение"⁷⁸. Самым крупным центром ремесленного производства в эмирате был г. Бухара, где ремесленники вместе с семьями составляли более 25% горожан⁷⁹. В середине XIX в. в Бухаре насчитывалось около 100 отдельных отраслей ремесла, из которых наиболее значимыми были обработка металла, хлопкового волокна, шелка, кож, изготовление одежды, пищевых продуктов, предметов быта. Значительное число составляли ремесленники занимавшиеся строительными работами.

В Хивинском ханстве, где торговля не имела такого развития, как в Бухарском эмирате, ремесленное производство развивалось несколько иначе. В городах ремесленники работали почти исключительно для нужд горожан, но разделение труда у них было слабым и ремесленное производство было очень тесно связано с торговлей, то есть производитель сам продавал свой товар. Из-за известной замкнутости хозяйственной жизни в ханстве ремесло было широко развито в сельской местности. Большинство сельских ремесленников работали по заказу односельчан из их материалов и получали за свой труд деньгами или натурой. Было и домашнее производство. Как правило, в своем большинстве ремесленным производством в сельской местности занимались дехкане не имевшие собственной земли, или имевшие очень маленькие наделы, которые не позволяли им прокормить свою семью. В сельской местности хивинского ханства были распространены мукомольный промысел, очистка хлопка, изготовление пряжи. Одним из наиболее распространенных видов домашнего производства было ткачество, тогда как в городах оно почти отсутствовало. В конце XIX в. с развитием товарно-денежных отношений в Хивинском ханстве усиливается процесс отделения ремесла от земледелия, появляются селения, в которых концентрируются крестьяне-ремесленники различных профессий, не имевшие возможности прокормиться заказами односельчан. Они образовывали так называемую "мечеть" —

---

⁷⁸Сухарева О.А. Бухара. XIX.- начало XX в. — С. 230.

⁷⁹ Там же. — С. 190.

"касб каъла биватани" — торгово-промышленное село⁸⁰.

У городских ремесленников бухарского эмирата и хивинского ханства сохранялась средневековая цеховая организация ремесла, которая прочно поддерживала единые для каждой профессиональной корпорации нормы и порядки на основе "рисоля". У сельских ремесленников таких корпораций не было. У центральноазиатских ремесленников в большинстве своем была двухчленная система производственных отношений: мастер — "усто" и ученик — "шогирд" (причем ученичество было длительным), но была и трехчленная система: мастер — "усто", наемный мастер — "хальфа" и ученик — "шогирд". Двухчленная система была распространена в таких ремесленных промыслах, как кузнечный, кондитерский, сапожный и др., а трехчленная — в ткацком, чугунолитейном, отчасти золотошвейном. Состоятельный бухарский "усто" конца XIX — начала XX вв. также был потенциальным источником зарождающейся национальной буржуазии.

Помимо купцов и ремесленников в городах Бухарского эмирата и Хивинского ханства был еще и такой социальный слой, как градообслуживающее население. В него входили: водоносы, уборщики улиц, банщики, чайханщики, парикмахеры, знахари, а также многочисленная прислуга у богатых людей. У них также были свои корпоративные, профессиональные объединения. Этот слой выполнял большую работу, создавая городскую инфраструктуру.

В низу социальной лестницы Бухарского эмирата и Хивинского ханства находилось дехканство — самый многочисленный слой, составлявший более 90% населения этих аграрных государств. Вся земля в ханствах распределялась на категории: 1) частновладельческие, освобожденные от податей (мильковые); 2) частновладельческие, облагаемые поземельной податью (хараджные); 3) пожалованные религиозным учреждениям (вакфные); 4) государственные (амляковые). Дехкане владели хараджными и частично амляковыми землями (за них они выплачивали налог-ренту), в основном же амляковые земли жаловались эмиром и ханом сословию "сипо", превращались в потомственные владения и передавались по праву наследования. Практически из всех земель, пригодных для земледелия,

---

⁸⁰ Садыков А.О. Ремесленники Хивинского ханства в конце XIX — начале XX в. // Труды ТашГУ. Вып. 281. — Т., 1966. — С. 35, 36; История Хорезма с древнейших времен до наших дней. — Т., 1976. — С. 127.

дехкане владели в Бухарском эмирате 15,2%⁸¹, а в Хивинском ханстве — 1/10⁸² земель и основными производителями были не дехкане — собственники земли, а дехкане — издольщики, арендовавшие землю у эмира, феодалов и духовенства, они платили разнообразные подати и несли многочисленные повинности. Средний надел дехканского хозяйства в ханствах колебался от 1,5 до 2,5 танапов земли⁸³. Тем не менее, регион обеспечивал себя необходимыми продовольственными продуктами и некоторую сельскохозяйственную продукцию вывозил за границу на продажу.

Рассматривая социальный срез общества Бухарского эмирата и Хивинского ханства во второй половине XIX в., с нашей точки зрения, необходимо обязательно выделить в нем еще один слой населения — интеллигенцию. Она не входила в сословную структуру общества, но была весьма значительной его частью, как по своей численности, так и по значимости. Это был слой людей, которые владели знаниями в различных областях человеческой деятельности, сохраняли, приумножали эти знания и передавали последующим поколениям. Их называли "зиёли" — "несущие свет". Это не была сословная категория или замкнутая каста, в которой знаниями владел узкий круг людей определенного сословия или социального слоя, закрытый для представителей других сословий и слоев. Наоборот, в центральноазиатском обществе он был открыт и пополнялся из наиболее талантливых и стремящихся к знаниям представителей всех слоев населения.

В исторической литературе на сегодняшний день нет единого мнения о составе интеллигенции и ее роли в обществе центральноазиатского региона. Прежде всего, большая часть исследователей считает, что интеллигенция центральноазиатского общества была незначительной прослойкой, а о ее составе имеются следующие точки зрения: что в нее входили люди, занимавшиеся умственным трудом, не связанные с религией: клерки-мирзо, писцы правительственных учреждений, переписчики книг, поэты, наиболее квалифицированные ремесленники⁸⁴; что входили — низшее духовенство, учащиеся медресе, писцы-секретари, служащие

---

⁸¹ История Узбекистана. Том II. — С. 96.

⁸² Юлдашев М. Указ. соч. — С. 129.

⁸³ Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). — Т., 1959. — С. 34, 35.

⁸⁴ Сухарева О.А. Бухара. XIX — начало XX в. — С. 313.

административного аппарата⁸⁵; что мусульманская интеллигенция состояла в основном из духовенства, так как одной из его функций было обучение населения элементарной грамотности и религиозным традициям⁸⁶.

Внимательное изучение социальной структуры общества центральноазиатских ханств позволяет утверждать, что интеллигенция в них, прежде всего, являлась самостоятельным слоем, принадлежность к которому не определялась ни происхождением, ни социальным положением, не могла быть пожалована властью и не передавалась по наследству. Этот слой включал в себя представителей самых различных профессий и социальных групп. Прежде всего, к ней относилось духовенство (за исключением, по нашему мнению, хранителей мазаров и бродячих проповедников). Это были ученые-теологи, правоведы, преподаватели медресе и мактабов, исполнители мусульманской юриспруденции, служители мечетей, которые являлись духовными наставниками населения. Все они были образованными людьми своего общества, хранителями его духовно-нравственных начал, воспитателями и наставниками молодого поколения на основе этических принципов религии Ислама. Среди них было много людей с широким, не только религиозным диапазоном знаний, знатоков восточной философии, поэзии и литературы, собирателей прекрасных библиотек, активных участников общественной жизни. Необходимо особо отметить значение духовенства, как составной части интеллигенции центральноазиатского общества, в функционировании его системы образования, поскольку учебные заведения в регионе — мактабы и медресе — были конфессиональные и преподавали в них только люди духовного звания. Вполне правомочно считать составной частью интеллигенции и учащихся медресе, которые после довольно продолжительного обучения могли стать муфтиями, казиями, мудarrisами и т.д.

Большую роль в интеллектуальной жизни центральноазиатского общества играла творческая интеллигенция. XIX в. был представлен такими известными именами бухарских и хивинских ученых-историков, как Ахмад Дониш, написавший труд "Жизнеописания эмиров благородной Бухары от эмира Данийала до времени эмира Абдалахада"; Мирзо Абдал Азим Бустони — "История

---

⁸⁵ Кисляков Н.А. Указ. соч. — С. 39.

⁸⁶ Рабич Р.Г. Формирование и развитие социально-классовой структуры Узбекистана. — Т., 1991. — С. 13.

мангытских государей", "Подарок шаху"; Мирзо Салим бек — "История (Салими)"; Мухаммад Шариф садр Зийа "История", "Упоминание о чинах и должностях узбекских государей", "История памятников старины и древних зданий благородной Бухары"; Мухаммад Юсуф мунши — "Муким-ханская история"; Садриддин Айни — "История мангытских эмиров Бухары"; Мирзо Шамс Бухари — "Описание Бухарского ханства в первой четверти XIX века"; Шир-Мухаммад-мираб (Мунис) и Мухаммад-Риза-мираб (Агахи), создавших труд "Райский сад благоденствия", в котором была описана история Хивинского ханства XVI-XIX вв.; Мухаммад-Юсуф-бек (Баяний) — "Родословная хорезмшахов" и др. В творческую интеллигенцию входили также просветители, поэты, музыканты. Широко известны имена Ахмада Дониша, Садриддина Айни, Лутфи, Гулханий, Хайрата, Аваз-отар-оглы, Палваняз Мухаммада Мирзо-баши (Комила Хоразмий), Бердаха, Баяний, Мутриб хана Харабий и мн. др.

К творческой интеллигенции можно отнести, с нашей точки зрения, лучших ювелиров, чеканщиков, вышивальщиков золотом, которые были прекрасными художниками и людьми большой культуры. В постоянном творческом поиске они создавали высокохудожественные произведения, известные далеко за пределами региона. Их искусством восхищались посетители многих всероссийских и всемирных выставок конца XIX — начала XX вв. К интеллигенции можно отнести также чиновников государственных структур; клерков-мирзо, служивших приказчиками у купцов (причем эта группа постоянно росла с развитием товарно-денежных отношений в регионе); писцов и каллиграфов, которые были особо почитаемы в восточном обществе. В историю вошли имена таких крупных каллиграфов, как родоначальник крупной школы бухарских каллиграфов в XIX в. Домулло Бобо-бек, его ученики Умар-Ходжа и Мирзо Содик Джондори, хивинский придворный каллиграф и резчик печатей Худой-Берген-диван. К интеллигенции надо отнести врачей-табибов. Причем, речь идет не о знахарях, лечивших на основе знаний, полученных эмпирическим путем и передающихся по наследству, а о врачах, окончивших полный курс медресе, изучивших, накопленные поколениями ученых табибов, знания, изложенные в специальных трактатах, затем прошедших курс ученичества у известных усто-табибов и только после полученного у усто разрешения приступающих к самостоятельной работе. Центральноазиатские табибы хорошо знали лечебные свойства трав, столетиями складывавшиеся рецепты лекарств.

В состав интеллигенции входили специалисты, владеющие техническими знаниями — мирабы, меъмору, мухандисы.

Все вышеперечисленные группы образованных и полезных обществу специалистов в целом и составляли весьма значительный и заметный слой центральноазиатского общества — интеллигенцию. Они скрупулезно накапливали, приумножали, сохраняли и распространяли опыт предшествующих поколений, материальные и духовные богатства своего народа, были носителями его великих традиций.

Самую низшую ступень социальной лестницы в обществе занимали рабы. О численности рабов в ханствах у ученых имеются различные точки зрения: от 20 тысяч до 80 тысяч в Хивинском ханстве и от 20 тысяч до 50 тысяч в Бухарском эмирате⁸⁷. Профессор А. Хамраев, специально занимавшийся проблемой рабства в центральноазиатских ханствах, считает, что в Бухарском эмирате один раб приходился в среднем на 50 человек свободного населения, а в Хивинском ханстве — на 25 человек⁸⁸. Таким образом получается, что в Бухарском эмирате было рабов до 40 тысяч, а в Хивинском ханстве — чуть более 30 тысяч. Рабы состояли главным образом из захваченных в плен персов и русских. Они использовались в сельском хозяйстве, домашних работах, кустарном производстве, но их труд не служил основой местного производства. И хотя работорговля была запрещена по предписанию Туркестанского генерал-губернатора в Бухарском эмирате в 1868 г., а в Хивинском ханстве — в 1873 г., рабство в них продолжало неофициально существовать и в начале XX в.

Такова была социальная стратификация общества Бухарского эмирата и Хивинского ханства в конце XIX в. Установив протекторат над этими государствами, российский царизм сохранил в них феодально-деспотический строй и весь бытовой уклад жизни, но искусственно задержать развитие новых отношений не мог. Политические и социально-экономические изменения, происходившие в центральноазиатском регионе во второй половине XIX в., не могли не отразиться на устоявшейся, строго регламентированной жизни ханств. Вассальная зависимость и особенно включение в 1895 г. ханств в российскую таможенную систему и последующее строительство Закаспийской и Оренбургской железных дорог все больше втягивали их

---

⁸⁷ См.: Аминов А.М. Указ.соч. — С. 38, 39; Иванов П.П. Очерки истории Средней Азии. — С. 164.

⁸⁸ Хамраев А. Несколько документов о рабстве в узбекских ханствах.//Труды ТашГУ. Вып. 281. — Т., 1966. — С. 31.

в орбиту новых экономических отношений. В конце XIX — начале XX в. экономика ханств начинает терять замкнуто-натуральный характер, развиваются товарно-денежные отношения, идет процесс активного проникновения российского капитала. Ханства все больше превращаются в сырьевой придаток России. В этот период из Бухарского эмирата в Россию вывозилось продукции на 14 миллионов рублей, а ввозилось — на 15 миллионов рублей в год⁸⁹; из Хивинского ханства вывозилось — на сумму около 4 миллионов рублей, а ввозилось — почти на 8 миллионов рублей⁹⁰. Таким образом, ввоз превышал вывоз, то есть все вывезенное из ханств возвращалось не деньгами, а товарами и предметами вывоза было почти исключительно сырье, а ввоза — обработанные материалы.

В конце XIX — начале XX в. в ханствах начинают строиться промышленные предприятия по первичной переработке сырья. Строились они как российскими предпринимателями, так и местными. В начале XX в. в Бухарском эмирате было 35 хлопкоочистительных, 3 маслобойных, 3 кишечных 1 шерстоочистительный, 10 кирпичных заводов⁹¹; в Хивинском ханстве — 9 хлопкоочистительных, 4 маслобойных, 11 кирпичных, 4 кожевенных заводов⁹². Как видно, преобладали хлопкоочистительные заводы, причем, в Бухарском эмирате они строились преимущественно в русских поселениях, а в Хивинском ханстве — там, где были значительные хлопковые базары⁹³. В этот же период в ханствах открываются представительства крупных российских фирм, филиалы российских банков, создаются торгово-промышленные акционерные товарищества совместно с местными обладателями больших капиталов.

Все эти новшества повлекли за собой процесс изменений в социальных отношениях и социальной структуре общества ханств: начинается формирование национальной торгово-промышленной буржуазии из крупных купцов, феодалов, ханских чиновников. В Хивинском ханстве к числу наиболее крупных представителей национальной буржуазии относились Салимджанов, Мануйлов, Самандаров, Аманов, братья Баккаловы (причем, последние были

---

⁸⁹ НА Уз, ф. И-3, оп. 1, д. 117, л. 25.

⁹⁰ Погорельский И.В. Указ. соч. — С. 58.

⁹¹ НА Уз, ф. И-3, оп.1, д. 335, л.4, 5.

⁹² Садыков. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. — С. 65.

⁹³ Фомченко А.П. Русские поселения в Бухарском эмирате. — Т., 1958, — С. 15; Садыков А. Указ. соч. — С. 67.

ближайшими сановниками хана); в Бухарском эмирате — Асадов, Мухамеджаев, Тюраходжаев, братья Арабовы, братья Вадьяевы и др. Основная часть местной буржуазии занималась торговлей, посредничая с русскими заготовительными фирмами и реализуя русские промышленные изделия. Было и небольшое число предпринимателей, занимавшихся строительством предприятий.

Промышленное и железнодорожное строительство обусловили также начало процесса создания в ханствах местных промышленных рабочих. Но поскольку техническая оснащенность этих промышленных предприятий была крайне низкая, подавляющее большинство из них работало сезонно и не применяло машинных двигателей, требовавших квалифицированных кадров, то основную массу их рабочих составляли сезонные дехкане-отходники, не имевшие никакой рабочей квалификации, исполнявшие черную, подсобную работу. Промышленными рабочими они могли считаться только условно. Квалифицированными рабочими на предприятиях ханств работали приезжие русские рабочие.

Из-за отсутствия статистических данных установить численность, как местных предпринимателей, так и промышленных рабочих в ханствах не представляется возможным. Можно только предполагать, что число, как тех, так и других было еще очень незначительно.

В конце XIX в. в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве в противовес, господствовавшей в культурной сфере, религиозной схоластике появляются новые культурные веяния. Их носителями были передовые представители интеллигенции, положившие начало процессу формирования новой джадидской интеллигенции из людей, получивших к тому времени образование в светских школах региона или же в России, Европе, Турции, а также из передовых представителей духовенства. Они выступали за широкое просветительство, реформирование школьного образования, развитие издательского дела.

Развивающейся экономике нужны были люди, обладающие новыми знаниями, которых не давали мактабы и медресе. По инициативе купцов, предпринимателей в ханствах, как и в Туркестанском генерал-губернаторстве, начинают открываться русско-туземные школы. В Хивинском ханстве первая такая школа была открыта в 1887 г. в г. Хиве по инициативе поэта и известного государственного деятеля Комила Хоразмий. В мае 1892 г. "от мусульманских жителей и торговцев г. Бухары, желающих дать детям первоначальное образование", на имя Российского политического

агента в Бухаре поступило прошение с просьбой "открыть школы, в которых будут преподаваться русский язык и арифметика"⁹⁴. Такая школа была открыта в Новой Бухаре в 1894 г. Но передовые мыслящие люди понимали, что помимо открытия русско-туземных школ, настало время реформирования мусульманского школьного образования. В начале XX в. джадидская интеллигенция начинает активно выступать за введение в школах ханств нового метода преподавания и создание нового типа мусульманских школ — новометодных мактабов. Первые попытки открыть такие школы предпринимаются в Бухарском эмирате в 1903-1907 гг. Но они встретили яростное сопротивление клерикального духовенства и крупных феодалов и официальное разрешение на открытие таких школ не было получено. Поэтому в крупных городах эмирата стали создаваться частные новометодные мактабы. Нам известны школы: Мукамильэддина Махзума (обучалось 50 учеников), Гияса Махзум Хусни, Осман Ходжи (обучалось по 200 учеников), Ишана Хамида Ходжи (обучалось 100 учеников), муллы Вафа (обучалось 80 учеников). Но и эти частные школы под давлением реакционных сил 5 июля 1914 г. приказом эмира были закрыты и до 1920 г. официально новометодные мактабы в Бухарском эмирате были запрещены. Правда, сохранились сведения, что "несколько десятков нелегальных школ продолжали работать в частных домах" даже после издания эмирского указа⁹⁵.

В Хивинском ханстве попытки открытия нового типа мактабов также не получили одобрения со стороны клерикальных кругов. "Косное большинство и особенно духовенство, — писал в начале XX в. известный востоковед А.Н.Самойлович, — относятся пока весьма враждебно к вполне разумным попыткам лучших хивинских людей реформировать старую мусульманскую начальную школу"⁹⁶. Тем не менее, имеются сведения, что несколько новометодных мактабов в крупных городах ханства все же были открыты: в 1905 г. в Новом Угенче, в 1906 г. — в г. Хиве, в 1907 г. — в Кунграде и Гурлене⁹⁷. Можно предполагать, что они также, скорее всего, были частными. Педагоги русско-туземных и ново-методных мактабов внесли большой вклад в формирование новой национальной интеллигенции в Бухарском

---

⁹⁴ НА Уз, ф. И-3, оп. 1, д. 53, л. 13.

⁹⁵ Умняков И.И. К истории новометодной школы в Бухаре.// Бюллетень САГУ, 1927, № 16, С. 83-93.

⁹⁶ Цит. по кн.: Садыков А. Россия и Хива. — С. 82.

⁹⁷ История Хорезма с древнейших времен до наших дней. — Т., 1976. — С. 147.

эмирате и Хивинском ханстве, при этом надо отметить, что многие из них в начале XX в. были люди духовного звания.

Огромное значение для духовного развития общества ханств в этот период имела деятельность известных общественных деятелей и просветителей. В Бухарском эмирате из многих имен, прежде всего надо отметить Ахмада Дониша. Обращаясь к молодому поколению, он писал: "Не будьте нерадивы в изучении наук и знаний, которые необходимы людям, защищайте интересы общества... Конечная цель внутренних устремлений человека состоит в том, чтобы побудить людей к овладению знаниями, дабы эти науки вечно развивались на земле"⁹⁸. Большой общественный резонанс имели высказывания бухарского муфтия Домулло Икрама, открыто критиковавшего порядки в Бухаре и поддерживавшего открытие новометодных мактабов.⁹⁹ Значительный вклад в пропаганду новых знаний внесли, издававшиеся в г. Бухаре, газеты: "Бухаро-и-Шериф" (выходила с 11 марта 1912 г. по 2 января 1913 г., ответственным редактором был переводчик Политического агентства России в Бухаре Хайдар Ходжа Мирбадалов, редактором — Мирзо Джелал Юсуфзаде, вышло 153 номера) и "Туран" (выходила с 14 июля 1912 г. по 2 января 1913, редактором был Гияс Махзум Хусни, вышло 49 номеров)¹⁰⁰. В Хивинском ханстве широко проявилась культурно-просветительская деятельность Комила Хоразмий, Бердаха, Баяни, Мутриб хана Харабий, Атаджана Абдалова — мастера первой литографии, открытой в Хиве в 1874 г. Все они внесли большой вклад в процесс продвижения ханств по пути прогресса.

Политические и экономические события второй половины XX в. в жизни Бухарского эмирата и Хивинского ханства обусловили образование в социальной структуре их общества еще одной группы населения, которая консолидируется не по сферам производственной деятельности, месту проживания или материальному достатку, а по подданству и которую надо также коротко охарактеризовать, рассматривая социальный срез общества ханств в рассматриваемый период. Речь идет о российских подданных, поселившихся на территории ханств после установления в них протектората Российской империи. В Бухарском эмирате они появились в начале 80-х годов XIX

---

⁹⁸ Ахмад Дониш. В назидание детям о пользе ремесел и занятий. Избранное. — Душанбе. 1960. — С. 205.

⁹⁹ Умняков И.И. Указ. соч. — С. 90.

¹⁰⁰ Там же. — С. 91.

в. в русских гражданских поселениях вокруг военных крепостей Керки, Чарджоу, Термез, Патта-Гиссар. После учреждения в январе 1886 г. представительства России в Бухаре на территории эмирата основываются крупные русские населенные пункты: Новая Бухара (Каган), Фараб, Сарай, Эмирабад. Возникновению последних в известной мере содействовали российские предприниматели, купцы, чиновники, ремесленники, проезд которых в эмират усилился после строительства Закаспийской железной дороги и открытия судоходства по Амударье. В административном и судебном отношении они подчинялись только политическому агенту и пользовались на территории эмирата большими льготами. Политагенство имело в своем распоряжении 458 человек административно-судебного аппарата, конно-иррегулярный полк (850 человек), 183 почтово-телеграфных служащих, 129 человек медицинского персонала¹⁰¹. По Всероссийской переписи 1897 г. в эмирате проживало 12150 российских подданных¹⁰². Имеются данные, что в начале XX в. их было около 60 тысяч (включая военнoслужаших)¹⁰³. Национальный состав жителей этих поселений был разнообразный — русские, армяне, татары, евреи, персы и др. В русских поселениях Бухарского эмирата были преимущественно сосредоточены основные промышленные предприятия, русские и русско-туземные школы, почтово-телеграфные конторы, отделения российских банков, лечебные учреждения, фельдшерские пункты. Управление русскими поселениями было основано на полном невмешательстве бухарских властей в их внутреннюю жизнь, на экстерриториальности и самостоятельности юрисдикции над русским населением. Российский политический агент в Бухаре пользовался правами военного губернатора в отношении русских административных учреждений и российских подданных, проживающих в бухарском эмирате.

В Хивинском ханстве российских подданных было значительно меньше, чем в Бухарском эмирате. По данным Всероссийской переписи 1897 г. их проживало почти 4 тысячи¹⁰⁴. В начале XX в. число их

---

¹⁰¹ Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. — С. 302-316.

¹⁰² Россия. Полное географическое описание. Том 19. Туркестанский край. — С. 346.

¹⁰³ Фомченко А.П. Русские поселения в Бухарском ханстве. — Т., 1958. — С. 12; Тухтаматов Т. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. — Т., 1966. — С. 49; История Узбекистана. Том II. — С. 379.

¹⁰⁴ Россия. Полное географическое описание. Том 1 9. Туркестанский край. — С. 347.

увеличилось до 6 тысяч человек¹⁰⁵. Проживали они в основном в Петро-Александровске, поселке Уральское, а также в селении Нукус. Большую часть их составляли уральские казаки, переселенные в 1875 г. за отказ подчиниться новому положению о службе в армии, остальные были купцами, предпринимателями, которые имели значительные привилегии и пользовались особым покровительством властей. Согласно договору 1873 г., установившему вассальную зависимость хивинского хана от царской России, российским предпринимателям и купцам предоставлялось право беспошлинной транзитной торговли и свободного владения любым недвижимым имуществом. Все это свидетельствовало о том, что российские подданные в ханствах были незначительной по численности, но очень привилегированной социальной группой.

Таким образом, Бухарский эмират и Хивинское ханство в конце XIX — начале XX вв. были аграрные государства с сильной авторитарной властью, теократической системой государственного устройства и сословной структурой общества и соответствующей ей системой привилегий. Авторитарный режим поддерживался влиятельными и консервативными силами — земельной и служилой аристократией, мусульманским духовенством. Производительные силы общества были представлены ремесленниками, кустарями, дехканами, торговцами, которые несли все налоговое бремя.

Объективный процесс исторического развития не мог не затронуть эти, казалось бы, застывшие, общества. Под влиянием процессов, происходивших в соседнем Туркестанском генерал-губернаторстве, Бухарский эмират и Хивинское ханство в этот период постепенно начинают втягиваться в орбиту его новых социально-экономических отношений. Развитие торговли с Россией, начавшееся строительство промышленных предприятий, создание филиалов российских банков и представительств крупных торговых фирм, с одной стороны, способствовали более прочному подчинению ханств царской России, усилению вторжению российского капитала в различные стороны их жизни, усилению в них российского присутствия через рост миграционной волны российских подданных; с другой стороны, способствовали началу процесса проникновения в общество ханств новых капиталистических отношений, которые обуславливали формирование соответствующих им новых социальных групп — торгово-промышленной буржуазии, промышленных рабочих, новой

---

¹⁰⁵ НА Уз, ф. И-1, оп. 2, д. 15, л. 227, 228.

национальной интеллигенции. Но из-за господствовавших феодально-сословных отношений, развивались эти процессы в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве крайне медленно.

2.2. Социальная стратификация общества в Туркестанском генерал-губернаторстве

Туркестанское генерал-губернаторство было образовано в 1867 г., как итог завоевательных военных действий царской России в Центральной Азии. Ко времени принятия в 1886 г. "Положения об управлении Туркестанским краем" оно включало в себя 5 областей — Сырдарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую, Семиреченскую, Закаспийскую. Вся власть в крае была сосредоточена в руках русской военной администрации и носила ярко выраженный колониальный и полицейский характер.

После образования Туркестанского генерал-губернаторства развернулась его усиленная колонизация. В край хлынули самые различные группы европейского населения — военные, чиновники, купцы, предприниматели, мещане, крестьяне, всякого рода авантюристы. Рост колонизации неуклонно шел вверх, хотя и не одинаковыми темпами. Если в 1886-1896 гг. ежегодный прирост населения составлял почти 4% или 150-180 тысяч человек, то в 1908-1910 гг. только 1,2% — 80 тысяч человек, в 1913 г. население выросло на 110 тысяч, но с этого года оно начало систематически падать. В целом же население края за 1896-1914 гг. увеличилось на 3 607 700 человек или на 50% и достигло 7 148 000¹⁰⁶. Это была пиковая точка роста населения Туркестана. Затем война, восстание 1916 г., революция, гражданская война обусловили его неуклонное снижение до 1921 г., когда оно составило 5 644 500 человек¹⁰⁷.

В национальном составе края преобладающее большинство составляло коренное население, в том числе 35,77% узбеков, 44,36% казахов и киргизов, 4,98% таджиков, 2,26% каракалпаков¹⁰⁸. Усиленная колонизация края обусловила появление в его национальном составе совершенно новой для этого региона европейской этнической группы, большинство которой составляли русские. В конце XIX в. они

---

¹⁰⁶ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. — М.-Л., 1930. — С. 40-44.

¹⁰⁷ Там же. — С. 212.

¹⁰⁸ История Узбекистана. Т. II. — С. 45.

составляли 3,75%¹⁰⁹ всего населения, в 1909 г. — уже 9%¹¹⁰. Русское население в подавляющей части было сосредоточено в "русских частях" крупных городов края и в русских поселках, образованных крестьянами-переселенцами из Европейской России. В 1911 г. на территории края было 326 русских поселков, в которых проживало 248 500 человек¹¹¹. Высокопоставленный царский чиновник А.В. Кривошеин, посетивший Туркестан в 1912 г., писал: "Коренной Туркестан — это пока еще сплошное туземное море. Русские поселки, русские "новые города" в старых туземных городских поселениях — пока только островки среди этого моря, это лишь опорные, твердые пункты для дальнейшего оседания здесь русских людей"¹¹². Являясь незначительной по своей численности частью населения, русские пользовались колоссальными льготами и привилегиями на службе в колониальной администрации, при налогообложении, получении кредитов, земельных наделов и т.д. По выражению Г.И. Сафарова, это было "русское национально-привилегированное меньшинство"¹¹³.

По половому составу, по данным всероссийской переписи населения 1897 г., в Туркестане мужчины составляли 54,3%, женщины — 45,7%, т.е. в целом на 100 мужчин приходилось 84 женщины, тогда как в Европейской России на 100 мужчин приходилось 102,9 женщин¹¹⁴. Это объяснялось, прежде всего, типичным для мусульманских регионов преобладанием мужского населения, а также и тем, что в составе хлынувшего в край европейского потока в значительной мере преобладали мужчины, поскольку одинокому мужчине легче обустроиться на новом месте.

Подавляющее большинство населения края проживало с сельской местности. В начале XX в оно составляло 86,17%, 13,83% составляли городские жители¹¹⁵. Сельское население по образу жизни делилось на оседлое и кочевое. Оседлое проживало на орошенных землях оазисов, основное его занятие было земледелие, кочевое

---

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Туркестанский край. — С. 362.

¹¹¹ Там же. — С. 332.

¹¹² Кривошеин А.В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1912. — С. 78.

¹¹³ Сафаров Г.И. Колониальная революция (опыт Туркестана). — М., 1921. — С. 53.

¹¹⁴ Туркестанский край. — С. 350.

¹¹⁵ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч.1. СПб., 1911. — С. 32.

занималось скотоводством. Развитие промышленности, торговли, колонизация края повлекли за собой увеличение городского населения и к 1917 г. оно составило 16,7%¹¹⁶. Главным фактором в процессе увеличения городского населения было развитие внутреннего и внешнего рынка, что способствовало увеличению числа ремесленников, торговцев, приезжающих европейцев, кроме того, в города переселялась некоторая часть обезземеливавшихся крестьян, которые становились рабочими промышленных предприятий и многочисленных строек. Причем в составе городского населения число европейского населения росло значительно более быстрыми темпами, чем местного. Так, с 1897 г. по 1907 г. число европейцев в городах Сырдарьинской области выросло на 66,8%, тогда как местного — только на 18,9%, а в Ферганской области соответственно — на 60,58% и 30,5%¹¹⁷. Но подавляющее большинство в городах края все же составляло коренное население: в Ташкенте оно составляло 83,1%, Андижане — 96,4%, Намангане — 97,6%, Коканде — 97,4%¹¹⁸.

Завоевание Туркестана и включение его в орбиту хозяйственной жизни России повлекло за собой серьезные изменения в его экономике. В связи с увеличивающимся спросом промышленности метрополии на туркестанское сырье, в крае быстрыми темпами развиваются товарные отрасли сельского хозяйства и, прежде всего, хлопководство, строятся промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, железные дороги, растут города, разрушается хозяйственная замкнутость отдельных районов, идет активный процесс слияния локальных рынков в единый внутренний рынок, в торговые отношения включаются сами производители — дехкане и ремесленники. Все это повлекло за собой серьезные изменения и в социальной структуре общества. Складывающаяся многоукладная экономика обусловила формирование соответствующей ей социальной структуры. При этом надо отметить, что специализация сельского хозяйства на производстве хлопка обусловила глубокие изменения в хозяйственном строе кишлака, а появление промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции внесло значительные преобразования в жизни города.

Если в начале завоевательных акций России социальная структура общества завоеванных территорий была такая же, что и в

---

¹¹⁶ Волков Е.З., Указ соч. — С. 98.

¹¹⁷ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч.1. — С. 52.

¹¹⁸ Там же. — С. 60.

Бухарском эмирате и Хивинском ханстве — то есть феодально-сословная, то в конце XIX в. состав и положение социальных слоев и групп населения Туркестанского края претерпевают значительные изменения. В этот период в его обществе окончательно утрачивается значение сословного деления, которое, как феодальная категория, превращается в формальный признак принадлежности человека к определенной социальной группе. Вместо сословных прав и привилегий главным и решающим фактором, определяющим положение личности в общественной социальной иерархии, теперь выступает такой критерий, как капитал, собственность. В общественной структуре появляются новые социальные приоритеты, формируются новые социальные слои и группы.

Установить точную статистику социального состава Туркестанского общества конца XIX — начала XX вв. чрезвычайно сложно. Специфика этого периода состояла в том, что в нем еще не сложилось четкое разграничение сфер деятельности таких социальных слоев и групп, как предприниматели, купцы, ремесленники, национальные рабочие: крупные феодалы и даже часть духовенства начали включаться в торговую и предпринимательскую деятельность; купцы значительно расширили сферу своей традиционной торговли и вместе с чистачами и баями стали заниматься скупкой и продажей хлопка, многие из них занялись промышленным предпринимательством; ремесленники производили товары и сами их продавали; дехкане занимались земледелием и кустарными промыслами или же уходили в город на сезонные работы на промышленные предприятия и стройки, т.е. становились рабочими и т.д. Колониальная администрация никогда не ставила задачи получения сведений о социальном составе общества, а проводившиеся выборочные статистические обследования преследовали чисто фискальные цели. На основании имеющихся в нашем распоряжении источников мы попытаемся установить количественное соотношение и дать общую характеристику слоев и групп, составляющих социальную структуру Туркестанского общества в этот период, а также проследить основные тенденции их развития.

В новой ситуации в социальной структуре Туркестанского общества практически исчезает такое ранее привилегированное сословие, как служилая аристократия — беки, казии, амлякдары и др., поскольку функции власти переходят к колониальной администрации. Старая крупная феодальная аристократия теряет как политическое, так и экономическое влияние. После введения в 1886 г. "Положения об

управлении Туркестанским краем", по которому все оседлое население края получало право на земли, находящиеся в его потомственном владении, значительное количество поливных земель было потеряно феодалами и перешло во владение дехкан фактически их обрабатывавших, превратив их тем самым в самостоятельных хозяев. Это сильно урезывало, а местами и полностью уничтожало крупное и среднее землевладение. Колониальной администрацией была проведена тщательная ревизия мультковых (пожалованных ханами) земель, в результате чего многие эти земли были изъяты в пользу казны. Были также отменены прежние правила податного обложения, освобождавшие от него мультковые земли. Теперь все земли зажиточной аристократии должны были облагаться налогами. Все это кардинально изменило общественный и экономический статус всесильного и богатого сословия — земельной аристократии. Ее влияние, как ведущей социальной силы общества, было сильно подорвано.

Из влиятельных сословных категорий общества в Туркестане в конце XIX — начале XX вв. сохранилось только мусульманское духовенство, но его экономическая основа в виде вакфного имущества была также значительно ослаблена. Согласно "Положения об управлении Туркестанским краем" 1886 г., населенные места, входившие в состав признанных правительством вакфов, оставались во владении сельских общин; ненаселенные земли, составляющие, признанные правительством, частные вакфы, оставались за теми юридическими лицами, в пользу которых они были учреждены. Учреждение новых вакфов допускалось только с разрешения генерал-губернатора и только в случаях, заслуживающих особого уважения. Проведенная ревизия прав вакфовладельцев на земельную собственность, признала многие документы недействительными, и эти земли были переданы в казну. Таким образом, вакфное землевладение было в известной степени ограничено, тем самым было ограничено и экономическое могущество мусульманского духовенства. Но его влияние, как силы, формирующей сознание и направляющей духовное развитие общества, по-прежнему оставалось огромным, поскольку религия Ислама определяла все мировоззрение, духовную и бытовую жизнь населения региона. Весомым аргументом в пользу такого утверждения является внушительная победа организации мусульманского духовенства "Шурои Уламо" летом 1917 г. при выборах в ташкентскую городскую думу. Тогда, благодаря массовой поддержке местного населения, в очень остром политическом

соперничестве с такими организациями как партия эсеров, "Шурои Исламия" и др., мусульманское духовенство получило 62 места из 112.

В численном отношении мусульманское духовенство Туркестанского края уступало духовенству Бухарского эмирата и Хивинского ханства. По данным всероссийской переписи населения 1897 г., в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях оно составляло 0,2% от общего состава мусульманского населения. Надо заметить, что таким же было и численное соотношение православного духовенства по отношению к общему числу русского населения этих областей¹¹⁹.

Надо отметить, что отношение мусульманского духовенства к меняющимся жизненным реалиям было не одинаково. В своем подавляющем большинстве оно было консервативной силой, защищающей старые порядки, старую систему и методику образования и т.д. Но в исследуемый период в его среде появляются личности, понимающие необходимость перемен, известных реформ. Они пополняли ряды джадидской интеллигенции, поддерживали необходимость реформирования мусульманской системы образования, организации широкого просветительства народа.

Значительной экономической и социальной силой в Туркестанском обществе был торгово-купеческий слой. Вот что писал об этом слое В.И. Масальский: "Торговля в Туркестане, как по обращающимся в ней капиталам, так и в особенности по числу лиц, занимающихся ею и к ней причастных, весьма обширна и составляет одну из важнейших отраслей народного труда, дающую заработок и средства жизни множеству населения"¹²⁰. Это были купцы, владевшие как большими магазинами, так и небольшими лавочками на базаре, уличные торговцы в разное, ремесленники, торгующие продукцией своего производства и др. По данным переписи 1897 г. в трех основных областях края торговлей занималось 5-6% занятого населения¹²¹. В крупных городах их число было значительно больше. Например, в Ташкенте торговлей занималось 17,8% его самостоятельного

---

¹¹⁹ Подсчитано по опубликованным материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 83. Самаркандская область. — СПб., 1905. — С. 94; Т. 86. Сырдарьинская область. — СПб., 1905. — С. 116; Т.89. Ферганская область. — СПб., 1904. — С. 114.

¹²⁰ Туркестанский край. — С. 548.

¹²¹ Подсчитано по опубликованным материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 83. — С. 94; Т.86. — С. 116; Т.89. — С. 114.

населения¹²².

Но в конце XIX — начале XX вв. особое место в торговом слое начинают занимать купцы, владеющие большими капиталами. "Развитие торговли и различных отраслей промышленности, — писал В.И. Массальский, — способствовали сильному подъему благосостояния местных купцов и накоплению в их руках значительных капиталов. В прежнее время лица, владевшие 10-15 тысячами считались богачами, между тем сейчас нередки лица, обладающие состоянием в несколько сот тысяч рублей"¹²³. В историю развития торговли края в этот период вписаны многочисленные имена купцов, обладавших огромными состояниями и приносивших большую пользу своему отечеству. Одним из таких был купец Мухаммад Сеид-бай Садыкджанов — основатель богатейшего купеческого клана Ташкента. Его сын Сеид Азим-бай Мухаммадбаев был разносторонне образованным человеком, вел обширную торговлю с Россией, Бухарой, Хивой, восточными государствами, выступал за реформирование школьного образования, чтобы оно служило интересам предпринимательства¹²⁴. Хорошо были известны в торговых кругах сыновья Сеид Азим-бая — купцы первой гильдии Сеид Карим-бай и Сеид Гани-бай Сеидазимбаевы. Сеид Карим-бай в 1895 г. получил от ташкентской городской управы через торги подряд на уличное освещение города и держал его в течение 15 лет. Это при нем на улицах Ташкента слабые и копящие керосиновые фонари были заменены более эффективными керосиново-калильными и была предпринята попытка организовать электрическое уличное освещение.

В этот период в крае появляются купцы, которые своим положением и специфическими интересами знаменовали появление новой фигуры купца, который свой капитал начинает помещать не только в торговлю, но и в промышленное производство. Это были купцы-предприниматели, достаточно образованные, с широкими интересами. Например, ташкентский купец Ходжа Юнусов, по словам американского дипломата Е.Скайлера, был всегда полон новых идей и замыслов, одним из первых начал возделывать американский хлопок, организовал еще в 80-х гг. мыловаренное производство, за что получил золотую медаль Московской выставки¹²⁵. Энергичным

---

¹²² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.86. — С. 116-117.

¹²³ Туркестанский край. — С. 341.

¹²⁴ НА Уз, ф.И-1, оп. 19, д. 10, лл. 2-6.

¹²⁵ См.: Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. — Т., 1965. — С. 174.

предпринимателем с передовыми для своего времени взглядами был самаркандский купец второй гильдии Мирзо Бухари. Он построил фабрику шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных изделий и за качество своих шелковых тканей в 1887 г. на выставке в Харькове получил золотую медаль, был одним из первых коллекционеров-краеведов. Часть его прекрасной нумизматической коллекции была приобретена Эрмитажем¹²⁶. Большую предпринимательскую деятельность вел ташкентский купец Акрам Аскарлов, занимавшийся усовершенствованием местного шелководства и шелкоткачества. Он был широко известен как страстный коллекционер и археолог-любитель¹²⁷ и многие, многие другие.

Характерной чертой экономики Туркестана в конце XIX — начале XX вв. было быстрое превращение торгового капитала в монополиста хлопкового сырьевого рынка, а затем переход этого капитала в перерабатывающее это сырье хлопкоочистительное и маслобойное производства, а впоследствии и в переработку других видов сельскохозяйственного сырья. Иными словами в этот период в крае идет активный процесс формирования нового социального слоя — торгово-промышленной буржуазии.

Однако следует отметить, что в Туркестане в числе владельцев винокуренных, водочных, винодельческих и пивоваренных заводов местных купцов не было. Строго следуя запретам своей религии, они не вкладывали свои деньги в производство алкогольных напитков, несмотря на большие прибыли, которые оно давало. Туркестанские купцы-предприниматели активно строят хлопкоочистительные, маслобойные, кожевенные, кирпичные заводы. Вначале это были небольшие (5-8 рабочих), а затем более крупные (25-150 рабочих) предприятия. В 1878 г. купцы Якубджан и Таджибай Юсуповы построили в "русской" части Ташкента первый кирпичный завод¹²⁸, в 1884 г. купец первой гильдии, будущей глава крупнейшей торговой фирмы Юсуф Давыдов построил в Ташкенте первый хлопкоочистительный завод, из 11 кожевенных заводов, построенных в "азиатской" части Ташкента в начале 90-х гг. 10 принадлежало местным купцам¹²⁹. В 1911 г. в Ферганской области 106 из 160 небольших

---

¹²⁶ См.: Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. — Т., 1974. — С. 119-121.

¹²⁷ Там же. — С. 96.

¹²⁸ НА Уз, ф.И-36, оп.1, д.2482, лл.86-88.

¹²⁹ НА Уз, ф.И-269, оп. 1, д. 148, лл. 51.

хлопкоочистительных заводов принадлежало местным предпринимателям¹³⁰, в Сырдарьинской области соответственно — 27 из 45¹³¹.

В начале XX в. владельцы крупных торговых капиталов создают крупные влиятельные фирмы, такие как "Братья Вадьяевы", "Юсуф Давыдов" в Ташкенте, "Р.Потеляхов" в Коканде, "Ю.Фузаилов" в Самарканде, "Юсуфбаев" в Намангане и др., которые вкладывали свои капиталы и в торговлю, и в развитие промышленности края. Например, торговый дом "Юсуф Давыдов", владея 6 хлопкоочистительными заводами, поставлял ежегодно на рынки России до 1 миллиона пудов хлопка-волокна стоимостью около 15 миллионов рублей, а также вел крупномасштабную торговлю мануфактурой¹³². Наиболее мощной фирмой был торговый дом "Братья Вадьяевы". Его недвижимое имущество оценивалось в 4 миллиона рублей, он скупал около 30% хлопка в Ферганской долине, имел 30 хлопкоочистительных заводов и 5 маслобойных¹³³. В апреле 1912 г. этот торговый дом совместно с Русско-азиатским банком создал акционерное общество "Вадьяевское торгово-промышленное товарищество" с основным капиталом в 3 миллиона рублей¹³⁴, а в 1916 г. им была приобретена половина паев товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры¹³⁵. Местные купцы-предприниматели принимали участие и в строительстве отдельных железнодорожных веток. Так, в 1913 г. владелец фирмы "Торговый дом Р. Потеляхова" построил узкоколейную железную дорогу от Ассаке до ст. Ванновской¹³⁶ и др.

Владея огромными капиталами, вкладывая их в развитие торговли и промышленности, туркестанские купцы и предприниматели не забывали и своего долга перед обществом — помогали развитию его культурной и духовной сфер, занимались просветительством и благотворительностью. Широко была известна благотворительная

---

¹³⁰ Там же, ф.И-124, оп. 1, д. 6, л. 14.

¹³¹ Там же, ф.И-90, оп.1, д. 8, лл.13-14.

¹³² Там же, ф. И-3, п. 17, д. 954, л. 26 об.

¹³³ Там же, ф.И-90, оп. 1, д. 8, лл. 176-179.

¹³⁴ Вексельман М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). — Т., 1987. — С. 43.

¹³⁵ Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). — Т., 1959. — С. 161.

¹³⁶ Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). — С. 164.

деятельность андижанского купца Миркамиля Муминбаева¹³⁷, в 1914 году купцы Ташкента для оказания помощи учителям новометодных школ организовали благотворительное общество "Амдоадия"¹³⁸ и т.д. Состоятельные люди строили дороги, мосты, переправы, школы, больницы, детские приюты, открывали книжные магазины, библиотеки и т.д. Например, в начале 90-х гг. на средства местных купцов и баев были построены мост через реку Нарын в Наманганском уезде, переправа через реку Сырдарью в Кокандском уезде¹³⁹. В декабре 1884 г. упоминавшийся выше купец Сеид Гани-бай Сеидазимбаев открыл в своем доме первую в Ташкенте русско-туземную школу¹⁴⁰. В 1906 г. на территории "азиатской" части Ташкента в Кукчинской махалле Чакичман купец Гулям Хасан Арифджинов открыл литографию, издававшую восточную литературу по самой низкой цене¹⁴¹. В мае 1908 г. в "азиатской" части Самарканда на средства местных купцов была открыта мусульманская общедоступная библиотека-читальня, действовавшая до февраля 1917 г.¹⁴². Купец Мухаммад-хан-падши-Ходжаев в 1913 г. открыл в Ташкенте книжный магазин "Мактаб", где продавались учебники по очень доступным ценам¹⁴³. Продолжать этот перечень можно очень долго. Но надо отметить, что в результате этой просветительской деятельности туркестанских купцов и предпринимателей книжный рынок в регионе был наполнен самой разнообразной и доступной литературой. Как пишет Мари Холдсворт, "даже западные ученые, которые неохотно признавали образованность восточного общества, вынуждены признать тот факт, что книги и брошюры были более востребованы в Туркестане в XIX — начале XX в., чем обычно считалось"¹⁴⁴.

Таким образом, в туркестанском обществе в конце XIX — начале XX вв. на базе развития товарного сельского хозяйства, промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья и

---

¹³⁷ См.: НА Уз, ф. И-19, оп.4, д.178, все дело.

¹³⁸ НА Уз, ф. И-461, оп.1, д.2144, л.76.

¹³⁹ Наливкин В.П. Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края. // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. V. — Самарканд, 1897. — С.222.

¹⁴⁰ Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Изд.2. — Т., 1898. — С. 177.

¹⁴¹ Чабров Г.Н. Из истории полиграфии и издания литературы на местных языках в дореволюционном Туркестане (1868-1917гг.) // Труды САГУ. Вып. 57. — Т., 1954. — С. 80.

¹⁴² НА Уз, ф. И-461, оп.1, д. 1920. л. 2.

¹⁴³ Там же. д. 1315, л. 332 об.

¹⁴⁴ Mari Holsworth. Turkestan in the Nineteenth Centri. A Brif History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. — Issued by the Central Asian Research Centre in association with St. Antony's Colleg (Oxford) Soviet Affairs Study Group. — 1959. — P. 37.

торговли сформировался новый социальный слой торгово-промышленной буржуазии. В количественном отношении он был незначителен — 6% от всего состава населения¹⁴⁵. Но это была очень влиятельная социальная сила. Характерной особенностью ее формирования была тесная связь и зависимость от российского промышленного капитала, заинтересованного в том, чтобы сохранить Туркестан в роли аграрно-сырьевого придатка метрополии (доля Туркестана во всей промышленной продукции России в 1913 г. составляла лишь 1,8%)¹⁴⁶. И, тем не менее, деятельность местной торгово-промышленной буржуазии носила для региона в целом позитивный характер. Приумножая свое состояние, местные купцы и промышленники вкладывали его в развитие производительных сил общества, его культуры и духовной сферы, были полезной, созидающей силой.

Туркестанский край в конце XIX — начале XX вв. по характеру своей экономики был аграрным регионом. Сельское хозяйство являлось главным занятием и основным источником жизни его населения, поэтому самым многочисленным слоем общества края было дехканство. В 1908 г. оно составляло 86,17% всего населения¹⁴⁷. Дехканство выполняло в обществе важнейшую хозяйственную функцию — выращивало необходимые продукты питания и сырье для промышленности, причем не только для внутренних потребностей региона, но и для экспортной торговли. "Земледелец Туркестана, — писал В.И. Массальский, — глубоко предан своему исконному занятию, которое у местного населения считается одним из наиболее почетных отраслей труда. По их взглядам земледелие — лучшее занятие человека, ибо, предаваясь ему, он может легче сохранить свою нравственность, причем плодами рук земледельца питаются одинаково и бедные и богатые, и слабые и сильные, и малые и великие. По шариату, земледельцы, живущие исключительно земледелием и обрабатывающие землю, именуются "благороднейшими из благородных" (ашраф-уль-ашраф)"¹⁴⁸.

Острый дефицит земли и воды ограничивал в Туркестане, как и во всем центральноазиатском регионе, масштабы землепользования и

---

¹⁴⁵ Мулладжанов И. Народонаселение Узбекской ССР (социально-экономический очерк). — Т., 1967. — С. 221.

¹⁴⁶ Аминов А.М. Указ.соч. — С. 165.

¹⁴⁷ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч.1. — С. 32.

¹⁴⁸ Туркестанский край. — С. 416.

обуславливал господство малоземельных хозяйств. Если для Европейской России были характерны крестьянские наделы 10 и более десятин земли и просторы ее полей давали крестьянам возможность к экстенсивному ведению хозяйства, то для туркестанского дехкана был типичен надел в 2-3 десятины¹⁴⁹ и интенсивное хозяйствование. Именно земельный дефицит выработал у него особое отношение к земле и труду, заставил дорожить каждым клочком, отвоеванной у природы земли и достигать на ней наивысших урожаев. "Вынужденное довольствоваться небольшими площадями, — писал В.И. Юферев, работавший до революции агрономом в Управлении по переселенческим делам Сырдарьинской области, — местное население выработало основные навыки к ведению высокоинтенсивного хозяйства, особую психологию и особые воззрения на труд, как основное получение благ при использовании земельных богатств"¹⁵⁰. Проявляя, восхищавшее европейцев, необыкновенное трудолюбие, дехкане региона до принятия в 1886 г. "Положения об управлении туркестанским краем" трудились на небольших участках мульковых, амляковых, вакфных земель, платили за них высокую аренду, несли основное налоговое бремя, вели натуральное или полунатуральное хозяйство. Получение после 1886 г. дехканами в наследственное владение тех земельных участков, на которых они фактически работали, активное развитие такой высокотоварной культуры, как хлопок, превращение дехканских хозяйств из натуральных в товарные внесли в начале XX в. значительные изменения в социальную структуру кишлака. Основным их итогом было укрепление и значительное увеличение числа середняцких хозяйств (подробно этот процесс будет рассмотрен в следующем параграфе настоящей главы) и формирование новой социальной группы богатых людей кишлака — баев и кулаков, то есть сельской буржуазии, пришедшей на смену феодалам, владевшим большими наследственными или пожалованными земельными владениями. Эта группа состояла частично из сохранившейся старой земельной аристократии, но в своем подавляющем большинстве формировалась из богатых дехкан, которые постепенно концентрируют в своих руках значительные земли разоряющихся дехкан-односельчан, получая их при помощи различных закладных, векселей или покупая за бесценок. Но необходимо отметить, что в числе богатой верхушки туркестанского кишлака владельцев участков в 100 и более десятин

---

¹⁴⁹ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. 1, отд. 3. — С. 165.

¹⁵⁰ Юферев В.И. Хлопководство в Туркестане. — Ленинград, 1925. — С. 8.

было совсем немного, основную ее часть составляли владельцы 10-30 десятин. Так, в 1910 г. в Ферганской области из 1058 обследованных хозяйств 10-20 десятин имели 53 хозяйства (5%), 20-30 десятин — 24 хозяйства (2%), более 30 десятин — 46 хозяйств (4%)¹⁵¹. Из 4220 хозяйств, обследованных ревизией сенатора К.К.Палена, свыше 10 десятин имели 209 хозяйств или 4,9%¹⁵². Имеется мнение, что в целом в 1913 г. сельские богачи составляли около 13% сельского населения края¹⁵³.

Отличительной чертой социальных отношений в туркестанском кишлаке было отсутствие в нем крупных плантаторских хозяйств при наличии значительных земельных наделов, сконцентрированных в руках одного владельца. Попытки некоторых русских предпринимателей создать такие хозяйства не увенчались успехом. Причина неудачи состояла в том, что их организация требовала значительных капиталовложений на механизацию труда, улучшение агротехники, ирригацию, мелиорацию и т.д., а владельцы земли эти затраты не хотели производить и использовали обычный ручной способ производства, применявшийся в мелких хозяйствах. Но наемный труд не давал той интенсивности, которая была в личном дехканском хозяйстве. Кроме того, практика показывала, что можно извлечь значительно большую прибыль, занимаясь торгово-закупочной деятельностью, чем, выращивая хлопок на своих плантациях, или если сдавать землю в аренду на издольных началах¹⁵⁴. Поэтому крупные землевладельцы быстро переключились на такие формы хозяйствования и основой земельных отношений в туркестанском кишлаке оставалось мелкое дехканское хозяйство.

И еще надо отметить одну характерную для социальных отношений в туркестанском кишлаке черту — отсутствие проблемы "свободных рук". Это объяснялось тем, что основным типом хозяйства в Туркестане в начале XX в. были хозяйства, имевшие 2-3 десятины, в которых интенсивное ведение хозяйства целиком поглощало все рабочие руки семьи, а в отдельных случаях эти хозяйства прибегали даже к найму дополнительных сроковых рабочих. Таким образом, большая часть рабочих рук была занята. Малоземельные хозяйства,

---

¹⁵¹ НА Уз, ф. И-1, оп.6, д.528, л.228.

¹⁵² Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч.II. — С. 120-121.

¹⁵³ Мулладжанов И. Указ. соч. — С. 221.

¹⁵⁴ Демидов А.П. Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана. — М., 1922. — С. 49.

имевшие свободные руки, не поглощенные работой на своем участке, также не создавали сельскую безработицу, так как или нанимались сроковыми рабочими к более богатым соседям, или брали землю в издольную аренду, или занимались ремеслом, сельскими промыслами. Безземельные же крестьяне, как отмечалось в материалах ревизии К.К. Палена, также "не порывали с землей, а продолжали работать сроковыми или годовыми рабочими, или издольщиками"¹⁵⁵. По свидетельству современников, в Туркестане в сельской местности до 2/3 отвлекаемых от своего хозяйства рабочей силы было занято в земледелии, а 1/3 занималась ремеслом и промыслами¹⁵⁶.

Весомое место в хозяйственных связях туркестанского общества занимали кустари и ремесленники. Это был весьма значительный по своей численности слой людей, производивших для общества необходимые товары и продукты. Ремесленное и кустарное производство издавна было широко развито в регионе и вполне приспособлено к удовлетворению потребностей населения. Оно обладало высокой мобильностью, умело быстро приспосабливаться к изменяющимся потребностям общества и структурно совершенствоваться в соответствии с профессиональной и географической специализацией, которые были очень развиты в крае. "Туркестанский кустарь, — пишет В.И. Массальский, — отличается большими способностями, быстро усваивает технику производства и требования, предъявляемые потребителем. Он довольствуется небольшой прибылью и потому работает дешево"¹⁵⁷. Мастера отдельных районов, специализируясь на производстве каких-либо товаров, создавали высококачественные и конкурентоспособные изделия и снабжали ими весь регион. Так, шелкоткачеством славился Маргилан, Ходжент, Коканд; выделкой маты — Беш-Арык, Коканд; кожаным производством — Ташкент, Наманган, Самарканд; гончарными изделиями — Риштан, Ура-Тюбе; коврами — Термез, Карши; паласами — Аим; изготовлением арб — Самарканд и Маргилан; производством ножей — Чуст, Ташкент, Шахрисябз; крупным центром по пошиву халатов был Ташкент и т.д.¹⁵⁸. Основной формой профессионального воспроизводства у ремесленников и кустарей был веками выработанный институт ученичества. Он был освящен

---

¹⁵⁵ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч.1. — С. 116.

¹⁵⁶ Юлдашев С. Аграрные отношения в Туркестане. — Т., 1969. — С. 141.

¹⁵⁷ Туркестанский край. — С. 526.

¹⁵⁸ Гейер И.И. Туркестан. Изд.2. — Т., 1909. — С. 120-123.

мусульманской религией и определен историческими традициями, записанными в "рисоля". Чтобы сделаться мастером ("усто"), надо было с малых лет учеником ("шогирдом") пройти продолжительную школу обучения мастерству у какого-либо "усто".

Как уже было сказано выше, точно определить численность занимающихся кустарным и ремесленным производством в крае в исследуемый период очень трудно. Это отмечали еще царские чиновники. "Кустарное производство в своем разнообразии захватывает настолько громадную площадь в географическом отношении, — отмечалось в отчете военного губернатора Сырдарьинской области за 1897 г., — что, к сожалению, безусловно точных сведений о нем трудно получить"¹⁵⁹. По данным всероссийской переписи населения 1897 г. в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях насчитывалось 184 тысячи кустарей и ремесленников, что составляло 20-25% от числа их самостоятельного населения¹⁶⁰. Но эту цифру нельзя считать исчерпывающей, прежде своего потому, что это были сведения не о поголовно описанных кустарях и ремесленниках, а только сведения полученные со слов аксакалов махаллей, старост ремесленных рядов на базарах и самих ремесленников и кустарей. Все они из-за боязни дополнительных налогообложений и сборов стремились скрыть точные сведения о размерах и доходах мастерских, численности работающих в них. Кроме того, очень многие ремесленники и кустари работали не в специальных мастерских, а дома, что практически скрывало их от учета. Значительное число людей занимавшихся ремесленным и кустарным производством проживало в сельской местности, где учесть их было еще более трудно, чем в городе. Дело в том, что ремеслом в чистом виде в кишлаке занимались немногие. Основная масса дехкан, особенно владеющих 1-2 десятинами, совмещала занятие сельским хозяйством с ремесленным и кустарным производством или промыслами, как дополнительным источником дохода. Особенно были распространены такие производства как кузнечное, слесарное, столярное, плотницкое, коврово-кошечное, портняжное, сапожное, а также работа на мельницах и рисорушках. Занятые в них составляли 89% от всех занимающихся промыслами в сельской местности и давали они 95,7% всей ее ремесленной и кустарной продукции¹⁶¹. Общее число

---

¹⁵⁹ НА Уз, ф.И-269, оп.1, д. 141, л.60.

¹⁶⁰ Подсчитано по опубликованным материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т.83. — С. IX, 94; Т.86. — С. XIII, 116; Т.89. — С. IX, 114.

¹⁶¹ Статистический ежегодник. 1917-1923. Т.II, Ч.1. — Т., 1924. — С. 43.

ремесленников и кустарей значительно увеличивается, если к нему добавить женщин, занимавшихся на дому ковроткачеством, шитьем одежды, вышивкой сюзане и тюбетеек и т.д., которых в силу бытовых особенностей региона учесть было вообще невозможно. С учетом всех названных факторов, число занимающихся ремесленно-кустарным производством в трех основных областях края в начале XX в., по нашему мнению, было как минимум в 2 раза больше, чем по данным переписи 1897 г., то есть более 350 тысяч, а в целом в крае можно предположить их было около 400 тысяч. Достаточным доводом в пользу этого числа, с нашей точки зрения, может служить то, что на территории только Узбекистана, по данным переписи 1939 г., то есть после более чем 20 лет тяжелейших для кустарей и ремесленников испытаний (революция, гражданская война, индустриализация, гонения советской власти) было зарегистрировано 145 725 только кооперированных кустарей¹⁶².

Развитие торговли с Россией и сопредельными странами в начале XX в., в известной мере, отрицательно отразилось на кустарях и ремесленниках, но их положение не было таким уж трагичным, как об этом пишется в советской историографии. Конкуренция русских фабричных товаров, более дешевых и лучших по качеству, действительно привела к ликвидации горнодобывающего кустарного производства, сокращению металлообработки, производства медной домашней посуды, бумажного текстиля, гончарных изделий. Но сохранились и успешно развивались такие промыслы, как ткачество, обработка шелка, дерева, кожи, изготовление местных сельскохозяйственных орудий, арб, седел, пищевых продуктов, ювелирных украшений, шелковых тканей, ковров, местной одежды и обуви и др. В связи с активным промышленным и жилищным строительством сильно вырос спрос на труд строителей. Большой популярностью среди ремесленников строительных специальностей пользовались отделочники — резчики по ганчу и дереву, специалисты по художественной росписи. Появились новые ремесленные специальности — часовщики, фотографы, кровельщики, маляры, мебельщики и др. И, хотя частью из них занимались русские мастера, они также стали частью ремесленного и кустарного производства края, к которому быстро приобщались и местные мастера.

В целом же, несмотря на известные трудности, кустарное и ремесленное производство продолжало играть важную роль в

---

¹⁶² Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. — М., 1962. — С. 43.

удовлетворении потребностей внутреннего рынка. Дело в том, что фабрично-заводская промышленность в крае в интересах метрополии охватывала только первичную переработку сельскохозяйственного сырья и совершенно не развивались обрабатывающие отрасли. Так, в Туркестане за годы колониального режима не было построено ни одной текстильной фабрики. Позицию царской России в этом вопросе ясно выразил генерал-губернатор Самсонов, написав на прошении одного из предпринимателей об открытии в Самарканде текстильной фабрики: "Дать заключение неблагоприятное. Указать, что развитие в крае бумагопрядильной промышленности является вопросом чрезвычайной важности, имеющим невыгодную сторону — подрыв этой промышленности в Центральной России и лишение железных дорог грузов"¹⁶³. Поэтому в общем производстве товаров и продуктов в крае в начале XX в. кустари и ремесленники были абсолютными монополистами в обработке дерева, производстве одежды, строительных работах, транспортных услугах, художественных и прикладных промыслах. Они давали 42,9% производства пищевых продуктов, 88,9% производства инструментов и местного сельхозинвентаря, 62,3% кожевенного производства, 51,2% обработки шелка. В целом к 1917 г. они давали 56,5% всей промышленной продукции Туркестана, стоимость которой составляла 69 миллионов 792 тысячи золотых рублей, тогда как стоимость фабрично-заводской промышленности составляла 59 миллионов 844 тысячи золотых рублей¹⁶⁴.

Развитие промышленного производства в Туркестанском крае на рубеже XIX — XX вв. обусловило начало формирования в его обществе новой социальной структуры — промышленных, строительных и железнодорожных рабочих. Начало процессу формирования этого социального слоя положило строительство в конце XIX в. небольших, по большей части полукустарных, кирпичных заводов, мельниц, хлебопекарен и т.д., на которых работало до 5 рабочих. Затем начинают строиться более крупные хлопкоочистительные, маслобойные, кожевенные и др. предприятия, которые обслуживало от 25 до 150 рабочих. Так, на двух хлопкоочистительных заводах торгового дома "Юсуф Давыдов" в 1914 г. работало 220 рабочих¹⁶⁵, на маслобойно-мыловаренном заводе

---

¹⁶³ Туркестанские ведомости. 1914, 18 марта.

¹⁶⁴ Статистический ежегодник. 1917-1923. Т. II, Ч. I. — С. 46-47.

¹⁶⁵ НА Уз, ф.И-17, оп. 1, д. 34502, л.10.

товарищества "Мир-Салих Мир-Бадалов и компания" работало 148 рабочих¹⁶⁶. Всего в крае к 1917 г. насчитывалось около полутора тысяч промышленных предприятий и свыше 76 тысяч рабочих. В эту цифру входили рабочие, работавшие не только на промышленных предприятиях, но и на железных дорогах, строительных работах¹⁶⁷. Большая часть из них была занята на сезонных работах. В фабрично-заводской промышленности четырех областей, в которых в основном было развито промышленное производство — Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской и Семиреченской — накануне первой мировой войны работало всего 21 тысяча рабочих, в их числе 22,8% было русских, 60,7% узбеков, остальные — таджики, киргизы, выходцы из сопредельных стран (персы, кашгарцы и др.)¹⁶⁸. И, несмотря на это, в этот период в Туркестане в чистом виде своего национального промышленного слоя промышленных рабочих практически еще не было. Были полупролетарии города и кишлака, дехкане, которые дополняли земледельческий доход побочным заработком в городе и имели еще прочные связи с землей. Кишлак держал рабочих из местных национальностей в состоянии потенциальных землевладельцев-мардикеров. Основная их масса выполняла черную неквалифицированную работу. 80% рабочих при двигателях и 70% ремонтных рабочих в туркестанской промышленности в этот период были русскими¹⁶⁹. По сведениям известного экономиста В.В. Заорской-Александр, русские рабочие были монополистами рабочих мест, которые требовали квалифицированных навыков, большей заработной платы и лучших условий работы¹⁷⁰.

Если в России к октябрю 1917 г. промышленные рабочие уже сформировались в самостоятельную структуру общества, для которой было характерно наличие профессионально обученных рабочих с преобладанием в таких отраслях производства, как металлообработка, машиностроение, высокий уровень концентрации на крупных промышленных предприятиях и в крупных промышленных центрах, высокая политическая активность, то в Туркестане все было наоборот. Процесс формирования промышленных рабочих находился в начальной

---

¹⁶⁶ Там же. д. 34571, л. 3.

¹⁶⁷ Вексельман М.И. О численности рабочего класса Средней Азии накануне Октября//Общественные науки в Узбекистане, 1985, №9, С. 29.

¹⁶⁸ Алкин Илия С. Указ.соч. — С. 304-306.

¹⁶⁹ Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. — Т., 1930. — С. 137.

¹⁷⁰ Заорская В.В. Перспективы промышленной и промысловой колонизации Средней Азии//Проблемы промышленно-промысловой колонизации. Т.ХI. — М., 1939. — С. 151.

стадии. Рабочие из местных национальностей в своем подавляющем большинстве были неквалифицированными, имели слабые навыки труда на производстве, расплылены по небольшим предприятиям, материально отчуждены от русских рабочих меньшей заработной платой (заработная плата рабочего из местных национальностей была на 30-60% ниже заработной платы русского рабочего равной квалификации), худшими условиями труда и быта. Это были рабочие в первом поколении и по своему мышлению были еще полностью крестьянами. Они обладали очень низким уровнем адаптации к условиям новой социальной среды, были не только политически, но и азбучно неграмотны, им были чужды идеи классовой борьбы и социальной революции, инициатором, а, тем более, движущей силой, которой они ни в коем случае не могли быть.

Во все времена значимым слоем общества являлась интеллигенция. В восточном обществе она была представлена духовенством, технической (мъеморы, мухандисы, мирабы), творческой (ученые), художественной (поэты, музыканты, каллиграфы, ремесленники-художники) элитой. В новой экономической и политической ситуации, наряду с этой старой интеллигенцией, в Туркестане начинает формироваться новая деловая и творческая национальная интеллигенция. По численности это был незначительный слой, который формировался из передовых образованных людей самых различных слоев общества, получивших как мусульманское, так и светское образование в самом регионе и за его пределами — в России, Европе, Турции. Он был представлен педагогами русско-туземных, новометодных школ, Туркестанской учительской семинарии, других учебных заведений края, переводчиками, работавшими в различных учреждениях колониальной администрации, наборщиками, печатниками, продавцами книжной продукции, редакторами и издателями, поэтами, писателями, просветителями, первыми национальными юристами, врачами, агрономами и т.д.

Отвечая на потребности общества в образованных местных кадрах для работы в русских административных, финансовых, коммерческих учреждениях, фирмах, ведущих торговые операции с Россией, для обслуживания железных дорог и промышленных предприятий в крае открывается новый тип учебных заведений — русско-туземные школы, в которых помимо детей состоятельных родителей обучались и дети из низших слоев местного населения. Первая в крае русско-туземная школа была открыта в Ташкенте 19

декабря 1884 г. в "азиатской" части Ташкента¹⁷¹. Благодаря стараниям передовых представителей духовенства, купечества, педагогов улучшалось качество преподавания в этих школах, неуклонно росло их число и число учащихся в них. Если в 1896 г. в крае было 28 школ с 700 учащимися¹⁷², то в 1917 г. их было уже 126 с 6213 учащимися¹⁷³.

Но русско-туземные школы были русскими школами для детей местного населения, подготавливавшие кадры для работы в русских учреждениях. Они не решали коренным образом проблему массовой подготовки образованных кадров из местного населения, для этого нужна была новая национальная школа. Понимая это, передовая национальная интеллигенция в лице ее лучших представителей — джадидов активно выступает за реформирование мусульманского школьного образования. В 90-х гг. XIX в. их стараниями в крае начинают создаваться новометодные школы. Первая новометодная школа в Ташкенте была открыта в 1904 г. в Шейхантаурской махалле Тарнаубаши видным деятелем джадидского движения Мунаввар-Кори Абдурашидхановым¹⁷⁴. Для преподавания в этих школах по новому методу усилиями лучших туркестанских педагогов и активными деятелями джадидской интеллигенции издаются новые специальные учебники — букварь "Устои авваль" практиканта Ташкентской учительской семинарии Саид-Расуль Саидазизова, "Хрестоматия" учителя Али-Аскара Калинина, учебники "Адиби авваль" Мунаввар-Кори Абдурашидханова, "Адабиет" и "Биринчи муаллим" Абдулла Авлони, "Туртча коида" кокандского учителя Мухаммедамина Мухаммедкаримова, учебники Абдулла Шакури, Махмудходжи Бехбуди и мн. др.

Помимо учебников в исследуемый период новой национальной интеллигенцией издается на узбекском языке большое число переводной и оригинальной литературы, преимущественно научно-популярного характера. Например, редактор "Туркестанской туземной газеты" Шагимурад Ибрагимов издает Календари на 1871, 1872, 1873 годы, переводчик Самаркандского областного правления Шер-Али Лапин — карманный русско-узбекский словарь на 4 тысячи слов, известный просветитель Исхак-хан — шестязычный словарь,

---

¹⁷¹ Остроумов Н.П. Указ соч. — С. 177.

¹⁷² Граменицкий С. М. Очерк народного образования в Туркестане//Сборник материалов для статистики Сырдарьинского областного статистического комитета. Т. V. — Т., 1896 — С. 45.

¹⁷³ Наука и просвещение. 1922, № 1, С. 15.

¹⁷⁴ НА Уз, ф. И-461, оп.1, д.1021, лл.30-31.

предприниматель Н. Бахтиаров — брошюру "Банковские операции", агроном Юрали Атаев — книгу "Вниманию туземцев-шелководов" и мн. др. Издаются на узбекском языке также книги и брошюры по наиболее актуальным вопросам того времени, переведенные с русского языка. Надо отметить и такой аспект издательской и переводческой деятельности национальной интеллигенции, внесший ценный вклад в пропаганду великого наследия узбекской культуры, как перевод на русский язык узбекских исторических и литературных рукописных текстов.

Огромным явлением в общественной жизни края было формирование национальной печати, которая особенно ярко иллюстрировала процесс становления новой национальной интеллигенции. В 1870 г. начала выходить первая газета на узбекском языке. В начале она называлась "Туркестанская газета", а с 1887 г. — "Туркестанская туземная газета", ее первыми редакторами были Шагимурат Ибрагимов, Мулла Алим Махмудходжа, Мухаммад Хасан Чанышев. С начала XX в. и до 1917 гг. в крае выходили газеты: "Таракки" (редактор Измаил Габбитов), "Хуршид" (издатель и редактор Мунаввар-Кори Абдурашидханов), "Шухрат" (издатель и редактор Абдулла Авлони), "Осиё" (издатель и редактор А. Бектемиров), "Самарканд" (издатель Махмудходжа Бехбуди), "Садои Туркистон" (издатели Убайдулла Ходжаев, Хасан-Ходжи Ходжаев, Абду-хаким Сарымсаков), "Туджор" (издатель Сеид-Гани Сеидазимбаев), "Нажот" (редактор Мунаввар-Кори Абдурашидханов), "Кенгаш" (редакторы Ахмад Заки Валиди и Мунаввар-Кори), "Шурои-Ислом" (редактор А. Боттол), "Турон" (редакторы Абдулла Авлони, Низомиддин-Кори, Мухаммад Амин), "Хуррият" (редакторы Ақобир Шомансуров, Мордонкул Шомухаммадзода), "Улуг Туркистон" (редакторы Содик Абдусаттаров и Кобир Бакиров) и др. В процессе этой издательской деятельности национальной интеллигенцией Туркестана был накоплен большой опыт, сформировался сильный редакторский корпус, сложились значительные авторские силы корреспондентов, в числе которых были Абдурауф Фитрат, Ашурали Зохири, Обиджон Махмудов, Ходжи Муин Шукрулло, Гази Юнусов, Ахмад Заки Валиди, Лазиз Ализода, Мухтар Бакиров и др. Появление национальной периодической печати имело большое общественно-политическое, просветительское и культурное значение. Она пропагандировала среди широких масс читателей передовые прогрессивные идеи, распространяла новые знания, стимулировала развитие узбекского

языка.

Широкий просветительский характер носили также такие направления деятельности национальной интеллигенции, как издание дешевой книжной продукции издательством "Нашриет" в Ташкенте, "Туркестанским издательским товариществом" в Андижане и др., открытие библиотек-читален, книжных магазинов, где продавались книги по низким ценам, создание кружков, просветительских и благотворительных обществ. Надо также отметить первые попытки мусульманской любительской труппы под руководством частного присяжного поверенного Убайдуллы Ходжаева создать в 1914-1916 гг. национальный театр. Поставленные ими драма Махмудходжи Бехбуди "Падаркуш" и опера молодого узбекского драматурга и композитора А. Мирвани "Асли ва карам" имели большой успех у публики.

Все эти факты свидетельствовали, что в начале XX в. в туркестанском обществе активно формировался слой новой национальной интеллигенции. По своей численности по отношению к всей массе населения он был еще очень небольшой, но его общественная значимость была огромна. В его рядах были прекрасные педагоги (Мунаввар-Кори Абдурашидханов, Абдулла Авлони, Абдукадыр Шакури, Мухаммад Расуль, Саид-Расуль Саидазизов и др.), издатели и журналисты (Махмудходжа Бехбуди, Ашурали Зохири, Муса Саиджанов, Бобоахун Салимов и др.), юристы (Убайдулла Ходжаев, Саид-Али-ходжа Муса Ходжаев, Абдурахман-бек Уразаев и др.), историки (Мухаммад Солих-Кори Ташкетди, Саттархан Абдулгаффаров, Мулла Алим Махмуд-ходжи), поэты и писатели (Абдурауф Фитрат, Муками, Тавалло, Завки, Фуркат, Абдулхамид Чулпон, Абдулла Кодыри, Хамза Хакимзаде Ниёзи), политические деятели (Ташпулатбек Норбутабеков, Ислом Шоахметов, Миродил Мирзаахметов, Обиджон Махмудов, Сабирджон Юсупов, Одилжон Умаров и мн.др. Их активная жизненная позиция — лидера общества несла в массы новые идеи, помогала обществу искать новые прогрессивные пути развития.

В новом административном образовании Российской империи — Туркестанском генерал-губернаторстве метрополия создала свой колониальный аппарат управления, что и обусловило появление в исследуемый период в Туркестане новой социальной группы — русских чиновников. В отличие от чиновников феодального общества, где бек, кази, амлякдар и т.д. были в одном лице и чиновниками и крупными феодалами, чиновники колониальной администрации жили только на казенное жалование, но обладали они при этом огромной властью.

Основными задачами колониального аппарата было обеспечение прочности царизма в крае, претворение в жизнь его колониальной политики, создание эффективной системы эксплуатации богатейших природных ресурсов Туркестана, поддержание угодного царизму режима и подавление любого сопротивления ему.

По данным всероссийской переписи населения 1897 г. в трех основных областях края чиновники колониальной администрации, суда, служащие полиции, общественных и сословных служб составляли 0,4% от всего занятого населения¹⁷⁵. По численности это была совсем незначительная социальная единица, но она представляла собой могущественную бюрократическую машину, соединившую в своих руках военную, гражданскую и судебную власть. Чиновникам всех рангов были предоставлены неограниченные административно-полицейские полномочия, которые неизбежно порождали многочисленные злоупотребления, коррупцию и насилие. По свидетельству секретаря американской дипломатической миссии в Петербурге Е. Скайлера, посетившего Туркестан в 1873 г., в туркестанской администрации "было много людей, искавших там или повышенного жалования и скорой наживы, или спасения от кредиторов и судебных преследований и получивших теперь возможность обогащения и удовлетворения личных вкусов за счет местного населения". Скайлер пишет, что за это "с чиновников и не взыскивалось слишком строго, а потому они злоупотребляли своей властью почти вне всякой ответственности"¹⁷⁶. Обобщенная характеристика русских чиновников в Туркестане была блестяще создана М.Е. Салтыковым-Щедриным в его сатирическом произведении "Господа-Ташкентцы".

Колониальный статус Туркестана и военно-чиновничья система управления обусловили появление в его обществе такой совершенно чуждой для него социальной группы, как колониальная армия. Опасаясь крайнего положения, возникновения недовольства мусульманского населения колониальной политикой метрополии и твердо убежденное в том, что "русская военная власть понятнее и внушительнее для туземной толпы"¹⁷⁷, царское правительство

---

¹⁷⁵ Подсчитано по опубликованным материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т.83. — С. 94; Т.86. — С. 116; Т.89. — С. 114.

¹⁷⁶ См.: Дмитриев Г.Л. Делепа Е.Скайлера и проблемы среднеазиатской политики царизма 70-х гг. XIX в. //Сборник научных трудов ТашГУ. Вып. 517. — Т., 1976. — С. 36-37.

¹⁷⁷ Кривошеин А.В. Указ. соч. — С. 78.

содержало в крае значительные вооруженные силы. В конце XIX в. военные составляли 0,6% от всего населения трех основных областей или 2% от их самостоятельной части¹⁷⁸. Для борьбы с сопротивлением режиму царское правительство имело право вводить положение "усиленной" или "чрезвычайной" охраны. Основания для введения такого порядка были сформулированы так, что, начиная с 1892 г. Туркестан находился в состоянии или "усиленной" или "чрезвычайной" охраны, что служило аргументом, чтобы держать там значительные вооруженные силы.

В тоже время необходимо отметить, что не все чиновники и военные, служившие в Туркестане, были казнокрадами и взяточниками. В их среде было немало людей просвещенных, с большим интересом изучавших этнографию и историю края и внесших значительный вклад в развитие туркестанского краеведения. Назовем лишь некоторых из них: управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернатора А.А. Семенов был крупным востоковедом; чиновник по особым поручениям при Сырдарьинском военном губернаторе А.А. Диваев был этнографом, археологом, фольклористом; начальник Амударьинского отдела, затем Самаркандский военный губернатор Н.С. Лыкошин был известным этнографом, одним из учредителей Туркестанского кружка любителей археологии; чиновник по особым поручениям при военном губернаторе Ферганской области, при Туркестанском генерал-губернаторе В.П. Наливкин был крупным востоковедом, прекрасным этнографом; инспектор народных училищ Самаркандской области М.С. Андреев был блестящим этнографом и языковедом; офицер, участник походов на Бухару и Хиву А.П. Хорошхин составил одно из первых описаний пустыни Кызыл-Кум; делопроизводитель и переводчик Самаркандского областного правления В.Л. Вяткин был прекрасным краеведом и археологом; делопроизводитель Управления земельных и государственных имуществ Туркестанского края О.А. Шкапский был автором ряда работ по вопросам социально-экономических отношений в крае; секретарь Туркестанского статистического комитета Е.А. Маев был редактором газеты "Туркестанские ведомости", редактором сборника "Материалы для статистики Туркестанского края", одним из организаторов и первым заведующим краеведческого музея в Ташкенте и мн. др.

Подводя итог анализу структуры туркестанского общества в

---

¹⁷⁸ Подсчитано по опубликованным материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 83. — С. 94, Т. 86. — С. 116, Т. 89. — С. 114.

конце XIX — начале XX вв., надо отметить, что в этот период в ней произошли значительные и серьезные изменения. Колониальный режим, установленный в крае царской Россией, способствовал разрушению в обществе старых отношений и развитию капиталистических отношений, что в свою очередь обусловило складывание многоукладной экономики и соответствующей ей социальной структуры. Новая структура туркестанского общества в начале XX в. была весьма пестрой по своему составу: в ней сохранялись элементы отживающей патриархально-феодальной структуры (земельная аристократия, духовенство, чайрикеры-издольщики); происходили экономические и социальные изменения в положении таких традиционных для общества центральноазиатского региона социальных слоев, как купцы, ремесленники, дехкане; вызревали и укреплялись новые социальные слои и группы, вызванные к жизни развивающимися производительными силами общества — национальная торгово-промышленная и сельская буржуазия, промышленные рабочие, новая национальная интеллигенция; в обществе возникли привнесенные извне силой колониальной власти метрополии такие совершенно новые и чуждые местному менталитету социальные группы, как русские крестьяне-переселенцы, русское чиновничество, колониальная армия.

Но надо отметить, что все эти изменения происходили постепенно, без конфликтов и социальных потрясений, параллельно и во взаимосвязи с изменяющейся общественно-политической и экономической ситуацией в обществе.

2.3. Формирование слоя собственников и его роль в туркестанском обществе

В результате изменения политической ситуации, развития новых экономических отношений и формирования новой социальной структуры в туркестанском обществе в конце XIX — начале XX вв. происходит и смена социальных приоритетов, утверждаются новые критерии, определяющие положение личности в обществе. Главный критерий феодального общества — принадлежность личности к определенному сословию — теряет свою силу и заменяется новым — наличие у личности определенной собственности. В соответствии с этим в обществе формируется и утверждается новая социальная сила — владельцы собственности, которые составляют влиятельный слой

собственников, функционирующих в различных сферах деятельности.

Кровно заинтересованные в сохранении и приумножении своей собственности, как основы их благополучия и общественного положения, собственники становятся главной фигурой, участвующей в развитии производительных сил общества, упрочении его стабильности. Этот слой собственников и занимает ведущее место в экономической и общественно-политической жизни общества Туркестанского края в начале XX в. К 1917 г. из мужчин работоспособного возраста (старше 18 лет) владельцы различной по размерам и видам собственности составляли 76%¹⁷⁹. Практически не имели собственности безземельные дехкане, которые составляли 0,5% мужчин работоспособного возраста, проживающих в сельской местности; из городского населения — городские рабочие и хальфа (работники у кустарей и ремесленников) — 7,4%; служащие, учащиеся, инвалиды — 3,3%. Дехкане-мардикеры, владевшие до 0,5 десятины земли, составлявшие 12,8%, являлись как бы промежуточной категорией, находясь на грани потери своей собственности и перехода или в безземельные дехкане, или в городские рабочие. Хотя надо сказать, что разрушение этой социальной группы шло относительно медленно, поскольку земельные и общественные отношения в кишлаке удерживали их на земле.

Ведущим ядром слоя собственников в начале XX в. выступали крупные промышленники, купцы, землевладельцы, зажиточные дехкане, кустары и ремесленники. Своей деятельностью они развивали промышленность и торговлю, обеспечивали оптимальные условия для создания рабочих мест в сферах производства и обслуживания, помогали развивать науку, просвещение, культуру, занимались широкой благотворительностью.

Но крупные, очень состоятельные собственники — это была небольшая, хотя более заметная и известная часть слоя собственников. Большую же его часть составляли средние собственники, которые преобладали в сельском хозяйстве, промышленном, кустарно-ремесленном производствах, торговле, культурной сфере. Именно их преобладание было характерной чертой социальной структуры региона в этот период. Это были владельцы небольших земельных наделов, мельниц, рисоушек, кустарных и полукустарных, а также мелких промышленных предприятий, ремесленных мастерских, магазинов, лавок, караван-сараев, чайхан и т.д. Средними собственниками была

---

¹⁷⁹ Вахабов М.Г. Формирование узбекской социалистической нации. — Т., 1961. — С. 144.

также и значительная часть новой национальной интеллигенции, обладающая особой формой собственности в виде конкурентноспособных на рынке труда знаний и профессиональных навыков. Владая различными формами собственности, все эти общественные слои являлись экономически независимыми субъектами общества со средним достатком. Они, как правило, соединяли в одном лице рабочую силу и организующий капитал, так как в подавляющем большинстве были не только владельцами собственности, но и непосредственными участниками производственного процесса. Их объединяло в этот слой особо бережное и уважительное отношение к собственности, заинтересованность в ее сохранении и приумножении, удивительное трудолюбие, доброжелательные взаимоотношения, порядочность, честность, благонравие, благотворительность. Они были гарантом стабильности общества, неотъемлемой частью которого являлись и в процветании которого были заинтересованы.

Активное развитие производительных сил края, о котором говорилось в предыдущем параграфе, прежде всего проявилось в создании промышленности перерабатывающей сельскохозяйственное сырье — строительстве хлопкоочистительных, маслобойных, кожевенных, шелкомотальных, шерстомоечных и др. производств. В своем большинстве это были небольшие предприятия полукустарного типа, но с использованием простейших механизмов — водяных, паровых или керосиновых двигателей, гидравлических прессов и т.д. Их владельцами в основном были средние собственники — купцы, разбогатевшие скупщики хлопка, состоятельные кустари и ремесленники. В 1897 г. в Ташкенте действовало 36 небольших промышленных предприятий, на которых было занято 620 рабочих. В их числе только 10 были довольно крупные предприятия с годовой производительностью от 10 до 40 тысяч рублей, на которых работало от 10 до 80 рабочих. Принадлежали они богатым купцам и предпринимателям. Остальные 26 предприятий принадлежали владельцам среднего достатка. На них работало по 5-6 рабочих, годовая производительность была от 5 до 10 тысяч рублей. Причем, 15 предприятиями владели местные купцы и предприниматели. Кроме того, в городе было еще 61 предприятие с годовой производительностью 2-5 тысяч рублей, на которых было занято 320 рабочих¹⁸⁰.

---

¹⁸⁰ НА Уз, ф. И-269, оп. 1, д. 143, лл. 29-30; д. 148, лл. 51-90.

Надо отметить, что характерной чертой промышленного развития края было не создание крупных предприятий и концентрация их в руках небольшого числа монополистов, а быстрый рост числа предпринимателей, открывающих небольшие предприятия. Если в 1884 г. в Ферганской области было 6 небольших заводов¹⁸¹, то в 1904 г. статистики области дали сведения о 195 предприятиях, из которых 84 были крупными с числом рабочих от 25 до 50, а остальные принадлежали владельцам со средними капиталами, на которых работало от 5 до 10 рабочих¹⁸². В 1910 г., по данным канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, в Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской и Семиреченской областях было 362 предприятия, из которых 110 были с годовой производительностью более 15 тысяч рублей, 50 — от 10 до 15 тысяч рублей, а основная масса — 202 предприятия имели годовую производительность от 500 рублей до 10 тысяч рублей, то есть были средними предприятиями¹⁸³. К октябрю 1917 г. общее число предприятий в крае достигало почти полторы тысячи. Большинство из них составляли мелкие предприятия, насчитывающие до 5 рабочих¹⁸⁴. Все эти цифры свидетельствуют о том, что в промышленном производстве края неуклонно росло число предпринимателей со средними капиталами.

Значительную часть средних собственников, занятых в сфере производства края, в исследуемый период составляли кустари и ремесленники. Официальная статистика конца XIX века квалифицировала социальный статус кустарей и ремесленников, как собственников, "имеющих самостоятельное занятие в области промышленности, проживающих в городах и сельской местности". Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Сырдарьинской области было зарегистрировано 43069 человек, занимающихся ремесленным и кустарным промыслом, в Ферганской — 117149 человек, в Самаркандской — 23992 человека¹⁸⁵.

---

¹⁸¹ Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора Ферганской области за 1884 г. — Новый Маргилан, 1884. — С. 11.

¹⁸² Статистический обзор Ферганской области за 1904 г. — Новый Маргилан, 1905. — С. 53.

¹⁸³ НА Уз, ф. И-1, оп. 6, д. 528, л. 228.

¹⁸⁴ Вексельман М.И. О численности рабочего класса Средней Азии накануне октября. //Общественные науки в Узбекистане. — 1985. № 9. — С. 29.

¹⁸⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том LXXXVI. Сырдарьинская область С. X111, 116; Том LXXXIX, Ферганская область. — С. 1X, 114; Том LXXXIII. Самаркандская область. — С. 1X, 94. — СПб., 1905.

При этом надо учесть, что оставалась еще значительное число незарегистрированных кустарей и ремесленников, работавших не в специальных мастерских, а на дому. Но по своему социальному статусу они также относились к слою средних и мелких собственников. В 1897 г. в Ташкенте было зарегистрировано 1699 кустарных заведений с 3300 работниками и годовой производительностью 1-3 тысячи рублей каждое¹⁸⁶. Во всей Сырдарьинской области в том же году было зарегистрировано 4611 кустарных заведений с 13468 работниками¹⁸⁷. Это были небольшие мастерские, в которых работал сам хозяин, члены его семьи, один-два ученика и один — редко два хальфа.

По свидетельству современников, кустари и ремесленники в своем подавляющем большинстве были типичные средние собственники, которые своим честным и добросовестным трудом кормили свою семью и обеспечивали общество необходимыми ему товарами и продуктами. Их заработок был в начале XX в. в среднем — у работавших в городе до 200 рублей, а у работавших в сельской местности — до 100 рублей в год¹⁸⁸. Экономист 20-х годов XX в. А.П. Демидов, работавший в Туркестане до 1917 г. в налоговой службе колониальной администрации края, приводит следующие данные о заработках сельских ремесленников: мастер, строивший дома, зарабатывал 80-100 рублей в год, делавший арбы — 100 рублей в год, ткач — 1 рубль — 1 рубль 20 копеек в неделю, маслобойщик и кожевник — до 3 рублей в неделю¹⁸⁹. При этом надо учесть, что сельские ремесленники и кустари имели еще и земельный надел в 0,5 — 1 десятину, который снабжал их семьи необходимыми продуктами.

Несмотря на меняющуюся в начале XX в. для ремесленников и кустарей Туркестана конъюнктуру рынка, они продолжали оставаться основными производителями товаров широкого потребления для местного населения. Более того, общий рост товарно-денежных отношений и увеличение спроса со стороны метрополии на некоторые виды сельскохозяйственного сырья, обрабатываемого кустарями (например, шелк, кожи и др.), увеличили число некоторых кустарных заведений, на которых были заняты 2-4 наемных работника, ставя их на

---

¹⁸⁶ НА Уз, ф. И-269, оп. 1, д. 141, л. 17.

¹⁸⁷ Там же, л. 60.

¹⁸⁸ См: Приложение к всеподданнейшему отчету Ферганского военного губернатора за 1882-1884 гг. — Новый Маргилан, 1884. — С. 11. 13-14; Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч.П. — СПб., 1911. — С. 120-121.

¹⁸⁹ Демидов А.П. Экономический очерк хлопководства, хлопкоотгонства и хлопковой промышленности. — М., 1922. — С. 32.

грань примитивных промышленных заведений. Если в 1904 г. в Ферганской области было зарегистрировано 949 кустарных заведений, где работало от 2 до 4 работников¹⁹⁰, то в 1910 г. в той же области было зарегистрировано 19738 владельцев кустарных мастерских с 33208 работниками. Причем, в 17434 кустарных заведениях было занято 26309 работников, а в 2304 заведениях — 6899 работников, из них в 2111 шелкоткацких мастерских работало 4595 работников, а в 193 кожевенных — 2304 работника¹⁹¹. Такая картина была очень характерна для этого периода промышленного развития края, когда, как отмечал В.И. Массальский, "нередко трудно было разобраться, где кончается кустарный промысел и начинается фабрично-заводское дело и наоборот"¹⁹². Не имея полных данных об общей численности кустарей и ремесленников в крае к 1917 г., можно считать, что они являлись значительной частью слоя средних собственников, если исходить из того, что к этому времени они составляли 34,2% мужчин работоспособного возраста, проживающих в городах¹⁹³.

Та же тенденция массового утверждения слоя средних собственников наблюдалась и в торговой сфере. По свидетельству современников, характерной чертой центральноазиатской торговли было "огромное число лиц, занимающихся торговым делом и незначительность оборотов каждого в отдельности торгового предприятия". В Самаркандской и Ферганской областях, где мелкая торговля была особенно развита, один торговец или одно торговое заведение приходилось на 20-25 мужчин местного населения¹⁹⁴. В 1878 г. только в Ташкенте было выдано 5820 торговых свидетельств, из них 224 купцам первой и второй гильдии, 1268 — приказчикам первого и второго класса, 3689 — купцам, имевшим мелочную торговлю и торговлю в небольших лавках¹⁹⁵. В 1882 г. в городе было зарегистрировано 6333 человек, занимающихся торговлей. В том числе — 256 купцов первой и второй гильдии, 1559 приказчиков первого и второго класса и 4180 торговцев среднего типа¹⁹⁶. Эти цифры свидетельствуют о том, что богатые торговцы, каковыми являлись

---

¹⁹⁰ Статистический обзор Ферганской области за 1904 г. — Новый Маргилан, 1905. — С. 53.

¹⁹¹ Статистический обзор Ферганской области за 1910 г. — Скобелев, 1912. — С. 78.

¹⁹² Туркестанский край. — С. 536.

¹⁹³ Вахабов М.Г. Указ.соч. — 144.

¹⁹⁴ Туркестанский край. — С. 548.

¹⁹⁵ НА Уз, ф. И-36, оп. 1, д. 1528, л. 142.

¹⁹⁶ Там же, д. 2189, лл. 132,175.

купцы первой и второй гильдии, составляли лишь 4% от общего числа занимавшихся торговлей, тогда как торговцы среднего типа составляли 66,3%. В 1897 г. во всей Сырдарьинской области из общего числа мужчин трудоспособного возраста торговлей занималось 19,7%¹⁹⁷.

В начале XX в. число лиц, занимающихся торговлей, продолжало неуклонно расти. Причем крупные купеческие дома забирают полностью в свои руки всю оптовую и розничную торговлю, тогда как мелочная торговля сосредотачивается в руках средних торговцев. В Ферганской области в 1904 г. было выдано 26512 купеческих свидетельств, в том числе — 48 на оптовую торговлю, 747 — на розничную, 25717 — на мелочную торговлю и 19742 на торговлю в небольших помещениях¹⁹⁸. В 1908 г. в трех основных областях края было выдано около 52 тысяч документов на право торговли, в том числе в Самаркандской области — 10566, Сырдарьинской — 14677, Ферганской — 26481¹⁹⁹. В 1912 г. в отчете начальника Закаспийской области отмечалось, что "в области торговля сосредоточена преимущественно в небольших предприятиях". Всего же за 1912 год в области с сорока четырехтысячным населением было выдано 4811 торговых свидетельств, из которых 15 на оптовую торговлю, 1218 — на розничную, 3578 — на мелочную торговлю, что составляло 74% всех выданных свидетельств²⁰⁰. В 1914 г. в Самаркандской области, население которой составляло 1 миллион 55 тысяч, было выдано 67 свидетельств купцам первой и второй гильдии, торговцам мелочной торговлей — 3530, торговцам в небольших помещениях — 8565²⁰¹. В 1915 г. в Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областях было зарегистрировано 61539 торговых предприятий с общим годовым оборотом 278 миллионов 600 тысяч рублей. Половина из них с годовым оборотом в 168,5 миллионов рублей приходилась на Ферганскую область²⁰².

Рассматривая тенденции развития торговли и ее внутренней структуры в Туркестане в исследуемый период, надо отметить такой важный факт, как быстрый рост в ее рядах средних собственников из коренного населения. По материалам переписи 1897 г., в Ташкенте из

---

¹⁹⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXXVI. Сырдарьинская область. — С. 4-5.

¹⁹⁸ Статистический обзор Ферганской области за 1904 г. — С. 53.

¹⁹⁹ Туркестанский край. — С. 548.

²⁰⁰ НА Уз, ф. И-269, оп. 1, д. 514, л. 52.

²⁰¹ НА Уз, ф. И-1, оп. 27, д. 1216-а, лл. 1-3, 17-18.

²⁰² Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г. — Т., 1916. — С. 74-77.

8462 лиц занятых торговлей и связанной с ней деятельностью, 7906 или 93,4% были жители коренных национальностей. Из них самое большое число было занято торговлей сельскохозяйственными продуктами — 3218 человек, а также тканями и одеждой — 1425 человек. Коренные жители были практически монополистами в городской торговле скотом (99,4%), строительными материалами (99,4%), кожей (98,4%)²⁰³. В 1898 г. Ташкентской городской управой было выдано жителям коренных национальностей 5056 торговых свидетельств, из которых 4226 на право мелкой торговли с оборотным капиталом от 700 до 2 тысяч рублей²⁰⁴.

Средние предприниматели и торговцы представляли собой в начале XX в. значительный слой, который в советской историографии стал называться мелкой буржуазией. В 1917 г. только в городах края она составляла 19% мужчин работоспособного возраста²⁰⁵.

Самым многочисленным слоем туркестанского общества в исследуемый период было дехканство. Основным источником для исследования внутренней социальной структуры кишлака являются результаты ревизии Туркестанского края комиссией сенатора К.К. Палена в 1908-1909 гг., когда было обследовано 4220 дехканских хозяйств из 8 уездов долинной зоны Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей. Эти хозяйства были сгруппированы по размерам земельных участков: не имевшие земли, имевшие до 0,5 десятины или 3 танапа, имевшие 0,5 — 1 десятину, 1 — 2 десятины, 2 — 3 десятины, 3 — 5 десятин, 5 — 10 десятин, свыше 10 десятин. Кроме этого, были также даны сведения о 6575 мужчинах работоспособного возраста, работавших на этих земельных участках.

Советская историография на основании этих материалов, исходя из чисто внешнего признака социального положения дехканина — размера его земельного участка, так определяла социальную структуру кишлака в 1909 г.: безземельные дехкане или сельский пролетариат — 1,1%; мардикеры или полупролетариат, владевшие землей до 0,5 десятины или 3 танапа (1 десятину равнялась 6 танапам) — 21,6%; чайрикеры (издольщики), владевшие от 0,5 до 1 десятины — 14,9%; мелкие крестьяне, владевшие 1-2 десятинами — 19,4%; середняки, имевшие наделы 3-5 десятин — 27,5%; кулаки, имевшие

---

²⁰³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. LXXXVI. — С. 116-117.

²⁰⁴ НА Уз, ф. И-36, оп. 1, дд. 861, 863, 870.

²⁰⁵ Статистический ежегодник 1917-1923 гг. Т. 1. — С. 42.

наделы 5-10 десятин — 10,6%; богатые баи, имевшие более 10 десяти земли — 4,9%. Из этого делается вывод, что 56% дехканских хозяйств, то есть больше половины, являлись малоземельной беднотой (в разряд бедноты были отнесены все хозяйства, владевшие земельными участками в пределах до 2 десятин), в кишлаке царили нищета и безземелье, основная часть дехканства разорялась и пополняла ряды городского пролетариата. Поэтому спасение дехканства было только в революции, перестройке всего сельского хозяйства на социалистических началах, то есть в ликвидации частной собственности на землю и создании коллективных хозяйств, перевоспитании дехкана-хозяина в дехкана-колхозника. Тем самым исследователи выполняли социальный заказ властных структур для оправдания коренной ломки социальной структуры кишлака, совершившийся в 30-е годы²⁰⁶.

С нашей точки зрения, такой подход и, рожденные им, выводы являются в корне неверными, ибо не размер земельного участка должен быть решающим критерием при определении социального статуса дехкана в структуре кишлака, а доход, который давал этот земельный участок дехканской семье. В таком случае социальная структура кишлака в начале XX в. будет выглядеть несколько иначе, чем это было принято в советской историографии. Бедные хозяйства, составлявшие действительно довольно значительное число, тем не менее, не являлись подавляющим большинством дореволюционного кишлака и не определяли общее его социальное лицо. Веские аргументы для такого вывода дают работы специалистов сельского хозяйства, работавшие в исследуемый период в Туркестане — М.П. Федорова, В.И. Юферева, А.И. Шах-Назарова, С.В. Понятовского, В.И. Массальского, а также работы советских экономистов 20-х гг. — А.М. Давыдова, А.П. Демидова, А. Силонова, Г.Н. Черданцева²⁰⁷.

---

²⁰⁶ См.: Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). — Т., 1959; История Узбекской ССР. Т. II. — Т., 1968; Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX в.). — Т., 1969; Вахабов М.Г. Формирование узбекской социалистической нации. — Т., 1961; Ризаев Г. Аграрная политика советской власти в Узбекистане (1917-1965). — Т., 1967; Турсунмухамедов С. Великий Октябрь и изменение социальной структуры советского Узбекистана. — М., 1977 и др.

²⁰⁷ Федоров М.П. Хлопководство в Средней Азии. — СПб., 1896; Юферев В.И. Хозяйство сартов Ферганской области. — Т., 1911; Он же. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана. — СПб., 1914; Он же. Хлопководство в Туркестане. — Л., 1925; Шах-Назаров А.И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. — СПб., 1908; Понятовский С. В. Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области. — СПб., 1913; Массальский В.И. Хлопковое дело в Средней Азии. — СПб., 1913; Он же. Хлопковый

Анализируя с этих позиций социальную структуру кишлака, помимо всех факторов, обусловивших развитие хлопководства в крае, надо учитывать и такой, как необыкновенное трудолюбие туркестанского дехканства, обусловленное земельной необеспеченностью, веками выработанные им навыки к целесообразному хозяйствованию и возделыванию тех культур, от которых можно было бы получить максимальную прибыль. Такой культурой в конце XIX начале XX вв. для туркестанского дехкана оказался хлопок. В.И. Юферев писал: "Вызывая значительные затраты труда, хлопок мог получить широкое распространение в Туркестане только благодаря особому трудолюбию местного земледельческого населения"²⁰⁸.

Повышенный спрос текстильной промышленности метрополии на хлопок и обусловленные этим значительные вложения капитала в его развитие совпали с интересами дехканства. Главным стимулом в развитии промышленного хлопководства, по мнению А.П. Демидова, "явилась структура самого дехканского хозяйства, в недрах которого были заложены потенциальные силы, которые вырвались наружу в начале XX в."²⁰⁹. Выгодность возделывания хлопка для дехкан Туркестана была обеспечена высоким спросом и достаточно высокими ценами на него на рынке, гарантированным сбытом, однолетним циклом развития, позволяющим легко вводить его в хозяйственный оборот. Этому способствовала и протекционистская политика царского правительства, установившего высокую таможенную пошлину на хлопок, ввозимый в Россию из других стран, и, введенное в 1891 г., льготное обложение земель, занятых под хлопковые посевы. По сравнению с другими сельскохозяйственными культурами, культура хлопка оказалась самой доходной. В 1912 г., по подсчетам местных агрономов, средний чистый доход за вычетом стоимости труда с 1 десятины риса составлял 48 рублей, кукурузы — 36 рублей, богарной пшеницы — 21 рубль, поливной пшеницы — 41 рубль, люцерны — 80

вопрос и меры к его разрешению. — Петроград, 1917; Давыдов А.М. Коканкишлакская волость перед земельной реформой. — Самарканд, 1926; Демидов А.П. Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана. — М., 1922; Силонов А. К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве Средней Азии. — Т., 1926; Черданцев Г.Н. Среднеазиатские республики. Экономический очерк. — М., 1928; Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии (под редакцией Ю.И.Пославского и Г.Н.Черданцева). — Т., 1922.

²⁰⁸ Юферев В.И. Хлопководство в Туркестане. — Ленинград, 1925. — С. 9.

²⁰⁹ Демидов А.П. Указ. соч. — С. 84.

рублей, хлопка — от 100 до 200 рублей²¹⁰. В.И. Юферев считал, что 1 десятина посевов хлопка по эффективности равнялась 4 десятинам других поливных культур²¹¹ и что при средней урожайности чистого волокна 18-20 пудов с десятины каждая десятина посеянного хлопчатника давала дехканину, выращивающему хлопок, 70-80 рублей дохода²¹². Вот расчет доходности 1 десятины посевов хлопка в Ферганской области в начале XX в.: обработка земли стоила 115 руб. 44 коп.; если с десятины собирали урожай по 60 пудов сырца (средние показатели) или по 90 пудов (хорошие показатели) при цене на сырец — 3 руб. за пуд, то хозяйства со средней урожайностью получали от продажи хлопка 205 руб. (180 руб. за сырец и 25 руб. за стебли), а при хорошей урожайности — 295 руб. (270 руб. за сырец и 25 руб. за стебли). Дехканину, если он обрабатывал эту десятину своей семьей, оставался доход в 90 руб. или же 180 руб. при высоком урожае²¹³. В 1910 г., по данным Кокандского биржевого комитета, расходы на обработку 1 десятины хлопка составляли 225 руб., валовая доходность — 320 руб., чистый доход получался — 95 руб. При этом каждые 100 руб. затрат на обработку 1 десятины хлопка давали чистого дохода 42 руб. В 1914 г., по данным В.И. Юферева, расход на 1 десятину хлопка составил 208,44 руб., валовой доход — 340 руб., чистый доход — 131,6 руб., прибыль со 100 руб., затраченных на обработку, — 61 руб. В среднем посевы хлопка в Туркестане к 1915 г. с 1 десятины, по мнению специалистов, давали 40-50 руб. прибыли на каждые 100 руб., затраченных на ее обработку²¹⁴.

Таким образом, дехканин, в силу собственных интересов и кровной заинтересованности в существовании и прибыльности своего хозяйства, нашел в хлопке средство к дальнейшему своему преуспеванию, поскольку его возделывание позволяло в границах небольшого надела вполне достаточно обеспечивать семью. Чем больше он прилагал энергии, тем больше были результаты в производстве хлопка. Рост трудовых затрат сопровождался

---

²¹⁰ Кривошеин А.В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. — Т., 1912. — С. 16.

²¹¹ Юферев В.И. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана. (Опыт характеристики рабочего вопроса в хлопковых районах Туркестанского края) — СПб., 1914. — С. 17.

²¹² Юферев В.И. Русский хлопок. — Петроград, 1916. — С. 21.

²¹³ Корытов Н. О денежном кредите у туземцев // Ежегодник Ферганской области. Вып. III. — Новый Маргилан, 1904. — С. 103.

²¹⁴ Демидов А.П. Указ. соч. — С. 66-67.

пропорциональным ростом урожайности. В этом ему помогал вековой навык предков в высокоинтенсивном труде. Кроме того, собственнический инстинкт направлял всю, имеющуюся в хозяйстве, рабочую силу для максимального использования ее в своем хозяйстве, да и все члены семьи дехкана оставались внутри своего хозяйства, что совпадало с менталитетом его социальной психологии.

Все эти расчеты дают нам основание определить иные критерии группировки дехканских хозяйств по их социальной принадлежности и, следовательно, определить иную структуру кишлака в начале XX в. Это относится прежде всего к группе "малоземельная беднота", в которую советская историография относала дехканские хозяйства с наделами от 0,5 до 2 десятин земли (или от 3 до 12 танапов). Бесспорно к этой группе должны быть отнесены все хозяйства чайрикеров, имеющие от 0,5 до 1 десятины, которые не могли прокормить свою семью с такого надела. Опыт бюджетного обследования четырех кишлаков Андижанского уезда позволил В.И. Юфреву установить, что "1 десятина — это меньшая грань, ниже которой семья должна отпускать своих членов на заработки, так как ведение собственного хозяйства уже не обеспечивает ее средствами к существованию"²¹⁵. При этом, как уже говорилось выше, дехканин в таких хозяйствах, как правило, не уходил на заработки в город, а оставался при земле²¹⁶. Вместе с работой на своем участке он занимался для дополнительного заработка к соседям в многоземельные участки мардикером на отдельные виды сельскохозяйственных работ (окучка, полив, сбор урожая и т.д.) или же брал некоторую часть земли в издольную аренду. Аренда 1 десятины земли с хлопковыми посевами давала чайрикеру около 100 руб. дохода: он получал стоимость двух пятых урожая — 72 руб. (при урожайности 60 пудов сырца с десятины и 3 руб. стоимости 1 пуда сырца), хозяин его кормил и на 28 руб. давал семян²¹⁷.

Что же касается дехканских хозяйств, имевших надел от 1 до 2 десятин, то часть из них, имевшая чуть больше 1 десятины земли, относилась к бедным хозяйствам. Большая же их часть, имевшая 1,5 -2 десятины земли и выращивающая хлопок, своим упорным трудом могла с этого участка вполне обеспечивать семью. По нашему мнению, эти

---

²¹⁵ Юфрев В.И. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана. — С. 18.

²¹⁶ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. II. — С. 120-121.

²¹⁷ Корытов Н.О. денежном кредите у туземцев //Ежегодник Ферганской области. Вып. III. 1904. — С. 103.

хозяйства уже не являлись бедными, а больше тяготели к средним хозяйствам. Они уже имели свой скот и сбалансированный бюджет. Вот расчет бюджета хлопководческого хозяйства Ферганской долины на 1911 год, семья которого состояла из 4 человек. Хозяйство имело 7 танапов (1,25 десятины) удобной земли: усадьба — 1 танап, люцерна — 1 танап, джугара — 2 танапа, хлопчатник — 3 танапа (0,5 десятины), корову, теленка, четырех кур, 1 лошадь, другую покупали на время весенних работ. Приход семьи за год составил 213 руб. 33 коп. (в том числе 70 руб. 33 коп. деньгами и 143 руб. натурой). Расход за год: на продовольствие — 94 руб. 78 коп., личные потребности (одежда, обувь, отопление, домашние вещи, раздача милостыни, выплата податей) — 136 руб. 41 коп., приобретение семян хлопка и джугары — 2 руб. 7 коп., на корм скоту и приобретение лошади на время весенних работ — 54 руб. 88 коп. Всего расход за год составил 193 руб. 72 коп. Оставалось на следующий год 19 руб. 61 коп.²¹⁸. Эти хозяйства современники характеризовали "как самостоятельные, самодостаточные, существующие исключительно своим трудом от продуктов собственного земледельческого промысла"²¹⁹. И таких хозяйств было около 10%.

Хозяйства же, имевшие от 2 до 3 десятин, были уже твердыми середнячками. Современники характеризовали их как "средний тип самостоятельного дехканского хозяйства", которое обходилось собственными силами²²⁰. В.И. Маскльский писал, что 2 десятины при интенсивном земледелии вполне достаточны для безбедного существования семьи²²¹. До последнего клочка используя свой надел и все свободные руки своей семьи, эти хозяйства не прибегали к найму дополнительных рабочих рук даже на сроковые работы. В хозяйстве с 2 десятинами (12 танапов) земли 1,64 десятины (82,1%) отводилось под сельскохозяйственные посевы, главным образом хлопковые, 0,1 десятины (6,3%) занимала усадьба, 0,03 десятины (1,9%) — перелог, 0,2 десятины (9,7%) — сенокос. Выгона для скота не было, он находился в стойловом содержании²²².

При этом надо отметить, что для хозяйств, выращивающих

---

²¹⁸ Юферев В.И. Хозяйство сартов Ферганской области. — Т., 1911. — С. 31.

²¹⁹ Юферев В.И. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана. — С. 18.

²²⁰ См.: Юферев В.И. Хозяйство сартов Ферганской области. — С. 31; Его же. Хлопководство в Туркестане. — С. 81; Его же. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана. — С. 19, 35; Демидов А.П. Указ. соч. — С. 24.

²²¹ Туркестанский край. — С. 419.

²²² Демидов А.П. Указ. соч. — С. 24.

хлопок, 3 десятины земли были верхней гранью, выше которой им уже не хватало собственных рабочих рук для обработки своего надела и они вынуждены были прибегать к их найму со стороны. А это уже был дополнительный расход. Поэтому дехкане в основном и старались держаться в пределах 2-3 десятин. Высокая доходность хлопковой культуры обеспечивала им положение хозяйств среднего достатка.

Возможность выращивать доходную культуру силами только своей семьи на участке в 1,5-3 десятины и объясняет типичную картину "малоземелья" хлопководческих хозяйств в регионе в начале XX в. Это были трудовые хозяйства среднего достатка. Даже уже в советское время в документах Наркомзема УзССР хозяйства, располагающие от 1,1 до 3 десятин, назывались "среднячком, наиболее мощной группой дехканских хозяйств"²²³. Вместе с хозяйствами в 3-5 десятин среднячские хозяйства составляли в кишлаке более 40%.

Кроме того, мы считаем, что к этой среднячской группе следует причислить и хозяйства, имевшие 5-10 десятин. В советской историографии они считались уже кулацкими. Но это были не те кулацкие хозяйства, где всю работу выполняют нанятые батраки, а скорее хозяйства зажиточных среднячков. Это были трудовые хозяйства, в которых хозяин со своей семьей от зари до зари работал в поле, временно привлекая дополнительную, несколько большую, чем хозяйства с 3-5 десятинами, рабочую силу только для выполнения отдельных видов сельскохозяйственных работ. Лишь незначительная часть из них сдавала излишки своей земли в издольную аренду. Имеются сведения, что в хлопководческих районах края 25,6% хозяйств этой группы нанимали поденных рабочих и только 12,2% привлекало издольщиков²²⁴.

Все вместе вышеназванные группы к 1909 г. составляли, по нашему мнению, половину дехканских хозяйств края, в которых трудилось 52% мужчин работоспособного возраста²²⁵. Это был крепкий средний слой дехкан собственников и тружеников.

Особенностью сельского хозяйства Туркестана в начале XX в. была исключительно высокая товарность небольших земельных

---

²²³ Дополнительные материалы к отчету Наркомзема УзССР по проведению земельно-водной реформы в Самаркандской, Ферганской и Ташкентской областях. — Т., 1928. — С. 89.

²²⁴ Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. — Т., 1973. — С. 33.

²²⁵ См.: Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. II. — С. 121-122.

участков, тогда как обычно высокой товарностью обладают крупные капиталистические хозяйства. Именно на небольших земельных наделах середняцкие дехканские хозяйства из года в год увеличивали урожайность и количество собранного хлопка. Если в 1907 г. было собрано 6 миллионов 69 тысяч пудов волокна при урожайности 21 пуд волокна с десятины, то в 1915 г. — 11 миллионов 11 тысяч пудов волокна при урожайности 23,8 пудов волокна с десятины²²⁶. И начавшееся в 1916 г. падение этих показателей объяснялось не упадком и обнищанием дехканских хозяйств, а созданием условий, при которых хлопок стал для дехканина не выгодной культурой, и он переключился на выращивание других культур.

Кроме того, именно дехкане-середняки в начале XX в. помимо хлопка выращивали и производили в достаточном количестве и другую товарную сельскохозяйственную продукцию (кроме зерна), которой снабжали свой регион и еще вывозили в Россию. Так, в 1913 г. было вывезено из Туркестана в Россию различной сельскохозяйственной продукции на 277 миллионов 863 тысячи рублей, в том числе продуктов животноводства на 50 миллионов 325 тысяч рублей, садоводства — на 8 миллионов 317 тысяч рублей, виноградарства — на 9 миллионов 221 тысяча рублей²²⁷.

В тоже время надо отметить, что у дехканских хозяйств Туркестана в начале XX в. имелся целый ряд очень серьезных проблем, затруднявших их хозяйствование, снижавших уровень их достатка и, в конечном счете, мешавших дальнейшему развитию сельского хозяйства края. Самой главной из них была проблема кредитов, поскольку уже при проведении весенних полевых работ дехканину нужны были деньги на покупку семян, рабочего скота, оплату сроковых рабочих, если размеры его участка требовали дополнительных рабочих рук. Но из-за отсутствия в крае системы банковского кредитования дехканских хозяйств они вынуждены были пользоваться услугами местных ростовщиков на очень тяжелых условиях. Главный управляющий департаментом землеустройства и земледелия А.В. Кривошеин, частный банкир Туркестан в 1912 г., писал: "Государственный банк частным банкам и хлопковым фирмам дает кредит — 5,5%, те от себя раздают задатки посредникам уже 8-9%, а хлопководу кредит обходится

---

²²⁶ Юферев В.И. Хлопководство в Туркестане. — С. 136, 138, 139.

²²⁷ Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне октября. — С. 37.

в 60%²²⁸. Нужен был более дешевый путь кредитования дехканских хозяйств. Для решения этой задачи Российским государственным банком с 1909 г. в крае начинают создаваться товарищества мелкого кредита, которые финансировали дехкан из расчета 12% годовых. В 1917 г. в Туркестане уже действовало 833 таких товариществ, в них состояло 194,5 тысяч членов, а сумма отпущенных кредитов составляла 50 миллионов 929 тысяч 766 рублей, в том числе в Ферганской области, где было самое большое число хлопководческих хозяйств, было 444 товарищества, 99,5 тысяч их членов, располагавших кредитами на 28 миллионов 218 тысяч рублей²²⁹. По свидетельству современников, встреченное вначале с недоверием, это новшество быстро стало завоевывать признание у дехканства. "При всей своей малосознательности, — пишет А.П. Демидов, — население легко кооперировалось и быстро усвоило все значение мелкого кредита. Его безупречная честность, добросовестность, аккуратность и некоторая заинтересованность позволили молодой кооперации Туркестана сыграть большую роль не только в оздоровлении атмосферы частного кредита, но и также в деле развития производительных сил сельского хозяйства"²³⁰.

В противоположность мнению историков советского периода, что система кредита в Туркестане "не оказала по существу никакого влияния на тяжелое состояние хлопководческих хозяйств" и что "кредит имел для дехкана больше потребительский, чем производственный характер, так как шел преимущественно на пропитание семьи"²³¹, сравнительный анализ выдачи ссуд учреждениями мелкого кредита в Сырдарьинской области за 1913-1917 гг. показывает, что 98% взятых в кредит ссуд расходовалось именно на производственные нужды, тогда как на личные расходы шло 1,8%. Так, в 1913 г. на покупку скота было израсходовано 50,3% взятого кредита, в 1917г. — 51,6%, на покупку семян — соответственно 20,7% и 27,6%, сократились расходы на наем рабочей силы с 14,6% в 1913 г. до 8,3% в 1917 г., на уплату по долгам с 0,6% до 0,2%, увеличились расходы на улучшение земельных угодий с 0,3% до 0,8%²³². Увеличение размеров ссуд на покупку скота и семян и

---

²²⁸ Кривошеин А.В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданнейшему докладу — Т., 1912. — С. 17-19.

²²⁹ Демидов А.П. Указ. соч. — С. 229, 247-248.

²³⁰ Там же. — С. 239.

²³¹ Аминов А.М. Указ. соч. — С. 168; Юлдашев А. Указ. соч. — С. 241.

²³² Статистический ежегодник. 1917-1923. Т. II, Ч.3. — С. 412.

падение на наем рабочих рук свидетельствовало о том, что кредитные операции втягивали в свой оборот все большее число небогатых дехканских хозяйств, а уменьшение расходов оплаты по долгам и увеличение расходов на улучшение земельных угодий говорило об улучшении их положения.

В предреволюционные годы система мелкого кредита в Туркестане все больше приближалась к обслуживанию нужд непосредственных дехкан-производителей. Это был реальный путь укрепления трудовых дехканских хозяйств и, прежде всего, тех, кто составлял в их числе слой средних собственников. "Кредитные операции становились эластичными и удобными формами финансирования государством на принципах банковского кредита сельских производителей, — писал Г.Н. Черданцев — известный экономист 20-х годов, работавший до революции чиновником Управления земледелия и государственных имуществ Туркестана и потому хорошо знавший специфику хозяйственной жизни края. — Если бы не последовало в связи с революционными событиями соответствующей ликвидации учреждений мелкого кредита, то они внесли бы огромные изменения в сельскохозяйственную жизнь страны"²³³. Этот действительно позитивный процесс был прерван революцией.

Таким образом, в социальной структуре общества Туркестанского края в начале XX в. сложился и укрепился самодельный и влиятельный слой собственников. Костяк этого слоя составляли люди среднего достатка — слой средних собственников, которые своим целеустремленным трудом приносили ощутимую пользу себе и обществу во всех сферах его деятельности. Советская власть называла их мелкобуржуазными элементами с собственнической психологией и, приложив максимум усилий, полностью истребила в 20-30-е годы. И только в условиях независимости, анализируя пройденный путь и видя реальную пользу для общества от функционирования этого слоя средних собственников, наше общество приходит к пониманию его созидательного значения для развития производительных сил и поднимает вопрос о его воссоздании. Жизнь показала, что средний собственник всегда был и будет истинным хозяином и в своем хозяйстве, и в своем государстве.

Итак, вторая половина XIX — начало XX вв. для

---

²³³Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии (под ред. Ю.И. Пославского и Г.Н. Черданцева). — Т., 1922. — С. 102,103.

центральноазиатского региона были периодом кругого поворота на путях развития его государств. На большей его части, захваченной царской Россией и превращенной в колонию — Туркестанский край, взамен традиционно сложившихся феодальных отношений интенсивно развивались новые политические и социально-экономические отношения, формировались новые социальные слои и группы. Из этих новых слоев и групп и трансформировавшихся слоев и групп старой формации формировался особый значительный и влиятельный слой собственников, внутри которого в свою очередь складывался и занимал определяющее значение слой средних собственников. В определенной мере этот процесс затронул и общества соседних с Туркестанским краем государств — Бухарского эмирата и Хивинского ханства, которые оставались деспотическими авторитарными государствами. Но в отличие от Туркестанского края, где процесс формирования новых социальных отношений проходил быстрыми темпами, в этих государствах, где сильны были деспотическая власть эмира и хана, влияние реакционных патриархально-клерикальных элементов и старых сословных взаимоотношений, этот процесс шел медленно и в значительно меньших масштабах. Достаточно сказать, что если в Туркестане уже к началу XX в. сложилась и утвердилась новая социальная структура общества, в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве этот процесс ко времени падения там деспотических режимов, то есть к 1920 г., так и не был завершен.

Отличительной чертой развития туркестанского общества в этот период было то, что эти процессы происходили в нем эволюционным путем, без конфликтов и без физического уничтожения представителей, уходящих со сцены общественной жизни, ранее влиятельных социальных структур. Сформированному в ходе нового общественного развития слою собственников не нужны были дестабилизация и революционные потрясения. Именно поэтому другой отличительной чертой туркестанского общества было то, что при безусловном наличии социального неравенства в нем не было ярко выраженных антагонистических отношений, причем, ни в одном из его ведущих слоев.

Не было дестабилизирующих устремлений, угрожающих их собственническим интересам, среди торговцев, кустарей и ремесленников, тем более среди предпринимателей, не наблюдалось их и среди дехканства, составлявшего большинство населения края. В редакционной заметке первого номера журнала "Туркестанское сельское хозяйство" за 1907 г. отмечалось, что в кишлаке "аграрно-

экономические отношения не усложняются сословной враждой... Клич "земля и воля" в смысле требования дополнительного наделения землей и политического освобождения чужд главной массе населения". Характер социальных отношений среди дехканства региона точно определил американский исследователь А. Парк: "Семена социальных конфликтов, которые существовали в сельской местности России, были слабы или отсутствовали в Центральной Азии. В отличие от русских землевладельцев, которые жили отдельно от населения, местные землевладельцы мало, чем отличались от крестьян, они были сами по себе крестьянами и их образ жизни, культурный уровень, религиозные убеждения были мало отличны от тех, кто арендовал у них землю. Они жили на земле и поддерживали тесный контакт со своими арендаторами. Ислам создал духовные и социальные связи между владельцами и крестьянами более тесные, чем те, которые существовали среди сельского православного населения. Местные деревни не имели открытых язв, которые советский режим мог назвать вирусом классовой борьбы. В этих регионах существовала другая точка опоры для развития классовой борьбы — линия расчленения между русскими поселенцами, получившими земли, и местными малоземельными сельскими жителями. Аграрный конфликт приобретал поэтому национальную окраску"²³⁴. Именно отсутствие в кишлаке острого социального антагонизма не вызвало в нем "широкого аграрного движения в 1917 г. и явилось, как отмечали работники уже советского аппарата, той главной причиной, из-за которой "вовремя полного разгара небывалой по размерам революции, в корне ломавшей все устои государственного строя и привычный уклад жизни, естественное стремление крестьянина к земле не получило выхода, не выразилось в захвате байских земель"²³⁵. Слой же национального промышленного пролетариата, который в России был инициатором революционных преобразований общества, в Туркестанском крае находился еще в начальной стадии формирования, можно сказать, что его практически не было. Рабочие из местных национальностей в большинстве своем были заняты на сезонных работах, распылены по небольшим предприятиям, отчуждены от русских рабочих значительной разницей в оплате труда, худшими условиями труда и быта, языковым барьером, сильно еще были привязаны к земле, азбучно

---

²³⁴ Park Alexander. *Bolchevism in Turkestan*. — Columbia University Press. — New York, 1957. — P. 293-294.

²³⁵ Материалы ко 2-му курултаю Советов. — Самарканд, 1927. — С. 11.

и политически неграмотны. По словам М. Чокаева, это была какая-то еще "неясная категория"²³⁶. Поэтому им были чужды революционные идеи, среди них не было классовых пролетарских организаций.

Такая социальная ситуация в туркестанском обществе в исследуемый период объяснялись тем, что в веками складывавшихся взаимоотношениях между его членами не были заложены резкие противоречия из-за различного имущественного положения. Оседлый образ жизни, сильное влияние традиционных общинных объединений городских жителей по месту жительства в махалли, а в кишлаке — в сельскую общину, породили в обществе, несмотря на наличие неравного имущественного положения его членов, стройную этическую систему круговой поруки, основанную на демократических устоях, создали свои неписанные законы гостеприимства, взаимной поддержки и взаимопомощи. Поэтому все слои туркестанского общества не были готовы к революционным событиям 1917 г. и это обусловило тот факт, что "из местного населения в октябрьском перевороте приняли участие лишь единицы"²³⁷.

---

²³⁶ См.: Park Alexander. Указ. соч. — Р. 189.

²³⁷ Материалы ко 2-му курултайю Советов. — С. 11

ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА В ТУРКЕСТАНЕ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

3.1. Политические и социально-экономические преобразования советской власти в Туркестане и их влияние на состояние социальных страт

В результате октябрьского переворота 1917 г. в России была установлена новая политическая власть - диктатура пролетариата, ставшая главным орудием политических, экономических и социальных преобразований, конечной целью которых было построение социалистического бесклассового общества. В первую очередь этой власти надо было решить целый ряд серьезных задач - сделать пролетариат доминирующей социальной силой, уничтожить частную собственность, многоукладную экономику, сформировать единый социалистический уклад, как систематизирующий фактор социально-экономического развития общества и его социальной структуры. Поскольку даже отдельных элементов социалистического уклада в созданном советском государстве не было, то решать все эти проблемы диктатуре пролетариата предстояло сверху, административными, причем преимущественно силовыми методами. Большевицкое руководство страны было твердо убеждено в том, что этот процесс будет сопровождаться беспощадной и упорной классовой борьбой - войной класса, пришедшего к власти, против социальных сил и традиций старого строя. Это обусловило абсолютизацию классового подхода к решению всех проблем строительства социалистического общества и превратилось в мучительный процесс уничтожения старых форм собственности, рыночных отношений и целых социальных страт населения, связанных с ними. «Социализм есть уничтожение классов, - писал в 1919 г. глава советского государства. - Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла»²³⁸. Советская власть беспощадно подавляла и уничтожала старые социальные страты и группы, не вписывающиеся в ее политическую и идеологическую доктрину. «Настала пора решительной революционной деятельности, - было записано в июне 1918 г. в резолюции 1 съезда Компартии Туркестана «По текущему моменту», - и в рядах партии нет места

---

²³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Том 39. – С. 271.

малодушию и сомнению»²³⁹. Процесс этот проходил под руководством пришедших к власти большевиков силами пролетариата, который, по словам американского исследователя У. Чемберлена, «был всегда наиболее восприимчив к экстремистской пропаганде»²⁴⁰, и исключительно в его интересах.

Утверждение господствующего положения пролетариата в сфере производства советская власть начала издав 14 ноября 1917 г. декрет об установлении рабочего контроля на промышленных предприятиях. Он осуществлялся через выборные заводские и фабричные комитеты, советы старост, всевозможные комиссии, которые являлись полномочными представителями государства и имели право контролировать всю производственную и финансовую деятельность предприятий, решать вопросы внутреннего распорядка, охраны труда, дисциплины. Декрет содержал пункт об отмене коммерческой тайны, что устраняло одну из важнейших составляющих традиционных рыночных отношений. В Туркестане рабочий контроль был установлен в конце 1917 г. – первой половине 1918 г. на большинстве работающих предприятий края²⁴¹. Организуя рабочий контроль, советская власть пыталась тем самым привлечь рабочих к управлению производством и сделать первый шаг в создании пролетарского классового административно-хозяйственного аппарата. Основная идея рабочего контроля – регулирование экономических и социальных отношений с учетом интересов всех слоев и групп населения – осталась лишь лозунгом. На практике он действовал только в интересах рабочих и был направлен, прежде всего, против имущих слоев населения.

Советская власть, выполняя задачу ликвидации частной собственности на средства производства, с первых же дней начала репрессивную политику против ее владельцев: национализацию имущества и капиталов, массовые реквизиции и конфискации. Для осуществления этих акций исключительно из рабочих создаются особые карательные органы – революционные трибуналы, чрезвычайные комиссии, «тройки», наделенные очень широкими полномочиями. Например, Верховный революционный трибунал

---

²³⁹ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. – Т., 1988. – С. 10.

²⁴⁰ The Russian Review. Vol. 24. no.1. January. 1965. – P. 4.

²⁴¹ См.: Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане (1917-1920 гг.). Сб. док. – Т., 1955. – С. 64-114.

Туркестанской республики имел право заключать в лагеря на принудительные работы сроком до 5 лет любого человека только по подозрению в контрреволюционной деятельности. Право это он мог применять даже в том случае, если у следствия не имелось весомых доказательств вины подозреваемого²⁴². В сентябре 1918 г. была создана Туркестанская чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством (ТурЧК). В борьбе с врагами революции она имела право «применять самые решительные меры: аресты, обыски, закрытие газет, просмотр всех бумаг и документов, наложение штрафов, конфискацию имущества до суда»²⁴³. VII Всетуркестанский съезд советов дополнил их «правом на расстрел на месте в чрезвычайных обстоятельствах»²⁴⁴. На местах создавались комитеты «красного террора».

Репрессивные органы диктатуры пролетариата жестко пресекали не только все попытки инакомыслия и неповиновения населения новым порядкам, но и все проявления простого их осуждения. Туркестанским революционным трибуналом в 1922 г. по 2772 рассмотренным делам было осуждено 2348 человек, из которых 68 - были приговорены к расстрелу, 98 – осуждены за государственные, 433 – за имущественные, 376 – за должностные преступления, а 1363 человека, то есть больше половины – «за выступления против порядка управления». Причем все, осужденные по этой статье, не являлись участниками организованной оппозиции или сознательного саботажа, а были простыми людьми, которые плохо разбирались в политике и без каких-либо политических намерений выказывали недовольство новыми порядками. 43,5% из них были неграмотными, 53,5% – малограмотными. По социальному составу это были дехкане и кушари²⁴⁵. Репрессивные меры, направленные на утверждение господствующего положения пролетариата, требовали больших финансовых затрат на содержание огромного административного аппарата и тяжелым бременем ложились на плечи всего населения республики. Например, в 1923 г. по ТАССР было израсходовано на нужды Наркомата внутренних дел 13,52% расходной части республиканского годового бюджета. Для сравнения укажем, что в 1913

---

²⁴² НА Уз, ф.Р-17, оп.1, д.286, лл.88-88 об.

²⁴³ Там же, ф.Р-25, оп.1, д.27, лл.84-85.

²⁴⁴ Съезды советов РСФСР и автономных республик РСФСР. 1917-1922 гг. Сб. док. Том 1. – М., 1959. – С. 340.

²⁴⁵ Статистический ежегодник. 1917-1923. – Т. 1924. – Том II, ч. 3. – С. 426-427.

г. по колониальному Туркестану на нужды такого же ведомства было израсходовано 6,8% годовых расходов края²⁴⁶.

Надо отметить, что в Туркестане утверждение власти большевиков проходило в своеобразных условиях, сильно отличающихся от центральных районов страны. Поскольку в колониальном Туркестане процесс формирования промышленных рабочих из коренного населения находился еще в начальной стадии, то октябрьский переворот 1917 г. здесь был совершен большевиками практически силами рабочих европейцев, преимущественно железнодорожников. Г.И. Сафаров писал в «Правде» 20 июня 1920 г.: «С первых дней революции советская власть утвердилась в Туркестане, как власть тонкого слоя русских рабочих... Еще до сих пор здесь широко распространен тот взгляд, что единственным носителем пролетарской диктатуры в Туркестане могут быть только русские».

Советская историография создала миф об активном участии в Туркестане трудящихся коренных национальностей в революционных преобразованиях первых лет советской власти. В действительности эти утверждения были далеки от истины. Как писал Баймирза Хайит, «русский народ был практически единственным представителем диктатуры пролетариата в Туркестане»²⁴⁷, поскольку даже то, совсем незначительное число местного пролетариата, которое имелось в тот период, все равно не допускалось к этому процессу под предлогом его малограмотности, теоретической неподготовленности и недостаточной сознательности. Это неоднократно отмечали в двадцатые годы видные туркестанские партийные и советские работники, общественные деятели Г.И. Сафаров, Т. Рыскулов, Л. Резцов, Мустафа Чокаев, Ф. Ходжаев и др.²⁴⁸ На этой же точке зрения стояли западные ученые Дж. Уиллер, Э. Оллворт, Э. Бэкон, В. Монтэйль, А. Парк, Дж. Бэргхорн²⁴⁹, которые еще в 50-х годах прошлого века давали

---

²⁴⁶ Статистический ежегодник. 1917-1923. – Том II, ч. 1. – С. 147.

²⁴⁷ Hayit Baymirza. Some Problems of Modern Turkistan history. An analysis of Soviet attacks on the alleged falsifiers of the history of Turkistan. – Dusseldorf. 1963. – P. 21.

²⁴⁸ См.: Сафаров Г.И. В Туркестане – Правда. 1920. 20 июня; Его же. Колониальная революция. (Опыт Туркестана). – М., 1921.; Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана (Сборник главнейших статей, докладов, речей и тезисов). – Т., 1925.; Резцов Л. Октябрь в Туркестане. – Ташкент-Самарканд, 1927; Мустафа Чокай-оглы. Туркестан под властью советов (К характеристике диктатуры пролетариата). – Париж, 1936.; Ходжаев Ф. Десять лет борьбы и строительства (К десятой годовщине Октября). – Избр. труды. Том II. – Т., 1972. – С. 110-157.

²⁴⁹ Wheeler G. The peoples of Soviet Central Asia. – London, 1966; Ollworth E. The modern Uzbeks From the Fourteenth Century to the Present. Hoover Institution Press Stanford

другую оценку историческому перелому в судьбах народов Средней Азии после октябрьского переворота 1917 г. и, прежде всего, его закономерности, правомочности, степени участия коренного населения в нем, равно как и в последующих революционных преобразованиях. В частности, Дж. Уиллер писал, что «ничего не может быть дальше от истины, чем утверждения советских историков о том, что местное мусульманское население приняло активное участие в революции»²⁵⁰. По словам же В. Монтэйля, «мусульмане Средней Азии были разочарованы, обмануты и унижены результатами революционных событий 1917 г.»²⁵¹. Более того, в июне 1918 г. в резолюции 1 съезда Компартии Туркестана отмечалось, что в Туркестане пока еще «мало реальных проявлений самосознания мусульманского пролетариата и привлечений его симпатий к власти». Съезд поставил задачу: «Внедрить в широкие массы мусульманского пролетариата идеи классовой борьбы и приобщить его к единой семье международного пролетариата»²⁵². Поэтому практически все революционные преобразования в Туркестане осуществлялись в подавляющем большинстве европейскими рабочими под руководством коммунистов, присланных из центра. Как пишет Баймирза Хайит, «коммунизм был чуждой идеологией в Туркестане, привнесенной из России»²⁵³.

Политические и экономические потрясения, которые пришлось пережить жителям Туркестана в первые два десятилетия XX в., (первая мировая война, восстание 1916 г., октябрьский переворот и засуха 1917 г., суровая зима и голод 1918 г., периодическая изоляция региона от хлебных, топливных и промышленных центров России) крайне негативно отразились на всех сторонах их жизни. Объективные трудности усугублялись чрезвычайными мерами политики «военного коммунизма» по мобилизации всех ресурсов для защиты и строительства нового общества. К 1921 г. численность населения региона по сравнению с 1916 г. уменьшилась на 1,5 млн. человек, причем сельское население сократилось на 1 млн. 300 тыс. человек (на

University. California, 1990; Bacon E. Russian Influence on Central Asia Languages. Cornell University Press. - London, 1980; Monteil V. Les musulmans soviétiques. - Paris, 1957; Park A. Bolshevism in Turkestan. 1917-1927. Columbia University Press. - New York, 1957; Barghoorn G. Soviet Russian Nationalism. - New York, 1956.

²⁵⁰ Wheeler G. Op. cit. – P. 50.

²⁵¹ Monteil V. Op. cit. – P. 32.

²⁵² См.: Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. – С. 11.

²⁵³ Hayit Baymirza. Op. cit. – P. 19.

22 %), а городское – на 160 тыс. человек (на 14%)²⁵⁴. В промышленности и сельском хозяйстве царил разруха. Депрессия достигла своего пика в 1920 г., когда полеводство по сравнению с 1913 г. упало на 75%, а промышленное производство - на 80,7%. Если в 1913 г. переработка хлопка давала 58,5% всей промышленной продукции, то в 1920 г. - только 12,7%²⁵⁵. Из 884 цензовых промышленных предприятий, действовавших в Туркестане в 1913 г., в начале 1921 г. из-за отсутствия сырья работало 269, в начале 1922 г. – 168²⁵⁶.

В результате сокращения числа предприятий и объема, вырабатываемой ими продукции, резко падала численность, имевшегося в республике небольшого слоя рабочих. В начале 1921 г. на 269 предприятиях цензовой промышленности было занято 17624 рабочих, в начале 1922 г. на оставшихся 168 предприятиях - только 11 787 рабочих²⁵⁷. Серьезным и болезненным для новой власти явлением в этом процессе было их деклассирование, то есть сокращение числа не только на мелких, технически слабо оснащенных предприятиях, но и на более крупных. Так, в первом полугодии 1922 г., по сравнению с аналогичным периодом 1921 г., на 31,5% сократилось число рабочих на каменноугольных копях Кизил-Кия и Сулюкта (в Кизил-Кия с 1554 до 1065, Сулюкте – с 1115 до 765), на 42,7% - в Среднеазиатских железнодорожных мастерских (с 1998 до 1145), на 34,7% – в Бородинских железнодорожных мастерских (с 1477 до 965)²⁵⁸. Причем, деклассирование промышленных рабочих выражалось не только в сокращении их численности на крупных предприятиях, но и в том, что работа не давала им и их семьям средств обеспечения жизни и большая часть из них вынуждена была дополнять свою заработную плату ремесленно-кустарными промыслами, занятием сельским хозяйством или торговлей. По официальным данным органов труда, туркестанский рабочий в 1921 г. получал в месяц за работу на предприятии в среднем 2 руб. 91 коп. (в довоенных рублях) и добавлял к этому заработку ремеслом 4 руб. 57 коп. и торговлей – 3 руб. 71 коп. При чем рабочие европейцы добавляли ремеслом 4 руб. 63 коп. и торговлей 1 руб. 62 коп., а рабочие коренных национальностей – соответственно 4 руб. 58 коп. и 6 руб. 48 коп.²⁵⁹ Таким образом,

---

²⁵⁴ Волков Е.З. Динамика народонаселения за 80 лет. М.-Л., 1930. – С. 180, 211, 213.

²⁵⁵ Статистический ежегодник. 1917-1923. - Том II, ч. I. – С. 64.

²⁵⁶ Там же. Том I, ч. 3. – С. 123-131, 143-145.

²⁵⁷ Там же. Том II, ч.3. – С. 539, 589.

²⁵⁸ Там же. Том I, ч. 3. – С. 183-188.

²⁵⁹ Материалы по статистике труда Туркеспублики. Вып. 4 – Т., 1924. – С. 28-29.

промышленные рабочие отрывались от крупного производства, от влияния чисто пролетарской среды и ее идеологии. К тому же в этот период они были в подавляющем большинстве неграмотны и разобщены языковым барьером. В 1922 г. среди рабочих европейцев было 44,8% неграмотных, среди рабочих коренных национальностей – 85,3%, в том числе среди женщин – 95,3%; только 0,6% рабочих европейцев могли читать и писать на русском и узбекском языках, а среди рабочих узбеков – таких было 1,6%²⁶⁰.

На ухудшение состояния промышленности Туркестана значительно повлияла, завершившаяся к 1920 г., национализация предприятий всех отраслей промышленности, которая была проведена скоропалительно, без анализа хозяйственной целесообразности и перспектив их эксплуатации, а исходя исключительно из необходимости решения чисто политической задачи - борьбы с буржуазией. В результате этой акции государству стали принадлежать все предприятия республики с различным техническим оснащением и финансовым положением. В условиях разрухи все они тяжелым бременем легли на его плечи. К 1920 г. выяснилось, что большую часть национализированных предприятий государство не может эксплуатировать из-за отсутствия сырья и финансов. Оставшиеся без хозяина, многие из них оказались брошенными, здания и оборудование разрушались, рабочие, оставшиеся без работы, уезжали в деревню, уходили в кустари или пополняли ряды безработных. Из 209 хлопкоочистительных заводов, работавших в Туркестане в 1913г., в 1920 г. действовало только 12, вырабатываемая ими продукция составляла 4,3% от довоенной продукции; из 72 кожевенных заводов работало 48²⁶¹. В Ферганской области из 18 маслобойных заводов не работал ни один; в Самаркандской области из 32 хлопкоочистительных заводов работал один; в Сырдарьинской области из 27 хлопкоочистительных заводов не работал ни один; табачная промышленность в 1921 г. была ликвидирована из-за ее полной убыточности после национализации²⁶² и т.д.

Экономический кризис стремительно перерастал в серьезный политический. Его опасным проявлением было развивающееся недовольство новой властью не только имущих слоев населения,

---

²⁶⁰ Статистический ежегодник.1917-1923. Том 1, часть 3. – С. 212.

²⁶¹ Статистический ежегодник.1917-1923. Том II, ч. 1. – С. 42, 56, 62.

²⁶² Отчет 2-го съезда экономических совещаний Туркестанской республики 26-30 ноября 1922г. – Т., 1923. – С. 2-5.

подлежавших, по мнению большевиков, полному уничтожению, но и бедной части населения, которая должна была стать их опорой. Об этом свидетельствовало разрастающееся в регионе народное повстанческое движение. Поэтому партия вынуждена была сменить тактику по реализации задач строительства социалистического общества и принять в 1921 г. решение о переходе к новой экономической политике – управлению экономикой через товарно-денежные отношения. На официальном уровне нэповский курс в Туркестане был закреплён решениями VI съезда КПТ (август 1921г.) и X съезда советов республики (сентябрь 1921г.).

Для промышленности новая экономическая политика означала разрешение частной инициативы, частичное восстановление механизмов рыночного регулирования, перевод предприятий на хозяйственный расчёт и самокупаемость, перестройку системы их управления, концентрацию производства на крупных, рентабельных, технически оснащённых заводах, остальные должны были сдаваться в аренду кооперативам, товариществам, частным лицам. Дублирующие друг друга, нерентабельные производства закрывались.

Все эти меры вызвали дальнейшее сокращение государственных промышленных предприятий и, соответственно, работающих на них, рабочих. В результате отбора из 652, находящихся на балансе государства фабрик и заводов, действовавших в Туркестане в 1920 г., в 1922 г. осталось 283, 55 было отдано кооперативам. В то же время имелось 5797 мелких частных кустарных заведений²⁶³. Число рабочих ценовых предприятий сократилось на 30%; их выработка падала, у пролетарских руководителей не было опыта практической работы и коммерческого расчёта в новых условиях и т.д.²⁶⁴.

Перепись населения 1923 г. зарегистрировала в городах республики 73,3 тыс. рабочих, живущих за счёт продажи своего труда. Они составляли 23,5% городского самостоятельного населения. Но это не были те сознательные рабочие, которые должны были стать социальной опорой партии в государстве диктатуры пролетариата. Большинство из них были наемными работниками в индивидуальных дехканских хозяйствах, частных ремесленно-кустарных мастерских, торговых заведениях, многочисленных стройках. В их составе было 25,6 тыс. чернорабочих и 11 тыс. поденных рабочих. Социальной

---

²⁶³ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 3. – С. 539.

²⁶⁴ Отчет о деятельности СНК и ТЭС Туркеспублики на 1 октября 1922 г. – Т., 1923. – С. 169.

опорой партии являлась только консолидированная часть рабочих, работающих на фабриках и заводах государственного сектора и на железнодорожном транспорте. В 1923 г. в городах Туркестана было 4690 фабрично-заводских и 4000 железнодорожных рабочих, то есть чуть больше 8,6 тыс. человек. Их удельный вес составлял 11,9% в общем числе рабочих, 2,8% в городском самостоятельном населении и 0,9% во всем городском населении²⁶⁵.

Но при таком незначительном удельном весе в составе населения рабочие имели значительные преимущества при выборах в органы власти республики – советы, при комплектовании административного аппарата управления. Согласно первой Конституции Туркестанской республики, принятой в октябре 1918 г. на VI съезде советов, норма представительства в советах у рабочих была в 2 раза больше, чем у дехкан²⁶⁶. В новой редакции Конституции, утвержденной в сентябре 1920 г. на IX съезде советов ТАССР, она была увеличена в 5 раз²⁶⁷, что было крайне несправедливо для республики, в которой подавляющее большинство населения составляли непролетарские слои.

Статус гегемона обусловил пролетариату приоритетное положение не только в политической сфере, но и в социальной. В тяжелейших условиях начала 20-х годов, когда царили голод и разруха, остро стояла проблема жилья, не хватало рабочих мест, продуктов питания, товаров широкого потребления, меры, принимаемые на государственном уровне для их разрешения, были направлены, прежде всего, на улучшение положения фабрично-заводских рабочих. В специальном циркуляре НКВД ТАССР от 15 февраля 1918 г. отмечалось, что при решении жилищного вопроса надо «в особенности соблюдать интересы рабочих и стремиться к наибольшему их обеспечению»²⁶⁸. Поэтому все жилье, получаемое в городах в результате жесткой муниципализации домовладений, передавалось в первую очередь рабочим и их семьям. В 1920 г. правительством республики был принят целый ряд специальных решений по улучшению материально-бытового положения рабочих: 1 января были созданы рабочие потребительские кооперативы, призванные «заменить

---

²⁶⁵ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР в 1923 г. - Т., 1924. – С. 46.

²⁶⁶ Съезды советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Том 1. – С. 286.

²⁶⁷ Съезды советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Том 1. – С. 456.

²⁶⁸ НА Уз, ф.Р-39, оп.2, д. 324, л. 110.

частный торговый аппарат и передать дело общественного распределения продуктов в руки самих рабочих»²⁶⁹; в апреле создана комиссия по улучшению быта рабочих с самыми широкими полномочиями²⁷⁰; 15 июля издан декрет «О классовой системе снабжения продовольствием трудового населения». По этому декрету все население Туркестанской Республики для получения продовольствия было разделено на 3 категории: в первую входили рабочие, они получали в месяц по 30 фунтов хлеба, 3 фунта крупы, 0,75 фунта масла и снабжались в первую очередь; во вторую - служащие, их семьи и семьи рабочих, они получали по 22,5 фунта хлеба, 2 фунта крупы, 0,5 фунта масла; в третью - лица, не состоящие на государственной службе, но не эксплуатирующие чужого труда, они получали только по 7,5 фунтов хлеба, 1 фунту крупы и 0,25 фунта масла²⁷¹. Причем эта группа снабжалась в последнюю очередь и очень не регулярно. В мае 1921 г. работники базовых отраслей туркестанской промышленности – нефтяники, шахтеры, рабочие хлопкоочистительных заводов, а также строители были переведены на усиленный продовольственный паек²⁷². В августе того же года на действующих государственных предприятиях были введены целевое снабжение рабочих продовольствием и спецодеждой через заводоуправления, а также коллективное снабжение, когда все виды снабжения рабочих должны были входить в их заработную плату²⁷³. В это же время начала разрабатываться новая тарифная политика оплаты труда: была ликвидирована уравниловка в оплате труда рабочих различной квалификации, натуральная оплата заменена денежной, отменены сверхурочные работы, введен восьмичасовой рабочий день, запрещено использование труда детей и подростков до 16 лет, ликвидировано неравенство в оплате мужского и женского труда, восстановлены отпуска²⁷⁴. Политика государства, направленная на всемерное улучшение положения рабочего класса, обусловила тот факт, что в начале 20-х годов заработная плата рабочих в Туркестане была несколько выше заработной платы служащих. Так, в 1921 г. средний месячный заработок туркестанского рабочего составлял 2 руб. 91 коп. (в довоенных рублях), а служащего – 2 руб. 62 коп.²⁷⁵

---

²⁶⁹ Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 210, л. 237.

²⁷⁰ Там же, д. 65, л. 100.

²⁷¹ НА Уз, Ф. Р-17, оп.1, д. 914, л. 17.

²⁷² НА Уз, Ф. Р-17, оп.1, оп.1, д. 39, л. 210.

²⁷³ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях ... – С. 143.

²⁷⁴ История рабочего класса Узбекистана. Том 1. – Т., 1964. – С. 66.

²⁷⁵ Материалы по статистике труда в Туркестане. Вып. 4. – С. 28-29.

Принимая меры по улучшению материально-бытового положения и условий труда рабочих государственных предприятий, советская власть пыталась заботиться и о тех, кто работал на частных предприятиях. В Туркестане их число было весьма незначительно, причем большую часть составляли наемные рабочие небольших частных полукустарных заведений, на каждом из которых работало по 2–5 человек. В 1920 г. их было зарегистрировано 2468 человек, в 1922 г. – 1648, 1923 г. – 1970 человек. Они составляли соответственно 10,3%, 11,5% и 11,1% рабочих, занятых во всей туркестанской промышленности²⁷⁶. Еще меньше было наемных рабочих в частной ценовой промышленности. В 1923г. таких предприятий было всего 59 и на них работало 616 человек²⁷⁷. Советская власть строго следила за выполнением владельцами частных предприятий рабочего трудового законодательства, особенно после перехода к новой экономической политике. Помимо общего трудового законодательства, 31 декабря 1921 г. ТурЦИК принял специальный декрет «О регулировании труда на частных предприятиях»; в 1922 г. был принят Кодекс законов о труде, который рабочим частного сектора гарантировал восьмичасовой рабочий день, объявлял недействительными условия их трудового договора, если они ухудшали их положение. За увеличение продолжительности рабочего дня, злоупотребления сверхурочными работами виновные работодатели привлекались к судебной ответственности. Только в сентябре 1922 г. в судах республики было рассмотрено 14 трудовых конфликтов на государственных предприятиях и 21 – на частных. Из трудовых конфликтов на частных предприятиях 12 было по вопросам заработной платы, 11 – по вопросам увольнения. В пользу рабочих было решено 11 конфликтов²⁷⁸.

Серьезной проблемой для советской власти в 20-х годах была проблема занятости рабочих. Надо отметить, что по официальным данным в Туркестане были самые низкие показатели безработицы по стране. В 1923 г. в городах республики было зарегистрировано 9 тыс. безработных, что составляло 3% всего городского самодельного населения (в том числе 2% среди мужчин и 7% среди женщин) или 6,5% от числа лиц наемного труда (5% среди мужчин и 14% среди женщин), тогда как в Европейской части в это время безработные составляли 11,3% городского самодельного населения (в том числе 8,9 % среди

---

²⁷⁶ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 3. – С. 539, 589, 595.

²⁷⁷ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 1, С. 51.

²⁷⁸ Отчет о деятельности СНК и ТЭС на 1 октября 1922 г. – С. 378-379.

мужчин и 15,4% среди женщин) или 17,5% от лиц наемного труда (13,8% среди мужчин и 24% среди женщин)²⁷⁹. Но это была статистика органов труда, у которых безработными считались «лица, живущие на зарплату, но в определенный момент не имеющие работу по своему главному занятию». В основном это были квалифицированные или полуквалифицированные рабочие и служащие. Их регистрировали биржи труда, о них заботилось государство, борясь с безработицей. Но в официальное число безработных не включалось огромное количество чернорабочих-поденщиков из коренного населения, которых в 1923 г. в Туркестане было 37,5 тыс. Не имея никакой специальности, они соглашались на любую, в основном временную, самую низкооплачиваемую работу и составляли огромную социальную страту скрытых безработных.

Для решения проблемы занятых рук государство создавало биржи труда, организовывало коллективы безработных, общественные работы, оказывало некоторую социальную помощь. Но все эти меры носили ярко выраженный классовый характер и предусматривали оказание помощи в первую очередь фабрично-заводским рабочим. Для регистрации на бирже труда надо было иметь трудовой стаж, подкрепленный документом, и быть членом профсоюза. Народный комиссар труда Туркеспублики, выступая в 1922 г. на съезде экономических совещаний, говорил, что «при безработице, увеличивающейся с каждым днем, внеочередность и всякие привилегии даются безработным, состоящим членами профсоюзов» и, что «в сравнении с другими безработными, мы должны оказывать предпочтение, прежде всего, квалифицированным рабочим»²⁸⁰. Чернорабочие же поденщики из коренного населения не имели документов о трудовом стаже и не являлись членами профсоюзов, поскольку не имели постоянной работы. Поэтому пролетарским государством они не были защищены.

Для советской власти в первые годы ее утверждения в равной степени большое значение имели меры направленные как на укрепление позиций рабочего класса, так и на увеличение его численности. Она рассматривала рабочий класс не только как важнейший элемент производительных сил, формирующий социалистический экономический уклад, но и как класс, являющийся ее

---

²⁷⁹ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР. – С. 7.

²⁸⁰ Отчет первого съезда экономических совещаний Туркеспублики 27 мая – 3 июня 1922. – Т., 1922. – С. 43, 45.

социальной базой, силой организующей социалистическое строительство и укрепляющей политические основы власти. Поэтому задача увеличения численности промышленных рабочих рассматривалась на государственном уровне как часть задачи по установлению примата рабочего класса в обществе. Для этого, прежде всего, надо было решать проблему подготовки кадров промышленных рабочих. Государство по мере своих возможностей в тот период делало определенные шаги в этом направлении. 8 июня 1922 г. СНК Туркеспублики принял постановление «О фабрично-заводском ученичестве». Оно обязало все государственные и частные предприятия создавать школы фабрично-заводского ученичества для подростков в возрасте 15–17 лет, возложив на них и все расходы по оплате педагогического персонала и материально-хозяйственному обеспечению. Мелкие кустарные предприятия и кустарные артели каждого района обязаны были на свои средства создавать районные школы. Учитывая различное экономическое положение государственных предприятий и их значение в общем объеме промышленности республики, ТурЦИК и СНК ТАССР 28 ноября 1922 г. приняли новое постановление, вводившее для них дифференцированный минимум количества учеников-подростков. Так, для полиграфической промышленности этот минимум составлял 13% от общего числа работающих, стекольной промышленности – 12%, для предприятий по обработке металла, хлопка, шерсти – 8%, деревообрабатывающей промышленности – 6%, для остальных 5%²⁸¹. Но реализация этого постановления шла медленно. На 1 января 1923 г. в республике действовало только 16 профшкол, в которых обучалось 1284 учащихся и 23 профессиональных краткосрочных курсов с 1542 учащимися. В системе среднего специального образования было 9 техникумов с 1459 учащимися²⁸².

Вполне естественным для Туркестана внутренним источником пополнения промышленных рабочих из коренного населения должны были стать кустари и ремесленники. Однако в этот период они крайне неохотно переходили в фабрично-заводскую промышленность из-за специфики экономической ситуации, которая обуславливала их востребованность обществом и повышенный спрос на продукцию их труда. Кроме того, условия работы на государственных промышленных предприятиях в тот период не имели для них стимулов изменить свое

---

²⁸¹ НА Уз, ф.Р-25, оп. 1, д. 82-а, лл.121-122, 124.

²⁸² Статистический ежегодник. 1917-1923. Том 1, ч. 3. – С. 83.

положение самостоятельных производителей и перейти к чуждому их ментальности коллективному труду.

Более значительным источником пополнения промышленных предприятий республики в этот период были безработные. В 1922 г. через биржи труда было направлено на работу 2088 рабочих металлистов, 466 швейников, 643 кожевников, 462 строителя, 631 железнодорожника, 8212 чернорабочих²⁸³. Но для того, чтобы безработному зарегистрироваться на бирже труда и получить работу, надо было иметь рабочий стаж не менее 1 года. Поэтому среди зарегистрированных безработных рабочих коренных национальностей было очень мало. В 1922 г. на 100 безработных их приходилось – среди металлистов 1,8 человек, строителей – 3,1, текстильщиков – 5,9, и даже среди чернорабочих – только 14 человек²⁸⁴. Из 4324 рабочих, получавших пособие по безработице в 1925 г., только 382 человека были из коренных национальностей²⁸⁵.

В этой сложной ситуации с рабочими кадрами для промышленности Туркестана государство нашло очень простое решение увеличения числа промышленных рабочих в целом и особенно его квалифицированной части за счет приезжих рабочих из центральных районов страны. Именно в начале двадцатых годов начался их массовый приток в Туркестан. Они приезжали вместе с оборудованием для новых промышленных предприятий. Так, большая группа рабочих прибыла летом 1920 г. вместе с оборудованием для шелкомотальной, шелкопрядильной, шелкоткацкой и бумагопрядильной фабрик, размещенных в Фергане и Маргилане²⁸⁶. Практиковалось также приглашение рабочих-специалистов для выполнения определенных работ на конкретный срок через заключение договоров. Но такие договора дорого обходились приглашающей стороне, так как она должна была оплатить проезд приглашаемых специалистов и членов их семей, выплатить подъемные, обеспечить квартирами, оплачивать труд по московскому прожиточному минимуму. Помимо договоров и приглашений, многие рабочие европейцы приезжали самостоятельно, спасаясь от голода 1921 г. и от катастрофически растущей в центре безработицы. Поэтому к середине 20-х годов 57% безработных, зарегистрированных Ташкентской биржей

---

²⁸³ Материалы по статистике труда Туркеспублики. Вып. 4. – С. 99.

²⁸⁴ Там же. – С. 21.

²⁸⁵ Труд и социальное страхование в Узбекистане. Стат. Сб. – Т., 1926. – С. 162.

²⁸⁶ История рабочего класса Узбекистана. Том 1. – С. 64.

труда, составляли приезжие рабочие европейцы²⁸⁷.

В результате всех этих мер число рабочих в Туркестане постепенно начало расти. К 1925 г. в ценовой промышленности оно увеличилось до 8908 человек²⁸⁸. Но рабочих коренных национальностей в их составе было чуть больше 2,5 тысяч или 29,3%²⁸⁹. Это подтверждает и национальный состав рабочих профсоюзов республики. На 1 января 1923 г. в Самаркандской области среди членов профсоюзов было 68% европейцев и только 32% из коренных национальностей, в том числе 15% узбеков²⁹⁰.

Подводя итог, можно сказать, что в первые годы основным направлением политики партии и советской власти было утверждение позиций рабочего класса в обществе, поскольку они рассматривали его не только как решающую силу в экономике, формирующую социалистический экономический уклад, но и как социальную базу социалистического строительства. Решалась эта задача крайне жесткими методами в условиях абсолютизации классового подхода.

Этот процесс проходил в Туркестане практически без участия коренного населения, число которого в составе промышленных рабочих республики было крайне незначительным, как незначительной была и общая численность промышленных рабочих.

Советская власть в этот период, укрепляя приоритетное положение рабочих в политической сфере, создавала для них значительные преимущества при решении проблем занятости, улучшения условий и оплаты труда, снабжения продовольствием и промышленными товарами. Но эти льготы предоставлялись не всем рабочим, а только занятым в государственной фабрично-заводской промышленности.

В целом же, несмотря на принимаемые меры, социальная база диктатуры пролетариата в Туркестане в начале 20-х годов была слабой и не представляла реальной политической силы ни в обществе, ни в правящей партии. В начале 1921 г. в республиканской партийной организации было всего 29,2% рабочих²⁹¹. Да и сама Компартия Туркестана в то время имела слабые связи с массами. По данным

---

²⁸⁷ НА Уз, ф.Р-86, оп. 1, д. 2273, лл. 42-43.

²⁸⁸ Народное хозяйство Средней Азии в цифрах. Стат. Сб. – Т., 1929. – С. 54-55.

²⁸⁹ Два года социалистического строительства в Узбекистане. Отчет правительства УзССР IV съезду советов. – Т., 1931. – С. XIX.

²⁹⁰ Статистический справочник по Самаркандской области. – Самарканд, 1924. – С. 138.

²⁹¹ Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах. (Сб. стат. материалов.). 1918-1967. – Т., 1968. – С. 46.

партийной переписи 1920 г. в ее рядах состояло 22400 членов, из которых 12645 проживали в городах и составляли 1,1% их населения, а 9755 – в кишлаках (0,1% их населения). В итоге в республике на одну тысячу человек приходилось 11,8 коммунистов в городах и 1,6 – в кишлаках²⁹². Более 50% членов партии, имея партийный стаж всего 1–2 года, были еще политически не устоявшимися коммунистами. В составе КПТ не было ни одного рабочего с высшим образованием, только 1,3% из них имели среднее образование, 18,6% - были малограмотные, 16,3% - азбучно неграмотные²⁹³.

Таким образом, рабочие в начале 20-х годов в Туркестанской республике представляли собой малочисленную, малограмотную, политически не устоявшуюся социальную страту советского общества.

3.2. Изменения в стратификации городского населения

Поставленная советской властью задача – построить бесклассовое общество, базирующееся только на государственной собственности и государственном обобщественном способе производства, обусловила ее социальную политику. В первые годы становления она была направлена на реструктуризацию социального пространства, предельные ограничения развития частной собственности и применения наемного труда в частном секторе. Все действия советской власти были направлены на то, чтобы подорвать экономический потенциал владельцев собственности, всемерно ослабить их роль и влияние в экономике, создать экономические и политические условия, делающие невозможным не только развитие, но и само их существование и, в конечном счете, уничтожить их, как самостоятельную социальную силу. По существу это было выдавливание из общества не просто дееспособных, материально обеспеченных и предприимчивых людей, а уничтожение целых социальных страт и групп населения, раскол национального и религиозного единства общества коренного населения. Баймирза Хайит писал, что советская власть, ведя борьбу за утверждение своих позиций в Туркестане, «боролась против основных слоев его населения, против негибких, самовольных туркестанцев – интеллигенции, купцов, владельцев небольшой собственности (средних дехкан-фермеров и ремесленников), для которых новая власть несла беды, а ее неприятие

---

²⁹² Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах.. – С. 44.

²⁹³ Там же. – С. 42, 69.

называла классовой борьбой»²⁹⁴.

Наиболее интенсивно реализовывалась эта задача в Туркестанской республике в начале 20-х годов по отношению к стратам городского населения. Именно в городе, где позиции советской власти в этот период были более прочными, чем в сельской местности, разрушительные социальные процессы протекали наиболее динамично и наглядно были видны их результаты и изменения в соотношении социальных сил.

Советская власть разделила городское население на две группы. В первую – были включены лица, живущие на заработную плату и не имеющие собственности: рабочие, служащие, обслуживающий персонал государственных учреждений; во вторую – лица, имеющие собственность или капитал и живущие на доходы от них или от частной практики: хозяева (подразделялись на хозяев, использующих наемный труд, хозяев, работающих только с членами семьи, хозяев одиночек), члены семьи, помогающие хозяевам в работе, лица свободных профессий (духовенство, педагоги, врачи, юристы, художники, артисты, занимающиеся частной практикой), личная прислуга, домовладельцы и рантье. В городах Туркестана вторая группа составляла больше половины их населения. Ее численное превосходство над первой обусловило доминанту «мелкобуржуазных элементов» в составе городского населения Туркестанской республики. Их удельный вес в первой половине 20-х годов, по данным официальной статистики, составлял в среднем 48%, а в отдельных городах Ферганской долины он был еще выше – в Намангане – 59,3%, Андижане – 65,7%, Маргилане – 68,7%. Это был самый высокий показатель по стране. Так, в городах европейской части РСФСР мелкобуржуазные элементы составляли 19,9%, Белоруссии – 29,7%, Сибири – 19,7%, Украины – 39,4%, Киргизии – 35,4%²⁹⁵. Социальные страты, вошедшие в первую группу, признавались советским государством полноправными его членами и находились под его социальной защитой, тогда как страты второй группы новое общество не принимало.

Против всех собственников, вошедших во вторую группу, советская власть с первых же дней начала применять жесткие репрессивные меры. В городах Туркестана уже с ноября 1917 г. начались массовые реквизиции и конфискации имущества и капиталов, прежде всего, крупных собственников, но под эти действия очень часто

---

²⁹⁴ Hayit Baymirza. Op. cit. – P. 36.

²⁹⁵ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР. – С. 12-13.

попадали средние и даже мелкие собственники. В декабре 1917 г. государство нанесло удар по всем слоям собственников, прекратив выплаты дивидендов по акциям и паям частных предприятий. В декабре же в Ташкенте были конфискованы товары, находящиеся на частных складах и в транспортных конторах, Наркомфином было принято решение о взыскании налогов с капитала всех крупных торговых и промышленных фирм в республике²⁹⁶. 19 января 1918 г., в соответствии с приказом из центра от 27 декабря 1917 г., исполком Ташгорсовета издал приказ «о немедленном и беспощадном обложении имущих классов старого и нового города налогом в 1 миллион рублей»²⁹⁷. Аналогичные приказы издавались и на местах²⁹⁸.

Конфискации и реквизиции имущества собственников проводились произвольно и самыми различными органами. Поэтому в июне 1919 г. ТурЦИК вынужден был принять специальное «Положение о реквизиции и конфискации». В нем говорилось, что «конфискация имущества у частных лиц в пользу государства есть акт репрессивного возмездия за государственную измену, саботаж, неподчинение власти и проводить ее могут исключительно судебные органы, реквизиция же имущества у граждан может проводиться центральными или местными советами народного хозяйства исключительно в случаях государственной хозяйственной необходимости с уплатой нормированного государством вознаграждения». Причем, «реквизиции не подлежало имущество, составляющее хозяйственный минимум необходимый семье или отдельному лицу»²⁹⁹. Но именно этот пункт постоянно нарушался. Об этом свидетельствует поток жалоб от граждан в ТурЦИК, ЦСНХ, НКВД, НК РКИ ТАССР. Они жаловались на несправедливо наложенные контрибуции, нарушения правил реквизиции, когда отбирали все имущество, лишая владельца и его семью самого необходимого, на несправедливые обыски и аресты. Для рассмотрения этого потока жалоб и заявлений в конце 1920 г. в НК РКИ ТАССР было создано специальное Центральное бюро жалоб. За 9 месяцев 1921 г. в него поступило почти две тысячи жалоб. Из них одной четвертой части было вообще отказано в рассмотрении. Из оставшихся жалоб – 285 были на несправедливые реквизиции и конфискации, 14 – на ошибки при национализации, 215 – на незаконные аресты, 493 – на

---

²⁹⁶ НА Уз, ф. Р-25, оп. 1, д. 4. л. 46; д. 2, л. 174; д. 20, л. 25.

²⁹⁷ Победа октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Том II. – Т., 1972. – С. 83.

²⁹⁸ Там же. – С. 156-157, 159-160, 172-173, 327-328.

²⁹⁹ НА Уз, ф. Р-25, оп. 1, д. 154, лл. 19-19 об.

незаконное уплотнение и выселение, 79 – на канцелярскую волокиту³⁰⁰. В информационных сводках областных ревкомов в НКВД республики за 1919–1920 гг. отмечалось «глухое недовольство населения политическими и экономическими мероприятиями государства»³⁰¹. Другим огромным репрессивным актом, направленном на подрыв экономического потенциала собственников, была национализация у них средств производства и капиталов, которая массированно проводилась в 1918–1919 гг.

Все эти репрессивные меры отражались на общей стратификации городского населения и, в разной мере, на численности и положении ее составляющих страт. Полностью исчезли из структуры городского населения комиссионеры, маклеры, бывшие полицейские, жандармы, чиновники колониальной администрации. По переписи городского населения Туркестанской Республики в 1923 г. они проходили по группам – «деклассированные элементы», «лица, не обозначившие своего социального положения» и составили 1,6% городского самостоятельного населения.

Под давлением государства в структуре городского населения неуклонно сокращалось также число рантье и особенно домовладельцев, входящих в группу лиц, живущих на нетрудовые доходы. Этот процесс активизировался после вступления в действие в Туркестане летом 1918 г. декрета ВЦИК «Об отмене права частной собственности на все без исключения земельные участки, находящиеся в пределах городских поселений». 5 декабря этого же года исполком Ташгорсовета издал свой декрет, согласно которому все недвижимое имущество, жилища, здания и постройки, принадлежащие частным лицам, обществам и организациям стоимостью выше 15 тысяч рублей, объявлялись его собственностью. Отчуждение недвижимого имущества должно было производиться принудительно и без выплаты его стоимости бывшим владельцам. Лиц, противодействующих исполнению этого декрета, революционный трибунал имел право привлекать к административной ответственности³⁰². В 1923 г. в городах республики после проведенной кампании по муниципализации домовладений было зарегистрировано всего 1240 домовладельцев, составлявших 0,4% городского самостоятельного населения. В Ташкенте на 86 тыс. жителей было зарегистрировано 421 домовладелец, в

---

³⁰⁰ Там же, ф.Р-41, оп. 1, д. 1210, л.11.

³⁰¹ Там же, ф.Р-39, оп. 1, д. 538, лл.2-2 об, 9; д. 631, лл.39-40; д. 638, л.10 и др.

³⁰² НА Уз, ф.Р-39, оп. 2, д. 3, лл.4-5.

Самарканде – на 21,4 тыс. жителей – 36, Андижане – на 18 тыс. жителей – 33, Намангане – на 13,4 тыс. жителей – 13 человек³⁰³.

В результате национализации, массовых реквизиций, конфискаций к началу 20-х годов в составе городского населения Туркестана был практически полностью ликвидирован слой крупной земельной, торгово-промышленной и финансовой буржуазии. Многие владельцы крупных земельных участков, промышленных предприятий, торговых заведений, банков эмигрировали за границу, были расстреляны, как враги революции, или же, разорившись, пополнили ряды деклассированных элементов. Некоторая же часть, резко сменив масштабы своей деятельности, попыталась приспособиться к новым условиям. В составе лиц, «живущих на нетрудовые доходы», осталась сравнительно небольшая группа хозяев, использующих наемный труд. В 1923 г. в городах республики она насчитывала 1940 человек (0,6% их самостоятельного населения или 1,8% всей группы «хозяев»). В их числе было 20 фабрикантов и заводчиков (хотя применительно к этому времени такая классификация была, в известной мере, условной, поскольку на каждом предприятии этой группы владельцев работало не более 50 наемных рабочих), 935 владельцев земельных участков не более 20 десятин, 48 строительных подрядчиков, 31 хозяин извозного промысла, 122 хозяина трактиров и увеселительных заведений, 466 владельцев кустарных и ремесленных мастерских, 318 владельцев торговых заведений³⁰⁴.

Введение новой экономической политики в Туркестане вызвало оживление частника в ремесленно-кустарном производстве и торговле, но в промышленном производстве частные предприятия не получили широкого распространения. Концентрируя развитие производства на крупных и рентабельных промышленных предприятиях в базовых отраслях народного хозяйства, мелкие и нерентабельные, оборудование и помещения которых находились в плачевном состоянии, советское государство сдавало в аренду кооперативам, товариществам и частным лицам. Но арендованных частных предприятий в Туркестане было очень мало, поскольку наладить их работу, тем более в условиях постоянного налогового прессинга, частнику было трудно и невыгодно. В 1922 г. государственные предприятия давали 93,1% всей валовой продукции

---

³⁰³ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР. – С. 70-71, 76-78, 88-89.

³⁰⁴ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР. – С. 56-59.

республики, кооперативные – 4,3%, частные – 2,6%³⁰⁵. В 1923 г. из 308 ценовых заводов государству принадлежало 225, кооперативам – 24, частным лицам – 59. На государственных предприятиях было занято 93,7% рабочих³⁰⁶. В Ташкенте в начале 1923 г. из 63 заводов 31 был в собственности у государства, 9 арендовали кооперативы, 23 арендовали частники. Из этих 32 кооперативных и частных заведений, 24 имели до 15 рабочих, 7 – по 20–30 рабочих. Это были небольшие кирпичные заводы, ремонтные мастерские, мельницы, фабрики по производству спичек, гвоздей, керосина, мастерские по пошиву одежды и обуви. И только одна частная табачная фабрика имела 42 рабочих³⁰⁷. В Самаркандской области в этом же году из 44 ценовых предприятий частникам принадлежало только 9 (занято 84 рабочих). Из них 6 производили пищевые продукты (20 рабочих), одно – клей (4 рабочих), 2 –кожтовары (57 рабочих)³⁰⁸.

Сданные в аренду предприятия развивались медленно и давали незначительную прибыль. Этому мешали отсутствие оборотных средств (государство не давало частникам кредиты), и непомерное налогообложение. Поэтому в большинстве случаев предприятия, выставленные на сдачу в аренду, не находили себе хозяев. Так, председатель Ферганского ЭКОСО, выступая на съезде экономических совещаний осенью 1922 г., говорил, что в области «ждут и не находят арендаторов 1 шубный, 10 керамзитовых, 4 пивоваренных завода, ткацкая и шорно-седельная фабрики³⁰⁹.

Помимо сужения поля хозяйственной деятельности всех вышеназванных социальных страт городского населения, ведущего к сокращению их числа и возможности свободно существовать, советское государство сразу же вычеркнуло их и из своей общественно-политической жизни. В октябре 1918 г. первая Конституция Туркеспублики лишила политических прав все духовенство; лиц, прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли, или живущих на нетрудовые доходы; частных торговцев; коммерческих посредников³¹⁰. В 1923 г. в городах республики было почти 26 тыс. человек, которые, родившись на земле своих предков и занимаясь на

---

³⁰⁵ История народного хозяйства Узбекистана. Том 1. – С. 143.

³⁰⁶ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 3. – С. 595.

³⁰⁷ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том I, ч. 3. – С.176-177.

³⁰⁸ Статистический справочник по Самаркандской области.– Самарканд, 1924. – С. 132.

³⁰⁹ Отчет 2-го съезда экономических совещаний Туркестанской республики 26-30 ноября 1922 г. – С.3.

³¹⁰ Съезды советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Том 1. – С. 285-286.

ней общественно-полезным трудом, при новой власти перестали быть гражданами государства, образованного на их земле. Они составляли 8,3% городского самостоятельного населения и 23,5% владельцев собственности³¹¹. Это были, по терминологии тех лет, «лишенцы». Они были лишены всех политических свобод и прав, экономической и социальной защиты государства, их детей не принимали в высшие учебные заведения. Причем, эти социальные страты, состоящие из дееспособных и приносящих реальную пользу обществу людей, были поставлены в один ряд с душевнобольными, осужденными за преступления против общества и отбывающими за это наказание, а также с бывшими политическими противниками новой власти при старом режиме (полицейскими, жандармами, чиновниками колониальной администрации).

Но, кроме быстро исчезающих социальных страт, в структуре населения Турккеспублики в начале 20-х годов имелись и такие, на которых медленнее сказывались преобразовательные процессы социалистического строительства. Это были владельцы небольших земельных участков, ремесленных и кустарных мастерских, лавок, то есть мелкие и средние собственники. Советская власть не могла уничтожить их единовременным актом, потому что на начальном этапе социалистического строительства они представляли собой значительную хозяйственную силу, обладающую высокой активностью в сфере товарно-денежных отношений. Являясь самостоятельной экономической единицей, они сумели выжить и сохраниться, перенести все невзгоды, которые несли им «красногвардейская атака на капитал» и политика «военного коммунизма», сохранили свое «дело» и свое умение трудиться. Новая экономическая политика, хотя и была ориентирована на социалистическую перспективу, но объективно способствовала оживлению деятельности этого слоя собственников и даже увеличению удельного веса отдельных составляющих его страт. Получив известный простор для активного хозяйствования, они начали борьбу с разрухой и, обладая большим, чем пролетарское государство, опытом, быстро сумели оживить торговлю и значительно расширить производство необходимых для населения товаров широкого потребления.

Значительное место в слое собственников, проживающих в городах Туркестана, как по численности, так и по значимости их труда в городской инфраструктуре, занимали кустари и ремесленники.

---

³¹¹ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР – С. 56-61.

Низкий уровень развития крупной фабрично-заводской промышленности в регионе в 20-е годы создавал благоприятные предпосылки для развития их производственной деятельности. Такие отрасли, как производство арб, сельхозинвентаря, одежды, мебели, посуды и других предметов домашнего обихода местного населения полностью отсутствовали в цензовой промышленности Туркестана. Их производили только ремесленники и кустари.

Ремесленники и кустари в городах Туркестана были третьей по численности (после рабочих и служащих) социальной стратой. Они составляли 40,7 тыс. человек (около 13% городского самостоятельного населения). Причем, в старых ремесленных центрах региона их число было значительно больше. Так, в Андижане они составляли 26%, Намангане – 27%, Маргилане – 36,2%³¹². Это были ремесленники, обладающие небольшой собственной мастерской и работающие, не применяя наемного труда, с помогающими членами семьи или в одиночку. Они входили в группу хозяев, «живущих от своего дохода» и составляли почти третью часть этой группы. Ремесленники, не имеющие собственности и работающие как наемные рабочие в кустарных и ремесленных мастерских или на небольших кустарных предприятиях, хотя и были по характеру своего труда и своему мировоззрению ремесленниками, входили уже в социальную категорию рабочих. Их было 10,6 тыс. и составляли они 14,5% всех ремесленников. Большая часть ремесленников и кустарей, работавших в одиночку, была занята в жестяном, столярном, плотницком, ювелирном, швейном, сапожном, строительном, извозном промыслах. А ремесленники и кустари, работающие с помогающими им членами семьи, в большинстве занимались хлебопечением, кузнечным, сапожным, кожевенным, ткацким промыслами.

Трудности восстановительного периода, когда фабрично-заводская промышленность восстанавливалась медленно, и ее уровень был очень низким, создавали благоприятные условия для развития ремесленного и кустарного производств. В 1920 г. вся промышленная продукция Туркестанской Республики стоила 32 млн. 852 тыс. золотых рублей, из нее на долю кустарной и ремесленной продукции приходилось 18 млн. 72 тыс. рублей³¹³. Жизнеспособность и устойчивость их производственной деятельности объяснялась, прежде всего, тем, что они опирались исключительно на местный сырьевой рынок, трудовые

---

³¹² Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР. – С. 88-89.

³¹³ Хозяйственный план Туркестанской Республики на 1923-1924 г. – Т., 1923. – С. 18.

ресурсы своей семьи, и их труд не требовал сложных инструментов. Но самым главным фактором была исторически сложившаяся роль их труда в производстве товаров широкого потребления для местного населения, обеспечивавшая постоянный спрос на их продукцию.

Советская власть боялась активизации мелкотоварных производителей и стремилась как можно быстрее повернуть их в русло социалистического развития. Единственным путем к этому в условиях социалистической экономики, по мнению руководства советского государства, была кооперация, которая должна была преобразовать не только экономическое положение и технические условия труда кустарей и ремесленников, но и их социальную природу мелких собственников, превращая в сознательных рабочих социалистического общества.

Для руководства кооперированием кустарей и ремесленников летом 1921 г. был образован Туркестанский краевой совет промысловой кооперации (Туркпромсовет), который мало чем помогал кустарной кооперации, так как у государства на развитие кооперативного движения не было ни средств, ни нужного количества инструкторов-организаторов. В резолюции VI съезда КПТ в августе 1921 г. отмечалось, что «кооперативный аппарат слаб, не налажен, не принял деловой гибкой формы, не вышел за пределы бумажных схем»³¹⁴. Поэтому, как отмечали сами работники Туркпромсовета, «кооперирование коснулось, прежде всего, только городских кустарей и шло чрезвычайно медленно, а сами кустари не спешили в артели»³¹⁵. Созданные в городах, ремесленно-кустарные артели были неустойчивыми и быстро распались. Из 115 артелей, обследованных Туркпромсоветом в мае 1922 г. в старо городской части Ташкента, 26 не были обнаружены по указанному адресу, 40 уже успели к этому времени распасться, оставшиеся 29 артелей влачили жалкое существование³¹⁶. Поэтому государство не располагало точными сведениями о количестве созданных кооперативов. В 1921 г., по данным СНК ТАССР, в республике было 700 кустарных артелей, объединявших 24600 человек³¹⁷, по данным ЦСУ ТАССР - 1200 артелей, объединявших около 30 тысяч человек³¹⁸. Осенью 1922 г. в отчете СНК

---

³¹⁴ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях – С. 161.

³¹⁵ НА Уз, ф.Р-297, оп. 1, д. 40, л. 89.

³¹⁶ Туркестанская кооперация. 1922. 14 июня.

³¹⁷ Хозяйственный план Туркеспублики на 1923/24 г. – Т., 1923. – С. 5.

³¹⁸ НА Уз, ф.Р-27, оп. 1, д. 827, л. 61.

ТАССР и ТЭС говорилось, что «на 1 октября 1922 г. в республике существует 1330 артелей формально объединяющих 38840 мелких товаропроизводителей. Но для получения реального числа надо из них исключить 60% разваливающихся и слабых артелей и их членов»³¹⁹. Получалось, что практически действовало около 500 артелей, которые объединяли 15,5 тысяч человек. Скорее всего, это были наиболее реальные цифры.

Причина такого положения в кооперативном движении Туркесреспублики была, прежде всего, в том, что советское государство создавало эти кооперативы на строго классовом основании из самой беднейшей части кустарей и ремесленников, но из-за финансовых трудностей помогало им мало. Они были малопродуктивными и едва сводили концы с концами, не имели ни основного, ни оборотного капитала. Обычно в кассе артели имелись деньги только от паевых и вступительных взносов. В качестве типичного примера приведем сведения о двух кустарно-промысловых объединениях г. Андижана – артели «Арбасоз», изготавливающей арбы, и артели «Каунчи», занимающейся обработкой кож³²⁰. Обе были созданы в октябре 1924 г. Паяевой взнос в артель «Арбасоз» составлял 10 руб., в артель «Каунчи» – 5 руб., вступительный взнос в обе артели был 1 руб. К январю 1925 г. в первой артели было 40 членов и 360 руб. в кассе; во второй – 200 членов и 575 руб. в кассе. Они испытывали большие затруднения с сырьем, которое полностью закупали на рынке у частных и со сбытом своей продукции, поскольку не имели договоров с кустарно-промысловым союзом. При наличии средств и сырья они могли бы увеличить производство арб на 25%, а производство кож – на 50%, но, не получая помощи от государства, работали в полсилы.

Таким образом, кооперирование кустарей и ремесленников не только не облегчало их положение, но, наоборот, как пишет американский исследователь А.Парк, «разрушало их индивидуальность и ограничивало диапазон деятельности, стремление же проводить классовую дифференциацию внутри кустарей на собственников и труженников изолировало основную их часть от кооперативного движения и общественной жизни. Глубоко укоренившееся у большевиков мнение, что кустари – это потенциальная угроза советскому режиму, определяло партийно-правительственные подходы

---

³¹⁹ Отчет о деятельности СНК и ТЭС на 1 октября 1922 г. – С. 320.

³²⁰ См.: НА Уз, ф.Р-297, оп. 1, д. 45, лл.40-42, 72-74.

к этой проблеме»³²¹. Боясь мелкобуржуазной сущности кустарей и ремесленников, но, не имея возможности уничтожить единовременным актом, партия на первом этапе борьбы с ними, попыталась внести в их сознание идеи классовой ненависти и расколоть изнутри эту ранее единую социальную страту, жившую по законам шариата и по указаниям своих «рисоля». Одним из путей реализации этой цели стало вовлечение части кустарей в профсоюзы, членство в которых давало в то время ощутимые преимущества в целом ряде бытовых вопросов. В отличие от центра, где в августе 1921 г. ЦК РКП(б) и Президиум ВЦСПС приняли решение об исключении всех кустарей из профсоюзов, Компартия Туркестана на VI съезде приняла решение привлекать их в профсоюзы, но, при этом, запретила принимать в профсоюзы и кооперативы «кустарей-хозяйчиков»³²². К «хозяйчикам» же относили тех кустарей, которые имели учеников и 1–2 наемных работников-хальфа. При этом совершенно не принималось во внимание, что этот «хозяйчик» сам был тружеником и обязательно работал рядом с учениками и хальфа.

После введения нэпа, когда оживились рыночные отношения и создались благоприятные условия для мелких товаропроизводителей, уже имеющиеся немногочисленные кустарные артели стали быстро распадаться. Их члены снова становились кустарями-одиночками. В этой ситуации, боясь усиления непролетарских элементов, КПТ в марте 1922 г. приняла решение исключить из профсоюзов и кустарей-одиночек, чтобы сохранить за ними «полную неприкосновенность облика классово-пролетарской организации». Членами профсоюзов теперь могли быть только наемные рабочие, занятые в кустарной промышленности³²³, а это было всего лишь 10300 человек³²⁴. В результате реализации такого решения во второй половине 1922 г. число членов профсоюзов в Туркестане сократилось на 40% – с 128,5 тысяч до 76,8 тысяч человек³²⁵. Это означало, что 12,6% городского самодельного населения осталось без социальной защиты государства.

Надо сказать, что эти партийные акции не породили среди кустарей и ремесленников идей классовой ненависти, но сильно

---

³²¹ А. Park. Op. cit. – P. 285.

³²² Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... – С. 167-168.

³²³ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... – С. 240-241.

³²⁴ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 1, С. 56.

³²⁵ Отчет о деятельности СНК и ТЭС на 1 октября 1922 г. – С. 372-373.

отразились на их материальном положении и поставили их в ранг граждан второго сорта. «Никто не думал о том, – писал в 1921 г. Г.И. Сафаров, – что в стране карликового мелкого производства именно они должны были стать основой новой производственной организации, именно на них должен был быть построен план привлечения массы коренного населения к общественному производству.»³²⁶ Действительно, даже при условии успешного развития промышленности у кустарей и ремесленников в советском государстве могла быть устойчивая самостоятельная ниша в местном промышленном производстве, не конкурирующая с государственной промышленностью, а наоборот облегчающая ее развитие в перспективных базовых отраслях. Это могли быть деревообработка (производство арб, вил, деревянных частей для седел, мебели и предметов быта), металлообработка (производство кетменей, омачей, ураков, мелкого сельхозинвентаря), производство местной одежды, пищевых продуктов, ковроткачество, ювелирный, золотошвейный, гончарный промыслы и т.д. Но советское государство упустило эту возможность.

Другой значительной социальной стратой городского населения, участвующей в развитии товарно-денежных отношений и в восстановлении разрушенного хозяйства республики были торговцы, которые с переходом к нэпу увеличились численно и укрепились экономически. В 1923 г. вместе с помогающими членами семьи они составляли 22 тыс. или 7,1% городского самодеятельного населения, а в некоторых старых городах региона и значительно больше. Например, в Самарканде – 12%, Андижане 8,2%³²⁷. Эта ситуация объяснялась тем, что с введением нэпа частный капитал устремился не в промышленность, а в торговлю, поскольку его владельцы не чувствовали себя уверенным в завтрашнем дне в новом государстве и избегали вкладывать средства в производство, считая более безопасной для своей деятельности сферу торговли. Кроме того, торговля позволяла обеспечить быструю оборачиваемость капитала и получать высокую прибыль. Поэтому в начале 20-х годов в экономике региона сложилась парадоксальная ситуация, когда промышленность находилась практически полностью у государства, а торговля – у частника. Государственные и кооперативные органы оказались не приспособленными к рыночным отношениям, а для широких кругов

---

³²⁶ Сафаров Г.И. Колониальная революция (Октябрь в Туркестане) – С. 178.

³²⁷ Классовый и профессиональный состав городского населения. – С. 70-71, 88-89.

мелких и средних собственников торговля была хорошо знакомой стихией.

Местный частный торговый капитал в Туркестане был силен историческими корнями и традициями. Поэтому он в большей мере уцелел за время революционной смуты, чем в других регионах, и во многом сохранил в неприкосновенности свою сеть. Внутренний товарооборот и розничная торговля в регионе по-прежнему шли по каналам традиционной базарной торговли и практически сохранились как единственная форма ее организации. Три четверти хозяев, занятых в торговле, были хозяева одиночки. Если в РСФСР частный капитал был сильно ослаблен революцией и начал в первые годы нэпа с мелкой розничной торговли и только по мере накопления переходил к оптовой торговле, то в Туркестане он сумел сохранить свои позиции и, получив возможность свободной торговли, сразу же начал утверждаться на оптовом и оптово-розничном рынке. Уже в 1922 г. он занял прочные позиции в экспорте сухих и свежих фруктов. Через частника в начале 20-х годов в Туркестане проходило до 70% завозимых государством товаров. Так, в 1922/23 г. государственными органами было реализовано мануфактуры – 7,1%, кооперативными – 16,8%, частными лицами – 76,1%, а в 1923/24 г. эти показатели составили соответственно 3,7%, 8,5%, 87,8%, то есть доля частников выросла на 11,7%³²⁸. Частник хорошо действовал не как организатор торговли, а как ее механизм. Очень успешно он занимался торговлей сырьем. Имея собственный оборотный капитал, частник заготавливал сырье на местных рынках, а затем продавал его государству. Но монополистом оптовой торговли частник в Туркестане продержался не долго, поскольку оптовую торговлю государству было легче контролировать, и оно довольно быстро начало вытеснять частника из этой сферы. Если в 1923 г. в руках государства было 23,1% оптовой торговой сети, а у частника – 71,8%, то в 1924 г. государству уже принадлежало 46,9%, а частнику – 42,5%³²⁹. Но внутренний товарооборот и розничная торговля еще долго оставались сферой господства частного торгового капитала. В 1923 г. у государства было 114 торговых заведений в розничной сети, у кооперации – 189, у частных – 19988. То есть государству принадлежало только 0,6% розничной торговли, кооперации – 0,9%, а частному капиталу – 98,5%. В 1924 г. число государственных розничных торговых заведений выросло только на 2 единицы,

---

³²⁸ Статистический ежегодник.1917-1923. Том II, ч. 1. – С. 71.

³²⁹ Статистический ежегодник.1917-1923. Том II, ч.1 – С. 67.

кооперативных – на 98, а частных – на 3124. Их процентное соотношение было соответственно – 0,5%, 1,2%, 98,3%. Причем позиции частника были равно сильны и в розничной постоянной торговле, и в уличной торговле с рук. В 1923 г. ему принадлежало 15531 розничных постоянных торговых заведений, тогда как государству – только 110. В частных торговых заведениях было занято только 500 человек. Это означало, что частник торговал практически только с помогающими членами семьи³³⁰. Частная торговля была наиболее развита в Самаркандской области. Там частник занимал лидирующее положение во всех видах торговли. В 1923 г. ему принадлежало 80,9% оптовых торговых заведений, 93,2% – оптово-розничных и 99,5% – розничных. Всего же в его руках было 99,2% всех торговых заведений области³³¹. В целом же в товарообороте республики в 1924 г. государству принадлежало 40,9%, кооперативам – 7,5%, частнику – 51,6%³³². «Частный купец великолепно знает рынок, – писал журнал «Туркестанская кооперация», – хорошо знаком с товарами, может отобрать наиболее ходкий ассортимент, оставляя государственным и кооперативным организациям менее ходкий ассортимент. Работники же государственной торговли не имеют именно этих качеств. Они плохо знают товар, спрос и экономику района, что приводит к затовариванию, создает тяжелое положение в торгующих организациях»³³³.

Несмотря на значительный вклад кустарей, ремесленников, торговцев в восстановление разрушенной экономики республики, советская власть считала их социально чуждыми элементами, представляющими для нее главную опасность. Поэтому, чтобы предотвратить рост мелкобуржуазных элементов, она всеми силами и средствами, имеющимися в ее распоряжении, проводила политику всемерного ограничения их деятельности. Специально созданные органы рабоче-крестьянской инспекции обязаны были держать под строжайшим контролем всю хозяйственную деятельность частного сектора. Последовательно проводился классовый принцип в постоянно ужесточавшейся финансово-кредитной, арендной, налоговой политике.

Одним из главных средств ограничения и систематического вытеснения частнособственнических элементов, подрывающих их экономический потенциал, была постоянно усиливающаяся

---

³³⁰ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 2. – С. 163-164.

³³¹ Статистический справочник по Самаркандской области. – С. 108.

³³² Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 1. – С. 67.

³³³ Туркестанская кооперация. 1923. Март.

государственная налоговая политика. Она регулировала процессы накопления людей, обладающих собственностью, что вело к неуклонному сужению поля их деятельности и постепенной их ликвидации. Владельцы кустарных предприятий должны были платить налог за право заниматься частной предпринимательской деятельностью. Летом 1921 г. был введен новый промысловый налог. В отличие от старого, действовавшего еще с дореволюционных времен, он значительно расширил круг облагаемых лиц. Если раньше его платили только владельцы постоянных торговых заведений и крупных промышленных предприятий, то теперь обложению подлежали все не национализированные торговые и промышленные заведения и лица, имеющие личные промысловые занятия, «ведущиеся с целью получения дохода». То есть, теперь в эту группу вошли кустари и ремесленники одиночки, мелкие розничные торговцы с рук, лица свободных профессий, занимающиеся индивидуальной деятельностью³³⁴. Промысловый налог состоял из двух платежей: патентного сбора, который устанавливался в зависимости от величины предприятия, и из уравнительного сбора, который взимался первоначально в размере 3% с оборота, а с февраля 1922 г. был повышен до 7%. Производство и продажа предметов роскоши облагались 12% уравнительного сбора³³⁵.

Особую классовую направленность имел подоходный налог, введенный в 1922 г. Он взимался не только с лиц, занимающихся торгово-промышленной деятельностью, но и с вкладчиков кредитных учреждений, подрядчиков, посредников. Причем, подоходный налог постоянно увеличивался по мере накопления у финансовых органов сведений о доходах населения. Для их получения был создан значительный аппарат финансовых инспекторов. Еще более усугубило ситуацию то, что с июля 1923 г. подоходный налог стал исчисляться в золотых рублях. Промысловый и подоходный налоги дополнялись еще различными прямыми налогообложениями. В 1922 г. были введены два общегражданских налога: на борьбу с голодом и на помощь сельскому хозяйству. Затем был введен трудгужналог. И если в 1913 г. прямые налоги составляли 4,3% бюджетного дохода Туркестана, то в 1922 г. они составили 16,4 %³³⁶.

Неуклонно росли и различные косвенные обложения. Тяжелым бременем для торговцев были акцизные сборы. К 1922 г. их взималось

---

³³⁴ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 1. – С. 150.

³³⁵ Собр. узаконений. 1922. № 17. ст. 180; № 45, ст. 559.

³³⁶ Статистический ежегодник. Том II, ч. 1. – С. 151.

11 видов – с продажи спиртных напитков, табака, папирос, сахара, нефти, спичек, чая, соли, свечей, текстиля, резиновых галош. В 1923 г. они составили 19,5% общей суммы доходов республики³³⁷. Постоянно росли местные сборы, которые имели право собирать местные советы. И если в Ташкенте в 1914 г. местные сборы составляли 1,7% всех городских сборов, то в 1922 г. – 6,7%. Всего же с собственников в этом году было собрано по ново городской части Ташкента 86,5%, а по старо городской – 99,9 % всех сборов³³⁸.

Кроме вышеназванных налогов частные собственники и лица, занимающиеся индивидуальной деятельностью, платили еще разнообразные и постоянно растущие платежи: за арендуемые помещения и земельные участки, большие пошлины с наследства, повышенную плату за обучение детей, страховые взносы и т.д. Например, небольшая карандашная фабрика с 6 рабочими, взятая частником в аренду в начале 1922 г. в г. Самарканде, за 3 месяца своей деятельности, не успев получить прибыль, кроме промыслового налога, заплатила еще 49 тыс. за аренду помещения, 18 тыс. за ремонт помещения и оборудования. В результате владелец фабрики быстро обанкротился³³⁹. Кроме того, все предприниматели, имеющие наемных рабочих, обязаны были вносить страховые взносы в размере 16% от общей суммы заработной платы всех занятых на их предприятиях рабочих и служащих. В 1923 г. правительством был выпущен, так называемый, «золотой заем», облигации которого в принудительном порядке размещались среди плательщиков подоходного налога и держателей патентов.

Усиленная налоговая политика выполняла для советского государства две задачи. С одной стороны – служила эффективным источником пополнения государственного бюджета. Так, в 1924 г. поступления от сельскохозяйственного, промыслового и подоходного налогов составили 47,5 % доходов сводного бюджета Туркеспублики³⁴⁰. С другой – всемерно ослабляла экономическое значение и влияние частного капитала³⁴¹.

Таким образом, советское государство свою борьбу с непролетарскими слоями населения начало с городских собственников.

---

³³⁷ Там же.

³³⁸ Там же.. Том 1, ч. 3. – С. 442, 447.

³³⁹ Отчет 2-го съезда экономических совещаний Туркеспублики.. – С. 8.

³⁴⁰ Народное хозяйство Средней Азии в цифрах. Стат. сб. – Т., 1929. – С. 74.

³⁴¹ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях ... – С. 282.

Все ее политические, экономические и социальные меры, направленные против них, носили агрессивный характер и преследовали цель подорвать экономический потенциал, ослабить роль и влияние в экономике, создать условия, при которых будет невозможно само их существование. В Туркестане советская власть боролась практически против основных слоев городского населения.

В результате репрессивных мер в социальной стратификации городов республики исчезли не отдельные представители старого общества, а целые социальные страты и группы – крупные землевладельцы, промышленники, купцы, банкиры, то есть крупная буржуазия, а также маклеры, торговые посредники, управляющие. Но в составе городского населения остались мелкие и средние собственники – ремесленники, кустари, торговцы, огородники, садоводы. Государство не могло их сразу уничтожить потому, что это была основная масса дееспособного населения, и в тяжелой экономической ситуации первых лет советской власти свободные производители являлись активной хозяйственной силой в производственной и торговой сферах, где у него были еще очень сильные позиции.

Работая исключительно на местном сырье силами только своей семьи, кустари и ремесленники полностью обеспечивали весь местный рынок товарами, отвечающими потребностям населения, и снимали тем самым социальное напряжение в обществе, вызванное разрухой и политическими акциями советской власти. Частные торговцы также были полезными населению, так как хорошо знали торговую сферу деятельности и оказались лучше приспособленными к рыночным отношениям. Но советская власть не захотела увидеть в этих активных деятельных слоях городского населения экономическую силу, которая могла бы помочь ему восстановить разрушенное хозяйство. Она априорно считала их потенциальными врагами советского общества и, не имея возможности сразу уничтожить, стремилась всячески препятствовать их деятельности и предотвратить рост жесткой налоговой и кредитной политикой. Но, несмотря на это, городские собственники в начале 20-х годов продолжали свою общественно-полезную деятельность, снабжая население городов необходимыми продуктами и товарами.

3.3. Социально-экономическая ситуация в кишлаке

В 1917 г. сельское население Туркестана насчитывало 5335600 человек и составляло 83,6% всего населения³⁴². Его экономическое положение к этому времени значительно ухудшилось. С началом первой мировой войны царское правительство поставило перед российской хлопчатобумажной промышленностью задачу снабжать армию тканями по умеренным ценам и установило твердые закупочные цены на хлопковое волокно, которые даже не покрывали затрат на его выращивание. Создалась ситуация, когда дехканам стало просто не выгодно выращивать эту прежде очень рентабельную для него культуру. С 1916 г. в Туркестане началось сокращение посевных площадей хлопка, и к 1917 г. они уже уменьшились, по сравнению с 1915 г., на 20%. Этому способствовало, вызванное войной, нарушение транспортного сообщения региона с центральными районами России, а, следовательно, и уменьшение количества завозимого хлеба, что и заставило многих дехкан перейти к посевам зерновых и кормовых культур. Хлопок начал постепенно утрачивать свое главенствующее положение в сельском хозяйстве региона. Если в довоенный период в общем количестве, выращенной в Туркестане сельскохозяйственной продукции, продовольственные культуры составляли 35,8%, кормовые – 14%, технические – 50,2% (в том числе хлопок – 49,1%), то в 1917г. выращивание продовольственных культур увеличилось до 48,6%, кормовых – до 21,6%, а технических уменьшилось до 29,8% (в том числе хлопка – до 29,1%)³⁴³. Сельское хозяйство региона потеряло свой товарный характер и постепенно стало превращаться в натурально-потребительское.

Завершили разрушительные процессы первой мировой войны – восстание 1916 г. и его жестокое подавление, засуха и неурожай 1917 г. Они вызвали сокращение поголовья скота, посевных площадей не только хлопка, но и зерновых культур. В кишлаке обозначилась четкая тенденция к обеднению. Это подтверждает сравнительный анализ материалов ревизии края графом К. Паленом в 1909 г. и данных сельскохозяйственной переписи 1917 г.

---

³⁴² Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР. – М., 1930. – С. 180.

³⁴³ Статистический ежегодник. Том II, ч. 3. – С. 113.

Таблица 1.³⁴⁴

Социальная структура туркестанского кишлака в 1909 и 1917 гг. (в %)

	без зем.	до 0.5 дес.	0.5-1 дес.	1-2 дес.	2-10 дес.	более 10 дес.
1909 г.	1,1	21,6	14,9	19,4	38,1	4,9
1917 г.	11,3	14,7	17,9	20,6	31,3	4,2

Он показывает, что в 1917 г. в туркестанском кишлаке было 43,9% бедных, 51,9% средних, 4,2% богатых дехканских хозяйств. По сравнению с 1909 г. в нем значительно увеличилось число безземельных дехкан и в целом выросло число бедняков, численность же зажиточных середняков и богатых баев уменьшилась. Практически без изменений осталось число дехканских хозяйств, владеющих 1-2 десятинами земли, которые оказались наиболее устойчивыми в условиях разрухи.

Но ухудшение экономического положения туркестанского кишлака, увеличение в его структуре числа бедняков практически не отразились на его внутри социальных отношениях. К моменту революционных событий 1917 г. в них все также отсутствовали настроения ярко выраженной социальной ненависти и по-прежнему были сильны общинные устои и всеобъемлющее влияние религии Ислам. Именно отсутствие в кишлаке острого социального антагонизма не вызвало в нем широкого аграрного движения в 1917 г. и явилось, как отмечали работники советского аппарата в середине 20-х годов, той главной причиной, из-за которой «во время полного разгара небывалой по размерам революции, в корне ломавшей все устои государственного строя и привычный уклад жизни, естественное стремление крестьян к земле не получило выхода, не выразилось в захватах байских владений, и здесь сохранились полностью нетрудовые владения»³⁴⁵.

Действительно, если российская деревня в первые годы советской власти была ареной двух социальных войн – с одной стороны конфронтация всей деревни против помещичьего землевладения, с другой – обостряющаяся социальная дифференциация, обусловившая рост противоречий внутри деревни между беднотой и кулачеством, то туркестанский кишлак этих войн не знал. Дехкане, не покладая рук, трудились на своих земельных наделах и, как учила их религия,

---

³⁴⁴ Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Часть II. – СПб, 1911. – С. 121-122; Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II. часть 3. – С. 65 (подсчеты автора)

³⁴⁵ Земельный вопрос в Узбекистане. Материалы ко 2-му курултаю Советов. – Самарканд, 1927. – С. 11.

довольствовались тем, что имели, не посягая на добро богатого соседа или сородича. Институт частной собственности для мусульманского населения был свят и нерушим, и ему была неприемлема даже сама мысль о возможности ее передела.

Для пришедших к власти большевиков крестьяне были обширным слоем мелкой буржуазии. По своему единоличному способу ведения хозяйства и социальной психологии собственников, они были для них, как и кустари, ремесленники, торговцы, постоянным источником появления врагов новой власти. В резолюции 1 съезда компартии Туркестана было записано: «Крестьянские мелкобуржуазные элементы являются только временными попутчиками революционного пролетариата... и рано или поздно должны будут отстать от него и даже составить опору для контрреволюции»³⁴⁶.

Марксистская программа предполагала коренную перестройку структуры и психологии крестьянства. Крестьянин-единоличник должен был исчезнуть, как социальная единица советского общества. Его должен был заменить аграрный рабочий, работающий в крупных коллективных хозяйствах, на обобщественной земле с обобщественным инвентарем. Поэтому вся аграрная политика советской власти была направлена на «раскрестьянивание» деревни и ее «социализацию». В общем плане реализации этой программы в первые годы советской власти ее основные усилия были направлены на создание в кишлаке социалистических форм хозяйствования; формирование новых социальных структур; укрепление социальной опоры в лице беднейшей части дехкан, повышение его социальной активности; всемерное ограничение возможностей развития единоличных дехканских хозяйств.

Теоретически в Туркестане существовал ряд факторов, которые могли бы стать генерирующими в осуществлении программы большевиков по созданию коллективных хозяйств на обобщественной земле, сделать менее болезненным переход от единоличного хозяйства к коллективному – небольшие размеры дехканских хозяйств; интенсивное земледелие; большая плотность населения; хорошо развитые навыки коллективизма, обусловленные общинным землепользованием и водопользованием, совместным строительством и ремонтом оросительных систем; широко распространенный обычай

---

³⁴⁶ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях. – С. 10.

взаимопомощи и взаимовыручки и др. Но, в действительности, именно эти факторы стали причиной того, что дехкане Туркестана в первые годы советской власти остались приверженными старой системе хозяйствования и в своем подавляющем большинстве не поддержали мероприятий советской власти по социалистическому переустройству своего труда и быта. Дехканин предпочел остаться работать на своем небольшом земельном наделе, умело используя каждый его клочок и твердо зная, что его сельское общество в трудную минуту придет к нему на помощь. Тем более, что советское государство в этот период мало чем помогало дехканам, а создаваемые коммуны и сельхозарттели были бедные.

Поскольку в Туркестане крупных полеводческих плантаторских хозяйств не было, то в 1918–1919 гг. были национализированы в основном крупные сады, виноградники, питомники. При этом, наряду с крупными хозяйствами по 200–500 дес., очень часто национализировались и более мелкие земельные владения по 50–70 дес.³⁴⁷. Всего к весне 1919 г. на учете Наркомзема Туркесреспублики было 105 национализированных садов и виноградников с площадью 3149 дес.³⁴⁸.

Национализация этих хозяйств мало, что изменила в земельных отношениях в кишлаке. Поскольку эксплуатация садов и виноградников требовала участия специалистов и больших финансовых затрат, правительство приняло решение не делить их земли между безземельными дехканами, а сохранив полностью, создать крупные советские хозяйства – совхозы³⁴⁹. Земли же некоторых полеводческих хозяйств, национализированных в 1918–1919 гг., распределялись местными земельно-водными комитетами в таком порядке: прежде всего коммунам и артелям, затем малоземельным дехканам и, в последнюю очередь, безземельным дехканам. Безземельные и малоземельные дехкане получали землю по временной потребительской трудовой норме, согласно которой на 1 работника в Сырдарьинской области выделялось от 0,8 до 1,4 дес. земли, а в Ферганской области – от 0,5 до 1 дес. земли. В результате эта группа дехкан получила очень мало земли. Например, в Ферганской области безземельная семья из 8 человек, в которой было 4 трудоспособных

---

³⁴⁷ См.: Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане. (1917-1926 гг.) Сб. док. Том 1. – Т., 1962. – С. 51-57, 68-69, 73-76, 83-91.

³⁴⁸ НА Уз, ф.Р-25, оп.1, д. 225, л. 20 об.

³⁴⁹ НА Уз, ф.Р-25, оп.1, д. 35, л. 114.

человека, в том числе только 1 полный работник, при минимальной норме 0,5 дес. на 1 работника, наделялась участком в 1,4 дес., а при максимальной норме 1 дес., – получала 2,8 дес. Если же семья в таком же составе уже имела и обрабатывала своими силами участок в 5 дес, то у нее должны были урезать землю до 1,4 дес. или до 2 дес.³⁵⁰ Такое наделение землей не вызывало среди дехкан особого восторга аграрной политикой советской власти.

Проведенная национализация земли еще раз подчеркнула специфику земельных отношений в туркестанском кишлаке и подтвердила, что в нем отсутствовало даже само понятие о возможности захвата чужой земли. Так, весной 1918 г. многие большие садовые хозяйства остались без обрезки, окучки, с запущенной арычной сетью из-за того, что их массовая национализация началась, когда уже начали цвести сады, но хозяева, ожидая отчуждение своих владений, не начинали их обработку, а дехкане даже и не помыслили без разрешения владельцев или местных земельно-водных комитетов начать в них весенние работы³⁵¹. Кроме того, из-за того, что учет земли и ее национализация проходили очень медленно, многие земли даже к осени остались не обработанными. Например, имение Або Пинхасова, расположенное в Маргиланской волости (площадью 218 дес., из которых 5 дес. занимали сад и виноградники, а остальные были под пашней), было национализировано только в конце сентября 1918 г. Как отмечалось в докладе инструктора, проводившего в данной волости национализацию земли, к этому времени оно оказалось «совершенно запущенным, из-за отсутствия ухода и воды виноградники и сад находились на краю гибели, а из 213 дес. полевой земли был обработан только участок в 1 дес. Он был обработан чайрикером, который взял его в аренду еще в прошлом году. Остальные земли никто даже не посягнул начать обрабатывать»³⁵².

Советская власть с первых же дней в прежде единой стране дехкан начала формировать новые социалистические страты – рабочих государственных советских хозяйств и дехкан, объединенных в коллективные хозяйства – коммуны, артели, товарищества. Как было сказано выше, на землях большей части национализированных садоводческих хозяйств были организованы совхозы, работники которых были уже сельскохозяйственными рабочими. Но, как показал

---

³⁵⁰ Там же, ф.Р-29, оп. 3, д. 1351, л. 6-6 об.

³⁵¹ Там же, ф.Р-17, оп. 1, д. 225, лл.18-20.

³⁵² НА Уз, ф.Р-29, оп. 3, д. 1516, л. 52.

уже первый год деятельности, большинство совхозов оказалось не жизнеспособными из-за отсутствия необходимой финансовой поддержки от государства. Как отмечалось в справке Наркомзема ТАССР, «сады начали приходить в упадок, урожай в значительном количестве погибал на деревьях и под деревьями, инвентарь и рабочий скот исчезали, а народные миллионы вылетали на ветер». В большинстве совхозов оплата труда сельхозработных была настолько мала, что они массово уходили в наемные работники в частные хозяйства, где их труд лучше оплачивался. Поэтому 18 декабря 1918 г. был издан приказ ТурЦИКа о возвращении небольших национализированных садов прежним трудовым и полутрудовым владельцам³⁵³.

В этот же период в кишлаке появляются новые, до того времени не известные дехканам, хозяйственные формы в земледелии – коллективные хозяйства. Особенность их создания в этот период состояла в том, что они создавались не в приказном порядке, а путем добровольного соглашения группы дехкан-единоличников, как правило, самых бедных. Основой их общественного хозяйства являлись национализированные земли и инвентарь, которые государство предоставляло им в первую очередь, и незначительные собственные средства производства, добровольно переданные ими в коллективную собственность. Создание коллективных хозяйств в этот период было обусловлено двумя факторами. С одной стороны, это были первые шаги реализации аграрной программы большевиков по организации сельского хозяйства на социалистической основе, формированию новой социальной структуры в сельской местности и воспитанию дехкан в духе социализма через переход от единоличного землепользования к коллективному хозяйствованию. С другой – их появление было вызвано экономической необходимостью, поскольку, получив землю, безземельные и малоземельные дехкане не могли ее обрабатывать, так как или совсем не имели для этого сельхозинвентаря, рабочего скота, или же имели их в очень ограниченном количестве, что практически не давало им возможности пользоваться ими, а простое сложение средств производства для ведения коллективного хозяйства и небольшая помощь государства должны были бы стать для беднейших дехкан в начале 20-х годов реальным выходом из тяжелого положения. Но это была теория, на практике все было намного сложнее и хуже.

Первые коллективные хозяйства создавались в виде коммун,

---

³⁵³ Там же. д. 1435, л. 29.

трудовых артелей, сельскохозяйственных товариществ. Они были плохо организованы, каждое хозяйство имело свой устав, большинство из них было основано на уравнительном принципе распределения – «от каждого по его силам, каждому по его потребностям», что было непонятно дехканам и чуждо их психологии. Самой же главной бедой была их экономическая несостоятельность из-за узости социальной базы. Как правило, они были беднячко-батрацкими и могли существовать только с помощью государства, которое само находилось в тяжелом финансовом положении.

За период 1919 - начало 1920 гг. только в Ташкентском уезде было создано 150 коммун и артелей³⁵⁴. К концу лета 1919 г. в республике было свыше 400 коллективных хозяйств, которые имели 35 тыс. дес. земли и объединяли до 40 тыс. человек³⁵⁵. Их положение было очень тяжелым, в большинстве случаев они мало отвечали стоящим перед ними задачам. Особенно это касалось коммун. «Вместо того, чтобы быть образцами новых форм землепользования, – отмечалось в августе 1918 г. в отчете отдела обобществления сельского хозяйства Наркомзема ТАССР, – коммуны в большинстве случаев не соответствуют тем именно коммунистическим началам, на которых они должны строиться. Замечается скорее обратное: это те же собственники. Сепаратизм, полное отсутствие хозяйственных принципов губит саму идею коммуны»³⁵⁶. Поэтому летом 1919 г. было принято решение перейти от создания коммун к созданию коллективных хозяйств в виде сельхозартелей и товариществ, в которых распределение продуктов будет производиться по принципу «каждому по его труду»³⁵⁷. Но и они в своем подавляющем большинстве не были образцами новых форм социалистического хозяйствования. Как показало обследование состояния колхозного строительства в Ферганской области летом 1921 г., в Маргиланском уезде из зарегистрированных 21 коллективных хозяйств только 5 были «более или менее правильно организованы и нормально функционировали». По своему социальному составу они были бедняцкими и в большинстве случаев имели 4–5 членов. В Андижанском уезде большинство артелей имели «лишь коллективный мандат на пользование землей и некоторое количество инвентаря, обработка земли велась не сообща, а каждым членом в отдельности,

---

³⁵⁴ История Узбекской ССР. Том 3. – Т., 1967. – С. 180.

³⁵⁵ НА Уз, ф.Р-29, оп. 3, д. 1518, л. 302.

³⁵⁶ НА Уз, ф.Р-29, оп. 3, д. 1518, л. 303.

³⁵⁷ Там же.

много было необработанной земли³⁵⁸.

В августе 1921 г. в Туркесреспублике было учтено 230 коллективных хозяйств, объединяющих 16447 человек и имеющих 10155 дес. земли. Но на все эти хозяйства приходилось 126 плугов, 264 омача, 465 лошадей, 735 рабочих быков. Сопоставление отведенной им площади с количеством имеющегося инвентаря и количеством рабочей силы, свидетельствовало о том, что рабочая сила в этих колхозах не использовалась даже на половину. Поэтому летом 1921 г. в земельных органах республики появилось мнение о целесообразности придать сельхозартелям статус кооперативов³⁵⁹.

Партийные и советские органы были сориентированы в туркестанском кишлаке только на бедняков, в которых они видели социальную опору своей власти и основу социалистического переустройства землепользования. Чтобы сделать бедняков своими союзниками, III съезд компартии Туркестана в качестве своей ближайшей определил необходимость срочно «забить клин между деревенскими кулаками и баями с одной стороны и бедными крестьянами – с другой»³⁶⁰. «Чтобы привлечь дехкан на свою сторону, – пишет американский исследователь Дж. Уиллер, – советская власть должна была создать в кишлаке искусственную революцию, так как здесь никогда не было классовых различий и первой задачей властей было внедрить в сознание дехкан чувство обиды и посредством широкой пропагандистской кампании вызвать среди неимущих чувство ненависти к имущим»³⁶¹. Органы советской власти сознательно противопоставляли бедных дехкан старательным хозяевам, провоцировали раскол некогда единого сельского общества. Они призывали дехкан не платить «ни одного зерна, ни одной копейки» владельцам земли за ее аренду. «Если бедняк окажется малодушным и сам возвратит свой долг, – говорилось в обращении Наркомзема ТАССР к дехканам осенью 1918 г., – он будет лишен права пользоваться землей»³⁶². С разрешения властей беднота начала проводить реквизиции и конфискации у богатых односельчан сельхозинвентаря, семян, рабочего скота и т.д., налагать на них значительные суммы контрибуций. Причем, брали контрибуции и конфисковали имущество

---

³⁵⁸ Там же, д. 2052, лл. 53-54.

³⁵⁹ НА Уз. Ф. Р-29, оп. 3, д. 2243, л. 4.

³⁶⁰ Компартия Туркестана в резолюциях. – С. 47.

³⁶¹ Wheeler G. The modern History of Soviet Central Asia. – New York, 1964. – P.134-135.

³⁶² НА Уз, ф.Р-29, оп.3, д. 1066, лл. 179-179 об.

не только у богатых баев, но и у середняков, имевших 5–6 дес. земли.

Для реализации политики классового раскола и формирования своей социальной базы, советская власть летом 1918 г. начала создавать в кишлаке «классовые организации по классовому признаку» – комитеты бедноты. Осенью 1919 г. их заменили союзы бедноты. Им предоставлялось право выявлять размеры земли зажиточных односельчан, наличие у них излишков сельхозинвентаря, скота. На базе комитетов и союзов бедноты в 1920 г. возник союз «Кошчи». С помощью всех этих организаций советская власть медленно, но целеустремленно разрушала внутрисоциальную жизнь кишлака, ментальность сельского населения региона.

В целом же деятельность советской власти в кишлаке в первые годы ее становления не способствовала стабилизации и улучшению положения дехкан. Такие ее мероприятия 1918–1920 гг., как запрещение сделок по купле, продаже, аренде земли; использования наемного труда; национализация предприятий хлопковой промышленности, маслобойного и мыловаренного производств; введение государственной хлопковой монополии, твердых закупочных цен на хлопковое волокно; закрытие базаров; подразверстка; «политика военного коммунизма» крайне негативно отразились на положении всех дехкан-единоличников. Засуха и неурожай 1917 г., голод 1918 г., общая разруха и нестабильность привели сельское хозяйство региона к катастрофе. В Туркестане в 1920 г., по сравнению с 1917 г., почти на 16% сократилось число дехканских хозяйств, на 20,7% сократилось число сельского населения³⁶³. Только в Ташкентском уезде за этот период с 6,5% до 2,6% сократилось число хозяйств арендующих землю и с 9,6% до 1,4% - число сдающих землю³⁶⁴. Особенно пострадало хлопководство и занятые в этой отрасли дехкане. В 1920 г. посевные площади хлопка составили 25,6% посевных площадей 1913 г., хлопка сырца было собрано только 6% от довоенного уровня³⁶⁵. Резко упала его урожайность. Если в 1914 г. было собрано в Сырдарьинской области по 80 пудов с десятины, в Самаркандской – по 77,5 пудов, Ферганской – по 87,5 пудов, то в 1920 г. было собрано в Сырдарьинской по 20,3 пудов с десятины, Самаркандской – по 25,6 пудов, Ферганской – по 34 пуда с

---

³⁶³ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 3. – С. 23-25.

³⁶⁴ Аминова Р. Аграрная политика советской власти в Узбекистане (1917-1920 гг.). – Т., 1962. – С. 247.

³⁶⁵ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 1. – С. 33; ч. 3. – С. 113.

десятины³⁶⁶.

Положение дехкан-хлопкоробов значительно ухудшали такие меры советской власти как прекращение выдачи банками ссуд хлопковым фирмам, ликвидация товариществ мелкого кредита после ликвидации Туркестанского народного банка, крайне низкие закупочные цены на хлопок. В 1919 г. себестоимость производства 1 пуда хлопка сырца составляла 425 руб., его рыночная цена была 850 руб. Но рынок, из-за объявленной государством хлопковой монополии, был для дехкан закрыт, а государство закупало хлопок по твердой цене 400 руб. за пуд. В 1920 г. закупочные цены на хлопок еще более понизились – себестоимость 1 пуда хлопка в этом году составила 11,2 тыс. руб. (в ценах 1920г.), рыночная цена 1 пуда была 15 тыс. руб., твердые цены государства – только 5,5 тыс. руб. Очень часто денежную выплату заменяли выдачей товаров на 4,2 тыс. руб. за пуд хлопка. Выплата проводилась не аккуратно и товары не соответствовали домашнему обиходу местного населения³⁶⁷. Получалось, что государство систематически не доплачивало дехканам за потраченный труд. Кроме того, значительно снизился рыночный эквивалент хлопка. Если в 1913 г. дехканину за пуд хлопка сырца давали в Ташкенте и Самарканде 30 аршин ситца, Коканде – 28 аршин, то в 1922 г. ему давали в Ташкенте только 5,47 аршин, Коканде – 5,83 аршин, Самарканде – 6 аршин³⁶⁸. Поэтому выращивание хлопка все более становилось невыгодным для дехкана, и его производство неуклонно продолжало падать.

Прежде чем начать широкие аграрные преобразования в Туркестане, советской власти надо было ликвидировать пережитки колониальной переселенческой политики царизма. Русские переселенцы, составлявшие в сельском хозяйстве Туркестана всего 8% сельских жителей, владели почти половиной всей культурной земли и были обеспечены землей в 15 раз больше, чем коренное население³⁶⁹. Надо было, как писал Д. Уиллер, «удалить существующую ненависть, которую мусульманское население испытывало к русским поселенцам, захватившим их земли»³⁷⁰. Эту задачу призвана была решить земельно-водная реформа 1921–1922 гг. Она также предполагала провести изъятие земли у нетрудовых хозяйств, а также монастырских,

---

³⁶⁶ Там же. Том II, ч.3. – С. 100.

³⁶⁷ Юферев В.И. Хлопководство в Туркестане. – Ленинград, 1925. – С. 116.

³⁶⁸ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том 1, ч. 1, С. 72.

³⁶⁹ Голованов А.А., Саидов И.М. Дехканство Узбекистана на исторических поворотах второй половины XIX – первой трети XX в. – Т., 2007. – С. 116.

³⁷⁰ Wheeler G. Op. cit. – P. 135.

церковных и вакфных земель. Попутно реформа должна была решать задачу перевода кочевого населения на оседлое жительство. Реформа была проведена очень быстро и уже осенью 1922 г. ее работа была прекращена. В результате реформы было ликвидировано 150 поселков, 175 хуторов, 95 заимок русских переселенцев, выселено 8084 их семей. У кулаков-переселенцев было изъято более 250 тыс. десятин земли, которые передали 12,6 тыс. батрацко-бедняцких хозяйств³⁷¹. В справке Госплана ТАССР XII съезду советов Туркестана сообщалось, что в результате реформы поступило в земельный фонд 1 млн. 768 тыс. 970 дес. земли, из которой было распределено 659,7 тыс. дес. и землеустроено 15799 хозяйств. Из них оседлому узбекскому населению было выделено 9,5 тыс. дес. для 3 тыс. хозяйств³⁷².

Очень болезненно решалась в ходе реформы социальная задача по переводу кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни. Наличие этой социальной страты было одной из специфических особенностей Туркестана. В 1920 г. в республике было 253,5 тыс. кочевых хозяйств, которые составляли 29,5% всех дехканских хозяйств с населением 1 млн. 231,7 тыс. человек или 28,9% сельских жителей. Им принадлежало 284 тыс. дес. земли. К 1920 г. по сравнению с 1917 г., уменьшилась численность хозяйств на 25,3%, населения – на 31,3%, рабочего скота – на 73,4%, земли – на 45,5%³⁷³. Советская власть рассматривала перевод кочевых хозяйств на оседлый образ жизни как переход на более высокую ступень социального развития. Но при этом, она не учитывала, что для кочевого населения это будет чрезвычайно болезненно, поскольку произойдет не просто смена хозяйственной деятельности, а, охватывая все стороны жизни кочевого населения, она повлечет коренные изменения в его традициях, психологии, профессиональных навыках. Этот процесс был тем более болезненным, что проводился, как все меры советской власти в тот период, в спешке и в рамках очередной политической «кампании». Реформа землеустроила 8,5 тыс. оседающих киргизских хозяйств, которым было выделено 143 тыс. дес. земли; 1232 хозяйствам кочевых киргиз было отведено 20,3 тыс. дес.; малоземельным киргизским обществам было

---

³⁷¹ Аминова Р. Возвращаясь к истории коллективизации в Узбекистане. – Т., 1995. – С. 5.

³⁷² Социалистическое переустройство сельского хозяйства Узбекистана (1917-1926 гг.). Сб. док. – Т., 1962. – С.216.

³⁷³ Статистический ежегодник.1917-1923. Том II, ч. 3. – С. 23-25.

выделено для выгона скота 350 тыс. дес земли³⁷⁴.

Реформа 1921–1922 гг., решив свою основную задачу, не внесла значительных изменений в земельные отношения кишлака. Основная масса дехкан не выступила против баев и не поддержала, в ожидаемых властями масштабах, политику ограничения байского землевладения. Но, как писал американский исследователь М. Ривкин, «была охотно принята дехканами из-за ее антирусской, антиколониальной направленности»³⁷⁵. Ее политический резонанс хорошо охарактеризовал другой американский ученый Дж. Уиллер. Он писал: «Ограничивая первую стадию аграрной реформы главным образом ликвидацией русского колониализма в Туркестане, новый режим преуспел в создании впечатления, которое до того провалил, что он имеет действительное намерение ликвидировать национальное неравенство»³⁷⁶.

По существу, реформа имела больше политическое, чем экономическое значение. Маломощные хозяйства, которые все же получили землю, не могли ее эффективно использовать, поскольку имели очень незначительное количество рабочего скота и сельхозинвентаря. Им нужна была помощь, но советская власть не была готова к этому. В резолюции VII съезда Компартии Туркестана «Очередные практические задачи» говорилось: «Советская власть пока не имеет сколько-нибудь больших возможностей как в области непосредственной материально-хозяйственной помощи беднейшему и маломощному дехканству, так и в отношении регулирования рыночной конъюнктуры в интересах трудящихся масс кишлака и аула... Поэтому судьба слабого и маломощного дехканского хозяйства в значительной степени будет зависеть от того, насколько оно сможет быть предупредительным, изворотливым, старательным и самостоятельным и как скоро оно сумеет подняться и организоваться»³⁷⁷.

И дехкане Туркестана сумели это сделать. Они доказали, что вполне правомочно называть их хозяйства «прогрессивными»³⁷⁸. Ситуация в кишлаке начала меняться в положительную сторону после

---

³⁷⁴ Социалистическое переустройство сельского хозяйства Узбекистана. 1917-1926 гг. Сб. док. – С. 216.

³⁷⁵ Rywkin M. Russia in Central Asia. – New York – London, 1963. – P. 63.

³⁷⁶ Wheeler G. Op. cit. – P. 135.

³⁷⁷ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... – С. 235.

³⁷⁸ По определению политолога С.Кара-Мурзы «прогрессивным является то хозяйство, которое сохраняет свою дееспособность в чрезвычайных условиях» – Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн.1. – М., 2002. – С. 13.

провозглашения нэпа, который для дехкан-единоличников создавал условия снова стать активными самостоятельно хозяйствующими субъектами. Надо отметить, что возрождение всех отраслей сельского хозяйства, начавшееся в Туркестане с 1922 г., осуществлялось не колхозами и совхозами (их было мало и экономически они были не самостоятельными), а силами дехкан-единоличников. Помогали им такие мероприятия нэповского реформирования, как замена продовольственной, фуражной и сырьевой разверсток натуральным налогом; разрешение, на известных условиях, аренды земли и наемного труда; разрешение свободного обмена; введение единого натурального, а затем и сельхозналога; отмена монополии на закупку хлопка внутри республики и твердых цен на хлопок; введение экономического стимулирования для дехкан, выращивающих хлопок; широкое развитие кредитной и сельскохозяйственной кооперации.

В 1923 г. впервые с 1916 г. в сельском хозяйстве республики начался относительно небольшой, но все же рост посевных площадей и собранной сельхозпродукции. Стоимость всей сельхозпродукции республики увеличилась со 130 млн. руб. в 1922 г. до 161 млн. руб. в 1923 г., общая посевная площадь увеличилась на 632 тыс. дес., количество скота – более чем на 30%. Особенно заметные сдвиги были в развитии хлопководства. Его посевные площади увеличились за эти годы с 53 тыс. га до 157 тыс. га, валовой сбор – с 39 тыс. тонн до 111 тыс. тонн³⁷⁹. Заметно повышались цены на хлопок. В августе 1923 г. дехканину за пуд хлопка уже давали в Ташкенте 10 аршин ситца, в Самарканде – 13,08 аршин³⁸⁰. Один пуд хлопка в червонных рублях стоил 2 руб. 70. коп, что до войны в том же эквиваленте стоило 4 руб. 50 коп.³⁸¹. Но в целом общее состояние сельского хозяйства было еще тяжелым. Совокупность стоимости продукции сельского хозяйства в 1924 г. составляла менее половины довоенной. Положение усугубилось тем, что в 1922 г. из-за голода в центральной части России в Туркестан хлынул поток беженцев, и индекс цен в этом году вырос в 182 раза³⁸².

Успешному восстановительному процессу мешала доминанта сугубо классового подхода в решении острых социально-экономических проблем. На строго классовой основе разрешалась система арендных отношений и использования наемного труда. Они

---

³⁷⁹ Хлопководство Узбекистана за 50 лет. – Т., 1967. – С. 24.

³⁸⁰ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том 1, ч. 1. – С. 71.

³⁸¹ Там же. Том 1, ч. 3. – С. 381.

³⁸² Статистический ежегодник. 1917-1923. Том 1, ч. 1. – С. 71.

были разрешены только для «трудовых хозяйств». На том же принципе строилась налоговая система, когда бедняки платили мало или совсем освобождались от налогов, но общая сумма налогов компенсировалась за счет зажиточных хозяйств. Классовый принцип налоговой политики в Туркестане был четко направлен против крепких хозяев, которые в массе своей не являлись «паразитами», поскольку, если даже и имели наемных срочных работников, то работали в поле наравне с ними. Введенный в апреле 1922 г. единый натуральный налог, в начале взимался в размере 10% с валового урожая, но затем был дифференцирован в соответствии с размерами дехканского земельного участка: хозяева, имеющие до 2 дес., должны были сдавать 5% урожая, имеющие от 2 до 4 дес. – 10%, от 4 до 6 дес. – 12%, от 6 до 8 дес. – 14%, от 8 до 10 дес. – 16% урожая и т.д.³⁸³

Классовый принцип ставился во главу угла и государственной кооперативной политики. Советская власть рассматривала кооперацию как средство вовлечения мелкого товаропроизводителя в социализм, а также как социальный инструмент вытеснения частного сектора. Особенно наглядно это проявлялось при приеме в члены кооператива, когда приоритет отдавался беднякам (зжиточные дехкане должны были вносить в качестве первого взноса сумму в 2 раза превышающую взносы середняков и в 12 раз – бедняков), а также в выдаче кредитов, когда сельхозбанк выдавал кредит членам кооперативов под 12 %, а частным лицам – под 37–39%. Однако, несмотря на эти негативные аспекты, кооперация, как форма экономического сотрудничества дехкан с государством, была положительно воспринята дехканами-единоличниками Туркестана. Тем более, что они были приучены общинными отношениями к совместному труду, что и облегчало им переход к кооперированию, при котором легче было внедрять более прогрессивные формы ведения сельского хозяйства. Именно поэтому кооперативное движение получило в сельском хозяйстве Туркестана в начале 20-х годов широкое распространение. Наряду с кредитной, развивались мелиоративная и сельскохозяйственная производственная кооперации. Они позволили мелкому собственнику применять простейшие формы общественного принципа хозяйствования, хотя классовый подход искусственно отчуждал значительную часть работоспособных социальных групп дехкан от активного участия в экономическом развитии общества и, как следствие, замедлял его

---

³⁸³ История народного хозяйства Узбекистана. Том 1. – С. 112.

темпы³⁸⁴.

Таким образом, в начале 20-х годов социальная структура кишлака по сравнению с 1917 г. практически не претерпела изменений, в сельском хозяйстве по-прежнему доминировали единоличные небольшие дехканские хозяйства. В связи с тем, что правительство Туркесреспублики в первые годы советской власти из-за отсутствия финансов и необходимых специалистов не проводило полного обследования экономического и социального положения кишлака точных сведений о его социальной структуре в начале 20-х гг. нет. Но на основании данных Наркомзема ТАССР по некоторым уездам Ферганской и Самаркандской областей можно составить представление о социальном составе их сельского населения и с определенной степенью приближенности распространить на всю республику, поскольку эти области имели типичную для региона структуру дехканских хозяйств. Сопоставительный анализ этих сведений с имеющейся характеристикой состава сельского населения в 1917 г., подтверждает оценку социальной ситуации в кишлаке, данную VII съездом КПТ, который в марте 1923 г. констатировал, что в Туркестане «земельные отношения остались прежние»³⁸⁵.

Таблица 2.³⁸⁶

Социальная структура туркестанского кишлака в 1917 и 1922 гг. (в %)

	без. зем.	до 1 дес.	1-2 дес.	более 2 дес.
1917 г.	11,3	32,6	20,6	35,5
1922 г.	12	36	30	22

Действительно земельные отношения в туркестанском кишлаке за первые годы советской власти мало изменились: практически прежним осталось число безземельных дехкан, так как советская власть не смогла решить проблему наделения их землей; не изменилось в целом и число средних и зажиточных слоев. Они по-прежнему доказывали свою устойчивость в экстремальных условиях. Это подтверждает и экономист Г.И. Черданцев, который писал о дехканских хозяйствах в начале 20-х годов: «Материальное положение дехканства

---

³⁸⁴ Подробно о развитии сельскохозяйственной кооперации см.: Голованов А.А., Саидов И.М. Указ соч. – С. 254-279.

³⁸⁵ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях – С. 227-228.

³⁸⁶ Статистический справочник Самаркандской области. – Самарканд, 1924. – С. 85; Ярошевич Н.К. Организация крестьянского хозяйства Средней Азии. – Самарканд-Ташкент, 1926. – С. 62-63.

в целом следует признать удовлетворительным... Крепость крестьянского хозяйства базируется на тех или иных результатах его хозяйствования, но главным образом на вековой трудовой дисциплине оседлого земледельческого хозяйства, которая сама по себе обеспечивает в условиях орошаемого земледелия определенный экономический результат»³⁸⁷.

Характерной чертой в социальных отношениях кишлака в этот период были первые шаги советской власти по привнесению в них социалистических элементов формированием новых социальных страт – дехкан-колхозников и рабочих совхозов, связанные с новыми экономическими секторами хозяйства – колхозами и совхозами. Но их было очень мало, экономически они были маломощными, плохо организованными и сколько-нибудь значительной роли ни в экономике кишлака, ни в его социальных отношениях не играли. Республику обеспечивали сырьем и продуктами питания дехкане-единоличники.

3.4. Национальная интеллигенция и советская власть. Начало формирования «рабоче-дехканской» интеллигенции

Новому социалистическому строю была крайне необходима своя интеллигенция – социальная категория любого цивилизованного общества, состоящая из специалистов профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом в различных областях государственной, производственной, научной, культурной и общественной деятельности, и имеющих, как правило, образование, соответствующее их профессии. Поскольку у советского государства практически не было своей пролетарской интеллигенции, то в первые годы перед ним стояли две задачи – привлечь на службу старую «буржуазную» интеллигенцию и начать формировать новую «рабоче-крестьянскую» интеллигенцию.

Интересы строительства нового общества вынуждали советскую власть использовать «буржуазную» интеллигенцию. Но, остро нуждаясь в ее знаниях, она относилась к ней с недоверием, а в первые годы просто враждебно. В процессе установления рабочего контроля на производстве, многочисленных чисток государственного аппарата старых буржуазных специалистов целенаправленно убирали со всех руководящих должностей или же увольняли при сокращении аппарата, нисколько не считаясь с интересами дела, а руководствуясь

---

³⁸⁷ История Хорезмской народной республики. Сб. док. – С. 275.

только революционной классовой ненавистью. Заменяли их выдвигенцами рабочими от станка. При этом трудящимся было предоставлено право самим решать, какие специалисты нужны их производству или учреждению. Так, в июле 1918 г. при сокращении штатов в системе хлопковой промышленности Туркестана ее трудовыми коллективами было принято решение убрать всех управляющих и приказчиков. Оно мотивировалось тем, что, «при советской власти не нужно решать проблемы коммерции и конкуренции, а определять сорт товаров может и каждый честный гражданин»³⁸⁸. В ходе реквизиций и конфискации имущества крупных промышленников и торговцев часто подвергалось этим мерам и имущество «буржуазных специалистов», причем даже и тех, которые работали в советских учреждениях. Поэтому председатель ЦСНХ ТАССР в ноябре 1918 г. потребовал от ТурЦИК «оградить от беспорядочных реквизиций и конфискации имущество старых специалистов, которых советская власть пригласила к себе на службу, потому что их труд был признан необходимым»³⁸⁹.

Только к лету 1919 г. партия пришла к пониманию необходимости срочно прекратить борьбу с этими специалистами. В решениях III съезда Компартии Туркестана было записано, что восстановление разрушенного хозяйства «требует немедленного широкого и всестороннего использования, оставленных в наследство капитализмом, специалистов науки и техники несмотря на то, что они в громадном большинстве своем неизбежно пропитаны буржуазными мировоззрениями и навыками»³⁹⁰. Но, приглашая работать буржуазных специалистов, большевики в тоже время ставили задачу всемерно преодолевать их «буржуазное мировоззрение», рассматривая это, как одну из форм классовой борьбы за перестройку социальной психологии старой интеллигенции в духе идей социализма. Это был очень болезненный процесс, когда необразованные люди, одержимые революционным энтузиазмом, пытались «перевоспитывать» образованных людей со сложившейся системой взглядов и ценностей. Главным критерием определения политической и гражданской позиций «буржуазной» интеллигенции в этот период было ее отношение к политическим, экономическим, социальным, культурным преобразованиям советской власти и идеологической доктрине партии.

---

³⁸⁸ НА Уз, ф. Р-27, оп. 1, д. 56, л. 214.

³⁸⁹ НА Уз, ф. Р-27, оп. 1, д. 154, лл. 71-72.

³⁹⁰ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... – С. 42-43.

Надо отметить, что в Туркесреспублике на начальном этапе социалистического строительства помимо общей проблемы установления взаимоотношений советской власти с «буржуазной» интеллигенцией особо стояла проблема ее взаимоотношений с национальной джадидской интеллигенцией. В период многочисленных силовых акций большевиков 1917–1918 гг. эта социальная страта понесла большие потери. Очень многие ее деятели вместе с прогрессивным мусульманским духовенством были репрессированы, депортированы или были вынуждены покинуть Отечество. Большевики, считая Туркестан экономически и культурно отсталым регионом с крайне малочисленной национальной интеллигенцией, к тому же зараженной идеями «панисламизма» и «пантюркизма», отказывались видеть в ней интеллектуальную часть общества, способную стать помощницей новой власти. По их мнению, она должна была быть подвергнута классовой большевистской трансформации или же просто уничтожена как классовый враг³⁹¹. Борьба советской власти с этой стратой означала борьбу с этносоциальной, этнокультурной спецификой жизни коренного населения Туркестана, его ментальностью. Опираясь на силу власти государственной машины, она проводила последовательную политику по деформации общественного сознания. Как пишет Баймирза Хайит, «советская власть не хотела понимать стремление народов к национальному развитию на своей национальной базе, а не к интенсивному развитию в общем потоке без учета их национальных особенностей»³⁹².

Передовая национальная интеллигенция Туркестана и, прежде всего, ее джадидское ядро, в своем большинстве поддержала советскую власть. Она стояла на позициях необходимости сочетания советской организации общества с национальными традициями, достижения нового этапа прогресса через подъем всех здоровых сил общества и считала, что новое общество должно принять от старого его производительную силу – ремесленников, как носителей традиций национального производства и быта и создать им необходимые условия для успешного функционирования, организовать правильные взаимоотношения с государственной промышленностью и властными структурами, а также принять и использовать образованную часть старого общества, включая и духовенство, определить им место в новом

---

³⁹¹ Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917-начала 50-х годов. – Т., 2002. – С. 10.

³⁹² Hayit Baymirza. Op. cit. – P. 47.

обществе, найти точки соприкосновения, поддержать прогрессивные устремления.

Патриотически настроенные национальные лидеры, работавшие в правительстве республики, Т. Рыскулов, К. Атабаев, С. Турсунходжаев, И. Хидыралиев, А. Рахимбаев, Н. Тюракулов, Ф. Ходжаев, А. Фитрат и др., несмотря на негативное отношение большевиков-европейцев, активно выступали за привлечение национальной интеллигенции к строительству новой жизни. Благодаря их стараниям национальные кадры специалистов получали возможность служить своему народу, работая в системе народного образования, культурно просветительных учреждениях, органах печати. Мунаввар кори Абдурашидханов писал в своих воспоминаниях, что после победы большевиков и укрепления их власти часть джадидов получила должности в различных образовательных и культурных учреждениях и пыталась влиять на реформирование народного образования³⁹³. В 1918 г. по его инициативе при Народном комиссариате просвещения ТАССР была образована «тюркская секция», в задачи которой входила подготовка и издание на языках коренного населения республики школьных учебников, научной и научно-популярной литературы. В 1921 г. по ее инициативе был созван съезд деятелей узбекской культуры и просвещения, начал издаваться журнал «Билим учоги»³⁹⁴.

Национальная интеллигенция в начале 20-х годов приняла активное участие в обсуждении вопроса реформы письменности. А. Фитрат, Ашурали Зохири, Бату, Эльбек и др. выступали против поспешности перевода узбекской письменности на латинскую графику, за необходимость тщательной разработки новых правил орфографии³⁹⁵. Значительный вклад был внесен ими в становление советской национальной печати, хотя работать приходилось в условиях, «когда агрессия новых властей по отношению к любой другой идеологии... проявлялась все более открыто»³⁹⁶. Тем не менее, именно в эти годы начали издаваться на узбекском языке интересные журналы и газеты – «Илм ва маориф», «НАҚИҚАТ», «Ишчилар дунъёси», «Болалар

---

³⁹³ Мунаввар кори Абдурашидханов. Тангалар асарлар. – Б. 176.

³⁹⁴ XX асрнинг дастлабки ўттиз йиллигида Ўзбекистонда тарих фани (тарихшунослик очерклари). II қисм. – Т., 1994. – Б. 242-243.

³⁹⁵ XX асрнинг дастлабки ўттиз йиллигида Ўзбекистонда тарих фани. – Б. 252-262.

³⁹⁶ Бабаджанов Б.М. Журнал «НАҚИҚАТ» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов. – TIAS Central Eurasian Research Series. – Токио, 2002. – С. 12.

дунёси», «Инкилоб», «Билим учоғи», «Ўзгариш ёшлар», «Иштракион», «Ишчилар калкони», «Озод Бухоро», «Озод Фарғона» и др. В журналистском корпусе этого периода, наряду с такими известными авторами как М. Бехбуди, А. Фитрат, А. Чулпон, А. Авлони, А. Кодир, Ш. Рахими, Х. Ниёзи, появляются молодые журналисты – Усмонхон Эшонходжаев, Косим Сорокин, Наим Соип, Мирмухсин Шермухамедов, Зиё Саид, Комилжон Олимов, Маннон Рамзи, Рахим Иномов, Абдулхай Тожиев, Али Исмоилзода, Ходжи Муин Шукрулаев и др. На страницах газет и журналов, а также в специальных работах они поднимали такие животрепещущие вопросы, как развитие и реформирование языка, проблемы молодежи, перспективы развития народного образования, узбекской культуры³⁹⁷ и др.

В начале 20-х годов появляются первые работы по истории региона, написанные Ф. Ходжаевым, А. Фитратом, Т. Рыскуловым, С. Айни, П. Солиевым. Большой интерес вызвали монографии П. Солиева «Бухоро мангитлари сулоласи даврида» («Бухара периода правления мангитов»), изданная в 1920 г. и «Бухоро тарихи» («История Бухары»), изданная в 1923 г. С этим периодом связана работа талантливых национальных переводчиков Гази Юнуса, Фатиха Каримова, искусствоведа Г. Зафари.

Более сложным было положение мусульманского духовенства, как составной части национальной интеллигенции среднеазиатского общества. Первые же декреты советской власти «Об отделении церкви от государства», «О гражданском браке, о детях, о ведении книг актов гражданского состояния», «О расторжении брака, об уничтожении сословий и гражданских чинов», «Об отмене вакфного имущества», «О ликвидации судов казиев и биев», «О закрытии медреса и мактабов» нанесли удар по духовенству, как интегрирующей силе мусульманского общества. Кроме того, Конституция Туркестанской республики, принятая в 1918 г., лишила все духовенство избирательных и политических прав, исключив его тем самым из общественно-политической жизни. Но государственными актами не возможно было

---

³⁹⁷ Имло хакида биринчи кенгаш ўтириши// Қизил байроқ. 1921. 11 январь; Чулпон А. Тилимизнинг ишланиши// Туркистон. 1923. 11 апрель; Рахимий Ш. Мактаб тузалиши ишида халқнинг йордами// Илм ва маориф. 1922. №2; Его же. Просвещение узбеков// Наука и просвещение. 1922. №2; Ниёзий Х. Озод тарбия// Таълим тарбия. 1923. №21; Уйгур С. Турмушни тузишда мактабнинг роли//Маориф ва ўқитувчи. 1926. №2; Амрико мактаблари//Маориф ва ўқитувчи. 1925. №2; Фитрат А. Темур саганаси. – Т., 1922; Чулпон А. Булоқлар. – Т. 1922; Зафарий Г. Шарқ куйлари ва чолгулари//Инкилоб. 1922. №3; Матбуотимиз фидойилари. – Т., 1923. – Б. 30-43.

отменить всеобъемлющее влияние религии, которое складывалось и утверждалось веками. Они лишь вызвали сильное недовольство основной массы населения, а влияние духовенства в повседневной жизни оставалось практически прежним. Поэтому, опасаясь взрыва народного недовольства, советская власть вынуждена была пойти на отдельные уступки. Она разрешила преподавание основ религии в мусульманских школах, в 1922 г. вернула вакфное имущество, восстановила суды казиев и биев, для верующих мусульман восстановила пятницу днем отдыха. В феврале 1923 г. было учреждено общество «Махкамаи Шариа», которое проводило работу по разъяснению нравственных основ Ислама, значения Корана, хадисов в духовном развитии общества³⁹⁸. Таким образом, в первые годы советской власти мусульманское духовенство в Туркестане продолжало регулировать гражданские правовые отношения местного населения, оставалось в известной мере организатором народного образования через мактабы и мадраса. В 1923 г. в городах Туркеспублики было зарегистрировано 3562 служителя культа. В том числе 3346 мусульманских священнослужителей (94% всех священнослужителей). Они составляли 1,1% городского самостоятельного населения. А в некоторых областях, где традиции старого быта имели более прочные корни эти показатели были еще выше. Например, в городах Самаркандской области мусульманское духовенство составляло 1,7% городского самостоятельного населения, в Ферганской – 2,1%, в Маргилане – 2,5%, Намангане – 3,1%³⁹⁹.

Но такое положение было явно временной уступкой пролетарского государства из-за нестабильности политической ситуации в стране в первые годы советской власти. Уже в марте 1923 г. VII съезд КПТ жестко поставил вопрос о необходимости перейти к «политическому обеззараживанию и дальнейшему ослаблению влияния и власти улемы над верующими». Съезд подчеркнул, «что в отношении мусульманского духовенства (улемы) не может быть никакого разговора о том, чтобы допустить его к участию в органах власти». Была поставлена задача – организовать антирелигиозную работу так, чтобы «каждый шаг, каждое мероприятие, каждый лозунг коммунистической партии были непосредственно направляемы против религии»⁴⁰⁰. И эта

---

³⁹⁸ Мустафаева Н.А. Основные направления и проблемы культуры Узбекистана в 20-30 гг. XX века в историографии периода//Автореф. дис...канд. ист. наук. – Т., 1999. – С. 27.

³⁹⁹ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР. – С. 57, 88-89.

⁴⁰⁰ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... – С. 257-258.

задача выполнялась партией с особым рвением.

Какова же была численность интеллигенции в Туркеспублике в начале 20-х годов XX в.? На этот вопрос статистика того периода прямого ответа не давала, так как официально в ее инструментарии не было такого понятия. Была социальная категория «служащие». В исторической литературе 20-30-х годов они и считались интеллигенцией, что никак не соответствовало самой сути этой социальной страты, поскольку в нее должны были входить специалисты, профессионально занимающиеся высококвалифицированным умственным трудом. Служащими же считались все «работающие за заработную плату и не занимающиеся физическим трудом» и потому к этой категории, наряду с учителями, инженерами, врачами, педагогами высших учебных заведений, относили и такие профессии как продавцы, кладовщики, счетоводы, кассиры, телеграфисты, машинистки, экспедиторы, санитары, пожарные, милиционеры, сторожа⁴⁰¹ и т.д.. Это были в то время люди с низким уровнем образования, очень часто едва умеющие читать и писать и тот факт, что их работа не была связана с физическим трудом, не может служить основанием причислять их к интеллигенции.

Учитывая специфику первых лет советской власти, можно считать, что к интеллигенции в тот период относились квалифицированные специалисты-профессионалы (инженеры, техники, агрономы, врачи, педагоги, юристы, научные работники, журналисты, работники культпросветучреждений, артисты, художники и др. творческие работники) и руководящие административные работники государственного, хозяйственного, партийного и советского аппарата. Хотя объективно далеко не все из них в исследуемый период имели достаточное высокое профессиональное образование, особенно административные работники.

Определив круг профессий, соответствовавший понятию интеллигенции 20-х годов, можно определить ее численность в городах республики на основании данных переписи городского населения 1923 г.

---

⁴⁰¹ Классовый и профессиональный состав городского населения ТАССР. – С. 6, 51-52.

Таблица 3.⁴⁰²

Профессиональный и численный состав городской интеллигенции
 ТАССР

Сфера деятельности	Работающие в сов. Учреждениях		Независимые	
	Всего	В т.ч. жен.	Всего	В т.ч. жен.
1. Административные работники	4670	167	–	–
2. Работники судебных органов	619	10	–	–
В т.ч. адвокаты	–	–	72	–
3. Работники народного образования	4064	1497	–	–
В т.ч. учителя школ	3853	1453	499	285
преподаватели вузов	211	44	–	–
4. Культпросветработники	1044	302	–	–
5. Инженеры и техники	313	12	9	–
6. Врачи и ветеринары	725	183	112	37
7. Агрономы и землемеры	367	11	–	–
8. Журналисты и литераторы	56	8	2	–
9. Артисты, музыканты и др. работники искусства	693	175	347	54
10. Художники	35	5	49	10
ИТОГО	12586	2370	1090	386

Перепись показала, что в городах Туркестана проживало 12,5 тыс. квалифицированных специалистов-профессионалов, работавших на службе у советского государства (4,4% городского самостоятельного населения). В их числе женщин было всего 20%. Но почти половина из них работала в административном аппарате и судебных органах, 32% - были работники народного образования, 8,3% занимались культурно-просветительской деятельностью, около 6% обладали творческими профессиями и только 1405 человек (11%) работали на производстве и в медицинских учреждениях. Чтобы восстанавливать разрушенное хозяйство и строить новое общество, этого числа специалистов было явно недостаточно. Правда, было еще в составе городского населения чуть больше тысячи независимой интеллигенции, которая заняла выжидательную позицию и занималась частной практикой. В их числе было 499 квалифицированных педагогов и 112 врачей. Республика в эти

⁴⁰² Классовый и профессиональный состав городского населения ТАССР. – С. 52-56.

годы очень нуждалась в этих специалистах, но новая власть не только не пыталась привлечь их на свою сторону, а наоборот всячески притесняла.

Что касается национального состава интеллигенции, то материалы переписи на этот вопрос ответа не дают. Однако, по косвенным данным известно, что в 20-е годы в Туркестане большую часть инженерно-технических, научных и медицинских работников составляли европейцы, поскольку своих высших учебных заведений в крае до революции не было, а новая советская система высшего образования в республике еще только начинала создаваться. Европейцами было и большинство работников административного аппарата. На 1 января 1922 г. в 28 учреждениях органов власти Туркестана из 4046 работавших в них сотрудников 3789 человек (93,6%) были европейцами и только 257 (6,4%) – из коренных национальностей. Из этих 4046 сотрудников русским и узбекским языками владел 8,1%, только узбекским – 0,6%, только русским – 91,3%. Более того, даже в учреждениях, которые по роду своей работы должны были быть тесно связаны с местным населением, в подавляющем большинстве работали европейцы. Так, в Совете Народных Комиссаров ТАССР их было 92,9%, Наркомздраве – 92,8%, Наркомтруде – 94,1%, Наркомсобесе – 87,5%, Наркомпросе – 75%, Туркбюро ВЦСПС – 87,6%, ЦК КПТ – 88,5%, ЦК комсомола – 75%⁴⁰³.

Незначительность числа знающих и образованных людей, находившихся на службе у советского государства, обуславливала необходимость как можно быстрее решать задачу формирования «рабоче-дехканской» интеллигенции. Задача эта решалась в первые годы советской власти также как и все прочие задачи, только на строго классовой основе. Пути ее решения были разнообразны, но весьма характерны для политики советского государства тех лет.

Одним из них было создание кадров работников административного аппарата через «выдвиженчество», когда на руководящую партийную, советскую, хозяйственную работу во всех сферах народного хозяйства и культуры «выдвигались» наиболее активные и революционно настроенные рабочие и крестьяне, не имевшие не только профессионального образования, но очень часто и прочного начального образования. Это был своеобразный, характерный только для государства диктатуры пролетариата, типично революционно-левацкий метод формирования административных

---

⁴⁰³ Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 3. – С. 443-447.

работников из рабочих и крестьян, которые формально по характеру занимаемой должности относились к интеллигенции, а по своему образовательному и профессиональному уровню, как правило, никоим образом ей не соответствовали. В своем подавляющем большинстве, это были малообразованные советские служащие–неспециалисты.

В условиях Туркестана, где образованной «рабоче-дехканской» интеллигенции практически не было, «выдвиженчество» получило особенно широкое распространение. На первом этапе социалистического строительства оно являлось главным каналом ее формирования. В 1924 г. из 2504 административных работников Ташкента 546 человек (почти 22%), до этого года работали на фабрике, заводе или в своем крестьянском хозяйстве. Они составляли 21,7% начальников управлений и заведующих отделами, 21,3% – заведующих подотделами, 20,4% – уполномоченных и инспекторов, 40% – председателей ячеек РКИ, 43 выдвиженца были в числе 197 руководителей и управляющих предприятиями Ташкента⁴⁰⁴. Их много работало в аппарате таких ведомств Туркеспублики, как Народный комиссариат по военным делам – 35%, Верховный суд – 37%, Народный комиссариат внутренних дел – 41%, Народный комиссариат социального обеспечения – 52%, Народный комиссариат здравоохранения – 33%, в руководящем составе профсоюзов – 35%. Но их было намного меньше в аппарате ведомств, где требовались профессиональные знания. Поэтому в числе сотрудников Народного комиссариата юстиции «выдвиженцы» составляли 8%, ТурЦИК и СНК – 8%, ЦСУ – 11%, в ЦСНХ их не было совсем⁴⁰⁵.

Для того чтобы малограмотные, а иногда и не грамотные рабочие и дехкане могли выполнять свои обязанности руководителей партийного, советского и хозяйственного аппарата была создана система их подготовки через курсы, советско-партийные школы, а затем и специальные университеты. К весне 1924г. в республике в системе подготовки кадров партийных и советских работников действовали: Среднеазиатский коммунистический университет, где обучалось 434 слушателя, в том числе 39 женщин, 4 дневных областных совпартшколы и 2 вечерних, в которых обучалось 227 человек. Подготовка этих кадров требовала значительных материальных

---

⁴⁰⁴ Итоги переписи учреждений и служащих г.Ташкента 1924 г.// Бюллетень ЦСУ УзССР. – 1925. №2. – С.78, 80.

⁴⁰⁵ Итоги переписи учреждений и служащих г.Ташкента 1924 г.// Бюллетень ЦСУ УзССР. – 1925. №2. – С. 50-51.

средств, тем не менее, несмотря на тяжелое финансовое положение в республике, эта работа всемерно расширялась, поскольку без своих пролетарских кадров партии невозможно было сформировать политический аппарат новой власти. Выдвижение наиболее активных рабочих и дехкан на руководящую работу в государственный, партийный, советский и хозяйственный аппарат она рассматривала как важнейшее средство укрепления диктатуры пролетариата, налаживания системы эффективного управления страной, создания госаппарата, тесно связанного с массами.

Однако такой подход положил начало глубоким деформационным социальным процессам. Приход во властные структуры малообразованных и даже неграмотных рабочих и дехкан, предоставление им больших административных прав и материальных привилегий, а также установка на то, что построение нового общества будет проходить в острой классовой борьбе с применением инструментов классового насилия, положили начало с одной стороны – формированию командно-административных методов работы партийного, советского и государственного аппарата, с другой – формированию привилегированной элиты руководителей – слоя партийной номенклатуры. О ее наличии свидетельствовало то, что уже в первые годы советской власти на партийных съездах и конференциях начали подвергаться критике такие явления, как «партийное генеральство», «отрыв от масс», «обюрокрачивание партийного и государственного аппарата»⁴⁰⁶.

«Выдвиженчество» не могло решить проблему формирования из рабочих и дехкан необходимых государству образованных профессионалов. Подготовить такие кадры можно было только через высшие и средние специальные учебные заведения. Но и в этот процесс пролетарское государство внесло революционную анархию и жесткие классовые принципы. Изменяющаяся классовая структура советского общества в переходный период определила изменения социальной значимости высшей школы, ее общественной роли и предназначения, а самое главное изменила принцип ее комплектования. Его доминантой выступал жесткий классовый отбор. В результате чего значительная часть детей коренного «нетрудового» населения Туркестана – мелких и средних собственников, равно как и «буржуазной» интеллигенции были искусственно отчуждены от получения высшего и среднего специального образования.

---

⁴⁰⁶ См.: Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... – С. 45, 47, 129, 201.

Чтобы на классовой основе изменить облик высших учебных заведений, надо было коренным образом изменить социальный состав их студентов и профессорско-преподавательского состава, а также кардинально преобразовать идеологическую направленность учебно-воспитательного процесса. Для обеспечения беспрепятственной возможности рабочим и беднейшему крестьянству получить высшее или среднее образование советская власть в августе 1918 г. установила новые правила приема в вузы и техникумы. Были отменены, существовавшие ранее, национальные и сословные ограничения, а вместе с ними и вступительные экзамены, а также обязательное предоставление документа о полученном школьном образовании, поскольку только это могло помочь приему в высшую школу рабоче-дехканской молодежи, не имевшей необходимых базовых знаний. Но игнорирование наличия этих знаний при поступлении в вузы не снимало необходимости их иметь для усвоения вузовской программы. Для преодоления этого препятствия была создана совершенно новая в мировой практике высшего образования форма обучения – рабочие факультеты (рабфаки), как промежуточное звено вузовского учебного процесса. Они явились специфическим революционным методом формирования советской интеллигенции. Рабфаки стали основным рычагом в пролетаризации высшей школы. Срок обучения на них был – на дневном отделении 3 года, вечером – 4 года. В целом же, чтобы из рабфаковца получился высококвалифицированный специалист, требовалось 8–9 лет упорной учебы. Поэтому первые выпуски студентов, прошедших через рабфаки, начались только в конце 20-х годов. Они были очень незначительные из-за большого отсева в процессе этого пути.

Партия считала, что основная задача высшей школы – политически воспитать студентов и использовать вузовскую систему для создания как можно большего числа специалистов, вышедших из пролетариата, а новая интеллигенция должна отличаться от интеллигенции буржуазной не только своей социальной принадлежностью, но и своими идейно-политическими убеждениями. Поэтому в вузовском учебном процессе на первое место было поставлено не получение студентами качественных знаний, а формирование у них марксистско-ленинского мировоззрения. В решениях XII съезда РКП(б) указывалось, что «каковы бы не были основные задачи каждого типа школы, в частности вузов и техникумов, они, вырабатывая специалиста в той или иной отрасли, должны

готовить в его лице общественно-политического работника, вооруженного теорией марксизма-ленинизма»⁴⁰⁷. В 1920 г. в программу обучения всех вузов было введено обязательное изучение общественно-политических дисциплин. На них отводилось значительное количество учебных часов в ущерб основным и специальным дисциплинам. Это негативно сказывалось на качестве знаний будущих советских специалистов.

В Туркестане формирование новой советской интеллигенции было связано с целым рядом дополнительных трудностей, обуславливающих особую специфику этого процесса. Прежде всего, в колониальном Туркестане не было высших учебных заведений, и система высшего образования создавалась на пустом месте. Первым высшим учебным заведением в крае был Туркестанский народный университет, торжественно открытый 21 апреля 1918 г. У его истоков стояли видные представители национальной интеллигенции Мунаввар кори Абдурашидханов, Содик Абдусаттаров, Бурхон Хабиб, Мухтар Бакир, Абдулло Авлони и др.⁴⁰⁸. В ноябре 1918 г. силами местных востоковедов был открыт Туркестанский восточный институт (в 1924 г. он вошел в состав Среднеазиатского государственного университета как восточный факультет.)

В сентябре 1920 г. в Ташкенте открылся Туркестанский государственный университет – крупное многопрофильное высшее учебное заведение, которое до конца 20-х годов готовило всех необходимых для региона специалистов (с июля 1923 г. он получил статус Среднеазиатского государственного университета (САГУ). Основной задачей ректората, партийной и комсомольской организаций университета было обеспечение его рабоче-дехканского социального состава. Поэтому при наборе студентов во главу угла ставилось их социальное происхождение. Студентов, пытавшихся скрыть непролетарское происхождение, немедленно отчисляли. Работа по пролетаризации состава студентов уверенно продвигалась к поставленной цели. Если в 1921 г. в числе студентов университета было 20,2% крестьян, 18,2% рабочих и 34,5% «буржуазных элементов», 27,1% совслужащих, то в 1923 г. крестьян было уже 26%, рабочих 24,6%, «буржуазных элементов» 4,3%, совслужащих 45,4%⁴⁰⁹. Но если

---

⁴⁰⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Том 2. – М., 1970. – С. 458.

⁴⁰⁸ Рахимий Ш. Маорифмизнинг ўтгандаги ва хозирги холи. – Т., 1923. – Б. 18.

⁴⁰⁹ Бюллетень САГУ. Вып. 1. – Т., 1923. – С. 19.

эта задача решалась успешно, то с национальным составом дело было значительно хуже. В первом университетском наборе в 1920 г. студентов из коренных национальностей вообще не было, в 1922 г. они составили только 8%, в 1925 г. их число выросло до 18 %⁴¹⁰.

Причин незначительного числа студентов из рабоче-дежканской молодежи и из коренных национальностей в составе первых университетских наборов было несколько. Прежде всего, это была их неподготовленность к восприятию вузовской программы из-за слабой школьной подготовки, особенно в сельской местности, где в тот период практически не было средних школ, и необходимость из-за этого пройти обучение на рабфаке. Сильно затруднял обучение в вузах республики молодежи из коренных национальностей и тот факт, что большая часть основных предметов и все специальные дисциплины преподавались в университете только на русском языке, а плохое владение им являлось серьезным препятствием в получении коренным населением высшего образования.

Кроме общих трудностей процесса формирования интеллигенции в Туркесреспублике была и своя специфика его направленности. Она заключалась в доминировании подготовки специалистов гуманитарного профиля – преимущественно школьных педагогов из-за того, что новая власть ликвидировала в Туркестане старую национальную систему народного образования и поставила задачу создать советскую трудовую школу по европейскому образцу. Задача эта была поставлена в условиях практически полного отсутствия подготовленных педагогов для школ, а от наличия качественно подготовленных учащихся в этих школах зависела и возможность развивать вузовское образование.

Для решения этой проблемы в 20-е годы в республике создается широкая сеть национальных средних специальных учебных заведений – учительские институты, педагогические техникумы, училища, всевозможные педагогические курсы, готовящих кадры учителей для национальных школ. Усилиями лучших представителей национальной интеллигенции в 1918–1920 гг. в Ташкенте были открыты первые педагогические учебные заведения, сыгравшие большую роль в подготовке кадров национальных учителей. 1 июня 1918 г. открылся мусульманский учительский институт. В числе его педагогов были Исмаил Хаки, Абдурауф Фитрат, Комол Шамси, Ибрагим и

---

⁴¹⁰ Бюллетень САГУ. Вып. 20. – Т., 1935. – С. 228.

Абдурахман Исмагиловы, Бурхан Хабиб, Мунаввар кори Абдурашидханов, Абдулло Рахимбаев, Хайдар Шавки⁴¹¹. В конце октября 1919 г. открылось женское педучилище «для подготовки тюркских учительниц в школы первой ступени»⁴¹². Осенью 1920 г. были открыты узбекский, киргизский, тюркско-татарский мужские и смешанный русский институты просвещения (инпросы). Чуть позже были открыты узбекский женский и туземно-еврейский мужской инпросы⁴¹³. Открытие этих учебных заведений было значительным вкладом в развитие народного образования в республике, первыми шагами на пути создания своей новой национальной интеллигенции. Но во второй половине 20-х годов эти учебные заведения постепенно были поглощены новой советской системой подготовки педагогических кадров – педагогическими техникумами и вузами.

Поскольку у правительства республики не было возможностей открывать разнопрофильные высшие учебные заведения национальные политические лидеры Т. Рыскулов, А. Рахимбаев, Ф. Ходжаев, А. Фитрат в 1922 г. добились, чтобы 75 молодых людей из ТАССР, БНСР и ХНСР были направлены на учебу в вузы Германии. В их числе были Ахмаджон Ибрагимов, Собира Ибрагимова, Темурбек Казакбаев, Хайринисо Маджиханова, Султан Маткулов, Туляган Муминов и др.⁴¹⁴. Обучаясь в Берлинском, Гейдельбергском, Фрейбургском университетах, Берлинской, Дрезденской, Дармштадской высших технических академиях, они, преодолевая языковой барьер, большие бытовые и материальные трудности, упорным трудом приобретали знания высококвалифицированных специалистов. Кроме того, к концу 1922 г. от Туркестана 306 человек обучалось в вузах и техникумах Москвы и Петрограда, 25 человек в Азербайджане, 25 человек в Турции⁴¹⁵. Однако, как показало дальнейшее развитие социалистического строительства, практика подготовки высококвалифицированных специалистов за рубежом была специфической особенностью только начала 20-х годов. В дальнейшем она была прекращена и студентов из республики обучали только внутри страны.

Все вышеназванные формы были составляющими

---

⁴¹¹ НА Уз, ф.Р-368, оп. 1, д. 34, лл. 120-122.

⁴¹² НА Уз, ф.Р-34, оп. 1, д. 386, л. 4.

⁴¹³ Там же, д. 259, л. 6.

⁴¹⁴ Там же, ф.Р-737, оп. 1, д. 177, л. 17.

⁴¹⁵ Там же, ф.Р-25, оп. 1, д. 786, л. 12; д. 1351, л. 306.

целенаправленного процесса формирования новой социальной страты – советской интеллигенции. В начале 20- годов он находился в стадии становления, причем проходил медленно и сложно в условиях серьезных политических и экономических трудностей, решающую роль в нем играл субъективный фактор – классовая социальная политика государства диктатуры пролетариата. Советская «рабоче-дехканская» интеллигенция формировалась на марксистской идеологической, жесткой классовой основе. Интеллигенция в республике была в этот период малочисленна, в ее составе преобладали работники народного образования и культурно-просветительной сферы, незначительны были технические, медицинские и научные кадры и, что самое главное, среди них было очень мало представителей коренных национальностей.

Таким образом, в начале 20-х годов XX в. трансформационные социальные процессы в советском обществе развивались в двух направлениях – начинался процесс формирования социальной структуры строящегося советского общества и набирал силу болезненный процесс уничтожения социальной структуры свергнутого общества. На этом этапе целенаправленно перестраивалась на революционных началах политическая и экономическая жизнь страны, утверждалось привилегированное положение рабочего класса, в пользу которого изменилась структура власти, закладывался фундамент новой стратификации общества. Советское государство неуклонно проводило ярко выраженную классовую социальную политику, направленную на углубление классовой дифференциации общества и, в конечном счете, на разрушение его старой стратификации. Но ее осуществление в Туркестанской АССР имело ряд своих специфических особенностей.

В начале 20-х годов все революционные преобразования в Туркестане проводились силами немногочисленных русских рабочих и русских коммунистов, присланных из центра. Свой пролетариат в этот период был малочислен и не мог быть лидирующей силой. Он имел очень незначительный удельный вес в структуре общества, был слабо консолидирован, малограмотен и неоднороден по своему составу (меньшая часть рабочих была занята в государственном промышленном секторе, а большая – в частном). Поскольку в его рядах было очень мало представителей коренного населения, он был слабо связан с массами и не мог оказывать реального влияния на их жизнь.

В социальной сфере республики это был период мучительных преобразований и потерь, когда политические и экономические мероприятия советской власти были направлены против собственников,

составляющих большую часть населения региона, и осуществлялись с позиции силы. Репрессивная социальная политика государства против страт старого общества в первую очередь нанесла удар по городскому населению. В его стратификации исчезли не отдельные лица, а целые социальные группы – крупные землевладельцы, промышленники, купцы, банкиры, занимавшие прежде ведущее политическое и экономическое положение, а носители духовных и нравственных ценностей народа – духовенство, национальная интеллигенция, подвергались усиленным гонениям.

Однако, такие социальные страты городского населения Туркестана, составляющие основу его среднего слоя, как ремесленники, кустари, торговцы, земледельцы, которых советская власть, в силу слабости своих позиций в экономике, не могла сразу исключить из хозяйственной жизни общества, в этот период продолжали сохранять доминирующее положение в городской инфраструктуре. Испытывая жесткий прессинг агрессивной кредитно-финансовой и налоговой политики, они старались адаптироваться в новых условиях. Государство же не смогло оценить их позитивные устремления, увидеть богатый потенциал трудовых ресурсов и направить в нужное ему русло. Тем самым оно упустило возможность обеспечить себе сильные стартовые позиции на пути создания социалистического общества, добиться более благоприятных результатов в этом процессе. Продолжала так же сохранять в этот период доминирующее положение в экономике республики еще одна страта самостоятельных производителей – дехкане. Социалистические преобразования первых лет советской власти практически не затронули структуру узбекского кишлака, и дехканин-единоличник оставался единственным производителем сельскохозяйственной продукции в регионе.

Не имея возможности быстро уничтожить или кардинально переделать на социалистической основе психологию и образ жизни кустарей, ремесленников, торговцев, дехкан, советская власть пыталось расколоть эти страты и создать в их среде свою социальную базу. Для этого через систему государственных привилегий и специальные классовые общественные организации она проводила активную политику классовой дифференциации, направленную на пробуждение в их беднейшей части конфронтационного «классового самосознания».

В начале 20-х годов в туркестанском обществе начинается также процесс активного формирования на социалистической основе таких главных составляющих социальных единиц структуры социалистического общества, как советские рабочие и «рабоче-

дехканская» интеллигенция. Но в силу политического и экономического состояния региона, он шел медленно и с незначительными успехами. В это же время в обществе начинают создаваться совершенно новые социальные страты, характерные только для советского общества – кооперированные кустари, дехкане колхозники, рабочие советских хозяйств. Но из-за малочисленности и экономической слабости их деятельность практически не была заметна ни в городе, ни в кишлаке.

ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА НА ФОНЕ МОНОПОЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

4.1. Формирование промышленных рабочих

К середине 20-х годов в условиях новой экономической политики восстановление разрушенной экономики Узбекистана шло к завершению. Причем надо отметить, что в этом процессе в равной степени активно участвовали и государственный, и частный сектора. В 1925 г., по оценке правительства республики, ее промышленное производство достигло 79,4%, а сельское хозяйство – 77,4% уровня 1913 г.⁴¹⁶. Восстановление экономики обуславливало рост и укрепление позиций социалистического и ослабление позиций частнособственнического укладов. Продолжался, начатый после установления советской власти, процесс изменения социальной структуры общества, в русле которого шло активное формирование новых социальных страт – советского рабочего класса, «рабоче-дехканской» интеллигенции и уничтожение социальных страт старого общества, в первую очередь его основы – слоя собственников. Причем второе направление в этот период приобретает все более ужесточенную классовую направленность.

Наиболее показательным фактором укрепления социалистического уклада в экономике было его активное утверждение в крупной промышленности. В 1926/27 г. государству принадлежало 96,7% ценовых предприятий, 3% являлись кооперативной собственностью и только 0,3% были частными⁴¹⁷. В 1928/29 г. уже 99,5% ценовых предприятий в Узбекистане были государственной и кооперативной собственностью, на них было занято 99,7% промышленных рабочих⁴¹⁸. 25 января 1929 г. в республике был закрыт последний частный завод⁴¹⁹.

Исходя из необходимости всемерного укрепления диктатуры пролетариата, социальной базой которой являлась крупная промышленность, советское государство во второй половине 20-х годов поставило во главу угла своей экономики и политики индустриализацию народного хозяйства страны. Она должна была

---

⁴¹⁶ Материалы к отчету правительства Узбекистана ЦИК СССР. – Т., 1927. – С. 19.

⁴¹⁷ Ходжаев Ф. Избр. труды. Том III. – Т., 1973. – С. 242.

⁴¹⁸ НА Уз, ф.Р-89, оп.1, д.2061, л.156.

⁴¹⁹ История рабочего класса Узбекистана. Том I. – Т., 1964. – С. 104.

ликвидировать ее технико-экономическую отсталость, стать решающим фактором в борьбе за ликвидацию многоукладности экономики, обеспечить укрепление и рост рабочего класса. Этот последний фактор имел особо важное значение для Узбекистана. Если по СССР в целом в 1926г. на тысячу населения рабочие в среднем составляли 16,1 человек, то в Узбекистане – только 2,4 человек⁴²⁰. Их удельный вес в составе городского занятого населения равнялся 16,8%. В целом число рабочих в городах республики в 1926 г., по сравнению с 1923 г., несколько уменьшилось за счет сокращения предприятий частного сектора, применяющих труд наемных рабочих. Но число промышленных рабочих увеличилось в 2,5 раза, железнодорожных – в 2 раза. Еще более вырос их удельный вес: у промышленных рабочих с 6,4% в 1923 г. до 17,4% в 1926 г., у железнодорожных - соответственно с 5,5% до 12,6%⁴²¹. Всего же, по данным переписи 1926 г., во всех отраслях хозяйства республики (включая Таджикскую АССР) в городах и сельской местности было занято почти 137 тыс. рабочих. Сфера приложения их труда были весьма разнообразна.

Таблица показывает, насколько слабым был состав рабочих Узбекистана в середине 20-х годов. Почти половина из них была занята в частном секторе – батраками в дехканских хозяйствах, хальфа в ремесленно-кустарных мастерских, наемными рабочими в извозном промысле, строительстве, частных торговых заведениях. Его организованная часть – фабрично-заводские и железнодорожные рабочие составляла всего 19% в составе занятого населения республики. Причем рабочих коренных национальностей в их числе было около 30%, а на железнодорожном транспорте, где нужна была высокая квалификация, только 10,2%.

Таблица 4.⁴²²

Состав рабочих Узбекистана в 1926 г.

	Мужчины	Женщины	Обоего пола	В т.ч. из коренного населения		
				Мужчины	Женщины	Обоего пола
Всего	131327	5594	136921	99938	2620	102558
В том числе:						

⁴²⁰ Социалистическое народное хозяйство в СССР в 1933-1940 гг. Стат. сб. – М., 1940. – С. 339.

⁴²¹ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР. – С. 110; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. Узбекская ССР. Отдел II. Занятия. – М., 1929. – С. 2,3. (подсчеты автора. Н.М.)

⁴²² Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 2-3.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, НАСИЛЬСТВЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ
(КОНЕЦ XIX в. – 30-е ГОДЫ XX в.)

В частных деж. хозяйствах.	53468	2042	55510	51473	1424	52897
В сельхоз предприятиях	1413	129	1542	597	32	629
В фаб.-завод. пром-ти	13255	1066	14321	6318	225	6543
На жел.-дор. транспорте	11445	137	11582	1186	-	1186
Др. видах транспорта	2121	68	2189	1051	-	1051
В кустарно-рем. мастерских	6196	391	6587	4736	121	4857
В торговых заведениях	1421	89	1510	595	-	595
В строительстве	4899	8	4907	2197	-	2197
В учреждениях	2200	108	2303	387	9	396
В прочих отраслях	34909	1556	36465	31398	809	32207

Характерной чертой состава рабочих Узбекистана этого периода было очень незначительное число женщин – всего 4%. При этом надо отметить, что их практически не было на тяжелых работах – на стройках, железнодорожном транспорте, очень мало в фабрично-заводской промышленности, в кустарных мастерских.

Реализация программы индустриализации в 1926-1928 гг. дала некоторые положительные результаты в развитии республиканской промышленности. Были полностью восстановлены на базе новой техники старые ценовые предприятия, созданы новые отрасли промышленности – хлопчатобумажная, трикотажная, шелкообрабатывающая, строительных материалов. Число ценовых предприятий увеличилось с 118 до 166⁴²³. Их рост обусловил определенный рост численности промышленных рабочих. В 1928 г. в государственной ценовой промышленности было занято 15480 рабочих⁴²⁴, в 1929 г. – 18900 рабочих⁴²⁵.

Но, несмотря на некоторую положительную динамику в росте общего числа промышленных рабочих, их удельный вес в общем составе населения Узбекистана был все также небольшим – всего 0,6%. Тем не менее, принадлежность к «рабочему классу» давала большие преимущества в советском обществе. Рабочее происхождение было

⁴²³ Бюллетень ЦСУ УзССР. – 1928. – №2. – С. 5.

⁴²⁴ Труд в Средней Азии. Стат.сб. – Т., 1930. – С. 6; Средняя Азия в цифрах. Стат.сб. – Т., 1931. – С. 146.

⁴²⁵ НА РУз, ф. Р-1619, оп. 12. д. 178. л. 26.

приоритетным условием для поступления в высшие и средние учебные заведения, открывало широкую перспективу сделать административную и даже научную карьеру, являлось решающим аргументом для вступления в ряды правящей партии. «В республике с подавляющим большинством крестьянского населения, – пишет французский исследователь Шомбарт де Лов, – крестьянам фактически принадлежало подчиненное, неполноправное, по сравнению с рабочими, место в рядах коммунистической партии»⁴²⁶. В 1928 г. в Компартии Узбекистана рабочие «по социальному происхождению» составляли 45,44%, дехкане – 28,35%, в 1929 г. этот разрыв стал еще больше – рабочие составляли уже 49,82%, дехкане – 24,98%⁴²⁷.

Вся политика партии была по-прежнему направлена на повышение роли промышленных рабочих в управлении государством, на активное участие их в общественно-политической жизни страны. Одним из главных рычагов в осуществлении политики повышения рабочего влияния в госаппарате было продолжение во второй половине 20-х годов практики выдвижения наиболее активных «рабочих от станка» на руководящую работу в партийный, советский и хозяйственный аппарат. В 1927 г. в республике было «выдвинуто» 200 человек, 1928 г. – 268, 1929 г. – только в центральный аппарат - 116 человек, в аппарат среднего и низового звена - 589 человек⁴²⁸, в органы юстиции – 95 человек⁴²⁹.

Стремление партии обеспечить рабочий контроль на производстве и всемерно повысить трудовую активность рабочих во второй половине 20-х годов реализовывалось через, создаваемые на предприятиях, рабочие производственные совещания, комиссии, «группы легкой кавалерии». Они боролись «с косностью и консерватизмом» хозяйственников, не поддерживающих их революционный экстремизм, занимались вопросами организации труда, использования оборудования, снижения себестоимости продукции, повышения производительности труда, то есть занимались вопросами, которыми должны были заниматься квалифицированные специалисты, а не пролетарии-общественники. Трудовая активность рабочих на производстве повышалась созданием ударных бригад и

---

⁴²⁶ Chombart de Lauwe J. Les paysans Sovietique. – Paris, 1961. – P. 249.

⁴²⁷ Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах (Сб. стат.материалов). 1924-1964 гг.– Т., 1964. – С. 32, 34.

⁴²⁸ НА РУз, ф.Р-733, оп.1, д. 826, л.18; д.559, л.29.

⁴²⁹ Там же. ф.Р-904, оп.1, д.364, л.4.

развертыванием социалистического соревнования. Общественно-политическую активность рабочих партия искусственно развивала, постоянно организуя шумные политические кампании «за режим экономии» (1926 г.), «за социалистическую рационализацию» (1927 г.), «за развертывание критики и самокритики, как важнейшего рычага борьбы с бюрократами и вредителями в госаппарате» (1928 г.). Реализация лозунгов этой последней кампании превратилась в жесткую чистку госаппарата силами «рабочих с производства», которые совершали рейды по учреждениям, «вскрывали недостатки» в работе госаппарата, «разоблачали бюрократов и вредителей», утверждая, таким образом, свое право хозяев страны на активное участие в его управлении и тем самым приносили больше вреда, чем пользы⁴³⁰.

Увеличение численности промышленных рабочих, активное участие в управлении страной и в ее общественно-политической жизни укрепляло их положение, свидетельствовало о формально положительной динамике их формирования. Однако в Узбекистане этот процесс имел ряд особенностей негативного характера. Такие его аспекты, как внутриотраслевая структура, квалификационный уровень, национальный состав, источники формирования не имели победных результатов.

Слабым звеном в процессе формирования этого отряда рабочих в Узбекистане было развитие их внутриотраслевой структуры. В силу незначительного удельного веса тяжелой промышленности в общем промышленном производстве республики незначительным было и число занятых в ней рабочих. Их основная масса была занята в отраслях, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию. В 1928 г. в них было занято 72,4% всех рабочих ценовых предприятий республики, в том числе в шелкообрабатывающем, хлопкоочистительном и маслобойно-мыловаренном производствах работало 58,7% рабочих. В то же время в металлообработке было занято 5,8%, полиграфическом производстве – 6,7%, швейном производстве – 1,8%, электроэнергетике – 2,2% рабочих ценовой промышленности⁴³¹. Поскольку большая часть рабочих была занята в промышленных отраслях, не требующих высокой квалификации, то и общий квалификационный уровень рабочих Узбекистана был не очень высокий. В 1928 г. в фабрично-заводской ценовой промышленности квалифицированные рабочие составляли 46,8%, полуквалифицированные – 17,6%, остальные были

---

⁴³⁰ См.: История рабочего класса Узбекистана. Том 1. – С. 91-122.

⁴³¹ Бюллетень ЦСУ Уз ССР. – 1928. – №20. – С. 11.

чернорабочими⁴³².

Другой негативной особенностью процесса формирования промышленных рабочих в Узбекистане во второй половине 20-х годов были серьезные проблемы с созданием кадров из коренных национальностей. Темпы их роста в целом по республике были значительно ниже темпов роста общего числа рабочих. В 1926 г. в государственной фабрично-заводской промышленности рабочие узбеки составляли 29,2%⁴³³, в 1928 г. их удельный вес вырос до 30,7%⁴³⁴. Они составляли 76% рабочих ценовых предприятий по обработке хлопка, 72,5% – по обработке шелка, 54% – в кожевенном, 51% – в горном и горнозаводском, 41,3% – пищевкусовом производствах, в том числе в хлебопечении – 63%. В то же время в металлообработке их было занято только 8,6%, химико-фармацевтическом производстве – 5%, швейном производстве – 3%⁴³⁵. Низкая квалификация, малограмотность рабочих коренных национальностей обусловили их низкую политическую активность. В 1926 г. в рядах республиканской профсоюзной организации представители коренного населения составляли 38,5%, в 1928 г. – 41,2%, 1929 г. – 41,5%. При этом в профсоюзе сельскохозяйственных рабочих в 1926 г. их было 70%, 1928 г. – 72%, 1929 г. – 70,8%, в профсоюзе индустриальных рабочих соответственно – 36,2%, 38,6%, 39,5%, в профсоюзе строителей – 36%, 26,4%, 25%, в профсоюзе транспортных рабочих – 14,7%, 15%, 14%⁴³⁶.

Особенности отраслевой структуры промышленных рабочих в Узбекистане, медленные темпы роста рабочих из коренных национальностей, их низкий качественный уровень объяснялся целым рядом причин. Если в центральных районах страны формирование советского рабочего класса и повышение его удельного веса не требовало создания и укрепления в нем слоя промышленных рабочих, а шло через воспроизводство на уже имеющейся основе, через совершенствование рабочими этого слоя уже имеющихся у них знаний и опыта, то в Узбекистане этого не было из-за практически полного отсутствия слоя кадровых промышленных рабочих к началу процесса формирования советского рабочего класса в новом государстве.

---

⁴³² Бюллетень ЦСУ Уз ССР. – 1930. – №24. – С. 18.

⁴³³ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 3. (Подсчеты автора)

⁴³⁴ Два года социалистического строительства в Узбекистане. Отчет правительства УзССР IV съезду советов. – Т., 1931. – С. 5.

⁴³⁵ Бюллетень ЦСУ Уз ССР. – 1928. – №20. – С. 21.

⁴³⁶ Средняя Азия в цифрах. Стат.сб. – Т., 1931. – С. 282-285. (подсчеты автора).

Основными источниками пополнения промышленных рабочих внутри республики были ремесленники, кустари и дехкане, которые в подавляющем большинстве были неграмотные. К началу 1928 г. в Узбекистане среди населения в возрасте 16-35 лет было 754 тыс. или 83,6% неграмотных, в том числе 139 тыс. человек проживало в городах и 615 тыс. – в кишлаках⁴³⁷.

Ситуацию с местными источниками формирования промышленных рабочих из коренного населения очень точно охарактеризовал американский историк А. Парк: «Местные рабочие были сосредоточены в самом низу промышленной лестницы. В большинстве они были неграмотны и не знакомы с заводскими условиями работы, очень мало владели достаточными промышленными навыками, которые позволили бы им улучшать их статус»⁴³⁸. Кустари и ремесленники теоретически должны были стать главным источником пополнения промышленных рабочих из коренных национальностей, поскольку имели определенные навыки производственной работы. Но они были приспособлены для индивидуального ручного труда в домашней мастерской, а программа индустриального развития Узбекистана предусматривала приоритетное развитие крупных промышленных предприятий. К работе в таких формах промышленного производства местные кустари и ремесленники не были подготовлены. Для этого им надо было справиться со сложными проблемами социальной адаптации - изменить веками сложившиеся устои труда и быта, преодолеть серьезный психологический барьер перехода от индивидуального труда к коллективному. Со своими производственными навыками, они могли выполнять на крупных заводах и фабриках неквалифицированную, а значит мало оплачиваемую работу. Для получения квалифицированной рабочей специальности им надо было учиться, но их массовая неграмотность (в 1926 г. среди самостоятельно работавших кустарей и ремесленников только 12% были грамотными⁴³⁹) серьезно препятствовала этому. Система же фабрично-заводского ученичества, разработанная органами труда республики, была сориентирована в основном на подростков, поскольку «должна была попутно решать вопросы социального воспитания»⁴⁴⁰. В школах ФЗУ в конце 20-х годов

---

⁴³⁷ Материалы к отчету ЦК КП(б) Уз IV парткурултаю. – Самарканд, 1929. – С. 16.

⁴³⁸ Park A. Op. cit. – P. 279.

⁴³⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С.37-40. (Подсчеты автора).

⁴⁴⁰ НА Уз, ф.Р- 837, оп.5, д.556, л.27-29.

учащиеся в возрасте 15-17 лет составляли 72,3%, 18-22 - 27,7%, учащихся старше 22 лет не было⁴⁴¹, а основная масса ремесленников и кустарей в тот период была старше 25 лет⁴⁴². Кроме того, в середине 20-х годов продолжала сохраняться благоприятная рыночная конъюнктура, обеспечивающая активный спрос на продукцию, производимую ими старыми традиционными способами. Все эти факторы давали ремесленникам и кустарям основания не спешить с переходом на работу в государственную промышленность.

Для дехкан переезд в город и поступление на работу на промышленные предприятия также был сопряжен с необходимостью преодолеть серьезные препятствия, обусловленные слабой миграционной подвижностью сельского жителя, его привязанностью к традиционным местам проживания, отсутствием производственных навыков работы, неграмотностью, трудностями социальной адаптации к городской жизни. Отрицательную роль играли при этом тяжелые жилищные условия, в которые попадали дехкане, приезжая в крупные промышленные центры республики. Так, в 1926 г. в Ташкенте 37% рабочих-одиночек (в основном это были мардикеры, пришедшие в город на заработки) снимали угол в частных квартирах, 2,7% – жили в нежилых помещениях, и только 11,9% – жили в переполненных общежитиях⁴⁴³. Сдерживали также приток дехкан в город и такие факторы, как ориентация сельского хозяйства республики на приоритетное производство культуры хлопчатника (большая трудоемкость процесса его выращивания удерживала значительную рабочую силу в кишлаке), а также непродуманная региональная политика строительства новых промышленных предприятий преимущественно в крупных городах или вокруг них и при том в основном в Ферганской долине.

Источники формирования промышленных рабочих республики из ремесленников, кустарей и дехкан создавали еще одну проблему этого процесса - проблему «пролетарской сознательности», остро вставшую во второй половине 20-х годов. Приход на промышленные предприятия вчерашних кустарей и дехкан, которые, как писала печать того времени, «не прошли школу коллективного труда, не переварились

---

⁴⁴¹ Подготовка кадров в СССР. (1927-1931). Стат. сб. – М., 1933. – С. 70.

⁴⁴² Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 26-30.

⁴⁴³ Материалы всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. III. Характеристика городской недвижимости и жилищных условий. – Самарканд, 1929. – С. XLVII.

еще в пролетарском котле», поскольку практически были рабочими в первом поколении, породил такие болезненные явления, как низкая производительность труда, слабая трудовая дисциплина и большая текучесть кадров. Не имея квалификации, новоиспеченные рабочие легко переходили с предприятия на предприятие в поисках лучшего заработка, условий труда и быта. Число увольняющихся в республике постоянно росло. В 1928 г. они составляли 155%, 1929 г. – 163,7%, 1930 г. – 187,7%⁴⁴⁴. Причем это было характерно для всех отраслей промышленности во всех регионах республики.

Была в Узбекистане еще одна социальная страта – женщины, на которых политическое руководство республики возлагало большие надежды, как на источник пополнения рядов рабочего класса. Кроме того, вовлечение в промышленное производство женщин коренных национальностей, оно рассматривало как путь решения проблемы борьбы со старыми бытовыми традициями и приобщения женщин к участию в общественно-политической жизни. Но решалась эта проблема медленно. Как показывает таблица 3.1.5, в 1926 г. в Узбекистане было 5,6 тыс. женщин-работниц (4% всех рабочих и 2,5% всего занятого населения). Почти половина из них была занята в частном секторе. В фабрично-заводской промышленности работала одна тысяча женщин, что составляло 7,4% фабрично-заводских рабочих. В их числе было всего 225 женщин коренных национальностей, то есть 1,5% всех промышленных рабочих. В 1928 г. женщины составляли уже 12% рабочих, занятых на предприятиях ценовой промышленности, женщин коренных национальностей в их числе было 40%. По отраслям промышленности женщины распределялись следующим образом – в шелкообрабатывающей – 60,5%, швейной – 30,5%, пищевкусовой – 11,5%, хлопкообрабатывающей – 4%. Участие женщин коренных национальностей в этих отраслях было весьма неравномерным. Больше всего их работало в шелкообрабатывающей промышленности, поскольку обработка и размотка коконов издревле была занятием женщин в домашних промыслах, и они быстрее могли освоить этот процесс в фабричных условиях. В этой отрасли они составляли 62%, работающих в ней женщин. Из-за отсутствия навыков работы на швейных машинах, меньше всего их было занято на швейных фабриках, где в 1928 г. из 133 работниц только 3 были из коренных

---

⁴⁴⁴ Социалистическое строительство в Средней Азии. – 1933. – №2-3. – С. 46.

национальностей, то есть всего 2,2%⁴⁴⁵.

Чтобы иметь дешевую рабочую силу правительство спекулировало на женском равноправии. Однако вовлечение женщин в промышленное производство в республике и, особенно из коренного населения, продвигалось медленно. Женщина узбечка впервые шла на фабрику, не знала фабричных законов, у нее не было навыков производственной деятельности. Были и бытовые нюансы: им трудно было стоять целый день за станком или сидеть не на корточках, как это принято на Востоке, а на стуле⁴⁴⁶. Кроме того, многие руководители считали, что женщины из коренного населения не способны к фабричному труду, связанному с техникой, что их труд менее продуктивен и втягивать их в производство не выгодно для народного хозяйства. Имело место и недоброжелательное отношение не только хозяйственников, но и рабочих и работниц европейцев. Да и сфера приложения женского труда в этот период была еще значительно сужена, поскольку он пока еще традиционно не использовался в производствах, связанных с тяжелыми физическими нагрузками.⁴⁴⁷

Несмотря на обозначившуюся тенденцию роста общего числа промышленных рабочих, в развивающейся индустрии Узбекистана во второй половине 20-х г. складывалась напряженная кадровая ситуация. Чтобы строить новые промышленные предприятия, вводить их в строй и эффективно эксплуатировать, нужны были многочисленные кадры рабочих различных специальностей. По данным партийных органов, только для металлообрабатывающей промышленности на начало 1928 г. требовалось 1250 слесарей, токарей по металлу, кузнецов, а школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) могли дать не более 250 человек и то только к концу 1932 г.⁴⁴⁸. Ситуация осложнялась тем, что нужны были не просто подготовленные специалисты, а квалифицированные рабочие с производственным опытом. Для их массовой подготовки надо было создавать мощную учебную базу – помещения, оборудование, подготовленных наставников. Это требовало огромных финансовых затрат и длительного времени. Значительно проще было пригласить готовых специалистов из

---

⁴⁴⁵ Средняя Азия в цифрах. – С. 146-148. (подсчеты автора).

⁴⁴⁶ Труд и быт женщин Востока. Материалы всесоюзного совещания комитета по улучшению труда и быта женщин Востока. – М., 1928. – С. 5.

⁴⁴⁷ Алимова Д.А. Женский вопрос в Средней Азии. История изучения и современные проблемы. – Т., 1991. – С. 43.

⁴⁴⁸ Материалы к отчету ЦК КП(б)Уз к IV парткурултаю – Т., 1929. – С. 16.

центральных, промышленно развитых регионов страны. Решая таким образом кадровую проблему, правительство республики положило начало массовой миграции населения, чем значительно осложнило социальную ситуацию в Узбекистане. Но советские историки, наоборот, считали приток населения в республику в 20-е годы положительным явлением, которое не грозило ей нарушением демографического равновесия⁴⁴⁹. В действительности же все было намного сложнее и серьезнее. На 1 января 1927 г. в ценовой промышленности республики приезжие рабочие составляли 51,2%, в том числе в металлообработке – 94,7%, деревообработке – 96,7%, швейном производстве – 99,5%⁴⁵⁰. В 1929/30 г. из 67 тыс., необходимых для промышленности, специалистов 38,7 тыс. Народный комиссариат труда пригласил из центральных районов страны.⁴⁵¹

Развитию массовой миграции в республику во второй половине 20-х годов способствовали также имперские позиции европейцев, работавших в партийных и хозяйственных органах республики. Они считали, что коренное население среднеазиатского региона, издревле занимаясь земледелием и скотоводством, не способно к индустриальному труду и не выдержит его напряженного ритма, а из-за своей слабой подготовки к этому виду деятельности и длительности процесса обучения рабочие из коренного населения будут служить фактором, снижающим производительность труда в промышленности, поэтому экономически выгоднее создавать в регионе крупную промышленность на основе привозной рабочей силы. Придерживаясь такой точки зрения, руководители-европейцы многих промышленных предприятий не создавали благоприятных условий труда для привлечения и закрепления представителей коренного населения на производстве. Часты были случаи отказа рабочим коренных национальностей в переводе их на более высокий квалификационный разряд⁴⁵². Более того, в декабре 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях по ее ослаблению», в котором говорилось, что «во вновь открывающиеся предприятия должны переводиться в качестве основного ядра квалифицированные рабочие со старых

---

⁴⁴⁹ Рабич Р. Формирование и развитие социально-классовой структуры Узбекистана. – Т. 1991. – С. 36, 64, 79.

⁴⁵⁰ Бюллетень ЦСУ УзССР. – 1928. – №20. – С. 8.

⁴⁵¹ НА Уз, ф.Р-837, оп.16, д.87, л.28.

⁴⁵² См.: Коммунистическая партия Узбекистана в решениях съездов и пленумов ЦК. Том 1. – Т., 1987. – С. 368-369.

предприятий⁴⁵³. А поскольку в Узбекистане старых предприятий с квалифицированными кадрами не было, то на новые предприятия на хорошо оплачиваемую квалифицированную работу массово набирали европейцев из центральных районов страны, рабочие же из коренных национальностей заполняли места чернорабочих.

Все это делало промышленный труд непривлекательным для ремесленников, кустарей и дехкан и не способствовало росту промышленных рабочих из коренного населения, подрывало у него доверие к новой власти. Совершенно верно пишет А. Парк: «Дискриминация местных рабочих напоминала рабочим не европейцам, что революционная смена правительства не развеяла атмосферу колониализма. Этого было достаточно, чтобы свести к нулю все усилия коммунистической партии завоевать доверие и уважение местных трудящихся. Сочетание же ограниченных возможностей промышленности из-за ее небольших размеров и приоритетного права рабочих европейцев занимать имеющиеся рабочие места на промышленных предприятиях ограничивало эффект большевистской программы по созданию местного пролетариата под руководством советской власти»⁴⁵⁴.

Был и еще один очень значительный фактор, благодаря которому усиливался приток рабочих европейцев на промышленные предприятия и стройки Узбекистана и тем самым замедлялись темпы роста промышленных рабочих из коренного населения. Он был обусловлен реализацией национальной политики партии, стержнем которой было интернациональное сплочение советского общества и интернационализация состава рабочего класса, особенно в национальных республиках. Поэтому в процессе формирования социальной базы диктатуры пролетариата в национальных республиках партия сознательно делала основной упор на создание там многонациональных рабочих коллективов. В результате усиления организованной миграции во второй половине 20-х г. в Узбекистане началось резкое увеличение населения крупных промышленных городов именно за счет приезжих. Так, из 81,5 тыс. мигрантов, приехавших в Ташкент за вторую половину 20-х годов, 33,5 тыс. осели в городе на постоянное жительство⁴⁵⁵. Его население с 1926 по 1928 гг.

---

⁴⁵³ КПСС в резолюциях... Том 4. – С. 374-376.

⁴⁵⁴ Park A. Op. cit. – P.279.

⁴⁵⁵ ГА г.Ташкента, ф.10, оп.1, д.631, л.9.

выросло на 22,2 тыс. (с 323,5 тыс. до 345,3 тыс.)⁴⁵⁶. А поскольку инфраструктура стремительно растущих больших городов республики не была готова к такому массовому увеличению числа их жителей, то это создавало серьезные социальные проблемы. В конце 20-х годов в них резко возросли цены на промышленные и продовольственные товары; возникли проблемы со снабжением продовольствием, которое и без того было тяжелым из-за активного вытеснения государством частника из торговли; обострился жилищный кризис. При государственной норме жилья 6,5 кв.м. на человека, в Ташкенте в 1927 г. приходилось в старом городе 4,3 кв. м. на человека, в новом городе – 3,7 кв.м., в 1928 г. – в старом городе уже приходилось 4,2 кв. м на человека, а в новом – 3,5 кв. м⁴⁵⁷. Эти факторы послужили причиной возмущенных выступлений рабочих летом 1928 г. на ряде крупных предприятий республики (в железнодорожных мастерских и в мастерских Главхлопкома в Ташкенте, на шелкомотальной фабрике в Самарканде, хлопкоочистительных заводах в Коканде и др.)⁴⁵⁸.

Наплыв мигрантов обострил другую серьезную социальную проблему 20-х годов – безработицу, вызывая ее неуклонный рост. Перепись 1926 г. зафиксировала в республике 15,3 тыс. безработных, из них 94% приходилось на города. По сравнению с 1923 г. численность безработных к середине 20-х годов увеличилась в городах в 2 раза. Из зарегистрированных безработных 44% были рабочие, 44% служащие, 7% разорившиеся кустари и ремесленники, 5% дехкане-отходники, приехавшие в город и впервые ищущие работу⁴⁵⁹. В 1928 г. число безработных в республике выросло до 48 тыс.⁴⁶⁰.

Особенностью состава зарегистрированных безработных в Узбекистане было преобладание в нем приезжих европейцев и неквалифицированных рабочих. Так, в 1926 г. 81,7% безработных были приезжие европейцы, в 1928 г. в числе безработных только Ташкентского округа (а на них приходилось 45,4% всех безработных республики), европейцы также составляли 83,4%; квалифицированных рабочих было только 13%, неквалифицированных рабочих со стажем – 21% и 21% составляли неквалифицированные сезонные рабочие.

---

⁴⁵⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. – С. 12; Показатели по труду в Средней Азии. – Диаграмма VIII.

⁴⁵⁷ Обзор советского, хозяйственного и социально-культурного строительства Ташкентского округа. Материалы к отчетному докладу окрисполкома. – Т., 1929. – С. 118.

⁴⁵⁸ Правда Востока. 1928. 3 июля.

⁴⁵⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 194.

⁴⁶⁰ Обзор советского, хозяйственного строительства Ташкентского округа. – С. 145.

Другой особенностью состава зарегистрированных безработных республики было незначительное число женщин коренных национальностей, по той же причине по какой их было мало в составе рабочих в целом. По переписи 1926 г. среди безработных было только 90 женщин коренных национальностей, что оставляло 0,6% всех безработных и 2,4% всех безработных женщин, а в 1928 г. среди безработных Ташкентского округа женщины коренных национальностей составляли 1,2%.

Безработные, приезжавшие из центра, создавали серьезную проблему на рынке труда республики. Ситуация настолько обострилась, что республиканский Народный комиссариат труда, несмотря на растущие потребности в квалифицированных кадрах, в апреле 1929 г. принимает решение о полном прекращении завоза в Узбекистан рабочей силы⁴⁶¹. Глава правительства республики Ф. Ходжаев, выступая в мае 1929 г. на III съезде советов, обратил особое внимание делегатов на то, что одним из основных источников растущей безработицы в республике являются приезжие⁴⁶². И, тем не менее, число безработных в Узбекистане в конце 20-х годов неуклонно росло. И если на 1 января 1929 г. их было зарегистрировано 44899 человек, то на 1 января 1930г. – уже 54400 человек⁴⁶³.

Таким образом, во второй половине 20-х годов XX в. одна из главных задач партии в Узбекистане – формирование ее социальной опоры – промышленных рабочих решалась медленно. В общей структуре населения они имели все еще небольшой удельный вес, в их составе было мало рабочих из коренных национальностей, низким был уровень их квалификации. Процесс консолидации рабочего класса также не имел заметных успехов, так как строительство крупных промышленных объектов в республике началось только в конце первой пятилетки. Имперские позиции и бездеятельность администрации по закреплению рабочих на производстве обуславливали сильную текучесть рабочей силы и не способствовали повышению их качественного уровня.

---

⁴⁶¹ НА Уз, ф.Р-837, оп.6, д.434, л.33.

⁴⁶² Ходжаев Ф. Избр. труды. Том II. – С. 339.

⁴⁶³ НА Уз, ф.Р-97, оп.1, д.270, л.7.

4.2. Ухудшение положения городских собственников

Советская власть, допустив в начале 20-х годов с целью активизации восстановительного процесса частный капитал в промышленное производство и торговлю, в середине 20-х годов начинает активное наступление на его владельцев. Осенью 1926 г. на XV конференции ВКП(б) было обращено особое внимание партийных и советских органов на необходимость улучшения организации учета размеров частного капитала и направлений его деятельности, а также на дальнейшее повышение налогового обложения частника⁴⁶⁴. А в декабре 1927 г. XV партийный съезд принимает решение о проведении по отношению «к возросшим в своей абсолютной массе элементам частнокапиталистического хозяйства» мер еще более решительного хозяйственного вытеснения⁴⁶⁵.

Большевики постоянно подчеркивали, что в условиях диктатуры пролетариата частный капитал если и функционирует, то только под контролем государства, но это не свидетельствует о затухании классового антагонизма в стране. Такая позиция непосредственно отражалась на их отношении к имущим стратам. Вся политика партии и советского правительства утверждала права пролетариата и поддерживающих его страт населения и ограничивала или полностью лишала их те страты, которые были связаны со старыми экономическими отношениями. Принятая на II съезде советов республики в марте 1927 г., Конституция Уз ССР подтвердила круг лиц, лишенных политических прав, определенный в Конституциях ТАССР 1918 г. и 1920 г.⁴⁶⁶, что и обусловило неуклонный рост числа изолированных от участия в политической жизни общества. Только среди сельского населения численность «лишенцев» выросла с 33 тыс. в 1926 г. до 119, 3 тыс. человек в 1927 г.⁴⁶⁷. В Ташкентском округе с 1927 г. по 1929 г. в их составе в 7 раз увеличилось количество предпринимателей (с 30 человек до 2 тыс.), в 2 раза торговцев (с 1220 до 2773), в 3 раза духовенства (с 1 тыс. до 3291), а в Ташкенте в 1929 г. лишенные избирательных прав составили 11,2% лиц избирательного возраста⁴⁶⁸. Не понимая сущности этой политической меры, очень часто

---

⁴⁶⁴ КПСС в резолюциях... Том 3. – С. 378-379.

⁴⁶⁵ Там же. Том 4. – С. 18.

⁴⁶⁶ Конституция Узбекской советской социалистической республики. – Самарканд, 1927. – С. 17.

⁴⁶⁷ Ходжаев Ф. Избр. труды. Том II. – С.347.

⁴⁶⁸ Обзор советского, хозяйственного строительства Ташкентского округа. – С. 10, 14.

на местах, лишенных избирательных прав, лишали и всех гражданских прав.

К середине 20-х годов жесткими экономическими и административными мерами было доведено до минимума участие частного капитала в крупной ценовой промышленности. Поскольку, изначально частный капитал не был допущен в добывающую промышленность, на транспорт, в отрасли производящие средства производства и сфера его применения была ограничена производством продуктов и предметов широкого потребления, то в этот период частникам принадлежали лишь небольшие предприятия по переработке кож, производству стройматериалов, винодельческие, рисоочистительные, мукомольные и т.д. Но и из этих производств частные предприниматели настойчиво вытеснялись государством. Если переписью городского населения Туркестана в 1923 г. было зафиксировано 20 крупных предпринимателей⁴⁶⁹, то по данным всеобщей переписи населения 1926 г. их число сократилось до 7⁴⁷⁰. Сокращалась и их доля в общем объеме промышленной продукции республики. В 1925 г. стоимость продукции, производимой частными предприятиями ценовой промышленности, составляла 0,9%, в 1926 г. – уже 0,8%⁴⁷¹. Власть объясняла это сокращение тем, что частные предприятия не выдерживали экономического соревнования с крупной государственной промышленностью. На самом же деле, вся политика государства по отношению к частнику носила насильственный, карательный характер. Она была направлена не на конкурентную борьбу (ее государственная промышленность, особенно производящая предметы широкого потребления, была не в состоянии выиграть), а на создание условий, при которых частные предприятия не имели возможностей не только развиваться, но и просто свободно функционировать. Лишенные финансовой поддержки государства, они испытывали хронический недостаток в оборотных средствах, кредитах, сырье, топливе, находились под неуклонно усиливающимся налоговым прессом.

Новая экономическая политика, оживившая частное предпринимательство в промышленном производстве и торговле, создала в структуре городского населения социальную группу

---

⁴⁶⁹ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР. – С. 57.

⁴⁷⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 3.

⁴⁷¹ Основные черты народного хозяйства Средней Азии в 1926/1927 г. Вып.1. – Т., 1928. – С. 22.

нэпманской буржуазии, в которую входили «хозяева с наемными рабочими» – владельцы небольших промышленных предприятий и кустарных заведений, магазинов, лавок, тракторов, извозных промыслов, земельных участков) и лица, живущие на доходы от сдачи домов или комнат.

Таблица 5.⁴⁷²

Состав городской нэпманской буржуазии в 1923 г. и 1926 г.

	Сельскохоз-во	Пром.	Кустарно-рем. произв-во	Извоз. промысел	Торговля	Строительство	Проч.	Всего
1923 г	935	20	466	31	390	48	50	3180
1926 г	2545	7	946	85	377	48	23	6482

Несмотря на негативное отношение государства, эта социальная страта в первой половине 20-х годов еще продолжала активную деятельность. Об этом свидетельствует сопоставление данных переписей 1923 г. и 1926 г.

Перепись 1926 г. показала, что число «хозяев с наемным трудом» в городах республики за 3 года выросло в 2 раза, а их удельный вес увеличился на 0,5% и составил 1,6% в числе городского самостоятельного населения. Но внутри этой социальной страты произошло перераспределение сфер приложения капиталов. Из-за усиленного налогового прессинга советской власти уменьшилось число владельцев промышленных предприятий, имевших более 20 наемных рабочих, и торговцев. Более заметно уменьшился их удельный вес – предпринимателей с 1% до 0,1%, торговцев – с 20% до 9,7%. Их капиталы переместились в мелкую кустарную промышленность, где их труднее было контролировать, но из-за благоприятной рыночной конъюнктуры можно было эффективнее использовать. Это и обусловило увеличение числа хозяев небольших кустарных мастерских с наемными рабочими. В 1928/29 г. они давали 5,1% общей продукции мелкой промышленности на сумму 8 млн. 630 тыс. золотых рублей, тогда как государственный сектор в этой отрасли давал 3,4% продукции на сумму 5 млн. 862 тыс. руб., 37,2% давала кустарная кооперация,

---

⁴⁷² Классовый и профессиональный состав городского населения ТАССР. – С. 88-89; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 2.

54,3% – кустари и ремесленники, работающие без наемных работников⁴⁷³.

Оживление местного рынка обусловило увеличение почти в 3 раза численности владельцев извозного промысла, а повышение спроса на продукты питания привело к увеличению в городах республики в 2,5 раза числа владельцев земельных участков, применяющих наемный труд. Усиление к середине 20-х годов в города республики потока мигрантов привело к увеличению в 2 раза числа «лиц живущих на нетрудовые доходы» от сдачи домов. Но если в 1923 г. это в подавляющем большинстве были домовладельцы, сдающие дома и квартиры, то в 1926 г. это были лица, сдающие комнаты в квартирах.

Но в целом в республике во второй половине 20-х годов под давлением государства шло неуклонное вытеснение нэпманской буржуазии из всех сфер ее занятий. В директивах первого пятилетнего плана Уз ССР было записано, что одной из основных его задач должна стать «конкретная борьба социалистических и капиталистических элементов при обязательном преодолении и уничтожении элементов капитализма и при обязательной победе элементов социализма»⁴⁷⁴. Поэтому конец 20-х годов стал периодом массивованного наступления на «капиталистические элементы» и, в первую очередь, на городскую нэпманскую буржуазию – торговцы-оптовики и частные предприниматели практически были лишены товарного и банковского кредитования; на все грузы, перевозимые ими, были введены надбавки к тарифу в 100%, а в 1930 г – до 400%; был увеличен подоходный налог и введена 24% надбавка к нему в местный бюджет; повысились акцизные сборы; был установлен налог на сверхприбыль; введена система авансов, согласно которой при уплате налога по доходам текущего года часть его бралась вперед в размере 75% дохода прошлого года; вначале с владельцами кожевенных и мукомольных предприятий, а затем и с другими были расторгнуты арендные договора и запрещено заключение новых; было запрещено строительство новых частных предприятий. Кроме того, в 1928 г. был введен специальный налог на наследуемое и дарственное имущество: если наследуемое имущество оценивалось на сумму более 500 тыс. руб. с него взимался налог до 90%, что делало невозможным переход крупных капиталов из одних рук в другие⁴⁷⁵.

---

⁴⁷³ НА Уз, ф. Р-1619, оп. 12, д. 48, л. 5.

⁴⁷⁴ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях...Том 1. – С. 355.

⁴⁷⁵ Гензель П.П. Налоги. – М., 1927. – С. 65-67.

Все это обусловило быстрое свертывание частной фабрично-заводской промышленности и крупной торговли. Так, в Ташкентском округе в 1927 г., по сравнению с 1926 г., число крупных торговцев и промышленников уменьшилось на 9,5%, соответственно уменьшилась почти на 6% сумма их дохода, но сумма, выплаченного ими, подоходного налога увеличилась на 5%⁴⁷⁶. Резко сокращалось участие частного капитала в оптовой торговле. В 1927 г. его доля составила всего 1,5%⁴⁷⁷. В конце 1929 г. были закрыты все частные ценовые предприятия и большинство частных предприятий мелкой промышленности. Остались функционировать только кустарные заведения с двумя наемными рабочими. Таким образом, к концу 20-х годов нэпманская промышленная и торговая буржуазия была практически ликвидирована как социальная единица в советском обществе.

Значительное место в социальной структуре городского населения Узбекистана в середине 20-х годов продолжали занимать средние и мелкие собственники или, как их называли, мелкая буржуазия – кустари, ремесленники, мелкие торговцы, дехкане, проживающие в городской черте, извозчики, парикмахеры, прачки и др. Они не прибегали к найму рабочей силы, а работали в одиночку или с помогающими им членами семьи, которыми считались родственники, приемные дети, ученики, жившие совместно с хозяином и не получавшие за свою работу заработной платы. В 1926 г. численность мелкой буржуазии в городах республики, по сравнению с 1923 г., увеличилась на 53,5 тыс. и достигла 195,5 тыс. человек, а ее удельный вес в составе городского самостоятельного населения вырос почти на 5% и составил 51%⁴⁷⁸.

Наиболее многочисленной stratой в составе городской мелкой буржуазии были ремесленники и кустари. В 1926 г. вместе с помогающими членами семьи в городах республики их проживало 68,5 тыс. человек. По сравнению с 1923 г. их удельный вес в составе городского самостоятельного населения вырос с 13% до 18%⁴⁷⁹. Причина этого заключалась в высоком спросе населения на продукцию их труда, которой государственная промышленность не могла заполнить рынок.

---

⁴⁷⁶ Обзор советского, хозяйственного и культурного строительства Ташкентского округа. – С. 138.

⁴⁷⁷ Народное хозяйство Средней Азии в цифрах. – Т., 1929. – С. 59.

⁴⁷⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 2. (подсчеты автора).

⁴⁷⁹ Там же. – С. 88-89, 2-3.

Именно хорошо развитые ремесло и торговля обусловили тот факт, что в 1926 г. в Узбекистане удельный вес городского населения составлял 22% и был одним из самых высоких в стране. В целом по СССР он составлял 18%, в Армении – 19%, РСФСР – 18%, Белоруссии – 17%, Туркмении – 14%⁴⁸⁰.

В городском самостоятельном населении кустари и ремесленники составляли 33% в группе хозяев, работающих только с членами семьи и 41% – в группе хозяев одиночек. Хозяева, работающие с членами своей семьи, были более зажиточной частью этой страты. В городах Узбекистана по переписи 1926 г. их проживало 14 тыс. Заняты они были преимущественно обработкой металла, дерева, ткацким, швейным, кожевенным ремеслами, а также хлебопечением. Сфера занятий ремесленников и кустарей одиночек (их проживало в городах 39, 5 тыс.) была более разнообразна. Они были значительно больше заняты в профессиях, где особенно ценилось мастерство (ювелиры, портные, белошвейки и др.), а также в занятиях, пользующихся массовым спросом или требовавших мобильного перемещения (сапожники, паяльщики, лудильщики, жестянщики, стекольщики, старьевщики). Хозяева одиночки являлись более бедной частью этой страты и были более подвергнуты дифференцированным подвижкам как в сторону улучшения экономического положения и перехода в группу владельцев собственной мастерской, так и в сторону перехода в разряд пролетаризирующихся лиц, из которых советская власть преимущественно создавала промысловую кустарную кооперацию. Более 90% кустарей и ремесленников в городах республики были их коренными жителями, 10% были европейцами – владельцами фотографий, белошвейных, шляпных мастерских, а также печниками, часовщиками, стекольщиками.

В целом в составе всего занятого населения Узбекистана (городского и сельского), согласно переписи 1926 г., кустарно-ремесленным промыслом было занято 100,3 тыс. человек – в том числе 19,3 тыс. хозяев, не применявших наемный труд и работавших только с членами своей семьи, 59 тыс. хозяев одиночек и 21,9 тыс. помогающих им членов семьи. Из них 68,5 тыс. проживало в городах и 31,7 тыс. – в сельской местности. В городах ремеслом занимались преимущественно мужчины (женщины составляли в их числе только 16,5%), а в сельской местности – этот труд был разделен почти поровну (54% женщин и 46%

---

⁴⁸⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Сводный том – СССР. – М., 1963. – С. 13; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 11.

мужчин)⁴⁸¹.

Но, говоря об общей численности этой страты в республике в середине 20-х годов, надо учитывать, что это были сведения о лицах официально учтенных переписью 1926 г., которые имели свою мастерскую, лавку и открыто занимались промыслом. В действительности же их было намного больше, особенно в сельской местности. Поэтому в 1930 г. ЦСУ республики провело специальную перепись лиц, занимающихся ремесленно-кустарными промыслами по состоянию на 1928/29, которая зафиксировала 142,3 тыс. кустарей и ремесленников. Из них 68,8 тыс. проживали в городах, 73,4 тыс. – в сельской местности⁴⁸². По нашему мнению, эти более высокие показатели свидетельствовали не об общем увеличении этой страты за прошедшие 2 года, а явились результатом более тщательного учета кустарей и ремесленников в сельской местности, поскольку именно там их число увеличилось в 2 раза., в городах же осталось тем же, что и по переписи 1926 г.

Мелкая промышленность, в которой в середине 20-х годов преимущественное положение занимали кустари и ремесленники, играла в общем хозяйстве республики значительную роль. По своему удельному весу она стояла на втором месте в стране после Белоруссии⁴⁸³ и давала 17,5% общей валовой продукции на сумму 138,3 млн. руб. и 44% всей производимой промышленной продукции. В мелкой промышленности было занято 95,6% всех занятых в промышленности лиц, тогда как в ценовой промышленности – всего 4,4%⁴⁸⁴. Кустари и ремесленники давали 100% производимой продукции в шелкоткацкой, шелкопрядильной отраслях, производстве кожаной обуви; 90% – в обработке металлов, дерева, швейной, кожаной обуви; 85% – в производстве одежды, головных уборов; 68% – в производстве сельхозинвентаря⁴⁸⁵. Индустриализация и реконструкция хозяйства несколько снизили удельный вес мелкой промышленности, но он все еще остался достаточно высоким. В 1928 г. ее продукция составляла 16,7% всей валовой продукции республики, 40% производимой промышленной продукции, и она занимала 89%

---

⁴⁸¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 2.

⁴⁸² НА Уз, ф. Р-1619, оп.12. д.148, л 9; Районы Уз ССР в цифрах. – Самарканд, 1930. – С. 288.

⁴⁸³ Там же. ф. Р-297, оп.1, д.220, л.36.

⁴⁸⁴ Там же. ф. Р-1619, оп.12, д.48, лл.29, 30.

⁴⁸⁵ Там же. д.48, л.5.

рабочих рук⁴⁸⁶. Надо отметить, что такие промыслы как деревообработка (производство арб, вил, деревянных частей для седел, мебели), металлообработка (производство кетменей, омачей, ураков), шитье национальной одежды, обуви, выпечка лепешек, изготовление сладостей и др. располагали всеми данными для хорошего развития, так как имели высокую конъюнктуру спроса.

Партия к этой огромной армии товаропроизводителей относилась двояко. Она признавала (правда, в большинстве случаев только на словах) их положительную роль в насыщении внутреннего рынка товарами первой необходимости, в решении проблем занятости населения в условиях растущей безработицы и создания кадров промышленных рабочих, и неоднократно подчеркивала, что кустарям и ремесленникам надо помогать и дать возможность развиваться⁴⁸⁷. При этом возможности этого развития четко ограничивались. В решении III съезда компартии Узбекистана было записано, что государство допускает развитие тех отраслей ремесленно-кустарного производства, товары которых не являются конкурентами государственной промышленности, но оно всячески будет препятствовать развитию отраслей, конкурирующих с государственной промышленностью, и стремиться к их поглощению и разрушению⁴⁸⁸. Индустриализация этих отраслей означала для кустарей и ремесленников республики перспективу полного разрушения их промыслов, поскольку подавляющее большинство из них было занято именно в тех отраслях, которые государство развивало в Узбекистане ускоренными темпами – текстильной, обработке хлопка, шелка, швейной, кожевенной, пищевкусовой.

Это был, как всегда, революционный экстремизм, быстрый путь ликвидации огромной отрасли национального производства и огромной армии мелких товаропроизводителей. Тогда как возможен был эволюционный путь перестройки ремесленно-кустарного производства на основе совершенствования отношений потребления внутри самого производства и на основе спроса населения, когда производство целого ряда товаров переходило бы к крупной промышленности, так как их производство было более качественно и имело более низкую себестоимость и могло производиться в значительном количестве. Кустари же и ремесленники

---

⁴⁸⁶ Там же, лл.29. 30.

⁴⁸⁷ См.: Ф. Ходжаев. Избр. труды. Том II. – Т., 1972. – С. 41, 151, 164, 171, 229, 237.

⁴⁸⁸ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... – С. 241, 358.

специализировались бы на производстве тех товаров, которые имели спрос у местного населения и отвечали бытовым национальным традициям – производстве национальной обуви на кустарной основе, пошиве национальной одежды, производстве предметов домашнего обихода, сладостей, выпечке лепешек и др., не говоря уже о ювелирах, где качество и неповторимость каждого изделия мог обеспечить только усто, а также о таких художественных промыслах, как чеканка, резьба по дереву, ганчу, ковроткачество, вышивка сюзане, тюрбегеек и др.

Но партия и советская власть отвергали даже самую идею возможности развития ремесленно-кустарного производства как дополнения к государственной промышленности. Их политика была направлена «на вытеснение труда кустаря трудом пролетария» через его кооперирование, «как основного рычага переделки кустаря». Они считали, что «индивидуалистические и собственнические тенденции кустарей будут преодолеваются наиболее успешным образом в рамках кооперации путем коллективизации промыслов. Благодаря разделению труда, введению конвейерной системы и изживанию индивидуалистических методов работы будет происходить переделка кустаря в рабочего социалистической фабрики»⁴⁸⁹.

Но этот процесс во второй половине 20-х годов в Узбекистане шел довольно медленными темпами. По сведениям Узбекского союза промысловой кооперации (Узпромсоюза), в 1926 г. кооперацией было охвачено 13900⁴⁹⁰, 1927 г. – 17750, 1928 г. – 22457, 1929 г. – 28120, 1930 г. - 33743 человек⁴⁹¹. В артели преимущественно вступали кустари, занимающиеся металлообработкой, ткачеством, выделкой кож, шелкомотанием, хлебопечением⁴⁹². Очень мало кооперативов было среди ремесленников, занятых народными художественными промыслами и в бытовом обслуживании⁴⁹³.

Ставя задачу быстрого роста кооперирования, государство в то же время создавало серьезные препятствия для ее осуществления из-за жесткого классового принципа организации.⁴⁹⁴ В целях недопустимости каких-либо отступлений от него во всех кустарных артелях ежегодно, а иногда и несколько раз в год, проводились «углубленные» чистки их состава. Причем лицам, исключенным из

---

⁴⁸⁹ НА Уз, ф. Р-1619, оп.12, д.148, л.11-12.

⁴⁹⁰ Там же, ф. Р-297, оп.1, д.229, л.192.

⁴⁹¹ Там же, д. 242, л.52.

⁴⁹² Там же, д. 98, л.140.

⁴⁹³ Там же, ф. Р-382, оп.1, д.1397, л.15.

⁴⁹⁴ Там же, ф. Р-303, оп.1, д.91, л.60.

состава артели в результате чистки, паевые и вступительные взносы, а также вклады в виде капитала и оборудования не возвращались. Зажиточные кустари неумолимо удалялись из артелей. Если в 1927 г. в Узбекистане в составе промысловых кооперативов было 79,4% бедняков, 19,4% середняков, 1,2% зажиточных кустарей и ремесленников, то в 1930 г. зажиточные кустари составляли уже только 0,2%, а в 1932 г. были полностью удалены из них⁴⁹⁵.

Поэтому в большинстве случаев создаваемые артели были маломощными и бедными. Результаты обследования сети промысловой кооперации Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областей осенью 1926 г. показали, что паевые взносы по артелям были собраны всего на 50% из-за бедности их членов; приобретение сырья и сбыт готовой продукции производились через районный союз потребкооперации только на 25-30% и кустари из-за отсутствия у союзов средств снабжались сырьем через рынок, где цены были во много раз выше, чем государственные. Например, летом 1926 г. пряжа бумажная стоила по государственной цене 42 руб. за пуд, а на рынке – по 100 руб. за пуд; сода каустическая стоила по государственной цене 3 руб. 50 коп. за пуд, а на рынке – от 6 до 12 руб. за пуд.⁴⁹⁶ Реализовывали готовую продукцию кооперативы также сами через рынок. Оставалась не осуществленной и одна из основных задач государства в кооперировании кустарей – организация коллективного труда, поскольку только незначительная часть артелей имела общие мастерские, в основном же большая часть их членов работала по домам.⁴⁹⁷ Обследования Института экономических исследований при Средазгосплане, проведенные в 1928г., показали, что во многих промыслах, как, например, в металлообработке, кожевенном, текстильном, чаще всего каждая артель была своего рода производственной семьей и состояла из прямых родственников – отца и сыновей или из братьев и никаких общих мастерских не было.⁴⁹⁸ Кустарям же занятым в сфере обслуживания (сапожникам, портным, парикмахерам, извозчикам и др.), где в большинстве случаев работали кустари одиночки, объединяться в артели было просто не выгодно.

Медленно шло вовлечение в кустарную кооперацию женщин коренных национальностей. В Узбекистане в 1926 г. в кустарные

---

⁴⁹⁵ НА Уз, ф. Р-297, оп.1, д. 242, л.52.

⁴⁹⁶ Там же, д. 9, л.12.

⁴⁹⁷ Там же, ф. Р-297, оп.1, д. 91. лл.47-51.

⁴⁹⁸ НА Уз, ф. Р-382. оп.1, д. 1397, л.15.

кооперативы было объединено 648 женщин, 1927 г. – 1874, 1928 г. – 4253, 1929 г. – 5248⁴⁹⁹. Больше всего женщин было объединено в пошивочные и прядильно-ткацкие артели. Но и женские артели испытывали стандартные для того времени трудности – не хватало отдельных помещений, средств, сырья, были перебои со сбытом продукции, низкие заработки, поэтому положительной перспективы у женской кустарной кооперации в этот период не было.

Изживая из общества эту социальную страту кустарей и ремесленников, государство разрушало издревле процветавшие в регионе промыслы, хорошо налаженную форму производственной деятельности местного населения. А поскольку все его меры были направлены, прежде всего, против более обеспеченной, более опытной и хорошо работающей части этой страты, эти потери были наиболее ощутимы. Государственный же прессинг на хорошо работающих кустарей и ремесленников нарастал. С них брали более высокий промысловый и подоходный налоги, отказывали в получении сырья и кредитов, не принимали в кооперативы, в члены профсоюзов. Развитие государственной промышленности суживало сферу приложения их труда. Шло целенаправленное уничтожение слоя самостоятельных производителей.

Другой сферой деятельности мелкой буржуазии в Узбекистане, в которой также была занята довольно значительная ее часть, являлась торговля. В 1926 г. частной торговлей было занято 29 тыс. человек. Большая часть из них – 23,8 тыс. или 82% – проживала в городах. По сравнению с 1923 г. число городских торговцев в целом выросло незначительно – всего на 1800 человек, а их удельный вес в составе городского занятого населения даже уменьшился с 7% до 6%, причем в основном за счет торговцев, занятых в оптовой торговле⁵⁰⁰. Но в мелкой розничной торговле в середине 20-х годов позиции частных торговцев были еще достаточно прочные. Они играли значительную роль посредников в заготовках и сбыте сельскохозяйственной продукции, преобладали в снабжении мелкого кустарного производства сырьем и в сбыте его продукции, а также в снабжении всего населения промышленными товарами и продуктами питания. В 1925 г. частникам принадлежало 96,7% общего количества патентов, выданных государством на розничную торговлю, тогда как государству

---

⁴⁹⁹ Там же, ф. Р-303, оп.1. д.74, л.142.

⁵⁰⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII.– С. 2. (подсчеты автора).

принадлежало всего 1,9%, кооперации – 1,4%⁵⁰¹. Занятие мелкой торговлей обусловило преобладание в ней хозяев одиночек, составлявших 73,5% всех лиц, занятых торговлей в республике и лишь 12,5% имели небольшие лавки, в которых торговали с помощью членов своей семьи.

Главенствующие позиции в торговле частники сохраняли благодаря большой маневренности своих капиталов, умению работать более экономно и хорошо обслуживать покупателей. В середине 20-х годов они были практически монополистами в снабжении населения продуктами питания и предметами первой необходимости, что давало им возможность диктовать свои цены. Поэтому их рентабельность была значительно выше, чем в государственном секторе торговли. Если прибыль на каждую тысячу рублей в государственном секторе составляла 27,6 руб., то в частном она составляла 128,2 руб.⁵⁰². Обследование состояния торговли в городах республики, проведенное ЦСУ Уз ССР в 1927 г., показало, что 2/3 промышленных товаров и 82,5% продуктов питания городское население приобретало у частников⁵⁰³.

Особенно сильны были позиции частников в сельской местности. «Если дехканин пойдет в государственную или кооперативную лавку, – говорил делегат И. Болтаев, выступая на IV сессии Уз ЦИК, – то там к нему отношение скверное, чиновническое. Выбрать товар не дают, выгоняют из лавки. У частника с ним поздороваются, пригласят хорошими словами, дадут выбирать товар»⁵⁰⁴. Действительно, обследования узбекских кишлаков в 1926 г. показали, что разъездные частные торговцы были торговцами-профессионалами и имели хорошо налаженные связи. Государственная и кооперативная торговля не могла конкурировать с частником ни на дехканском, ни на городском рынке. Так, в Китабской волости в 1926 г. действовало 11 государственных и кооперативных лавок и 1039 частных. В торговле мануфактурой в волости государство занимало только 2,6%, тогда как частник – 97,4%⁵⁰⁵.

Государство рассматривало эту ситуацию в торговле, как и в

---

⁵⁰¹ Доклад ЦК КП(б)Уз II всеузбекскому съезду КП(б)Уз. – Самарканд, 1925. – С. 75.

⁵⁰² Бюллетень ЦСУ УзССР. – 1930. - №23. – С. 93.

⁵⁰³ Там же. – 1928. – №20. – С. 23,27.

⁵⁰⁴ Материалы IV сессии ЦИК советов УзССР (июнь 1926г.). – Т., 1926. – С. 37.

⁵⁰⁵ Современный кишлак Средней Азии. Социально-экономический очерк. Вып. III. Китабская волость. - Т., 1926. – С. 198.

мелком кустарном производстве, как недопустимую дискредитацию советской власти и как реальную опасность со стороны враждебных социализму частнокапиталистических элементов, с которыми надо усиленно бороться. С частными торговцами из мелкой буржуазии оно боролось также беспощадно и теми же мерами, как и с владельцами промышленных предприятий, больших магазинов, кустарями, ремесленниками – с помощью ЦКК-РКИ, судебных органов, финансовых инспекций, налоговых и кредитных учреждений. Поэтому и финансовые издержки у них были на 24% выше. Например, на содержание помещений на каждую тысячу оборота в частном секторе уходило 15,4 руб., а в государственном – 4,9 руб., в том числе на аренду помещений у частных ушло 13,5 руб., а у государства – 1 руб. Налоги и сборы с торговли в частном секторе составляли 35,5 руб. на каждую тысячу оборота, а в государственном – 12,7 руб.⁵⁰⁶

Все это привело к тому, что с весны 1927 г. началось свертывание частной торговли. В первом полугодии 1927/28 г. число выбранных патентов 2-го разряда, где у частных были особенно сильные позиции, по сравнению с первым полугодием 1925/26 г., на которое приходился пик развития частной торговли, сократилось с 24 тыс. до 18,5 тыс., то есть на 23%⁵⁰⁷. В Ташкентском округе к октябрю 1927 г. число частных торговых заведений сократилось более чем в 3 раза с 10 тыс. до 3 тыс.⁵⁰⁸. Доля частного в розничной торговле республики за 1928 г. сократилась с 45% до 35%⁵⁰⁹. Разрушение частного рынка усугубляло и без того нелегкую экономическую ситуацию в стране строящегося социализма, а для всех частнокапиталистических элементов имело крайне тяжелые социальные последствия. Тысячи людей, приносивших населению практическую пользу, покидали свое экономическое пространство, в котором они были профессионалами, и оставались не только без работы, но и без всяких средств существования. Из-за непролетарского происхождения их не брали на государственную службу, не принимали в кооперативы, их детям закрывали доступ к получению образования. «Уход торговцев с рынка Ташкента продолжается, – отмечалось в обзоре Среднеазиатской конторы госбанка СССР в мае 1927 г. –

---

⁵⁰⁶ Бюллетень ЦСУ УзССР. – 1930. – №23. – С. 93.

⁵⁰⁷ Там же. – С. 107.

⁵⁰⁸ Обзор советского, хозяйственного и социально-культурного строительства Ташкентского округа. – С.112.

⁵⁰⁹ НА Уз, ф. Р-837, оп.11, д.132, л.14.

Ослабление удельного веса частников, уход их с рынка и пессимистическое настроение являются общими для частников городов Средней Азии. Все торговцы считают, что при существующем налоговом обложении, при товарных нагрузках, несвоевременном ассортименте и в атмосфере полного к ним недоверия, торговать частнику абсолютно невозможно. Характерно, что с рынка уходят в первую очередь солидные фирмы... Торговцы уходят с рынка крайне неохотно, так как, покинув рынок, принимая во внимание безработицу, почти все они остаются не у дел»⁵¹⁰.

Быстрое вытеснение частного капитала из торгового товарооборота вызвало в конце 20-х годов значительные трудности со снабжением населения товарами первой необходимости и продуктами питания, поскольку государство еще не было готово обеспечить его потребности на внутреннем рынке. В 1928 г., в стране была введена карточная система, которая, предусматривая нормированное снабжение, сделала практически невозможным само существование частной торговли. С этого времени борьба с частниками, как в промышленности, так и в торговле, стала вестись преимущественно административными мерами – они устранялись из легального товарообмена, под разными предлогами изымались их капиталы, конфисковалось имущество, велось уголовное преследование.

Таким образом, введение новой экономической политики обусловило оживление в городах республики деятельности мелкой буржуазии, в которую входили хозяева, не использующие наемный труд и работающие только с помогающими членами семьи или в одиночку. Они быстро вписались в знакомую и удобную для них сферу рыночных отношений и помогали населению республики, а значит и государству, преодолевать последствия разрухи. Но советская власть не допускала даже мысли о возможности длительного сосуществования с этим активным слоем хозяйствующих субъектов и неуклонно проводила политику его вытеснения из сферы производства и торговли. Но поскольку государство было не в состоянии заполнить те хозяйственные ниши, которые хорошо обслуживали кустари, ремесленники и частные торговцы, эта политика не приносила пользы ни хозяйству страны, ни советскому обществу в целом. Поэтому постоянно возникали трудности в обеспечении потребностей населения, как в сфере производства необходимых товаров и продуктов

---

⁵¹⁰ Там же, ф. Р-1619, оп.1, д. 49, лл.52-53.

питания, так и в организации их реализации. Надежды, которые возлагались государством на промысловую кооперацию и кооперативную торговлю, не оправдывались. Созданные по классовому принципу промысловые кооперативы были слабые, а у торговой кооперации не было ни необходимых подготовленных кадров, ни опыта работы. И свободные производители, и торговцы, несмотря на государственный прессинг, продолжали играть в общественном производстве все еще значительную роль.

4.3. Социальная структура кишлака накануне массовой коллективизации

В середине 20-х годов в социальной структуре Узбекистана, помимо кустарей, ремесленников, торговцев, проживающих в городах и составляющих значительные страты самостоятельных товаропроизводителей–собственников, в сельской местности продолжала функционировать еще более значительная социальная страта также независимых товаропроизводителей-собственников. Это были дехкане единоличники. Однако их взаимоотношения с советской властью в этот период были несколько другими, чем у городских собственников. Если с последними государство с первых своих шагов вело активную борьбу, вытесняя их из экономического и социального пространства строящегося социалистического общества, то дехкане оставались практически не затронутыми революционными преобразованиями советской власти.

По переписи 1926 г. все сельское население Узбекистана, включая и Таджикскую АССР, насчитывало 4 млн. 170,5 тыс. человек (79% всего населения республики), занятая его часть - 1 млн. 832 тыс. человек (44% сельского населения). Абсолютным большинством занятого сельского населения – 1 млн. 679 тыс. или 91,6% – были «хозяева, не применяющие постоянного наемного труда».

Советское правительство было твердо убеждено в том, что господство мелкотоварного уклада в сельском хозяйстве несовместимо с идеями и планами строительства социалистического общества, поэтому в узбекском кишлаке необходимо активно внедрять социалистические производственные отношения. Но прежде надо было до конца решить назревшие проблемы землеустройства – ликвидировать крупное землевладение и наделить землей безземельные и малоземельные хозяйства, поднять кишлачную бедноту на борьбу против богатых односельчан. Эти задачи призвана была решить

земельно-водная реформа. Готовясь к ее проведению, советские и партийные органы располагали крайне скудными сведениями о реальном экономическом положении узбекского кишлака, земельных и социальных отношениях, степени социальной дифференциации, позициях в нем советской власти. Для получения нужной информации в 1925 г., по решению Средазбюро ЦК ВКП(б), было проведено выборочное обследование кишлаков Среднеазиатского региона. В Узбекистане было обследовано 9 средне-типичных волостей (Ниязбекская, Ханкинская, Китабская, Вабкентская, Балыкчинская, Исфаринская, Каракульская, Асакинская, Чимбайская) в Ташкентской, Ферганской, Хорезмской, Кашкадарьинской и Зарафшанской областях. Материалы этих обследований дали удивительно объективную для того времени информацию о реальном состоянии экономики и общественных отношениях узбекского кишлака в середине 20-х годов,

Партийные работники, проводившие обследование, вынуждены были признать, что к 1925 г. в узбекском кишлаке «старые земельные отношения, регламентируемые шариадом и адатом, остались почти не тронутыми, как по форме, так и по существу», поскольку «революция не успела еще основательно раскатать и разрушить, выношенный столетиями социальный уклад кишлака» и «население всех волостей, независимо от степени их развития и географического расположения, живет по старым традициям и законам общины», а «консервативное сознание узбекского дехканина до сих пор не осознало, что новая власть призвана представлять и защищать его интересы»⁵¹¹.

Факты свидетельствовали о том, что в середине 20-х годов узбекский кишлак все еще находился в тяжелом положении, порожденном первой мировой войной, переворотом 1917 г., последующими политическими и экономическими мероприятиями советской власти. В них было много заброшенных хозяйств и пустующих земель (в Балыкчинской волости в 1925 г. было засеяно только 15,2% полезной земли⁵¹²), не хватало рабочего скота и инвентаря (в кишлаках Ниязбекской волости было 50% таких хозяйств)⁵¹³. Но, в тоже время, были и позитивные сдвиги в восстановлении сельского хозяйства. В целом большая часть волостей восстановила свои хозяйства до 2/3 размеров 1917 г., восстанавливались ирригационные

---

⁵¹¹ Современный кишлак Средней Азии. Вып. III. Китабская волость – С. 3, 56, 93, 22.

⁵¹² Там же. Вып. V. Балыкчинская волость – С. 10

⁵¹³ Там же. Вып. I. Ниязбекская волость – С. 47.

сооружения, возрождались посевные площади. Так, в кишлаках Балыкчинской волости в 1925 г., по сравнению с 1917 г., удельный вес хлопка в общем составе засеваемых культур вырос с 45% до 53%, зерновых – с 9,7% до 10,3%, бахчевых – с 3,8% до 6,5%⁵¹⁴; в Исфаринской волости посевы хлопка выросли с 4,6% до 8%, риса – с 25% до 70%, джугары – с 5% до 10%⁵¹⁵. Более медленно восстанавливалось животноводство.

Внутреннюю жизнь в кишлаке в этот период, по определению членов комиссии, характеризовали – «религиозность, знахарство, власть сельских аксакалов, цеховой строй в ремесле, всеобъемлющие нормы шариата» и все это образовывало «китайскую стену, через которую с большим трудом пробивались ростки, пущенные советской школой, медициной и агрономической помощью», но эти «ростки нового пробивались не из-под развалин старого, а из-под еще крепких вековых массивов»⁵¹⁶.

Таковыми массивами были, прежде всего, религия и традиции, которые все также строго регламентировали внутри социальные отношения в узбекском кишлаке, как и до 1917 г. Религия пронизывала не только частную жизнь и сельский быт дехкан, но и кишлачные общественные отношения. Все собрания и заседания общественного характера, как правило, проходили в мечети после богослужения. Там формировалось общественное мнение, обсуждались дела и новости. «Советский принцип отделения церкви от государства, – отмечали члены комиссии, – далеко еще не был уяснен ни духовенством, ни населением. Было распространено мнение, что советское государство должно поддерживать религию, как и хлопководство»⁵¹⁷.

Религия и традиции определяли также и общественную мораль узбекского кишлака. Партийных работников европейцев (а их было подавляющее большинство в составе комиссии) просто поражало благочиние и благонравие дехкан, глубоко внедрившихся в их сознание, а также вежливость и предупредительность в их обращении между собой и с посторонними людьми, даже с «маленькими» и зависимыми. «Самый темный дехканин, – отмечалось в материалах комиссии, – имеет то, что можно назвать хорошими манерами в серьезном значении этого слова... Всесторонний этикет существует на все случаи личной

---

⁵¹⁴ Там же. Вып. V. Балыкчинская волость. – С. 11.

⁵¹⁵ Там же. Вып. VI. Исфаринская волость. – С. 19

⁵¹⁶ Современный кишлак Средней Азии. Вып. III. Китабская волость. – С. 3, 22.

⁵¹⁷ Там же. – С. 67.

жизни и общежития: все точно расписано, каждый жест, каждое слово»⁵¹⁸. Кроме того, все проверяющие европейцы единодушно отмечали удивительное трудолюбие узбекского дехкана: «Великий труженик, каких мало, дехканин имеет глубоко укоренившиеся инстинкты собственника, которые исторически сложились на основе владения инвентарем и землей, работы на ней до изнеможения и навыков в этой работе, граничащих с искусством умелого, талантливого мастера»⁵¹⁹.

В узбекском кишлаке в середине 20-х годов так же, как и в первые послереволюционные годы, была слабо развита классовая дифференциация. Комиссия отмечала, что «социальные противоречия были затушеваны в сознании их носителей». Вековое господство традиций во внутри социальных отношениях кишлака определяло правило, согласно которому, всегда надо защищать «своего», а «свой» – это родственник, земляк. Именно эти отношения долгое время очень затрудняли деятельность советских работников по созданию в кишлаках дехканского бедняцкого актива. Традиции же обуславливали стремление дехкан к мирному разрешению конфликтов. Как отмечала комиссия, «даже такие острые жизненные вопросы, как водные, не вызывали похода с кетменем одного кишлака на другой. Выход из создавшегося положения изыскивался мирным путем при помощи ходатайств, многократных переговоров»⁵²⁰.

Узбекские дехкане свято чтит институт частной собственности и никогда не шли на самовольный захват чужой земли, руководствуясь правилом – «имущество правоверного – кровь правоверного». Комиссия отмечала, что самовольного захвата земли не было даже в кишлаках Ферганской долины, где особенно сильно полыхал огонь национально-освободительного движения. Здесь было много пустующих земельных участков, владельцы которых переехали в более спокойные районы, и этой земли с избытком хватило бы всем, нуждающимся хозяйствам. Однако дехкане обрабатывали только арендованную землю, и ни в одном кишлаке не было ни одного случая самовольной распашки пустующей земли. Так, в кишлаках Ходжа-Абад, Кум-Тепе, Тульк-Айсу Балыкчинской волости (Ферганская область) из 876 дес. пашни пустовало 250 дес., принадлежащих отсутствовавшим хозяевам. Из них было засеяно только 9 дес., взятых

---

⁵¹⁸ Там же. – С. 21.

⁵¹⁹ Современный кишлак Средней Азии. Вып. II. Ханкинская волость. – С. 12.

⁵²⁰ Там же. Вып. III. Китабская волость. – С.19, 93.

чайрикерами в аренду. При этом 11,2% хозяйств этих кишлаков нуждаясь в земле, арендовали ее у своих односельчан⁵²¹.

Ничего не изменилось с приходом новой власти в положении женщины-дехканки, которое так же, как и прежде, было регламентировано Кораном и шариатом. В доме женщина-хозяйка занимала доминирующее положение, распоряжаясь всем хозяйством, но в общественной жизни, по-прежнему была бесправна и вне дома должна была обязательно закрывать лицо. Ни в одной из обследованных областей работа среди женщин дехканок не велась ни в какой форме. Более того, как отмечала комиссия, этот вопрос даже никем и не поднимался.

В отличие от советской историографии утверждавшей, что в узбекском кишлаке к середине 20-х годов позиции советской власти были достаточно прочными, материалы комиссии Средазбюро свидетельствовали о том, что из-за недостатка средств и подготовленных кадров, ее присутствие там практически не ощущалось. Причем характерно, что такое положение было не только в таких отдаленных областях, как Кашкадарьинская, Хорезмская, Бухарская, но даже и в столичной Ташкентской области. Так, в материалах обследования Ниязбекской волости, центр которой кишлак Кибрай был расположен всего в 16 км от Ташкента, отмечалось, что ее население «не имело даже представления о новых законах советской власти о земле, не знало зачем берут с него налоги, куда собранные деньги расходуются». В выборах в сельсоветы принимали участие все жители кишлаков даже и не подозревая, что новые законы определили категорию лиц, лишенных избирательных прав. За прошедшие семь лет вся «деятельность» советской власти в Ниязбекской волости проявилась в открытии двух советских 4-х классов школ, двух школ ликбеза, одного фельдшерского пункта и нескольких красных чайхан с неграмотными чайханщиками. «Эти чайханы, - отмечалось в отчете, - отличались от обычных только тем, что в них было вывешено несколько революционных плакатов на непонятном населению русском языке»⁵²². А в кишлаках Ханкинской волости Хорезмской области советской власти практически вообще не было (она находилась в руках еще ханского аппарата аксакалов), была создана только одна советская начальная школа и не было ни одного фельдшерского пункта⁵²³. В

---

⁵²¹ Там же. Вып. V. Балыкчинская волость. – С. 39.

⁵²² Современный кишлак Средней Азии. Вып. I, Ниязбекская волость. – С. 156-158, 168.

⁵²³ Современный кишлак Средней Азии. Вып. II. Ханкинская волость. – С. 140.

Китабской волости советскую власть «в большинстве случаев понимали как улучшенную власть старого типа, не представляя себе ее социальной сущности». Интересна такая деталь – «крупные баи кичились перед членами комиссии своим богатством, они не только не скрывали своих земельных владений, но стремились даже похвастаться ими, будучи уверенными, что это должно возвысить их в глазах работников центра. Им и в голову не приходило, что может существовать такая власть, у которой интересы малоимущих стоят в центре внимания». Все происходившие в республике события в волости воспринимались только по искаженным слухам, «об образовании СССР и о национальном размежевании там никто даже и не слышал»⁵²⁴ и т.д.

Комиссия Средазбюро, состоящая из опытных партийных работников, серьезно подойдя к анализу ситуации в узбекском кишлаке накануне земельно-водной реформы, сделала вывод: «подходить к ломке старого кишлака надо сугубо осторожно, умеючи рассчитывая широкие достижения на многие годы, поскольку позиции советской власти в кишлаке очень слабые, а старые традиции имеют очень крепкие корни в сознании дехкан и в их внутри социальных отношениях»⁵²⁵. К сожалению, он не был принят во внимание партийным руководством страны и республики, и через три года была развернута широкая кампания революционной ломки кишлака, приобщающая дехкан к социализму через коллективизацию.

Материалы комиссии не только позволили составить представление об экономическом и внутри социальном положении узбекского кишлака в середине 20-х годов, но и предоставили возможность получить более полные и реальные сведения о его социальной структуре, определить расстановку классовых сил. Прежде всего, они показали, что разделение сельских жителей на бедняков, середняков и баев, только на основании учтенных размеров их земельных участков, искажает характеристику социальной структуры кишлака. Официально считалось, что беднейшая часть кишлака – сельский пролетариат, состоит из безземельных дехкан. Но в эту группу статистика включала вместе с дехканами, не имеющими земли, также и дехкан, не имеющих посевов. На самом же деле это были совершенно разные социальные категории. Если безземельные хозяйства были действительно сельским пролетариатом, то беспосевными, как раз, наоборот, в большинстве случаев, были зажиточные хозяева, имеющие

---

⁵²⁴ Там же. Вып. III. Китабская волость. – С. 18, 261.

⁵²⁵ Там же. Вып. III. Китабская волость. – С. 94.

землю, но не обрабатывающие ее, а сдающие в аренду. В таком случае социальное лицо кишлака заметно менялось. Например, в Ниязбекской волости Ташкентской области в обследованных 586 хозяйствах 85 хозяйств (14,5%) считались бедными, так как не имели земли и посевов. Но из них только 45 хозяйств не имели земли и были действительно бедными, а 41 хозяйство имело землю, но не имело посевов, так как их хозяева свою землю сдавали в аренду, тогда получалось, что беднота в этих кишлаках составляла не 14,5%, а 7,6%, а число зажиточных хозяйств увеличилось на 6,9%⁵²⁶. В Китабской волости Кашкадарьинской области в обследованных 638 хозяйствах было учтено 157 хозяйств (24,6%) без земли и без посевов, то есть бедных, но из них земли не имели только 106 хозяйств и беднота, таким образом, составляла 16,5%⁵²⁷. И такая картина была во всех обследованных волостях. Это позволяет нам утверждать, что данные официальной статистики о сильном обеднении узбекского кишлака во второй половине 20-х годов были явно преувеличены, но именно они послужили главным аргументом партии и советского правительства в необходимости проведения коллективизации сельского хозяйства в республике

Материалы комиссии также показали, что реальное большинство (50-60%) в обследованных кишлаках составляли середняцкие хозяйства, и середняк в этот период был достаточно стабильной фигурой. Свою землю он не сдавал в аренду, а всю использовал по назначению и только иногда, если в семье было достаточно рабочих рук, арендовал еще 1-2 дес. земли и в ограниченных размерах (только на окучку посевов или сбор урожая) использовал наемный труд. Такие крепкие хозяйства середняков официальные власти называли «зажиточными трудовыми» хозяйствами. Они были основными производителями товарной продукции и решающей силой восстановления сельского хозяйства в 20-е годы XX в.

Материалы комиссии дали очень важные сведения о зажиточной группе в составе населения кишлака – баях, в которую включали хозяйства, имеющие более семи десятин земли. Прежде всего, надо сказать, что в обследованных хозяйствах не было зафиксировано владельцев крупных земельных участков в 40-50 дес. Это, конечно, не означало, что их в республике не было совсем, но свидетельствовало о том, что их было чрезвычайно мало и они никоим

---

⁵²⁶ Современный кишлак Средней Азии. Вып. I. Ниязбекская волость. – С. 30

⁵²⁷ Там же. Вып. III. Китабская волость. – С. 76-79.

образом не определяли картину землеустройства кишлака. В основном эти баи владели 7-10-15 дес., редко до 20 дес. земли. По российским меркам это были просто обычные кулацкие хозяйства. В Узбекистане их называли байскими «зажиточными нетрудовыми хозяйствами», поскольку они применяли наемный труд и избытки земли сдавали в аренду. Но по своей сути большую часть таких хозяйств только по этим чисто внешним признакам нельзя было считать «нетрудовыми». Их владельцы чаще всего работали в поле наравне с наемными работниками, которых брали обычно из-за недостатка своих взрослых работников в семье и обрабатывали они для себя не более 5-6 дес. земли, излишки же сдавали в аренду. Приведем 2 типичных примера. Хозяйство Абдурахмана Абдували (кишлак Ходжа-Абад Балыкчинской волости) имело своей земли 22,5 танапа (3,75 дес.) и арендовало 3 танапа (0,5 дес) земли, имело 1 рабочую лошадь, 2 рабочих быка, 1 корову, арбу, 1 омач, 1 малу, 3 кетменя, 2 урака, 1 вилы, 1 лопату. Семья состояла из 6 человек и имела 2 взрослых работника (отец 47 лет и сын 18 лет). Это хозяйство считалось «зажиточным трудовым», но поскольку арендовало немного земли в любой момент могло быть названо «нетрудовым». Хозяйство Юлдашбая Пирназарова из того же кишлака имело 76 танапов (12,5 дес.) земли, 1 рабочую лошадь, 2 рабочих быка, 1 корову, арбу, 2 омача, 1 малу, 4 кетменя, 4 урака, 2 вил, 1 лопату. Семья состояла также из 6 человек, но свой взрослый работник был только один (сын 28 лет). Поэтому семья нанимала 1 годового работника. Землей распоряжались так: 25 танапов (4,1 дес.) засеивали сами, 25 танапов сдавали чайрикеру на половинных началах, 23 танапа земли пустовало (8 танапов из-за недостатка рабочих рук и 15 танапов из-за недостатка воды). Это хозяйство считалось «зажиточным нетрудовым», хотя, по существу, это было нормальное трудовое хозяйство, в котором фактически на 4 дес. работал сам хозяин рядом с наемным работником, так как в семье не было своего второго мужчины рабочего возраста⁵²⁸.

Таким образом, грань для определения «зажиточных трудовых» и «зажиточных нетрудовых» хозяйств была очень тонкая и открывала огромный простор для принятия субъективных решений при проведении урезки земли в ходе земельно-водной реформы, и особенно при составлении списков кулаков в процессе политических кампаний по «раскулачиванию» и «ликвидации кулачества как класса».

---

⁵²⁸ Современный кишлак Средней Азии. Вып. V. Балыкчинская волость – С. 35.

Земельно-водная реформа 1925-1927 гг. не решала еще задач социалистического переустройства кишлака. Она должна была ликвидировать полярные группы землеустройства, наделив землей дехкан, не имеющих ее, или имеющих очень мало, за счет хозяйств, имеющих ее в большом количестве. При этом в партийных решениях, верно подчеркивалось, что при проведении реформы не должен быть затронут середняк, чтобы не оборвать «процесс накопления, который намечился в прогрессивном середнячком хозяйстве»⁵²⁹. Но на практике при проведении землеустроительных работ этот подход к середняку чаще всего нарушался.

Основной удар реформа 1925-1927 гг. должна была нанести по крупным землевладениям «помещичьего типа». Но таких в Узбекистане было изначально немного и в основном они были ликвидированы в 1918 г. Поэтому экспроприации в ходе этой реформы подвергались хозяйства мелких баев, в какой-то мере аналогичных русским кулакам. А поскольку по решению II съезда КП Уз «крупнокулацкая группа, применяющая наемный труд с эксплуататорской целью», приравнивалась к байской⁵³⁰, то, по существу, реформа ликвидировала не только крупных и средних баев, но и «зажиточных нетрудовых дехкан», частично затронув и «зажиточных трудовых дехкан», пользующихся пусть даже поденно наемным трудом. Таким образом, земельная реформа в Узбекистане, как и во всем Среднеазиатском регионе, предвосхитила последующую ликвидацию кулацких и зажиточных хозяйств в годы массовой коллективизации.

Реформа затронула 23941 хозяйство, из них 21298 имели землю сверх установленной нормы и подлежали урезке (всего в фонд наделения поступило 248046 дес. земли, устроено было почти 66 тыс. безземельных и малоземельных дехкан)⁵³¹. Она внесла заметные изменения в социальную структуру кишлака, о чем свидетельствуют следующие данные Наркомзема республики по трем ее ведущим областям – Ташкентской, Ферганской и Самаркандской.

---

⁵²⁹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях...Том 1. – С. 137.

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Средняя Азия в цифрах. Т., 1931. – С. 101.

Таблица 6.⁵³²

Структура узбекского кишлака Ташкентской, Ферганской.
Самаркандской областей до и после земельно-водной реформы
1925-1927 гг. (в%)

	безземельные	до1 дес.	1-3 дес.	3-7 дес.	более 7 дес.
До реформы	4,5	39,3	30,9	19,0	6,3
После реформы	0,2	36,7	36,5	22,2	4,4

Позитивными результатами реформы были практически полная ликвидация безземельных дехкан и значительное укрепление середняков, удельный вес которых вырос до 58,7%. Но осталась нерешенной проблема наделения землей малоземельных дехкан, о чем свидетельствует их значительный удельный вес в структуре кишлака – 36,7%, уменьшившийся всего на 2,6%. Не хватало почти 1,5 млн. дес. земли для 395 тыс. дехканских хозяйств. Дать эти земли им могло только переселение на земли нового орошения⁵³³. Но у государства на ближайшую перспективу средств на это не было. Не было и кадров землеустроителей, гидротехников, агрономов. Поэтому решение этой проблемы повисало в воздухе, причем, на длительное время. Была и еще одна сложность психологического характера – в силу издревле сложившейся привязанности дехкан к своему кишлаку, где жили и трудились они сами, их отцы и деды, даже не имеющие земли, крайне негативно реагировали на самую идею возможного их переселения. Это создавало атмосферу социальной напряженности в сельской общине.

Партия, начиная реформу, кроме проблемы землеустройства, предполагала решить и политическую задачу - провести резкую грань между богатыми и бедными, втянуть маломощного дехкана в борьбу за землю⁵³⁴, то есть поднять бедных против богатых, развязать классовую борьбу, создать атмосферу классовой ненависти, разрушить социальное единство узбекского кишлака, основанное на взаимопомощи и взаимовыручке. Но сам процесс проведения реформы – изъятие земли у богатых и наделение ею бедных – проходил не так как она рассчитывала. Дж. Уиллер пишет, что «в ходе реформы 1925-

⁵³² Народное хозяйство Средней Азии в цифрах. – Т., 1929. – С. 50.

⁵³³ Земельный вопрос в Узбекистане. Материалы ко 2-му курултаю. – С. 29, 32.

⁵³⁴ Зелинский И. Доклад на пленуме Средазбюро ЦК ВКП(б) 14 марта 1925 г. «О земельно-водной реформе»./Земельно-водная реформа в Средней Азии. Сб мат. М.,-Л.. 1927. – С. 26.

1927 г. в Узбекистане наблюдалось сопротивление не только бывших землевладельцев, у которых отбирали землю, но и самих дехкан, которые часто принимали сторону бывших хозяев, стремясь сохранить «status quo»⁵³⁵. Это объяснялось общим психологическим настроем узбекского дехканина, которому все еще были чужды принципы и методы классовой вражды, поэтому «он и отказывался от плодов искусственно ему прививаемой политики классовой диктатуры»⁵³⁶. Часты были случаи, когда дехкане, взяв землю, пытались ее вернуть, чувствуя себя виноватыми в присвоении чужой собственности. Как пишет М.Чокаев, «они чувствовали себя виноватыми, потому что наделены землей не национальной властью, не властью, пользующейся национальным авторитетом, а властью чужою и чуждою их мироощущению и национальному сознанию»⁵³⁷.

И все же мероприятия реформы натравливали бедняков против зажиточных баев, которые были ликвидированы с их помощью, и даже против середняков, которым были оставлены занимаемые ими земли, а в отдельных случаях прирезаны дополнительные, тогда как, многие безземельные дехкане остались не наделенными землей, с перспективой переселения на земли нового орошения. Разрушительную работу делали, порожденные реформой, комиссии содействия земельной реформе, создаваемые советской властью в каждом кишлаке из безземельной бедноты, и помогавшие властям выявлять байские хозяйства, сокрытые ими земли и инвентарь. Поэтому надо сказать, что в некоторой степени, реформа достигла поставленной партией негативной цели. Она обусловила появление первой социальной трещины в общинном единении, с которым узбекский кишлак стойко перенес большевистский переворот 1917 г.. политические и экономические потрясения первой половины 20-х годов. Значительно ее расширили коллективизация сельского хозяйства и «ликвидация кулачества как класса».

В экономическом отношении для решения задач подъема сельского хозяйства реформа сыграла положительную роль. Освободив чайрикеров от необходимости платить за арендуемую землю, она дала им возможность направить эти деньги на развитие хозяйства. Поэтому, несмотря на ликвидацию крупных хозяйств, в республике не произошло падения сельскохозяйственного производства, а, наоборот, шел процесс

---

⁵³⁵ Wheeler G. Op. cit. – P. 136.

⁵³⁶ Мустафа Чокай-оглы. Туркестан под властью советов. – С. 70.

⁵³⁷ Там же.

неуклонного его наращивания. Участник проведения реформы в Узбекистане экономист А.М. Давыдов писал: «Дехкане, наделенные землей по реформе, в течение 1-2 лет сумели с лихвой заместить продукцию хозяйств ликвидированных и урезанных в процессе реформы. Они энергично осваивали полученную землю, энергичнее развивали хлопководство на основе личного труда, без сколько-нибудь значительного применения посторонней рабочей силы. Дехканин-единоличник, получив землю, продемонстрировал свое умение работать и рационально вести хозяйство на своей земле»⁵³⁸.

Реформа дала дехкану возможность активно хозяйствовать на своей земле. Трудовым хозяйствам, которые из-за недостатка рабочих рук или инвентаря не могли справиться с сельхозработами, было разрешено применять наемный труд или частично сдавать землю в аренду. Каждому, работающему на своей земле, предоставлялась свобода выбора форм землепользования: вести свое хозяйство единолично, в общине, объединиться в артели, машинные или мелиоративные товарищества, коммуны и т.д. Земельный кодекс не принуждал никого хозяйничать, так как он не хочет или не умеет⁵³⁹. В 1927 г. законодательство еще стремилось к тому, чтобы создать твердые условия для развития сельского хозяйства на основе трудового землепользования в условиях советского государства и под его контролем. Высокотоварное дехканское хозяйство Узбекистана, производящее хлопок, было в гораздо большей степени, чем крестьянские хозяйства центральной России, производящие хлеб, связано с рынком и через рынок с крупной социалистической промышленностью. Оно больше могло поддаваться социальному регулированию со стороны государства, которое имело возможность поддерживать бедняцкие и середняцкие трудовые хозяйства и ограничивать рост крупных нетрудовых хозяйств. И к началу реформы такие рычаги регулирования уже имели неплохую практику работы через Узхлопком, который кредитовал дехканские хозяйства деньгами и инвентарем, скупал у них хлопок. Он являлся поддерживающим и регулирующим органом, мощным связующим звеном с крупной социалистической промышленностью. Его практика работы показала, что мелкие поставщики являются наиболее аккуратными плательщиками. «Хлопком имеет реальную возможность влиять на

---

⁵³⁸ Давыдов А.М. Аграрные преобразования и реформирование социалистического землепользования в Узбекской ССР. М., 1965. – С. 168.

⁵³⁹ Земельный вопрос в Узбекистане. – С. 27.

социальную структуру кишлака, – писала зам.наркома земледелия республики Е. Зелькина, – помогая экономически подниматься мелким дехканским хозяйствам, во много раз ускоряет процесс их кооперирования, добровольного, четко обоснованного экономической целесообразностью и выгодой.⁵⁴⁰».

Сократив число безземельных и богатых дехкан, реформа не прекратила процесса социального расслоения кишлака. Но она усилила тенденцию увеличения числа мелкотоварных производителей – крепких середняцких хозяйств. Это показала гнездовая перепись, проведенная в 1929 г. в трех хлопковых районах (Бувайдинском, Гиждуванском и Маргиланском) и трех зерновых районах (Кассансайском, Зааминском и Пайарыкском). За два года после реформы в обследованных районах сократились пролетарские элементы (по хлопковым районам на 1,7%, по зерновым – на 4,8%) и одновременно увеличились мелкотоварные (по хлопковым районам на 0,9%, по зерновым – на 2,8%)⁵⁴¹.

Большую роль в этом процессе сыграла кооперация дехкан единоличников. Прошедшие годы показали, что заинтересованные в развитии своего хозяйства они охотно вступали в кооперативы, в чем помогала им привычка к общинным отношениям. Широкое распространение в 1926-1928 гг. получили в республике кредитная, снабженческо-сбытовая, простейшие формы производственной кооперации. В 1927 г. кооперацией было охвачено 63,8% дехканских хозяйств, которым было выдано 15 млн. руб. ссуд. Через кооперативы было заготовлено 20,5% кожсырья, 45,5% шерсти, 70,2% каракуля, 91,5% коконов, 63,4% сухофруктов⁵⁴². В 1928 г. 635 тыс. дехкан были членами кредитной кооперации, 609 тыс. – отраслевой хлопководческой, 396 тыс. – потребительской, 200 тыс. – мелиоративной, 27 тыс. – животноводческой, 14,5 тыс. – плодородческой коопераций⁵⁴³. Следовательно, многие хозяйства были членами нескольких кооперативов. Быстрорастущая система кооперации стала мощным фактором экономического роста кишлака. Через нее регулировалась деятельность частного сектора, обеспечивался товарооборот, распределялись государственные кредиты. Укрепление кооперативных начал содействовало

---

⁵⁴⁰ Зелькина Е. Земельная реформа в Узбекистане. – Т., 1925. – С. 42.

⁵⁴¹ Коллективизация и классовое расслоение кишлака и аула Средней Азии. – С. 57.

⁵⁴² Народное хозяйство Средней Азии в цифрах. – С. 47, 48.

⁵⁴³ Бюллетень ЦСУ Уз ССР. – 1930. – №23. – С. 5.

естественному перерастанию простейших форм кооперации в более сложные, переходу от кредитно-снабженческого кооперирования к производственному.

Таким образом, узбекский кишлак во второй половине 20-х годов, несмотря на слабые позиции советской власти и незначительную ее помощь, представлял собой достаточно крепкую социально-экономическую структуру в народном хозяйстве республики, в которой главенствующее положение занимали дехкане единоличники. Именно они в этот период восстанавливали разрушенное сельское хозяйство, поскольку создаваемые коллективные хозяйства были маломощными и не могли играть в этом восстановительном процессе сколько-нибудь значительную роль.

Земельно-водная реформа 1925-1927 гг. положительно решив такую важную для кишлака социальную проблему, как наделение землей безземельных дехкан и значительно укрепив середняков, создала реальные и серьезные предпосылки для развития сельского хозяйства республики силами дехкан единоличников. Узбекский кишлак в этот период успешно шел к более прогрессивным формам хозяйствования и к более широкому производственному кооперированию на добровольных началах. Перед ним открывался реальный путь успешного развития в рамках социалистического государства на условиях добровольного сотрудничества с ним.

4.4. Проблемы становления советской интеллигенции

В середине 20-х годов, завершая восстановление разрушенного хозяйства и начиная широкомасштабные акции – индустриализацию, культурную революцию, а несколько позже коллективизацию сельского хозяйства, советская власть по-прежнему располагала очень незначительными кадрами квалифицированных специалистов. Об этом свидетельствуют данные всеобщей переписи населения 1926 г.

Таблица 7.⁵⁴⁴

Численность и состав интеллигенции в Узбекистане в 1926 г.

	Городская		Сельская		Всего по республике	
	Общее число	В т.ч. женщины	Общее число	В т.ч. женщины	Общее число	В т.ч. женщины

---

⁵⁴⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. том XXXII. – С. 73-78.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, НАСИЛЬСТВЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ
(КОНЕЦ XIX в. – 30-е ГОДЫ XX в.)

Руководящий аппарат	5915	560	1455	54	7370	614
Работники суд. органов	606	20	37	-	643	20
Инженеры	441	8	13	-	454	8
Агрономы	260	37	112	14	372	51
Ветеринары	55	5	8	-	63	5
Врачи и зуб врачи	862	364	47	13	909	397
Преподаватель и вузов	303	60	-	-	303	60
Учителя школ	3628	1379	905	145	4533	1524
Журналисты и редакторы	226	14	11	-	237	14
Работники библиотек и музеев	174	122	9	3	183	125
Работники искусств	603	146	20	-	623	146
Всего	13073	2735	2617	229	15690	2969

Перепись показала, что интеллигенция республики была очень слабой социальной стратой. Она была малочисленна (составляла всего 0,7% всего занятого населения), испытывала острый дефицит в квалифицированных специалистах (47,5% в ее составе были руководящие административные работники). Чрезвычайно остро стоял вопрос с кадрами специалистов из коренного населения: их не было в числе инженеров на промышленных предприятиях, в строительстве и на железнодорожном транспорте, очень мало среди врачей, преподавателей вузов, но они составляли половину руководящей администрации, учителей, работников издательств. Мало было в составе интеллигенции республики женщин, особенно коренных национальностей, даже среди учителей, малочисленна была сельская интеллигенция. Комиссия Средазбюро ЦК ВКП(б), обследовавшая социально-экономическое положение кишлака в 1925 г., отмечала, что «интеллигенции как обособленной группы, влияющей или организующей дехкан, в кишлаке нет. В некоторой мере эту миссию выполняет духовенство»⁵⁴⁵. И действительно в 1926 г. в Узбекистане в

⁵⁴⁵ Современный кишлак Средней Азии. Вып. III. Китабская волость. – С. 68.

составе сельского населения по официальным данным было 1157 квалифицированных специалистов и 2578 священнослужителей, а по мнению американской исследовательницы Ш. Келлер их было 6 тысяч в соотношении 1 : 543⁵⁴⁶.

Кроме 15,6 тыс. специалистов, работающих в советских учреждениях, в середине 20-х годов все еще сохранялась небольшая социальная группа из 1089 человек, представляющая независимую интеллигенцию, которая занималась частной практикой. За период 1923-1926 гг. их число в городах республики уменьшилось на 1,5 тыс., а удельный вес снизился с 1,6% до 0,8%. Это был образованный потенциал республики, по-прежнему игнорируемый советской властью.

Что же касается старых кадров технических специалистов, пришедших работать в советские учреждения, то по отношению к ним продолжала сохраняться атмосфера «классового» недоверия из-за дореволюционного образования, а значит «буржуазного происхождения». По мере нарастания волны недоверия к этим специалистам, как к «агентам мировой буржуазии», число их неуклонно сокращалось в результате систематических чисток, классовых проверок, а затем и массовых репрессий. Ситуацию в советском обществе с кадрами старых специалистов в конце 20-х годов хорошо охарактеризовал председатель ЦСНХ Уз ССР в докладной записке в ВСНХ СССР: «В аппарате ЦСНХ на 1 октября 1929 г. имелось 8 человек с законченным высшим техническим образованием. Но из них недавно двое были арестованы и двое будут удалены в результате чистки аппарата. В такой обстановке какое-либо сносное техническое руководство промышленностью конечно невозможно»⁵⁴⁷.

Во второй половине 20-х–начале 30-х годов ужесточается государственная политика по отношению к дореволюционной национальной интеллигенции, работающей в советских учреждениях. В мае 1926 г. компартия Узбекистана потребовала от партийных органов усилить борьбу на идеологическом фронте против растущей буржуазной идеологии, носителем которой, по ее мнению, была национальная интеллигенция. Была дана директива отстранить ее от работы в идеологических учреждениях, где она действительно занимала

---

⁵⁴⁶ Keller Sh. To Moscow, Not Mecca. The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia. 1917-1946. – Westport, Connecticut. London. 2001. – P. 168-170.

⁵⁴⁷ НА Уз, ф.Р-89, оп.1, д. 420, л.15.

лидирующее положение и пользовалась большим влиянием⁵⁴⁸. Выполнение этой директивы вылилось в массовые чистки.

Партия стремилась добиться единомыслия всех слоев населения, установив систему безоговорочной поддержки ими позиций пролетарской идеологии, заменить свободу слова и творческой мысли полным подчинением только одной официальной идеологии. Но весь трагизм ситуации тех лет заключался в том, что национальная интеллигенция была думающей частью общества и не могла безоговорочно принимать к исполнению все мероприятия и нововведения новой власти, крутые повороты ее политики, вызывавшие у нее естественную критическую реакцию. Она была недовольна свертыванием нэпа, последствиями национально-государственного размежевания, земельно-водной реформы, атеизацией общественного сознания, пролетаризацией национальной культуры, волюнтаристской заменой арабского алфавита, совершенно неподготовленной эмансипацией женщин коренных национальностей, отстаивая интересы своего народа, выступала против усиления хлопковой монополизации Узбекистана, необоснованного преобладания некоренных национальностей в органах власти и управления, среди учащихся средних и высших учебных заведений и др.⁵⁴⁹ Но, поскольку партия не признавала альтернативных вариантов своей политики, все высказывания критического характера определялись как «антипартийные уклоны, проявления буржуазной идеологии» и их носителей называли «классово-враждебными, буржуазно-националистическими элементами».

Так, заявление группы ведущих партийных работников – Р. Рафика, Мухтара Саиджанова, И. Хидыралиева, Р. Рахимбаева и др. в ноябре 1925 г. о своем недовольстве обстановкой диктаторства и командного стиля работы, складывающейся в центральных партийных органах республики, получило название «группы 18»⁵⁵⁰. «Иногамовщиной» были названы взгляды трезво и самостоятельно мыслящей части интеллигенции, работавшей в органах просвещения и печати, выступившей в 1926 г. во главе с Р.Иногамовым, занимавшим посты народного комиссара просвещения республики, а затем

---

⁵⁴⁸ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Том 1. – С. 200.

⁵⁴⁹ Хасанов Б.В. Указ. соч. – С. 70.

⁵⁵⁰ См.: Резолюции и постановления XIV пленума Средазбюро ЦК ВКП(б). 8-10 октября 1927 г. – Т., 1927. – С. 38; Зайченко Ж. Из истории одного заявления. //Человек и политика. – Т. 1991. №1. – С. 90-96; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. – Т., 1974. – 210-213.

зав.отделом печати ЦК КП(б)Уз⁵⁵¹. В начале 30-х годов все, причастные к этим критическим высказываниям, были репрессированы.

В печати прошли широкие идеологические кампании, переходящие в настоящую травлю, критиковавшие творческую деятельность историка Пулата Салиева⁵⁵², главы правительства республики Файзуллы Ходжаева, опубликовавшего в 1926 г. работу «К истории революции в Бухаре»⁵⁵³, известных журналистов Ходи Файзи и Абдуллы Мустакаева⁵⁵⁴.

Новые разногласия интеллигенции с позицией официальных властей выявила, организованная в 1927 г. партийными идеологами, дискуссия о характере и путях формирования социалистической национальной культуры Узбекистана. Интеллигенция отстаивала лозунг развития национальной культуры, без привнесения в нее элементов классовости и идеологических оттенков, выступала против классовой и безрелигиозной школы, введения нового узбекского алфавита, за самостоятельное развитие самобытной культуры. III пленум ЦК КП(б)Уз (октябрь 1929 г.) инкриминировал такие высказывания, как проявление классовой борьбы на фронте культуры, стремление к свержению новой власти. «Ориентация на Восток, – говорилось в резолюции пленума, – и разговоры о предпочтительном значении культурного наследия Востока (арабского, персидского, османского) по существу являются явной реакцией, ведущей к буржуазной реставрации. По сути дела, в основе этих разговоров лежит неприкрытое стремление к свержению диктатуры пролетариата и восстановлению господства буржуазии»⁵⁵⁵.

Во второй половине 20-х годов в официальных кругах утверждается доктрина негативной оценки культурного наследия «дореволюционного прошлого», как не соответствующая стандартам «пролетарской культуры». Воспитанные на передовых идеях

---

⁵⁵¹ См.: Резолюции и постановления IX пленума Средазбюро ЦК ВКП(б).–Т.,1926; Резолюции и постановления XII пленума Средазбюро ЦК ВКП(б).–Т.,1927; Постановление Президиума ЦК КП(б)Уз от 16 октября 1927 г. по делу Иногамова//Правда Востока.-1927.-7 ноября; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана.–Т.,1974. – С. 224-226.

⁵⁵² См.: Германов В.А. Профессор Пулат Салиев и его время (Жизнь и трагедия основателя узбекской исторической школы). – Т., 2002.

⁵⁵³ См.: Туркестанский Г. Кто такие были джадиды. – Т., 1926; Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях...Том 1. – С. 274; Ходжаев Ф. Избр. труды. Том 1. – Т., 1970. – С. 71-75.

⁵⁵⁴ Турон тарихи. – 1994. – август. – Б. 23.

⁵⁵⁵ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях...Том 1. – С. 487-488.

джадидизма, высокообразованные деятели национальной культуры осознавали, насколько важное место занимает культурное достояние прошлого в самосознании народа, в духовном развитии общества и стремились его пропагандировать. Насколько сильны были разногласия позиций партии и национальной интеллигенции в этом вопросе, показала травля А. Фитрата и А. Хашимова, подготовивших и издавших в 1929 г. сборник «Образцы узбекской литературы». Они были обвинены в пропаганде «абстрактной схоластической мысли, религиозного идеализма и мистицизма», а изданная ими книга расценена как «одно из явлений, отражающих сопротивление классового врага», «преступление на фронте идеологической борьбы»⁵⁵⁶.

В конце 20-х годов партийной организацией республики была развернута ожесточенная борьба за идейное развенчание позиций национальной интеллигенции. Все проявления свободомыслия и желания помочь своей республике в ее развитии активно и «единодушно» осуждались пропагандистским аппаратом, жестко пресекались в административном, а затем и в правовом порядке. Проводились шумные кампании чисток, когда из школ, учебных заведений, редакций газет и журналов, издательств, других организаций изгонялись способные компетентные люди. Завершающим этапом политики недоверия национальным специалистам явились аресты и судебные процессы конца 20-х годов. В 1928 г. была арестована и осуждена группа работников Средазводхоза, в 1929 г. арестован известный деятель джадидского движения Мунаввар кори Абдурашидханов, возглавлявший организацию «Миллий истиклол». Были репрессированы, приговорены к смерти или к длительным годам заключения члены организации «Миллий иттиход» Рамзи, Носир Саидов, Бату, Хосил Василев, Собир Кодиров и др.⁵⁵⁷.

Во второй половине 20-х годов еще более ухудшилось положение мусульманского духовенства. Только за 3 года с 1923 по 1926 гг. его удельный вес в городах республики сократился с 1,1% до 0,5%. Лояльная политика партии по отношению к религии и

---

⁵⁵⁶ См.: Қизил Ўзбекистон, 1929. №№ 110-112, 163-164, 215-216; За партию, 1929. № 3; Байбулатов Д. Чагатаизм – пантюркизм в узбекской литературе. – М., Ташкент, 1932; Алимова Д.А., Худайкулов А. Ўзбекистон маданияти тарихшунослигининг асосий йўналишлари. //XX асрнинг дастлабки ўттиз йиллигида Ўзбекистонда тарих фани . II қисм, V боб. - Т., 1994; Хасанов Б. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917- начало 50-х годов. – Т., 2000.

⁵⁵⁷ Тарих шохидлиги ва сабоқлари. – Т., 2001. – Б. 85.

духовенству, проводимая в первой половине 20-х годов, по словам секретаря ЦК Компартии Узбекистана А. Икрамова, была не уступкой, а только тактикой⁵⁵⁸, во второй половине 20-х годов она все более ужесточается. В постановлении VI пленума компартии Узбекистана (июнь 1927 г.) «О мусульманском духовенстве и школе» было жестко сказано, что «Ислам, как и другие религии, является большим препятствием на пути развития культуры, развития и укрепления идей пролетариата и строительства социализма»⁵⁵⁹. Это заявление знаменовало начало активной экстремистской кампании борьбы с религией, духовенством, верующими, национальными и бытовыми традициями народа. В 1928 г. в Узбекистане создается «Курашчан худосизлар» (Союз воинствующих безбожников). Он начинает издавать журнал «Худосизлар», а затем и газету с таким же названием⁵⁶⁰. Характеризуя деятельность этого союза, проф. Д.А. Алимова пишет: «СВБ стал подспорьем в искусственном нагнетании обстановки всеобщей подозрительности, а по отношению к духовенству и верующим, был поистине воинствующим. Все без исключения представители духовенства считались классовыми врагами. Их требования вернуть верующим мечети представлялись как проявления «классовой ненависти к комсомолу и клубам». В этих условиях, конечно, отвергались все предложения прогрессивного духовенства о сотрудничестве с общественными организациями в области культуры, образования и раскрепощения женщин»⁵⁶¹.

Антирелигиозная кампания в Узбекистане была, по существу, грубой, преимущественно антиисламской пропагандой. Как считает Ш. Келлер, наибольшая ошибка ее организаторов состояла в том, что они «исходили из предположения, что Ислам в Центральной Азии имеет среди населения такое же влияние, как и христианство в России и пытались отделить религию от национального самосознания»⁵⁶². Журнал «Худосизлар» не играл, да и не мог играть той роли, на которую рассчитывала партия. Он печатался смешанным арабско-латинским алфавитом, так что даже образованной национальной интеллигенции было трудно его читать, не говоря уже об основной массе

---

⁵⁵⁸ Икрамов А. Избр. труды. Том III. – Т., 1974. – С. 301.

⁵⁵⁹ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях... Том I. – С. 301-304.

⁵⁶⁰ Алимова Д.А., Худайкулов А. Ўзбекистон маданияти тарихшунослигининг асосий йўналишлари //XX асрнинг дастлабки ўттиз йиллигида Ўзбекистонда тарих фани. – Б. 272-274.

⁵⁶¹ Алимова Д. История как история, история как наука. Том I. – Т., 2008. – С. 240

⁵⁶² Keller Sh. Op. cit. – P. 162.

малограмотного населения, тираж его был всего 2-3 тыс. экземпляров. В целом деятельность «Союза безбожников» большой эффективности не имела⁵⁶³. Поэтому власть чаще прибегала к открытым административным мерам. Во второй половине 20-х годов в республике в массовом порядке стали закрываться мечети, церкви, старометодные мактабы, мадраса, корихона, ликвидировались оставшиеся вакфы, казийские суды. Если в 1925 г. действовало 37 казийских судов, то в 1927 г. их осталось семь⁵⁶⁴. Весной 1928 г. они вообще прекратили свою деятельность как национальный правовой институт. Большая часть духовенства была отправлена в лагеря. Было уничтожено огромное количество рукописей и книг религиозного содержания. Даже хранение нерелигиозной литературы на арабской графике грозило арестом на срок от 10 до 15 лет. Отправление религиозных обрядов уходило в глубокое подполье⁵⁶⁵.

Уничтожая национальную интеллигенцию, советское государство во второй половине 20-х годов продолжало работу по формированию новой советской интеллигенции, развивая вузовское образование и решая одновременно задачу коренного изменения классового предназначения и социального облика студентов и преподавателей. Стремясь создать новую пролетарскую систему высшей школы, оно предоставило рабоче-крестьянскому студенчеству большие права участвовать не только в общественной жизни своих вузов, но и в организации учебного процесса. В результате революционной активности студентов, во второй половине 20-х годов он стал полигоном самых разнообразных экспериментов, не имеющих аналогов в мировой истории высшей школы. Так, по инициативе студентов, был изменен порядок оценки их знаний, предоставивший им право утверждать на общем собрании курса, поставленную преподавателем оценку; были отменены традиционные, оправдавшие себя в мировой вузовской практике, лекционные и лабораторные занятия, а взамен был введен «лабораторно-бригадный метод» обучения.

В ноябре 1929 г. партия поставила задачу «всемерно усилить подготовку новых пролетарских специалистов, на которых советская власть могла бы полностью и целиком опереться в своей грандиозной работе по строительству социализма». Для ее решения вузы должны

---

⁵⁶³ Keller Sh. Op. cit. – P. 162-164.

⁵⁶⁴ НА Уз, ф.Р-904, оп. 1. д. 150, л. 3.

⁵⁶⁵ Алимова Д. История как история, история как наука. Том 1. – С. 157.

были ускорить темпы подготовки специалистов, привести их в соответствие с темпами индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства⁵⁶⁶. В ответ на эту партийную установку, в конце 1929 г. в вузах появились группы «ускоренных выпусков со встречными планами». Студенты брали обязательства пройти курс обучения за три года, вместо положенных пяти, достигая этого за счет всемерной активизации учебного процесса. Отменялись зачетные сессии, написание и защита дипломных работ, сокращались учебные программы за счет «ненужных» с точки зрения студентов предметов. Взамен устанавливался «общественный контроль над улучшением и углублением проработки учебного материала». Появились даже планы перехода вузов на непрерывный учебный год и перестройки их работы по заводскому принципу⁵⁶⁷. Все эти эксперименты тормозили развитие учебного процесса, отрицательно сказывались на усвоении необходимого материала, а, следовательно, и на качестве знаний подготавливаемых специалистов – советской интеллигенции.

В учебном процессе по-прежнему большое внимание уделялось преподаванию общественно-политических дисциплин, которые должны были вырабатывать у будущих специалистов марксистско-ленинское мировоззрение борцов за повышение классовой бдительности. Студенты, не принимавшие его или подвергавшие сомнению его отдельные положения, объявлялись враждебными строю элементами и немедленно исключались из вузов. Из-за возможной угрозы потери партийного влияния, в 1927 г. были возвращены 39 студентов из Узбекистана, обучавшиеся в различных высших учебных заведениях Германии. Решение было принято несмотря на то, что почти все они в следующем 1928 г. заканчивали курс своего обучения и должны были получить дипломы специалистов⁵⁶⁸.

Работа вузовских партийных и комсомольских организаций была направлена на сохранение чистоты социального состава студенчества. Анкетные данные каждого студента тщательно проверялись общественностью. Глава правительства Узбекистана Ф. Ходжаев в своем докладе на III съезде советов с большим

---

⁵⁶⁶ КПСС в резолюциях... Том 4. – С. 113-114.

⁵⁶⁷ Овсянников К. Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола. – М., 1931. – С. 129-132.

⁵⁶⁸ НА Уз, ф.П-94, оп. 1, д. 475, лл. 12-15; Ўзбекистон адабиёти ва санъати. – 1993. – 28 май.

беспокойством говорил о том, что в вузах безжалостно отчисляются студенты «только потому, что они находятся в родственной связи с бывшими купцами, торгашами или чиновниками, ...несмотря на то, что им осталось учиться год или полтора, что они через год могут выйти уже настоящими спецами»⁵⁶⁹.

Во второй половине 20-х годов в Узбекистане, кроме открытого в 1927 г. в Самарканде Узбекского высшего педагогического института (преобразованного в 1931 г. в Педагогическую академию), специалистов по всем необходимым республике профессиям готовило одно высшее учебное заведение – Среднеазиатский государственный университет (САГУ). Несмотря на материальные трудности, сложности с комплектованием контингента, число его студентов постепенно росло. В 1925 г. оно увеличилось в 2 раза, по сравнению с первым годом его работы, и составило 2852 человека, в 1927 г. в нем обучалось уже 3657, 1928 г. – 3949 человек⁵⁷⁰. Росло и число преподавателей. Если в 1920 г. их было 170 человек, в том числе 43 профессора, то в 1927 г. – уже 265 человек, в том числе 65 докторов наук и профессоров и 85 кандидатов наук и доцентов⁵⁷¹. В конце 20-х годов университетом были подготовлены первые специалисты с высшим образованием из местных национальностей Т. Кары-Ниязов, А. Аскарлов, Н. Исмаилов, Т. Захидов, И. Исламов, А. Шамсиев, З. Саиднасырова⁵⁷².

Но в целом из-за целого ряда объективных и субъективных причин число выпускников было все еще очень незначительным. В 1925 г. (это был год, когда университет окончили студенты первого набора 1920 г.) было выпущено 149 специалистов, в 1927 г. – 261, 1928 г. – 250, 1929 г. – 398⁵⁷³. Очень медленно решалась задача подготовки специалистов из молодежи коренных национальностей. В 1925 г. в САГУ занималось 157 студентов коренных национальностей (5,5% всего контингента), в 1927 – 253 (6,9%), в 1928 – 319 (8,1%). Для решения этой проблемы, начиная с 1928/29 учебного года, при всех факультетах вузов и техникумов стали создаваться подготовительные курсы для молодежи коренных национальностей (в 1930 г. они были преобразованы в подготовительные отделения с дневным и вечерним обучением). В результате в 1929 г. студенты коренных национальностей

---

⁵⁶⁹ Ходжаев Ф. Избранные труды. Том II. – С. 336.

⁵⁷⁰ Средняя Азия в цифрах. – С. 278.

⁵⁷¹ Университет в цифрах. – С. 12.

⁵⁷² Валиев А. Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии. – Т., 1966. – С. 114.

⁵⁷³ ГА г.Ташкента, ф. 38, оп. 1, д. 263, лл. 10-12.

среди зачисленных на первый курс САГУ составили почти 1/5 часть набора, а среди студентов, принятых в 1930 г., их было уже 37,5%⁵⁷⁴.

Помимо высококвалифицированных специалистов в этот период в республике подготавливались и специалисты среднего звена. В 1925 г. в Узбекистане функционировало 34 средних специальных учебных заведения, в которых обучалось около 5 тыс. учащихся, в 1929 г. было уже 46 техникумов, в том числе 4 индустриальных, 11 сельскохозяйственных, 3 социально-экономических, 24 педагогических, 3 медицинских, 1 художественный. В них обучалось 8,5 тысяч учащихся, среди которых 28% составляла молодежь в возрасте 16-18 лет, 28% – 18-19 лет, 18,7% – 20-22 года, остальные учащиеся были более зрелого возраста⁵⁷⁵.

Во второй половине 20-х годов продолжало действовать «выдвиженчество», как путь пополнения советской интеллигенции, работающей в административном аппарате, для которой, по мнению партии, в силу сложившихся в тот период специфических политических условий, главенствующее значение имела не степень образования, а социальное происхождение. «Выдвиженчество» особенно активизируется после принятия 7 марта 1927 г. постановления ЦК ВКП(б) «О задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат», обязывающее партийные и профсоюзные организации улучшить эту работу и оказывать выдвиженцам необходимую помощь. Уже в 1927 г. в республике было выдвинуто на руководящую работу 202 рабочих местных национальностей, в 1928 г. – 268. Но большинство из этих выдвиженцев, как и в начале 20-х годов, имело крайне низкий образовательный уровень. Такие специалисты, отмечает профессор Д. Алимова, «часто создавали иллюзию решения проблемы, а на деле приводили к разжижению интеллигенции малоквалифицированными людьми, способствовали консервации таких нежелательных явлений, как некомпетентность, грубость, бюрократизм, конформизм и т.п.»⁵⁷⁶

Правда, нельзя отрицать тот факт, что в числе выдвиженцев были талантливые и упорные люди, которые, пройдя путь практической работы, самообразования, учебы без отрыва от производства, стали крупными компетентными руководителями. Многие из них закончили высшие учебные заведения, стали дипломированными специалистами и действительно пополнили ряды интеллигенции республики. Например,

---

⁵⁷⁴ Ташкентский государственный университет. 1920-1970 гг. – Т., 1970. – С. 52.

⁵⁷⁵ Подготовка кадров в СССР. – М., -Л., 1933. – С. 64-65.

⁵⁷⁶ Алимова Д. История как история, история как наука. Том 1. – С. 228.

Карим Балтаев (народный комиссар земледелия Узбекистана), Убайдулла Рузыбаев (ректор Узбекской высшей сельскохозяйственной школы), Акбар Исламов (народный комиссар финансов Узбекистана), Джурабек Тюробеков (заместитель председателя правительства республики) и мн.др.⁵⁷⁷

Выпускники вузов и техникумов, руководители административного аппарата из выдвиженцев постепенно увеличивали число советской интеллигенции, но ее качественный уровень был не высоким. Его определяли малограмотные, без опыта практической работы руководители-выдвиженцы, а также слабые знания специалистов, оканчивающих советские высшие и средние учебные заведения, обусловленные классовым принципом формирования их контингента, экспериментированием учебного процесса, бедной материальной базой высшей школы. Именно этими факторами, а не происками «врагов народа», объяснялись многочисленные просчеты и ошибки в проектных, сметных и монтажных работах, срывы сроков завершения строительства новых объектов, низкое качество выпускаемой продукции и другие негативные явления, имевшие место в народном хозяйстве республики в этот период⁵⁷⁸. Но даже и таких слабых специалистов в общем составе населения республики было очень мало, и новая советская интеллигенция не могла играть сколько-нибудь значительной роли в жизни общества, влиять на его поступательное развитие.

Таким образом, во второй половине 20-х годов структура общества Узбекистана под воздействием практики социалистического строительства переживала сложные трансформации. В процессе монополизации советской властью экономики страны происходили изменения в соотношении социальных сил.

Неуклонно росла численность советского рабочего класса и советской интеллигенции. Но, несмотря на их привилегированное положение в государстве, этот процесс проходил медленно и трудно. К концу 20-х годов промышленные рабочие в Узбекистане, несмотря на усилия советского правительства, также как и в начале 20-х годов, не являлись лидирующей силой общества. Они не стали еще в полной мере носителями новых производственных отношений и новой пролетарской идеологии, были слабо консолидированы, в их составе все также было мало представителей коренного населения, много

---

⁵⁷⁷ См.: Революцией призванные. Биографические очерки. Вып.2. – Ташкент. 1991.

⁵⁷⁸ См.: Ходжаев Ф. Избр. труды. Том II. – С. 533-534.

неквалифицированных работников. Попытки партии искусственно стимулировать их политическую активность отрицательно сказывались на эффективности производства и на состоянии психологического климата в рабочих коллективах. Миграция населения, с помощью которой государство стремилось решить кадровую проблему для развивающейся республиканской промышленности, создавала социальную напряженность в обществе, способствовала росту безработицы в республике. Особенно страдало от этого коренное население, которое, имея низкую квалификацию, постоянно находилось на грани потери работы.

Новая советская интеллигенция жестко формировалась как «рабоче-дехканская», что отрицательно сказывалось на ее качественном уровне. Слабым был ее внутренний состав. В нем было мало женщин, сельской интеллигенции, отраслевых специалистов, но очень много административных работников, большинство из которых были малообразованными или вовсе не образованными выдвиженцами. Поэтому к концу 20-х годов новая интеллигенция не соответствовала потребностям советского государства, переходящего к развернутому строительству социализма.

Сложные трансформационные процессы происходили во второй половине 20-х годов и в составе тех социальных страт, которые, по твердому убеждению, политического руководства страны, не должны были существовать в советском обществе.

С переходом к рыночным отношениям в известной мере стабилизировались позиции городских собственников – ремесленников, кустарей, торговцев, мелких землевладельцев и наметилась четкая тенденция их социального развития. Обладая небольшой собственностью (лавка, земля, мастерская, дом) или небольшим оборотным капиталом, обеспечивающим им личную независимость, а также хорошими профессиональными навыками, они становятся в этот период экономически активной, инициативной частью населения, нужной обществу социальной силой. В кишлаке также стабилизировались позиции дехкан-единоличников, особенно середняков, чему в известной мере способствовала земельно-водная реформа 1925-1927 гг. Эти процессы в городе и в кишлаке обуславливали – высокая конъюнктура спроса на продукты труда свободных производителей и возможности свободного предпринимательства, разрешенного нэпом.

Но советская власть вела неуклонное наступление на эти

частнособственнические социальные страты, не вписывающиеся в ее концепцию новой структуры общества. В этот период сильно сокращается численность духовенства, квалифицированных специалистов, занимающихся частной практикой, идет массированное наступление на частника в торговой сфере, ужесточается налоговая политика, направленная против свободных производителей – кустарей, ремесленников, дехкан-единоличников. Эти меры объяснялись не только тем, что они были нежелательными в советском обществе социальными стратами, но в большей мере тем, что их успешная деятельность мешала партийному пропагандистскому аппарату внедрять в массовое общественное сознание идею о преимуществах социалистической системы. Государственная торговля проигрывала частнику, дехкане единоличники жили лучше, чем колхозники, а ремесленники и кустари, работавшие самостоятельно, лучше, чем объединенные в кооперативы, старая буржуазная интеллигенция была более профессионально подготовлена, чем новая «рабоче-дехканская» интеллигенция.

Осуществляемая административными мерами, искусственная перегруппировка классовых сил – борьба за ликвидацию частника в промышленности, сельском хозяйстве, торговле – происходила в условиях, когда государственный сектор не мог обеспечить население всеми необходимыми товарами и продуктами. Это создавало в стране товарный дефицит, соответственно обуславливало рост цен и нарастание в обществе, помимо экономических, серьезных социальных проблем.

ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ ПОСЛЕ ДЕКЛАРАЦИИ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР

5.1. Окончательная ликвидация традиционных социальных страт региона и укрепление новых

Монополизация советской властью экономики страны во второй половине 20-х годов XX в. обеспечила практически полное утверждение социалистического уклада в промышленности. Дальнейшее развитие этого процесса в других сферах приходило в противоречие с практикой свободных рыночных отношений. Поэтому в конце 20-х годов государство, широко используя командно-административные методы, усиливает свою регулирующую роль во всех отраслях народного хозяйства, приступает к ликвидации основных принципов новой экономической политики.

XVI съезд ВКП(б) летом 1930 г. торжественно провозгласил о вступлении советского общества в новый этап развития – этап развернутого наступления социализма по всему фронту и положил тем самым начало активным действиям против частного капитала и частного предпринимательства. И если в 20-е годы государство проводило политику их подчинения своему регулирующему влиянию, то в 30-е годы оно переходит к их полному вытеснению из экономики, а следовательно к ликвидации продуктивно действующих самостоятельно хозяйствующих субъектов. Это объяснялось не только тем, что для утверждения позиций советской власти надо было убрать из структуры советского общества эти социальные страты и группы, чуждые социалистической идее, но также и тем, что в этот период они, выполняя в обществе те функции, в которых государство никак не могло занять решающих позиций (торговля, производство продуктов и товаров широкого потребления), стали фактором, дезорганизующим экономическую и политическую ситуацию в стране. Это обусловило окончательное уничтожение традиционной социальной структуры старого общества. Движущей силой в этом процессе у тоталитарного советского государства, по определению политолога С. Кара-Мурзы, была «массовая страстная воля выполнить признанную необходимой задачу, не считаясь ни с какими жертвами, под лозунгом «железной

рукой к светлому будущему»⁵⁷⁹.

Репрессивная экономическая политика и административная практика против частнособственнических элементов к концу первой пятилетки официально завершилась «победой сил социализма над силами капитализма». В январе 1933 г. партия торжественно провозгласила, что в стране «решен основной вопрос «кто-кого», решен в пользу социализма против капиталистических элементов города и деревни»⁵⁸⁰. Эта декларация была принята всеми за аксиому. В марте 1933 г. в журнале «Социалистическое строительство в Средней Азии» было опубликовано, что в социальной структуре городского населения региона «нетрудовых элементов» нет.

Но это было только декларативное заявление о желаемых властью результатах. В реальности все было намного сложнее. К этому времени действительно практически полностью были ликвидированы как социальная страта только «лица, живущие за счет наемного труда» (владельцы небольших промышленных предприятий, крупных кустарно-ремесленных мастерских и магазинов). Но оставались еще, так называемые, «деклассированные элементы» – лица, выброшенные новым строем из различных социальных слоев и оставленные им без работы, а потому ведущие «нетрудовой образ жизни» – бывшие чиновники, «буржуазная интеллигенция», разорившиеся кустари, ремесленники, торговцы и т.д. Помимо них, государство считало также «нетрудовыми элементами» духовенство, мелких торговцев вразнос, домовладельцев, сдающих квартиры в наем. В 1926 г. в республике их было официально учтено почти 24 тыс. человек (7,6% самостоятельного населения). И заявление, что все они были полностью ликвидированы за такой небольшой исторический срок, когда еще не было практики массовых репрессий среди населения, было явным обманом. Жилищная перепись населения Ташкента, проведенная в апреле-мае 1932 г., показала, что в структуре его населения «нетрудовые элементы» насчитывали 4397 человек⁵⁸¹ и составляли 2,6% его самостоятельного населения. Более того, их число, по сравнению с данными переписи 1926 г., увеличилось в 3,6 раз (в 1926 г. их было 1230 человек с удельным весом в 1%⁵⁸²). Были «нетрудовые элементы» в Узбекистане и в конце 30-х годов. По данным переписи 1939 г. они составляли 0,5%

---

⁵⁷⁹ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 1. – М., 2001. – С. 211.

⁵⁸⁰ КПСС в резолюциях ... Том 5. – С. 72.

⁵⁸¹ Жилищная перепись г. Ташкента 1932 года. Вып. 1. Население. – Т., 1933. – С. 40.

⁵⁸² Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 145.

всего его населения⁵⁸³, то есть почти 32 тыс. человек.

Самыми быстрыми темпами в начале 30-х годов вытеснялись частнособственнические элементы из экономического пространства республики в сфере торговли, где у государства было больше возможностей осуществлять свой контроль и регулирование. Очень помогла в этом, введенная в стране в 1928 г., карточная система снабжения населения. С 1930 г. ликвидацией частных капиталов в торговле и лиц, живущих на нетрудовые доходы, стали заниматься, специально создаваемые, рабочие бригады. Они проводили в городах национализацию еще оставшихся небольших частных торговых лавок, собственных домов, выселяли из муниципализированных и национализированных домовладений лиц «нетрудовых категорий», доход которых превышал 3 тыс. руб. в год. И все же частник в среднеазиатском регионе продержался в торговле более длительное время из-за плохой организации государством снабжения населения продуктами питания и промышленными товарами, а также за счет наличия у него сильных корней и поддержки населением его деятельности. Если в центральных районах страны в 1930 г. доля частного капитала в общем товарообороте составляла 5,6%⁵⁸⁴, то в Узбекистане – 22,9%⁵⁸⁵. Но в начале 1932 г. частная торговля и в Узбекистане составляла уже только 0,3%⁵⁸⁶ от общего товарооборота. В мае 1932 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР, запретившее в стране частную торговлю⁵⁸⁷. Стационарная сеть частной торговли была полностью уничтожена, что и подтвердила жилищная перепись населения г. Ташкента 1932 г. Но еще довольно длительное время на базарах нелегально велась мелочная торговля в разнос. Правительство республики располагало сведениями, что в 1933 г. они занимали 5% в розничной базарной торговле⁵⁸⁸. Но, ликвидировав частника, государство не решило до конца всех проблем торговли в этот период. Организовав снабжение населения промышленными товарами через рабочие кооперативы, созданные в системе потребительской кооперации (реорганизованные затем в отделы рабочего снабжения), оно так и не смогло наладить через государственную сеть его снабжение

---

⁵⁸³ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР. – М., 1962. – С. 46.

⁵⁸⁴ 40 лет советской торговли. – М., 1957. – С. 6.

⁵⁸⁵ Районы Уз ССР в цифрах. – С. 308.

⁵⁸⁶ Узбекистан за XV лет. Стат. сб. – Т. 1939. – С. 67.

⁵⁸⁷ СЗ СССР, 1932, №38, Ст. 233.

⁵⁸⁸ НА Уз, ф.Р-837. оп. 11. д. 132. л. 15.

сельхозпродуктами. В 1934 г. в их реализации на базарах доля государства и кооперации составляла всего 2%, колхозов – 17,6%, а остальные 80,4% продукции реализовывали частные производители⁵⁸⁹.

В 30-е годы государство продолжало свою активную политику по ограничению возможностей самостоятельной работы кустарей и ремесленников. Оно жестко ограничивало выдачу кредитов, сырья, сбыт готовой продукции, насильно загоняло их в кооперативы, сокращало пространство их деятельности строительством крупных промышленных предприятий в тех отраслях, где они были преимущественно заняты – швейной, текстильной, кожевенной. В 1932 г. в Ташкенте число ремесленников и кустарей, по сравнению с 1926 г., уменьшилось с 10820 человек до 3916 человек, то есть почти на 2/3, их удельный вес упал с 9,5% до 2,3%. Из них 45,7% были уже членами промысловых артелей, но 9,5 тыс. все еще сопротивлялись нажиму государства, оставаясь независимыми производителями⁵⁹⁰. В целом же кооперирование кустарного производства в республике продвигалось медленно. В 1931 г. было кооперировано 40 тыс. человек, причем только 17,5 тыс. (меньше половины) работали в общих мастерских, остальные по-прежнему работали в одиночку или со своей семьей по домам⁵⁹¹. За два последующих года число кооперированных кустарей увеличилось всего на 2 тыс. и составило в 1933 г. 42 тыс.⁵⁹², хотя по расчетам составителей второго пятилетнего плана предполагалось, что будет кооперировано 88 тыс.⁵⁹³. Более того, в 1934 г. их число резко уменьшилось, так как государство ухудшило обеспечение кооператоров продовольствием и резко сократило снабжение сырьем, предложив перейти работать только на местное сырье. Естественно, это сразу же вызвало резкий отток из кооперативов 26,7 тыс. человек⁵⁹⁴. Оставшиеся артели, создаваемые по классовому принципу, в большинстве своем, как и прежде, были бедные и маломощные, число зажиточных членов в них неуклонно сокращалось. В 1930 г. в кооперативах республики 85% составляли бедняки и только 0,2% зажиточные кустари и ремесленники. В 1931 г. зажиточные

---

⁵⁸⁹ Экономическая история советского Узбекистана (1917-1965). – Т., 1966. – С. 138.

⁵⁹⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XXXII. – С. 135-145; Жилищная перепись г.Ташкента 1932 года. Вып 1. – С. 38-40. (Подсчеты автора).

⁵⁹¹ НА Уз, ф.Р-1619, оп. 12, д. 48, л. 80.

⁵⁹² Там же, ф.Р-1619, оп. 12, д. 178, л. 39.

⁵⁹³ Там же, ф.Р-303, оп. 1, д. 42, л. 109.

⁵⁹⁴ НА Уз, ф.Р-382, оп. 1, д. 1397, л. 15.

составляли 0,1%, а в 1932 г. их уже не было ни одного⁵⁹⁵. К 1937 г. число членов промысловой кооперации республики хоть и выросло до 42 тыс., но достигло практически только уровня 1933 г.⁵⁹⁶ Но и это была всего 1/3 часть общего числа кустарей, остальные 2/3 продолжали работать самостоятельно. Постепенно разоряясь под давлением государства, они уходили в кишлаки или поступали чернорабочими в невыгодные условия труда на промышленные предприятия. К 1939 г. в республике осталось всего 33,3 тыс. этих свободных производителей. Как самостоятельная социальная страта они практически перестали существовать.

В 30-е годы советское государство закончило уничтожение и той небольшой части «буржуазной» независимой интеллигенции, которая пыталась жить и работать вне государственной службы. И если в составе населения Ташкента в 1926 г. их было 673 человека, то к 1932 г. осталось всего 29 человек (в том числе 14 были членами кооперативов и только 15 нигде официально не служили)⁵⁹⁷. По данным переписи 1939 г., «лиц свободных профессий», то есть независимых интеллигентов в Узбекистане уже не было.

В начале 30-х годов в городах республики исчезло мусульманское духовенство как самостоятельная социальная страта, для которой отправление религиозных культов было источником средств существования. Повсеместно закрывались мечети, их здания, многие из которых представляли великолепные памятники национальной архитектуры, использовались под клубы, склады, гаражи, конюшни. Но насильственное внедрение атеизма не привело к исчезновению верующих. Перепись 1937 г. не зафиксировала в СССР полного атеизма - 57% населения записали себя верующими. По имеющимся на сегодняшний день в распоряжении исследователей материалам этой переписи, в стране в целом на 6 января 1937 г. среди 55 млн. 277,5 тыс. верующих было 8 млн. 256,5 тыс. верующих мусульман (они составляли 15% от общего числа верующих). При чем характерно, если среди православных процент верующих по возрастным группам увеличивался от младших к старшим, то среди

---

⁵⁹⁵ Там же, ф.Р-287. оп. 1, д. 242, л. 52.

⁵⁹⁶ Там же, ф.Р-382. оп.1, д. 1397, л. 15.

⁵⁹⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. том XXXII. – С. 145; Жилищная перепись Ташкента 1932 г. – С. 44.

мусульман он был равномерным по всем возрастам⁵⁹⁸. Это свидетельствовало о том, что воспитание в мусульманской семье, как и прежде, оставалось традиционно религиозным.

Конец 20-х начало 30-х годов были в истории республики периодом полного уничтожения еще одной, при этом самой многочисленной, страты самостоятельных производителей старой социальной структуры – дехкан единоличников. Для партии было совершенно неприемлемым дальнейшее развитие сельского хозяйства на основе укрепления этого источника воспроизводства классового врага социалистического общества – богатого хозяина–бая. Поэтому, в конце 20-х годов, когда в центральных районах страны возникли трудности с выращиванием товарного хлеба в мелких крестьянских хозяйствах, а в среднеазиатском регионе встала проблема земли для наделения почти 400 тыс. дехканских хозяйств, не получивших землю в ходе земельно-водной реформы, партийное руководство заявило, что мелкотоварное единоличное крестьянское хозяйство исчерпало ресурсы своих возможностей, что у них нет будущего, и дальнейшее развитие сельского хозяйства могут обеспечить только коллективные хозяйства. Эту задачу выполнила сплошная коллективизация сельского хозяйства, провозгласив которую на XV съезде ВКП(б) советское тоталитарное государство занялось в Узбекистане социалистическим конструированием кишлака. «Массовая коллективизация, - отмечает Р.Х. Аминова, - покончила с нэпом в то время, когда его преимущества еще только начали реализовываться»⁵⁹⁹.

1929 г., названный советской властью «годом великого перелома», стал точкой отсчета истребления дехкана-хозяина и труженика. «Начало коллективизации, – пишет Дж. Уиллер, – означало конец аграрным реформам советской власти... Разрушив традиционную систему земельных отношений и водных прав, советский режим подрубил самые корни мусульманского общества»⁶⁰⁰. Коллективные хозяйства по своему социально-экономическому содержанию являлись отрицанием единоличного частнособственнического хозяйства. Вступая в колхоз, дехканин отказывался от права на свою землю и средства производства, что было для него, помимо экономической

---

⁵⁹⁸ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. – М., 1996. – С. 100-102.

⁵⁹⁹ Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации в Узбекистане. – Т., 1995. – С. 18.

⁶⁰⁰ Wheeler G. Op. cit. – P. 136,

потери, еще и глубоко психологической драмой. С. Айни в романе «Рабы» образно описал мучительные сомнения середняка Садыка перед вступлением в колхоз: «Если я дам в колхоз 20 танапов хорошей земли, а уважаемый Нор-Мурад четыре танапа плохой земли, при сборе урожая мы получим равные части?»⁶⁰¹ Такие сомнения одолевали дехкан потому, что местные органы власти плохо разбирались в основах колхозного строительства и не могли внести ясность в спорах дехкан, вступивших в колхозы, о принципах распределения будущих доходов.

Сплошная коллективизация в Узбекистане без особой к тому необходимости проводилась ускоренными темпами. Она не была результатом массового добровольного вступления дехкан в колхозы, а была насильственной акцией – трагедией узбекского кишлака, который не был готов к ней ни экономически, ни психологически. Одновременно со сплошной коллективизацией была начата кампания по «ликвидации кулачества как класса». Процессы эти были взаимосвязаны между собой. Раскулачивание должно было дать материальную базу для создаваемых колхозов, так как имущество раскулаченных передавалось в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов батраков и бедноты и выражалось в значительных суммах (за период с конца 1929 г. до середины 1930 г. оно было оценено в 175 млн. руб.⁶⁰²). Под удар этой политики в Узбекистане попали в основном середняки, ибо крупные баи были ликвидированы еще в первые послереволюционные годы, а также в ходе земельно-водной реформы 1925-1927 гг. и к началу 30-х годов их не было не только как целого «класса», но даже и как значительной социальной страты. Раскулачивали и ликвидировали оставшихся зажиточных баев, а в основном крепких середняков, составлявших в этот период прочную экономическую основу экономики узбекского кишлака. Как пишет Р.Х. Аминова, «раскулачивали людей, которые когда-то стали хозяевами земли и жили, трудясь на этой земле... Раскулачивали за то, что их предки были глубоко верующими людьми и за то, что выражали свое отношение к действиям властей, и за свое происхождение»⁶⁰³. Проводилась эта кампания чрезвычайно жесткими мерами. Раскулаченных лишали имущества, выселяли на неудобные земли и

---

⁶⁰¹ Айни С. Рабы. Собр. соч. Том 2. – М., 1974. – С. 350.

⁶⁰² Шамсутдинов Р. Ўзбекистонда советларнинг кулоқлаштириш сиёсати ва унинг фожиали оқибатлари. – Т., 2001. – Б. 64.

⁶⁰³ Аминова Р. Коллективлаштириш – кишлоқлаштириш демак.//Шарқ Юлдузи. 1992. 12 сон. – Б. 185..

даже за пределы республики⁶⁰⁴. Выселялись и лишались земли и средств производства крепкие дехкане, умеющие вести свое хозяйство, знающие землю и умеющие на ней работать. Это лишнее подтверждается таким фактом – хозяйства зажиточных дехкан, выселенных на богарные земли, по словам главы правительства Ф. Ходжаева, в начале 30-х годов «обеспечили значительный успех в развитии богарной проблемы в республике». Их стараниями богарные площади выросли в 1930 г. на 55 % и значительно увеличилась урожайность богарной пшеницы. В Ташкентском округе, например, она выросла в 1930 г. по сравнению с 1927 г. в 2 раза – с 20,1 пудов с гектара до 44,1 пудов с гектара⁶⁰⁵.

Оставшиеся еще вне колхозов дехкане-единоличники в начале 30-х годов находились под особенно сильным прессингом государства. Помимо административного давления сверху, оно создавало для них через систему прогрессивного налогообложения экономические условия, при которых становилось просто невозможным их самостоятельное развитие. Например, в 1930 г. сельхозналог был дифференцирован так: для бедных хозяйств – 2 руб. 13 коп., для середнячков – 14 руб. 80 коп., для кулацких – 264 руб. 69 коп.⁶⁰⁶ Едиличные хозяйства в этот период, помимо сельхозналога, который систематически увеличивался, платили еще налог на местные нужды («самообложение»), налог на хозяйственное и культурное строительство («культсбор»), в 1932-1934 гг. взимался «единовременный налог на единоличников», завуалированной формой налога было обязательное окладное страхование. Во многих хозяйствах ситуация складывалась так, что дехканину нужно было заплатить сумму налогов, значительно превышающую весь годовой доход хозяйства⁶⁰⁷. При взимании всех налогов и платежей в кишлаке государство строго выдерживало «классовый подход», при котором хозяйства, платившие

---

⁶⁰⁴ См.: Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. В 5-ти томах. – М., 1999-2006; Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. 1929-1955. Документы и материалы. В 3-х томах. – Т., 2006; Шамсутдинов Р. Ўзбекистонда советларнинг кулоклаштириш сиёсати ва унинг фожиаи оқибатлари. - Т., 2001; Его же. Истиклол йўлида шахид кетганлар. Т., 2001; Его же. Қишлоқ фожиаи: жамоатлаштириш, кулоклаштириш, сургун (Ўрта Осиё республикалари масолида). - Т., 2003; Шамсутдинов Р., Мамажонов А. Шимолий Кавказ сургундаги юртдошлар қисмати. - Т., 2005.

⁶⁰⁵ Ходжаев Ф. Избр. труды. Том II. – С. 593.

⁶⁰⁶ Шамсутдинов Р. Ўзбекистонда советларнинг кулоклаштириш сиёсати ва унинг фожиаи оқибатлари. – Б. 77.

⁶⁰⁷ НА Уз, ф.Р- 90. оп. 1, д. 3544, лл.76-85.

большую сумму, должны были платить ее раньше всех и всю сразу, тогда как другие менее состоятельные хозяйства имели право платить налоги частями. То есть вся налоговая политика начала 30-х годов была построена так, чтобы поставить сопротивляющихся коллективизации единоличников в безвыходное положение. Откровенное насилие и непомерные налоги практически загнали их в колхозы. К концу 1932 г. в Узбекистане коллективизацией было охвачено 81,7% дехканских хозяйств и 68,1% посевных площадей, к концу 1937 г. – 95% дехканских хозяйств и 99,4% посевных площадей⁶⁰⁸.

Оценивая пагубные последствия коллективизации для узбекского дехканина, Р.Х. Аминова в своей последней работе писала: «Коллективизация привела крестьян к отчуждению от земли, с которой они были связаны тысячами нитей и чутко чувствовали ее. С обобществлением они утратили эти качества, потому что считали землю ничьей. Дехкане, объединенные насильственно в колхозы, не были заинтересованы в участии в общественном производстве, в повышении производительности труда»⁶⁰⁹. Дехкане – независимые производители-собственники – в начале 30-х годов перестали существовать как самостоятельная социальная страта. Превращение в новый советский класс – колхозное дехканство поставило их в жесткую зависимость от государства, лишило политической и экономической свободы.

Завершая в 30-е годы разрушение старого общества, уничтожая социальные слои, являвшиеся носителями производственных навыков, культуры, традиций, духовных ценностей узбекского народа, советское государство всемерно укрепляло свои новые социальные страты, составляющие экономическую и интеллектуальную основу его социальной структуры – рабочих и интеллигенцию.

В результате выполнения партийной программы индустриального развития, для которой советское государство в ущерб развитию других отраслей народного хозяйства максимально мобилизовало все ресурсы страны, в индустриальной сфере Узбекистана в 30-е годы произошли значительные изменения. Если в 1928 г. удельный вес тяжелой промышленности в общем объеме его промышленного производства составлял 3,3%, легкой – 75,7%, пищевой – 21%, то к началу 1933 г. удельный вес тяжелой промышленности увеличился до 8,4%, пищевой – до 21,8%, а легкой

---

⁶⁰⁸ Узбекистан за XV лет. – С. 49.

⁶⁰⁹ Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации в Узбекистане. – С. 79.

уменьшился до 69,8%⁶¹⁰. К середине 30-х годов до 19% уменьшилось число сезонно работающих промышленных предприятий, тогда как в 1913 г. они составляли 73%, а на оставшихся срок работы удлинился с 2–3 месяцев до 10 месяцев в году⁶¹¹.

Индустриальные достижения обусловили количественные и качественные изменения в составе рабочих. Само понятие «рабочий» стало более однородным, полностью исчезли наемные рабочие, занятые в частном секторе. Но из-за отсутствия четких критериев в категорию «рабочий» включали всех занятых физическим трудом, причем не только на промышленных предприятиях, но и в учреждениях (дворников, сторожей, почтальонов, вахтеров, уборщиц, истопников, курьеров и др.). Поэтому, по данным официальной статистики, в 1933 г. в республике было 424,9 тыс. рабочих⁶¹².

Развитие отраслей тяжелой промышленности обусловило увеличение числа занятых в ней рабочих. В 1934 г., по сравнению с 1928 г., в топливдобывающей и горнорудной отраслях оно выросло в 8 раз (с 879 человек до 7126), в металлообрабатывающей – в 6,5 раз (с 1244 человек до 8134)⁶¹³. Более низкие темпы роста (только в 2 раза) дала легкая промышленность, где взамен старых слабо механизированных, а поэтому трудоемких, часто полукустарных заведений создавались новые технически более оснащенные предприятия с более высокой производительностью труда. В итоге их стало намного меньше, что и обусловило сокращение числа занятых на них рабочих. Причем, такой процесс был характерен для хлопкоочистительной, шелкообрабатывающей, маслобойно-мыловаренной отраслей, в которых была занята большая часть рабочих коренных национальностей⁶¹⁴. Это и определило тенденцию развития национального состава промышленных рабочих в республике в 30-е годы. По данным партийных органов, удельный вес промышленных рабочих коренных национальностей за период с начала 1929 г. до конца 1932 г. увеличился с 44% до 51%⁶¹⁵, но за последующие 2 года, в силу указанных выше причин, он снизился до 49,7%⁶¹⁶. В материалах, подготовленных ЦК КП(б)Уз в 1934 г. к VI съезду, приводятся

---

⁶¹⁰ Узбекистан за XV лет. – С. 33.

⁶¹¹ НА Уз, ф.Р-837, оп. 12, д. 362, л. 122.

⁶¹² Узбекистан за XV лет. – С. 71.

⁶¹³ НА Уз, ф.Р-1619, оп. 12, д. 179, л. 72.

⁶¹⁴ Там же.

⁶¹⁵ Материалы к отчету ЦК КП(б)Уз к VI парткурултаю. – С. 15

⁶¹⁶ Краткий стат. сборник УзССР. – Т., 1936. – С. 113.

сведения, что рабочие коренных национальностей в 1933 г. составляли среди квалифицированных рабочих в энергетической отрасли 32,6%, нефтяной – 30%, металлообрабатывающей – 11,9%, а среди неквалифицированных в тех же отраслях соответственно 54%, 55%, 64%. В легкой промышленности ситуация была немного лучше: среди квалифицированных рабочих они составляли 53%, среди неквалифицированных – 53,3%. Но, как отмечалось в этих материалах, «в целом по всем отраслям промышленности работа по повышению квалификации рабочих коренных национальностей была поставлена явно неудовлетворительно»⁶¹⁷.

Изменился в 30-е годы и гендерный состав промышленных рабочих за счет увеличения притока женщин в промышленное производство, особенно с развитием текстильной, шелкообрабатывающей, швейной отраслей. Если в 1930 г. в ценовой промышленности они составляли 20% всех рабочих, то в 1932 г. – 28,2%, а в 1934 г. – 34,5%. Динамику роста численности женщин среди рабочих легкой промышленности и ее основных отраслей показывает следующая таблица.

Таблица 8.⁶¹⁸

Численность женщин в отраслях легкой промышленности
 Узбекистана (в %)

	1930 г.	1932 г.	1934 г.
В легкой пром. в целом	49,3	52,0	67,7
В том числе в отраслях:			
• Текстильной	43	45,0	45,5
• Шелкообрабатывающей	67,4	60,0	66,0
• Швейной	47,4	71,7	85,2

В начале 30-х годов происходили значительные сдвиги и в процессе вовлечения в эти промышленные отрасли женщин коренных национальностей. Если в 1930 г. они составляли в них 33% женщин работниц, то в 1934 г. – 40%⁶¹⁹. Правда, последующие 4 года, когда была поставлена задача уже не увеличения числа промышленных предприятий, а повышения их технического оснащения и

⁶¹⁷ Материалы к отчету ЦК КП(б)Уз к VI парткурулгаю. – С. 15,16.

⁶¹⁸ Показатели по труду в республиках Средней Азии. Диаграммы XXIV, XXV; ЦГА РУз, ф. Р-1619, оп. 12, д. 179, лл. 70-71.

⁶¹⁹ НА Уз, ф. Р-1619, оп. 12, д. 179, лл. 70-71.

производительности труда, рост численности женщин-работниц в промышленном производстве республики приостановился, а затем появилась тенденция к сокращению и их числа, и их удельного веса. В 1937 г. женщины составляли в общем числе промышленных рабочих республики 32,6%⁶²⁰.

Отличительной чертой процесса формирования промышленных рабочих в Узбекистане в 30-х годах была их активная консолидация. Большие рабочие коллективы становятся прерогативой не только предприятий тяжелой промышленности, но и легкой. Например, в 1931 г. на Ферганском маслобойном заводе работало 1886 рабочих, на Ферганской шелкомотальной фабрике – 1486, Самаркандской шелкомотальной фабрике – 998, Бухарской шелкомотальной фабрике – 742, Ташкентской швейной фабрике «Красная Заря» – 993, Андижанском маслобойном заводе – 770 рабочих⁶²¹ и т.д. В 1933 г. 87,2% промышленных рабочих было занято на ценовых предприятиях и только 12,8% работали на мелких предприятиях.

Но большая часть этих рабочих коллективов, особенно в легкой промышленности, имели небольшой стаж совместной работы, так как в основном были пущены в эксплуатацию в 1930-1933 гг. Они, хотя и концентрировали в одном месте большое число рабочих, но не имели сложившихся рабочих традиций, духа «пролетарской солидарности и сознательности» и потому не могли играть значительной воспитательной роли в своем коллективе, а тем более быть активными проводниками идей партии в массах. Ситуация усугублялась еще и тем, что после 1930 г., когда было официально объявлено о полной ликвидации в стране безработицы, сузилась их источниковая база внутри республики. Государство перекрыло такой стабильный источник заполнения рабочих мест рабочими нужных профессий, как зарегистрированные на биржах труда безработные, которые преимущественно состояли из квалифицированных рабочих, имеющих производственные навыки и производственный стаж.

Основными внутренними источниками пополнения промышленных рабочих в 30-е годы по-прежнему оставались в основном дехкане, в меньшей мере разоряющиеся кустари, а также женщины и подростки. По данным выборочного обследования Народного комиссариата труда республики, проведенного в 1932 г.,

---

⁶²⁰ Узбекистан за XV лет. – С. 98.

⁶²¹ Средняя Азия в цифрах. – С. 115-122.

31,4% промышленных рабочих составляли бывшие дехкане, 21,3% – представители несамостоятельного городского населения (женщины, подростки), 6,5% – ремесленники и кустари⁶²². Однако к середине 30-х годов приток дехкан в город постепенно начинает уменьшаться из-за введения в 1932 г. паспортной системы и увеличивающегося дефицита квалифицированных кадров.

Большое количество новых рабочих из непролетарских слоев, вливающих в не устоявшиеся рабочие коллективы новых промышленных предприятий, негативно отражалось на их работе. В 30-е годы значительно усиливается текучесть рабочих кадров. Это хорошо видно на примере Ташкентской швейной фабрики «Красная Заря» и Ташкентского завода сельскохозяйственного машиностроения.

Таблица 9.⁶²³

Сведения о принятых и уволенных в 1934-1936 гг.

	1934 г.		1935 г.		1936 г.	
	Принято	Уволено	Принято	Уволено	Принято	Уволено
Таш. швей. ф-ка "Красная заря"	2158	2528	1030	1084	949	970
Ташсельмаш	2300	3250	1812	2137	1300	2100

Причины увольнений были стандартны – низкие заработки, неблагоприятные условия труда и быта, нарушения трудовой дисциплины, прогулы. В результате такой «обновляемости» трудовых коллективов в них был очень слабый постоянный костяк. Например, на фабрике «Красная Заря» в 1935 г. из 1649 рабочих стаж менее одного года имели 50% рабочих, до 3 лет – 23%, от 3 до 5 лет – 20% и только 7% работали на фабрике более 5 лет⁶²⁴.

Чтобы сделать из вчерашних дехкан или кустарей промышленных рабочих в республике в 30-е годы была создана обширная сеть обучающих структур. Однако их результаты были малоэффективны. Сказывались поспешность обучения огромных масс рабочих, его краткосрочность. Определенные трудности имелись в связи с многообразием форм профессиональной учебы рабочих, которые обеспечивали различный уровень подготовки и повышения

⁶²² История рабочего класса Узбекистана. Том 1. – 136.

⁶²³ ГА г.Ташкента. ф.195, оп. 1, д. 14, лл. 10, 15; д. 36, л.11; ф. 203, оп.2, д. 2 л.34.

⁶²⁴ Там же, д. 22. л. 15.

квалификации обучающихся, мешали управлению учебным процессом, организации его материального обеспечения.

Поэтому потребность в квалифицированных рабочих в значительной степени продолжала удовлетворяться за счет приезжих мигрантов. Причем, в 30-е годы их приток принял особенно широкие и нежелательные размеры. Если в середине 20-х годов приезжали специалисты и квалифицированные рабочие по договоренности с дирекцией предприятий для обучения рабочих и оказания помощи в строительстве, пуске и освоении строящихся крупных промышленных объектов, то теперь стали самостоятельно массово приезжать и неквалифицированные рабочие. Так, на строящийся Ташкентский текстильный комбинат только за сентябрь 1934 г. самостоятельно приехало из центра 380 рабочих разной квалификации⁶²⁵. Число рабочих европейцев неуклонно росло, поэтому удельный вес рабочих коренных национальностей постепенно сокращался. Из 33 тыс. рабочих, влившихся в крупную промышленность республики в годы второй пятилетки, рабочие узбеки составляли всего 21,8%⁶²⁶. Как писали западные исследователи, в 30-е годы в Узбекистане шла активная «русификация рабочего класса»⁶²⁷. Ее размеры уже не диктовались хозяйственными потребностями республики, но обостряли в ней демографическую ситуацию, так как вместе с приезжающими рабочими приезжали и члены их семей, численность которых была намного больше, чем самих рабочих. Например, вместе с 864 рабочими, прибывшими в 1933 г. на строительство Ташкентского текстильного комбината, прибыло 2414 членов их семей, а вместе с 286 инженерно-техническими работниками – 810 членов семей⁶²⁸. В республике начали резко расти не только самостоятельная, но и несамостоятельная части населения. Если в 1928 г. рабочие с семьями насчитывали 207,4 тыс. человек, то к 1932 г. их стало в 2 раза больше – 476,8 тыс. человек⁶²⁹, а к 1937 г. их число увеличилось еще на 100 тыс. человек⁶³⁰. Это означало, что возрастала привилегированная часть населения республики, поскольку рабочие и их семьи в ситуации промтоварного и

---

⁶²⁵ ГА г.Ташкента. ф. 231, оп. 1. д. 125. л. 5.

⁶²⁶ Социалистическое строительство в СССР. Стат. ежегодник. – М., 1936. – С. 539.

⁶²⁷ См.: G. Wheeler. The peoples of Soviet Central Asia. – London, 1966; W. Wolsh. Russia and the Soviet Union. – Michigan University press, 1968; M. Riwkin. Russia in Central Asia. New York. London. 1963.

⁶²⁸ ГА г.Ташкента. ф. 231, оп. 1. д. 123, л. 104.

⁶²⁹ Показатели по труду в республиках Средней Азии. – диаграмма XIII.

⁶³⁰ Узбекистан за XV лет. – С. 73.

продуктового дефицита 30-х годов снабжались на особых условиях через отделы рабочего снабжения.

Форсированная индустриализация, как отмечал американский исследователь Х.Динерстайн еще в 50-х годах XX в., «значительно ухудшила материальное положение граждан советской страны»⁶³¹, поскольку она шла за счет уменьшения вложений в сельское хозяйство. К середине 30-х годов номинальная заработная плата рабочих по сравнению с серединой 20-х годов выросла в 5 раз, а стоимость продуктов питания - в 8 раз, снабжение населения продуктами питания и промышленными товарами осуществлялось по карточкам, практически не решалась жилищная проблема, медленно развивалась система коммунального обслуживания, все больше ощущалась разница в оплате труда рабочих в различных отраслях промышленности (среднегодовая зарплата рабочих в отраслях тяжелой промышленности, где преобладали рабочие европейцы, составляла 1126 руб., а в текстильной промышленности, где было больше занято рабочих из коренных национальностей, – 668 руб.⁶³². Все эти факторы ухудшали морально психологическую обстановку в республике, создавали социальную напряженность и не вписывались в схему успешного строительства социализма.

Чтобы сгладить эту ситуацию и нейтрализовать возможные ее негативные проявления, партия направляла устремления трудящихся, и в первую очередь промышленных рабочих, в другое русло, всемерно активизируя их «трудовой энтузиазм». Для этого развивались различные формы социалистического соревнования, организовывались движения рабочих-отличников, «двухсотников», борцов за освоение нескольких профессий, ударников, стахановцев, изотопцев и др. Но реальные успехи всех этих проявлений массового энтузиазма не соответствовали победным сообщениям о них в средствах массовой информации. Поэтому совершенно справедливо Дж. Уиллер подвергал сомнению добровольный характер «трудовой инициативы трудящихся» и реальность ее отдачи, называя все это «фикцией»⁶³³.

В этот период партия продолжала также практику 20-х годов по привлечению рабочих с производства к активному участию в общественной и политической жизни республики вне предприятий. В конце 1931 г. возникла новая форма рабочего контроля над

---

⁶³¹ Dinerstein H. Communism and the Russian Peasant. - Illinois. - 1955. - P. 129.

⁶³² Средняя Азия в цифрах. – С. 150.

⁶³³ Wheeler G. The modern history of Soviet Central Asia. - London. 1966. – P. 190.

государственными учреждениями – «социалистическое совместительство», когда рабочие, не прекращая своей работы на производстве, в свободное время выполняли отдельные функции в управленческом аппарате. Это была очередная нереальная идея создания пролетарского госаппарата волонтаристскими методами, но из-за своей нецелесообразности широкого распространения не получила. Мало практической помощи принесло сельскому хозяйству республики попытка партии решить проблемы колхозного строительства силами промышленных рабочих «двадцатипяти тысячников», а также широким шефством предприятий над кишлаками.

В целом же деятельность партийных и советских органов по укреплению рабочего класса республики в 30-е годы получила определенные положительные результаты: он вырос численно, стал более консолидирован, расширилась его внутриотраслевая и гендерная структуры, внешне он стал более активным. Но негативные аспекты этого процесса 20-х годов остались. Это были - незначительный удельный вес рабочих в обществе, проблемы национального состава; пополнение в значительной мере за счет мигрантов; низкая трудовая дисциплина и большая текучесть; искусственно подогреваемая партийными организациями трудовая и политическая активность.

Параллельно с укреплением советского рабочего класса в 30-е годы в Узбекистане активно продвигался и процесс расширения и увеличения состава советской интеллигенции. Для осуществления курса на форсирование темпов строительства социализма нужны были многотысячные кадры специалистов во всех сферах народного хозяйства, науки, культуры. В 1932 г. республике требовалось почти 15 тыс. специалистов с высшим образованием и 50 тыс. со средним, а имелась только половина этого количества - соответственно 7,5 тыс. и 32,5 тыс.⁶³⁴.

Решалась эта задача в очень сложных политических условиях. В стране шел активный «поиск врагов» и в первую очередь их искали среди думающей части населения – интеллигенции, причем не только творческой, но и административной. Практика приклеивания ярлыков («касымовщина», «бадрединовщина», «худайбергеновщина») к наиболее активным и занимающим видные должности инакомыслящим интеллигентам и их соратникам, создание вокруг них широкой пропагандистской кампании «протестов общественности», организация

---

⁶³⁴ Узбекистан во вторую пятилетку. (1933-1937). – С. 110.

показательных судебных процессов, чистки аппарата, а затем и аресты были широко распространены в первой половине 30-х годов.

Была репрессирована и расстреляна элита национальной культуры, известные поэты, прозаики, журналисты, деятели науки и искусства – А. Кодыри, А. Фитрат, Чулпон, Бату, Рамзи, Эльбек, А. Хашимов, С. Сиддики, Г. Зафарий, Гази Юнус, К. Сорокин, Зиё Саид, М. Усманов, Зиё Гамадиев, Муса Саиджанов, Усман Носир и мн. др.; разгромлена национальная историческая школа, арестованы и расстреляны талантливый узбекский историк Пулат Салиев и многие его ученики. После этого на протяжении многих лет было запрещено пользоваться произведениями репрессированных писателей, поэтов, ученых⁶³⁵. Погибли как «враги народа» нового общества крупные партийные и советские работники, отдавшие свой талант организаторов делу строительства этого общества – Ф. Ходжаев, А. Икрамов, А. Исламов, Х. Бурнашев, М. Миршарапов, А. Рахимов, А. Таджиев, Д. Тюрбеков, С. Турсунходжаев, С. Ходжанов, К. Балтабаев, С. Асфендиаров и мн. др.

Но, несмотря на колоссальный ущерб, нанесенный национальной интеллигенции, и финансовые трудности из-за ширококомасштабного индустриального строительства, процесс роста, укрепления и расширения состава интеллигенции в Узбекистане в 30-е годы заметно набирал силы. Прежде всего, шла массовая подготовка специалистов в системе высших и средних специальных учебных заведений. Повышенные технические задачи индустриального строительства и трудности технического освоения новой техники обусловили коренную перестройку системы высшей школы. В 1929-1932 гг. на базе факультетов САГУ в Ташкенте было создано 6 новых высших учебных заведений⁶³⁶. Затем пошел бурный процесс создания узкопрофильных вузов. В 1933 г. в республике функционировал 31 вуз с 12,2 тыс. студентами⁶³⁷ и 92 техникума с 12,6 тыс. учащимися⁶³⁸.

Кроме того, в начале 30-х годов создаются новые учебные заведения, характерные только для государства диктатуры пролетариата – рабочие университеты. В них принимали только рабочих и работниц с производства и служащих из рабочих-выдвиженцев, из которых готовили специалистов среднего звена –

---

⁶³⁵ Тарих шохидлиги ва сабоқлари. – Б. 91.

⁶³⁶ Очерки истории Ташкентского государственного университета. – Т., 1980. – С. 54.

⁶³⁷ Узбекистан во вторую пятилетку. – С. 106.

⁶³⁸ Культурное строительство в СССР. Стат. сб. – М., 1940. – С. 16.

техников, экономистов, механиков, строителей. К 1933 г. в республике было 5 рабочих университетов – в Ташкенте, Коканде, Бухаре, Самарканде, Фергане, в них обучалось 1940 человек. К 1933 г. они выпустили 800 человек, в том числе 150 техников-строителей, 122 техника-механика, 25 электротехников, 166 экономистов-плановиков⁶³⁹.

Второй пятилетний план, как приоритетное направление выделил проблему качества кадров, поэтому темпы их подготовки к середине 30-х годов принимают более спокойный характер. Было прекращено образование мелких вузов и техникумов, слабые учебные заведения объединены в более мощные с хорошей материально-технической базой и сильными педагогическими коллективами. Постановление ЦИК и СНК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебной программе и режиме в высшей школе» отменило все экспериментальные нововведения 20-х годов и ввело снова лекционную систему обучения, зачетные сессии, защиты дипломных работ, вступительные экзамены. В середине 30-х годов в Узбекистане осталось 22 вуза с 11 тыс. студентами и 73 техникума с 14 тыс. учащимися⁶⁴⁰. В декабре 1935 г. было принято решение о снятии ограничений, связанных с социальным прошлым, для поступающих в вузы и техникумы, в результате чего начинает сокращаться сеть рабфаков. В конце 30-х годов они были упразднены. Вузовский учебный процесс вошел в цивилизованное русло.

Но были в 30-е годы в работе вузовской системы подготовки специалистов и серьезные негативные моменты. Высшие учебные заведения в основном были сконцентрированы в Ташкенте и Самарканде, что затрудняло поступление в них молодежи с периферии, сохранялся сильный отсев студентов из коренных национальностей; мало было в составе студентов девушек, учебный процесс был предельно политизирован и русифицирован. Из-за низкого качества подготовки сельских школьников большую часть студентов составляли горожане, которые после окончания обучения не охотно расставались с городской жизнью, что замедляло формирование сельской интеллигенции. Для решения этой проблемы правительство республики избрало удобный и хорошо известный путь административного нажима, издав в феврале 1938 г. специальное постановление, запрещающее всем наркоматам и ведомствам принимать на работу выпускников высшей

---

⁶³⁹ Подготовка специалистов из рабочего класса (к VI парткурултаю). – Т., 1934. – С. 4.

⁶⁴⁰ Краткий статистический справочник Уз ССР. – Т., 1936. – С. 16.

школы без разрешения специальной комиссии по распределению студентов⁶⁴¹.

30-е годы поставили перед республикой новые сложные задачи. Нужно было повышать качество проектирования и строительства новых промышленных предприятий, совершенствовать технологические процессы и организацию труда, повышать эффективность сельского хозяйства, решать проблемы гидростроительства, ирригации и мелиорации, рационального использования водных и земельных ресурсов, проводить широкое и детальное исследование природных ресурсов, развивать просвещение и здравоохранение⁶⁴². Эффективно решать эти проблемы можно было на научной основе в специальных научных учреждениях при наличии соответствующих кадров.

Это обусловило решающие сдвиги в укреплении научного потенциала республики. Именно в этот период создаются разветвленная сеть отраслевых научно-исследовательских и проектных институтов, многие из которых функционируют и в настоящее время⁶⁴³, своя аспирантура, начинается деятельность целой плеяды выдающихся узбекских ученых, которые впоследствии стали основоположниками новых научных направлений и школ – геологи М. Абдуллаев, Г.А. Мавлянов, Н.А. Кенисарин, математики Т.Н. Кары-Ниязов, Т.А. Сарымсаков, физик У.А. Арифов, биологи Т.З. Захидов, Д.К. Саидов, А.М. Музафаров, А.Т. Туляганов, химики А.С. Садыков, А.С. Саттаров, С.Ю. Юнусов, Х.У. Усманов, К.С. Ахмедов, энергетики Х.Ф. Фазылов, Г.Р. Рахимов, философ И.М. Муминов, археолог Я.Г. Гулямов и др. Для руководства развитием науки в октябре 1932 г. был создан Республиканский комитет наук. По сути задач и сферы деятельности он был зародышем будущей республиканской Академии наук.

Основной формой подготовки кадров научных работников в республике была аспирантура при вузах и научно-исследовательских учреждениях. Первый набор аспирантов был проведен в САГУ в 1926 г. В 1930 г. в аспирантуре университета занималось 39 человек, в том числе 5 - из коренных национальностей⁶⁴⁴. В начале 30-х годов

---

⁶⁴¹ НА Уз, ф.Р-837, оп. 5, д. 559, л.35.

⁶⁴² Ходжаев Ф. Избр. труды. Том III. – Т., 1973. – С. 151-158.

⁶⁴³ См.: Центральный государственный архив научно-технической и медицинской документации Республики Узбекистан (ЦГА НТМД РУз). – Фонды 1, 14, 60, 61, 64, 87, 94, 96, 99, 108, 109 и др..

⁶⁴⁴ Революция и национальности. – 1930. – №2. – С. 55.

создается аспирантура при Самаркандском государственном университете (в ее первом наборе были будущие крупные узбекские ученые Яхья Гулямов, Ибрагим Муминов, Убай Арифов), при Ташкентском педагогическом институте, Ташкентском и Самаркандском медицинских институтах, а также при научно-исследовательских институтах хлопководства, курортологии и физиотерапии, языка и литературы, педагогики, ирригации и др.

Были в истории аспирантуры республики в 30-е годы и негативные явления, порожденные пролетарскими революционными подходами к решению кадровых проблем. В 1930 г. было введено положение о создании выдвиженцев аспирантов «для подготовки молодых научных сил из рабочих и крестьян». В аспирантуру предлагалось выдвигать «наиболее активных студентов из рабочих, крестьян-бедняков и колхозников, проверенных как со стороны их академической и общественной работы, так и со стороны их марксистско-ленинской методологической установки»⁶⁴⁵. Но уже первый набор в аспирантуру САГУ из выдвиженцев, по свидетельству современников, показал, что аспиранты были набраны «из совершенно малограмотных людей, окончивших семилетку или рабфак, которые сами по себе очень смутно представляли задачи аспирантуры». Поэтому в 1933 г. положение об аспирантах выдвиженцах было пересмотрено, и все выдвиженцы не способные к научной работе отчислены⁶⁴⁶.

Помимо подготовки аспирантов внутри республики Комитет наук направлял будущих молодых ученых в аспирантуру в вузы и научно-исследовательские институты Москвы и Ленинграда. В 1936 г. там занималось 20 аспирантов из Узбекистана, в 1937 г. – 27⁶⁴⁷.

В целом же, несмотря на наличие многих сложных проблем (мало подготовленных кадров научных руководителей, аспирантов перегружали ненужной административной и общественной работой, не хватало средств для научных командировок и приобретения литературы и т.д.), аспирантура развивалась довольно успешно. В 1938 г. в Узбекистане было 289 аспирантов, в том числе 113 человек из коренных национальностей⁶⁴⁸.

В 30-е годы в Узбекистане создавалась и укреплялась и творческая интеллигенция – развивалась узбекская литература и поэзия,

---

⁶⁴⁵ ГА г.Ташкента, ф. 38, оп. 1. д. 323, л. 2; д. 394. л. 45.

⁶⁴⁶ Валиев А.Э. Подготовка национальных пролетарских кадров в Узбекистане. – С. 73.

⁶⁴⁷ НА Уз, ф. Р-837, оп. 14, д. 353, л. 45-46.

⁶⁴⁸ Узбекистан за XV лет. – С. 83.

архитектура и скульптура, происходило становление узбекского театра, создавались ведущие театральные коллективы, получившие впоследствии статус академических, начинали свой творческий путь выдающиеся узбекские поэты, писатели, композиторы, режиссеры, артисты, развивалось народное творчество.

В антологию узбекской литературы вошли новые имена поэтов и писателей – Гафур Гулям, Айбек, Гайрати, Хамид Алимджан, Айдын Сабирова, Абдулла Каххар, Уйгун, Камиль Яшен, Усман Носир, Зулфия. Большой вклад в развитие узбекской национальной музыки внесли композиторы Т. Джалилов, Ю. Раджаби, М. Ашрафи, Т. Садыков. Большой популярностью у народа пользовались талантливые артисты Х. Насырова, К. Закиров, М. Якубов, Б. Мирзаев, М. Тургунбаева, М. Уйгур, А. Хидоят, С. Эшантураева, Ш. Бурханов, Л. Сарымсакова, и мн. др. Усилиями Н. Ганиева, Ю. Агзамова, К. Ярматова, Р. Пирмухамедова создавалось узбекское киноискусство. Приобретали известность имена художников У. Тансыкбаева, Т. Хамдамова, Д. Абдуллаева.

Но процесс становления творческой интеллигенции проходил в более сложных условиях, чем технической и научной. На нем сильно сказывались ужесточающийся государственный и идеологический контроль над культурными процессами и их социалистическая унификация. В творческой среде в эти годы шло насильственное утверждение метода «социалистического реализма», что неизбежно влекло разрушение основ национальной культуры, подавление в ней самобытных начал, усиленную русификацию. «Призыв Компартии воспеть новую жизнь, - пишет профессор Д. Алимова, - привел к тому, что появилось негативное отношение к прошлому народа, отрицалась историческая преемственность в художественном процессе. В культуре стали усиливаться тенденции приукрашивания сложных социальных проблем, умалчивания ошибок и недостатков. Извращение правды жизни способствовало ослаблению воспитательной силы искусства».⁶⁴⁹ На этот негативный аспект культурной политики партии обращал внимание и американский ученый Э. Оллворт: «Проводимая советским государством в 1922-1942 гг. культурная политика состояла, прежде всего, в уничтожении достигшей высокого уровня культуры народов Центральной Азии и насаждении страха у местных народов»⁶⁵⁰. Все это

---

⁶⁴⁹ Алимова Д. История как история. история как наука. Том 1. – С. 155.

⁶⁵⁰ Ollworth E. The modern uzbek. From the fourteenth century to the Present. A cultural history. Stanford. California. 1990. – P. 460.

ограничивало возможности самореализации творческой личности. По мнению Хелен Каррер д'Анкос, «произведения советских узбекских скульпторов и художников, создаваемые на основе принципов социалистического реализма, лишались национального поиска и отражали советскую помпезность»⁶⁵¹.

Партия взяла под свой строжайший контроль всю духовную и культурную жизнь общества, используя для этого различные меры. Были созданы при партийных комитетах всех уровней специальные идеологические отделы, произведена замена арабского алфавита на латинский, что, по словам американского исследователя М. Ривкина, «позволяло советской власти легче контролировать все публикации на местных языках и создавать барьер между новой литературой и классической исторической чагатайской литературой»⁶⁵². Для осуществления постоянного идеологического контроля над творческими работниками в республике в 30-е годы были созданы органы государственной цензуры – Главлит и Главрепертком, специальные творческие союзы – художников (1932 г.), писателей (1934 г.), архитекторов (1934 г.), композиторов (1938 г.), проводились «чистки» библиотек, в ходе которых убирались на спецхранение или же уничтожались научные труды, художественные и публицистические произведения, не укладывающиеся в новую систему идеологических ценностей. Завершила этот процесс в конце 30-х годов вторая реформа узбекской письменности – перевод ее на русскую графику «кириллицу». Французский журнал «Perspective» в 1956 г. писал: «Введение русского алфавита «кириллицы» в мусульманских республиках должно было... облегчить языковую русификацию населения»⁶⁵³.

Таким образом, в результате агрессивной административной, экономической и социальной политики советской власти в 30-е годы в республике была разрушена многообразная традиционная структура общества коренного населения. Были уничтожены независимая национальная интеллигенция и духовенство, являвшиеся организаторами и носителями его культуры, традиций и нравственности. Прекратили свое существование как самостоятельные

---

⁶⁵¹ H. Carrere d'Encausse. Realites et limites de la presence russe en Asie Centrale. Influence de la culture. – L'Afrique et l'Asie. – 1958. – №44. – P. 13

⁶⁵² Rywkin M. Op. cit. – P. 85.

⁶⁵³ Les republics musulmans de l'URSS: evolution politique, culturelle et economique de l'Islame rouge. – Perspective. 1956. № 546. – P. 4

социальные страты ремесленники, кустари, торговцы, дехкане единоличники, то есть те социальные страты, которые составляли до октября 1917 г. экономическую основу государства, его мощный средний слой собственников, являющийся стабилизирующим фактором в обществе с рыночными отношениями. Советская власть ликвидировала и рыночные отношения, и этот мощный фактор. Стабилизирующей силой теперь являлись только карательные административные органы.

В то же время в 30-е годы шел и позитивный процесс укрепления новых социальных страт в стратификации советского общества – рабочих и интеллигенции. Они выросли численно, улучшилась их внутриотраслевая структура. Рабочий класс стал однородным и более консолидированным, то есть был занят только на государственных и в большинстве крупных промышленных предприятиях, росла его социальная и политическая активность, хотя еще оставались трудно решаемые проблемы национального состава, источников пополнения, текучести и низкой трудовой дисциплины.

Значительные успехи были достигнуты в подготовке кадров квалифицированных специалистов. Была создана широкая сеть высших и средних специальных учебных заведений, которые готовили специалистов различных профессий. Несмотря на строгий идеологический и административный контроль партийных и государственных органов, много было сделано для создания своей научной и творческой интеллигенции, реализации ее творческого потенциала, развития отечественной науки и культуры.

5.2. Итоги социального конструирования в Узбекистане в конце 30-х годов XX века

Установив в стране советскую власть, большевистское руководство и правящая партия поставили задачу построить унифицированное, социально однородное общество с новой социальной структурой. Такое общество, по их мнению, было построено в середине 30-х годов. Выступая в ноябре 1936 г. на VIII всесоюзном чрезвычайном съезде советов, глава советского государства И.В. Сталин заявил, что «теперь наше общество состоит исключительно из рабочих, крестьян и интеллигенции, а все другие

слои общества исчезли с лица земли»⁶⁵⁴.

Вместо уничтоженного старого общества с многообразным социальным составом, отражающим многоукладность его экономики и традиционные виды занятий коренного населения региона, было искусственно, насильственными методами сконструировано новое с единым социалистическим экономическим укладом. Оно состояло из трех полностью зависимых от государства и легко им управляемых классов - рабочих, колхозников и интеллигенции, которая официально именовалась классовой прослойкой, так как, согласно марксистской классовой теории, не была связана с основным признаком класса – средствами производства.

Масштабы и динамику этого процесса в Узбекистане за период с середины 20-х – до конца 30-х годов раскрывают данные всеобщих переписей населения 1926 г. и 1939 г. о численности населения (см. таблицу 10) и его социальном составе (см. таблицы 11 и 12).

Таблица 10.⁶⁵⁵

Численность населения Узбекской ССР в 1926. и 1939 гг.

	1926 г.		1939 г.	
	Абс.	%	Абс.	%
Все население	4609377	100	6335917	100
в т.ч. городское	1012274	22	1469847	23
сельское	3597103	78	4866070	77

Таблица 11.⁶⁵⁶

Социальный состав населения Узбекской ССР в 1926 г.

	Все население		Самодетальное	
	Абс.	%	Абс.	%
Рабочие	358155	8,3	136921	6,1
в т.ч. работающие в частных дежк хоз-вах	126426		55510	
работающие в фаб.-зав. пром	36764		14321	
Служащие	193861	4,5	73905	3,3
Лица свободных профессий	20482	0,5	6125	0,3
в т.ч. интеллигентного труда	2998		1089	

⁶⁵⁴ Сталин И.В. Доклад на VIII всесоюзном чрезвычайном съезде советов. – М., 1936. – С. 10.

⁶⁵⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. – М., 1962. – С.11.

⁶⁵⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 2-3, 52-54.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, НАСИЛЬСТВЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ
(КОНЕЦ XIX в. – 30-е ГОДЫ XX в.)

служители культа	15770		4530	
прочие	1714		506	
Хозяева с наемными рабочими	98063	2,5	24860	1,1
Хозяева, работающие только с членами семьи	1945052	45	522690	23,3
Хозяева одиночки	1579486	36,5	453824	20,0
Члены семьи, помогающие в занятиях	-	-	939364	42
Иждивенцы	32577	0,7	25664	1,1
Живущие на нетрудовые доходы	10093	0,2	3861	0,2
Деклассированные элементы	10498	0,2	6240	0,3
Не указавшие источника существования	7508	0,1	3198	0,1
Безработные	29213	0,7	15319	0,8
Военнослужащие	35697	0,8	31719	1,4
Всего	4320685	100	2243690	100

Таблица 12.⁶⁵⁷

Социальный состав населения Узбекской ССР в 1939 г.

	Все население		Самодельное	
	Абс.	%	Абс.	%
Рабочие	1222833	19,3	541000	18,7
Служащие	817333	12,9	336700	11,6
Колхозники	3966285	62,6	1883100	65,2
Дехкане единоличники	76031	1,2	41000	1,4
Кооперированные кустари	145725	2,3	51700	1,8
Некооперированные кустари	107710	1,7	33300	1,2

Таблица 10. показывает, что к 1939 г. население республики, по сравнению с 1926 г. выросло на 1 млн. 600 тыс. человек, но при этом надо учесть, что из них 650 тыс. были приезжие из центральных районов страны⁶⁵⁸. Именно они обусловили более высокие темпы роста населения республики, чем по стране в целом (за 1926-1939 гг. население СССР в среднем увеличилось на 15,9%, а в Узбекистане – на

⁶⁵⁷ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. – С. 43, 112; Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. – Т., 1950. – С. 78.

⁶⁵⁸ Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. – С. 74.

37,5%) и внесли совершенно нежелательные изменения в ее национальный состав (удельный вес титульной нации за эти годы уменьшился с 65,1% до 64,4%, русских – увеличился с 4,7% до 11,5%, европейцев в целом – увеличился с 6,4% до 15%)⁶⁵⁹. Поскольку приезжие оседали преимущественно в городах, упал удельный вес узбеков и в составе городского населения с 18,6% до 15%⁶⁶⁰. Но мигранты оседали только в крупных промышленных центрах, где строились крупные промышленные предприятия – прежде всего, в Ташкенте, население которого увеличилось за этот период на 233,7 тыс. человек. Старые же центры ремесла и торговли приходили в упадок. За эти 13 лет население Андижана выросло только на 12 тыс., Маргилана – на 10 тыс., Чуста – на 6 тыс.⁶⁶¹. То есть старые города республики в это время практически вымирали.

В абсолютных цифрах население городов Узбекистана увеличилось на 45%, но его удельный вес вырос только на 1% - с 22% до 23%, тогда как по РСФСР - с 18% до 33%, в Армении – с 19% до 29%, Туркмении – с 14% до 33%, Белоруссии – с 17% до 21%, в целом по СССР – с 18% до 32%⁶⁶². Это означало, что в республике шла не урбанизация, а реурбанизация, то есть городское население росло в основном за счет своих внутренних ресурсов (естественного прироста и мигрантов) и совсем незначительно увеличивалось за счет сельского населения. На снижении темпов роста городского населения сказались также большие потери в результате уничтожения слоя городских собственников.

Анализ трансформации социальной стратификации узбекистанского общества показывает, что к 1939 г. в нем были полностью ликвидированы эксплуататорские элементы (лица, использующие наемный труд) и практически уничтожены мелкие товаропроизводители (самостоятельно работающие ремесленники кустари) и торговцы в городах. Что же касается мелких товаропроизводителей в кишлаках, то их социальный статус был коренным образом преобразован – из дехкан-единоличников в дехкан-колхозников.

Партия практически добилась поставленной цели - в 1939 г.

---

⁶⁵⁹ Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. – С. 66, 74.

⁶⁶⁰ История СССР. – 1972. - №4. – С. 18.

⁶⁶¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. том XXXII. – С. 11; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. УзССР. – С. 14, 15.

⁶⁶² Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Сводный том. – М., 1963. – С. 13.

97,1% всего населения Узбекистана были всецело зависимы от государства. Но полная однородность общества все же не была достигнута – 2,9% населения находились вне государственных структур и пытались сохранить свою независимость, занимаясь сельским хозяйством (1,2% или 76031 дехкан единоличников и члены их семей) и ремесленно-кустарными промыслами (1,7% или 107710 некооперированных кустарей с семьями). Сохранились в обществе и нетрудовые элементы (это были преимущественно домовладельцы) – 0,5% (31680 человек)⁶⁶³.

Сопоставительный анализ социального состава по основным группам самостоятельного населения в 1926 и 1939 гг. показывает направления и размеры как созидательной, так и разрушительной социальной политики советской власти за небольшой исторический срок.

Большие изменения произошли как в качественном, так и в количественном составе рабочих. Их число выросло в 4 раза, более чем в 3 раза увеличился их удельный вес в составе занятого населения, изменилась характеристика состава. Если в 1926 г. рабочие были заняты в различных социально-экономических секторах – частном и государственном, то в 1939 г. все были заняты только в государственном секторе. Заметны были успехи в формировании промышленных рабочих. Их число выросло в 11,5 раз, и почти в 10 раз увеличился их удельный вес.

Таблица 13.⁶⁶⁴

Социальный состав населения Узбекской ССР в 1926 и 1939 гг. (по основным группам самостоятельного населения)

	1926 г.		1939 г.	
	Абс.	%	Абс.	%
Рабочие	136921	6,1	541000	18,7
в т.ч. фаб. зав.	14321	-	165000	-
работающие в дехк. хоз-вах	55510	-	-	-
Служащие	73905	3,3	336700	11,6
Занято в сельск. хоз-ве	1800000	81,0	1924100	66,6
в т.ч. колхозники	-	-	1883100	65,2
Единоличники	-	-	41000	1,4

⁶⁶³ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. – С. 43, 46. (абсолютные цифры подсчитаны автором).

⁶⁶⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 2-3; Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. – С. 78.

Кустары	101506	4,5	85000	3
в т.ч. кооперированные	-	-	51700	1,8
Некооперированные	-	-	33300	1,2

В результате развития новых отраслей тяжелой промышленности, роста технического оснащения предприятий в составе промышленных рабочих республики к концу 30-х годов появились совершенно новые специальности, требующие высокой квалификации – сталевары, формовщики, операторы прокатных станов, инструментальщики, прессовщики, экскаваторщики и т.д. Продолжающийся рост удельного веса продукции тяжелой промышленности (к 1939 г. он вырос до 13,3%) и снижение удельного веса продукции легкой промышленности (к 1939 г. он снизился до 57%), а не ошибка статистического учета, как пишет Р. Рабич⁶⁶⁵, были причиной сокращения числа рабочих в текстильной, кожевенной, обувной промышленности в 1939 г. по сравнению с 1926 г. с 60,8 тыс. человек до 46,8 тыс. человек⁶⁶⁶. По этой же причине снизился к 1939 г. удельный вес таких профессий как кузнецы, паяльщики, лудильщики. Внедрение механизмов и сокращение сезонных работ объясняют и снижение удельного веса строительных рабочих в общем профессиональном составе рабочих. Все это вместе взятое обусловило дальнейшее понижение удельного веса рабочих коренных национальностей в общем числе промышленных рабочих к 1939 г. до 36,7%⁶⁶⁷.

Значительны были темпы роста женщин работниц, занятых в промышленности республики. Их число выросло к 1939 г., по сравнению с 1926 г. в 24 раза и составило 135 тыс. человек. Но тенденция снижения их удельного веса в общем числе рабочих, наметившаяся после 1934 г., когда он достиг самых высоких показателей – 34,5%, продолжала развиваться. В 1939 г. женщины составляли 28 % всего состава рабочих. Больше всего их было занято в швейной промышленности – почти 20 тыс., текстильной – 15,5 тыс., пищевой – 3,2 тыс.

К концу 30-х годов произошло расширение отраслевого диапазона применения женского труда в промышленности. Он стал применяться и в тяжелых производствах. Причину этого Д.А. Алимова

⁶⁶⁵ Рабич Р. Указ. соч. – С. 69.

⁶⁶⁶ Итоги переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. – С. 113. 124.

⁶⁶⁷ Узбекистан за XV лет. – С. 122.

видит в том, что «испытывая острую потребность в кадрах для совершения форсированного скачка, обеспечивающего в минимальный срок построение основ социализма, партия одним из путей достижения этой цели считала восполнение недостающей рабочей силы из числа женщин, при этом забывая необходимость учитывать физиологические особенности женщин»⁶⁶⁸. Если в 1926 г. в таких производствах, как кожевенное, химическое, металлообработка, деревообработка, строительство не было занято ни одной женщины, то в 1939 г. в металлообработке было занято 1832 женщины, в деревообработке – 1847, кожевенном производстве – 550, химическом – 212, в строительстве – почти 1 тыс. женщин. Появились женщины токари, станочницы, сборщицы, монтажницы, электромонтеры, прессовщицы, штамповщицы, наладчицы (всего более 1 тыс. человек), шоферы, водители трамваев (329 человек), трактористки (3,6 тыс. человек), тракторные бригадиры и механики (220 человек)⁶⁶⁹.

Советская пропаганда называла вовлечение женщин в промышленное производство «завоеванием социализма в борьбе за женское равноправие», во всем уравнивавшее женщин с мужчинами, в том числе и в возможности работать на тех работах, на которых женщина по своему природному предназначению не должна была работать. И то, что с позиций руководителей советского государства было достижением нового строя, по общечеловеческим законам и медицинским показаниям было его огромной ошибкой. Западные ученые У. Уолш, Хелен Каррер д'Анкос считали, что такое решение женского вопроса в среднеазиатском регионе было результатом «экономического принуждения», а не стремления женщин пойти работать на тяжелые производства только для того, чтобы доказать свое равноправие с мужчинами⁶⁷⁰. Это их мнение вполне соответствовало действительности, поскольку в 30-е годы оплата труда в отраслях тяжелой промышленности была значительно выше, чем в легкой, и работа там давала возможность в сложной экономической ситуации страны увеличить скудный семейный бюджет.

К 1939 г. в Узбекистане особенно резко обозначились

---

⁶⁶⁸ Алимова Д.А. Женский вопрос в Средней Азии. История изучения и современные проблемы. – С. 43.

⁶⁶⁹ Итоги переписи 1959 г. – С. 119, 120; Правда Востока. 1939. 27 ноября.

⁶⁷⁰ Wolch W. Russia and the Soviet Union. – Michigan. University Press. 1968; H. Carrer d'Encausse. Islam and Russian Empire. University of California Press. – Los Angeles, London. – 1988.

негативные последствия политики партии по интернационализации рабочих коллективов или, как называет этот процесс Дж. Уиллер, политики «пролетарского колониализма»⁶⁷¹. Ее итогом было уменьшение удельного веса рабочих узбеков в общем числе рабочих до 36,5%, (в 1926 г. он составлял 50,4%) и увеличение удельного веса русских рабочих до 34,5% (в 1926 г. он составлял 16,7%)⁶⁷². Таким образом, в Узбекистане к концу 30-х годов социальная база диктатуры пролетариата расширилась не за счет рабочих коренных национальностей, а за счет приезжих русских рабочих. Но партия считала это торжеством ленинской национальной политики, одним из аспектов проявления авангардной роли рабочего класса в создании предпосылок для формирования новой социально-классовой общности – советского народа.

Все изменения в численности и структуре рабочих, особенно промышленных, свидетельствовали, что в абсолютных цифрах эта социальная опора партии значительно выросла, хотя коренное население в ней не составляло даже и половины. Но их удельный вес в общем числе населения составлял 8,5%. Совсем небольшим был удельный вес более консолидированной и сознательной их части – промышленных рабочих (в составе самодеятельного населения – 5,7%, а в составе всего населения – 2,6%.)

Несмотря на численный рост, в конце 30-х годов четко прослеживается тенденция ослабления положения рабочего класса как силы, влияющей на политическую жизнь общества. Рост и укрепление позиций партийной номенклатуры привели к уменьшению удельного веса рабочих с производства в рядах правящей партии. Если в 1926 г. в Компартии Узбекистана «по роду занятий» было 7707 рабочих (31,6%), 6318 служащих (25,9%), то в 1938 г. рабочих насчитывалось только 3797 человек и их удельный вес снизился до 12,5%, служащих же стало 16410 человек и их удельный вес вырос до 54,2%⁶⁷³. Значительно сократились возможности влияния рабочих на работу партийных съездов. На III съезде Компартии Узбекистана (ноябрь 1927 г.) в составе делегатов рабочие от станка составляли 16,8%; на VII съезде (июнь 1937 г.) – только 7,6%⁶⁷⁴. Победа социализма не принесла равенства в социальном

---

⁶⁷¹Wheeler G. The modern history of Soviet Central Asia. - New York. Washington. - 1964.

⁶⁷² Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. – С. 69.

⁶⁷³ Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах. – С. 25. 61.

⁶⁷⁴ Ким П., Дмитриев Г., Дмитриева С. Очерки источниковедения истории Компартии Узбекистана. – Т., 1986. – С. 107.

положении рабочих в советском государстве. Несмотря на то, что все они к концу 30-х годов были заняты в едином государственном секторе экономики, их материальное, бытовое, общественное положение было различным и сильно зависело от квалификации, занятости в различных отраслях промышленности, общественной и производственной активности. Причем рабочие из коренного населения находились в самом низу этой социальной лестницы.

В результате социалистических аграрных преобразований в советском обществе был уничтожен социальный слой крестьян – самостоятельных хозяев и создана новая социальная страта – класс колхозного крестьянства. По данным переписи 1939 г. в Узбекистане этот класс составлял 62,6 % всего населения республики или 75,3% его самостоятельной части. По мнению политического руководства страны, дехкане-колхозники в результате победы колхозного строя стали социально единым классом, поскольку исчезли различия в их экономическом положении – деление на батраков, чайрикеров, середняков, баев. Это было верно только в том смысле, что внутри дехкан исчезли группы, социальный статус которых базировался на частной собственности на средства производства. Но ожидаемой социальной однородности дехкане так и не получили. Очень скоро в колхозах начала складываться новая социальная иерархия – элита в лице председателей колхозов, секретарей партийных ячеек, бригадиров, заведующих участками, звеньевых, учетчиков, счетоводов. Их общественное и материальное положение быстро начало отличаться от положения рядовых колхозников.

Не получил кишлак и равного с другими классами социального положения в государстве в целом. Труд дехкана, несмотря на большие физические затраты оплачивался гораздо ниже, чем труд рабочих и интеллигенции. Оплата трудней в колхозах была настолько низкой, что не обеспечивала прожиточного минимума колхозников и не создавала условий для роста производительности труда и заинтересованности колхозников в его результатах. Значительно ухудшила положение дехкан-колхозников, введенная в стране в 1932 г. паспортная система. Поскольку паспорта колхозникам не выдавали, это ограничивало их свободу передвижения в едином советском государстве. Среди самих колхозников появились свои привилегированные группы из передовиков социалистического соревнования и «борцов за высокие урожаи», которые пользовались особыми материальными и др. благами. Часть дехкан, так называемые

«раскулаченные», находились вне общества и не имели гражданских прав. Кроме того, создание совхозов и МТС выделило из единого сельского общества рабочих совхозов, сельских механизаторов, работающих в государственном секторе, тогда как все остальные дехкане работали в кооперативно-колхозном секторе. По условиям и оплате труда рабочие совхозов и сельские механизаторы становились частью рабочего класса и имели лучшие материальные условия, а по образу жизни и внутрикишлачным отношениям они оставались дехканами.

Р.Х. Аминова так характеризует социальные последствия коренной ломки социальной структуры сельского населения, произошедшие в 30-х годах в республике: «Место мелкого производителя занял колхозник близкий по социальному статусу к сельскохозяйственному рабочему. Появились новые социальные группы: сельские механизаторы, руководящий колхозный аппарат. Произошли определенные позитивные изменения в образе жизни дехканства, в его быт входили современные предметы домашнего и культурного обихода. Повысился образовательный и до некоторой степени профессиональный уровень дехканства. Однако масштабы и результаты этих социальных изменений сильно переоценивались. Они сдерживались, прежде всего крайне низким уровнем оплаты труда, относительно небольшими отчислениями из госбюджета на благоустройство сел. Политизирование культурной жизни, жесткие административно-командные методы управления колхозами напоминали дехканам старые времена. Не произошло коренного изменения в положении женщины-дехканки. Она по-прежнему была занята тяжелым домашним и сельскохозяйственным трудом»⁶⁷⁵.

К 1939 г. в Узбекистане количественно и особенно качественно вырос ее интеллектуальный потенциал – интеллигенция. Это была совершенно новая социальная страта, сформированная в советское время на новой классовой и идеологической основе, соответствующая идеям и принципам социалистического строительства. Ее число по сравнению с 1926 г. выросло в 6,3 раза и составило в 1939 г. 108 тыс. человек. В общей структуре интеллигенции республики к этому времени уже можно было выделить наиболее крупные составные части – административную, техническую, научную, творческую, работников судопроизводства, просвещения, здравоохранения, культурно-массовую.

---

⁶⁷⁵ Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации в Узбекистане. – С. 78-79.

Таблица 14.⁶⁷⁶

Состав интеллигенции Узбекистана в 1926 и 1939 гг.
 (по основным занятиям)

	1926 г.		1939 г.	
	Всего	В т.ч. женщин	Всего	В т.ч. женщин
Руководящий адм. аппарат	7370	614	32770	2973
Работники суд. органов	643	20	1966	268
Инженеры	454	8	3569	423
Ветеринары	63	5	744	71
Врачи и зуб. врачи	909	397	3151	1807
Преподаватели вузов	303	60	3093	852
Учителя школ	4533	1524	44245	11971
Журналисты и редакторы	237	14	1308	173
Работники искусств	623	146	6389	1698

Сопоставление данных переписей 1926 г. и 1939 г. по основным видам профессий интеллигенции показывает, что в конце 30-х годов в ее составе очень значительно выросло число инженеров, врачей, преподавателей вузов, школьных учителей. Заметные достижения были и в ее гендерном составе. В целом число женщин среди квалифицированных специалистов выросло по основным специальностям более чем в 7 раз. Если же посмотреть на удельный вес женщин внутри них, то больше всего их было среди действительно женских профессий – работников культурно-просветительных учреждений, зубных врачей, врачей, но сравнительно мало среди школьных учителей, работников научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений, инженеров, агрономов и юридического персонала.

Благоприятным итогом подготовки высококвалифицированных специалистов был тот факт, что в республике на должностях, требующих специальных знаний, работали люди, имеющие высшее или среднее специальное образование. Так, у занимающих должности инженеров на 1 тыс. человек 977 имели высшее или среднее образование, у конструкторов – 850 человек, врачей – 942 человека,

⁶⁷⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XXXII. – С. 73-77; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. – С. 116-118, 121-123.

фельдшеров и акушеров – 836 человек, научных работников и преподавателей вузов – 950 человек, руководителей плановых, финансовых, экономических, статистических отделов и учреждений – 856 человек, экономистов и плановиков – 769 человек. Несколько хуже было положение у школьных педагогов (на 1 тыс. только 600 имели высшее и среднее образование) и у работников суда и прокуратуры (на 1 тыс. только 567 имели нужное образование)⁶⁷⁷.

Определенные успехи были достигнуты в формировании национальной интеллигенции. В 1939 г. в составе интеллигенции было 44% узбеков. Больше всего их было среди работников просвещения и здравоохранения – 63%, в числе художественной интеллигенции они составляли 58%, технической – 15%, научной – 10%⁶⁷⁸.

Особое положение в советском государстве занимала административная интеллигенция. Это было обусловлено тем, что строительство социалистического общества проходило в условиях утверждения командно-административной системы и было направлено на унификацию социальных и культурных процессов, подавление национальных устремлений народов многонационального государства. «Национальные республики в Советском Союзе, – пишет Дж. Уиллер, – были «национальные по форме», но «социалистические по содержанию». Узбеки, например, могли иметь свой национальный флаг, национальный язык и некоторые (но не все) национальные культурные традиции. Но не было даже вопроса о том, чтобы быть узбекскими гражданами или узбекскими патриотами. Их патриотизм, военная служба, работа, производительность отдавались советскому государству в целом, а не Узбекской ССР»⁶⁷⁹. Для того, чтобы держать эту ситуацию под контролем, в советском государстве был создан большой партийный и советский аппарат управления послушный тоталитарному режиму. Его работники по занимаемому положению в служебной иерархии советской страны входили в структуру советской интеллигенции. В 1939 только высший руководящий состав государственного аппарата насчитывал 28537 человек. Всего же с учетом председателей и секретарей исполкомов сельских и поселковых советов, руководителей комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций он насчитывал 32770 человек. Высший

---

⁶⁷⁷ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. – С. 135-136.

⁶⁷⁸ История СССР. – 1972. – №4. – С. 10-11.

⁶⁷⁹ Wheeler G. The modern History of Soviet Central Asia. - New York. Washington. 1964. – P. 128

административный аппарат составлял 26,4% в структуре всей интеллигенции, тогда как производственная интеллигенция составляла 10%, научная – около 3%, медицинская – 3,3%, творческая – 9%.

Образовательный уровень большей части работников руководящего аппарата республики и в 1939 г. все еще оставался низким - на каждую тысячу руководителей органов государственного управления только 356 человек имели высшее или среднее образование (включая неполное среднее), у руководителей предприятий (промышленных, строительных, транспортных, связи) этот показатель был еще ниже – 175 человек, а среди председателей колхозов вообще только 17 человек из тысячи имели профессиональную подготовку⁶⁸⁰. Единственным достижением в формировании административного аппарата к 1939 г. было то, что доля узбеков в нем составляла 70%., но только 19% из них имели высшее или среднее образование⁶⁸¹.

Из этого руководящего административного аппарата в конце 30-х годов окончательно формируется практически новая социально-политическая страта в советском обществе – партийно-советская номенклатура, которую еще в 40-50-х годах западные ученые называли «новым советским правящим классом»⁶⁸², «господствующим классом нового типа».⁶⁸³ Американский исследователь М. Джилас писал, что в СССР к началу 40-х годов сложился «новый класс номенклатуры, который тонко и широко использовал психологию масс. Сначала разрушительные инстинкты масс использовались как таран в революционной борьбе против буржуазных элит, а после победы – как орудие сдерживания наиболее активной части средних слоев. Этот союз «правителей» и «народа» против средних слоев стал важным способом стабилизации иерархических порядков»⁶⁸⁴.

Кандидат в элитную номенклатуру должен был иметь рабоче-крестьянское социальное происхождение и быть активным общественником. Главным же условием доступа в партийную номенклатуру была принадлежность к партии. Новый советский правящий класс формировался партийными институтами и, поскольку в своем подавляющем большинстве состоял из необразованных людей, утверждал в стране диктатуру «серости», подгонял под свой уровень

---

⁶⁸⁰ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. – С. 133-137.

⁶⁸¹ История СССР. – 1972. – №4. – С. 10-11.

⁶⁸² Rywkin M. Op. cit. – P. 104.

⁶⁸³ Burnham J. The managerial revolution: What is happening in the world. New York. 1941.

⁶⁸⁴ Gilas M. The new class: An analysis of the communist system. London. 1957. – P.208.

всю политическую систему и духовную сферу общества. Известный социолог Питирим Сорокин, изгнанный в 20-е годы из страны советов за независимую позицию в науке, в своем фундаментальном труде «Человек. Цивилизация. Общество» очень точно показал суть формирования этой новой советской социальной структуры. «Механизм социальной селекции, - писал он, – в целом ответственен за тип людей, населяющих верхние и нижние этажи общества – за тип людей, которые поднимаются по социальной лестнице, а также за то, какими качествами обладает «аристократия» общества. Это детерминировано качеством и природой организации селекционирующих институтов и частично характером препятствий, которые они устанавливают для индивидов на всем пути их прохождения через «фильтры». Если эти препятствия злокачественны и неадекватны, то и социальное распределение будет неверным. В результате все общество будет страдать»⁶⁸⁵.

И действительно качество созданного нового правящего класса пагубно отразилось на всем дальнейшем развитии советского общества, будущее которого П. Сорокин удивительно точно спрогнозировал еще в 40-е годы: «Очень важно, чтобы государственными институтами, занимающимися селекцией, выполнении тестирующих, селекционирующих и распределительных функций было правильно организовано и направлено. Если они дефективны под этим углом зрения, то никакое социальное улучшение не принесет длительного и глубокого изменения. В конечном итоге историю делают люди. Люди, занимающие положения, которым они не соответствуют, могут «успешно» разрушить общество, но не смогут создать ничего ценного, и наоборот»⁶⁸⁶. Что и произошло с советским обществом через 50 лет.

Таким образом, в 30-е годы в Узбекистане советская власть завершила длительную и кровавую борьбу за монополизацию экономики. Ее основным стержнем была борьба с многоукладностью и ее носителями независимыми самостоятельно хозяйствующими субъектами – мелкими и средними собственниками, которых она не могла уничтожить в первые годы своего становления единовременным актом. В результате экономических, политических и силовых акций – национализации средств производства и капиталов, форсированной индустриализации, коллективизации, «ликвидации кулачества как класса», прекращения свободных рыночных отношений, жесткого

---

⁶⁸⁵ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 423.

⁶⁸⁶ Сорокин П. Указ. Соч. – С. 424.

классового налогового прессинга и др. - социалистический уклад становится монополистом в советской экономике, а государство – господствующей регулирующей силой. К концу 30-х годов в республике завершаются трансформационные стратификационные процессы в социальной сфере, их результатом была ликвидация старой многообразной структуры общества, традиционного образа жизни коренного населения региона. Прекратили существование как самостоятельные социальные единицы целые его страты – предприниматели, ремесленники, кустари, торговцы, домовладельцы, дореволюционная национальная интеллигенция, духовенство. Дехкане, как самостоятельный обширный слой, остались в новой социальной структуре общества, но из независимых производителей превратились в наиболее угнетенную, полностью зависимую от государства его структурную часть. В результате коллективизации они понесли большие физические и духовные потери. Произошло их «раскрестьянивание», были разрушены трудовая инфраструктура узбекского кишлака, его привычный уклад жизни и традиции. Известные отечественные ученые Д.А. Алимova и Р. Шамсутдинов, оценивая итоги коллективизации сельского хозяйства в целом, пишут: «Коллективизация привела к отчуждению крестьян от собственности и результатов труда, были ликвидированы экономические стимулы развития сельскохозяйственного производства. В итоге поставленная компартией цель – создать крупное сельскохозяйственное производство – была достигнута. Но цена этому была непомерно высокой, а главное – сконструированная система была лишена внутреннего источника развития: она более эффективно проявляла себя в изъятии производственного продукта, чем в организации его производства»⁶⁸⁷.

Взамен уничтоженной старой социальной структуры к концу 30-х годов в советском обществе сформировалась новая социальная структура «общества победившего социализма», в которой экономически, юридически и социально были защищены только два советских класса – рабочие и дехкане-колхозники и классовая прослойка - интеллигенция.

Основной опорой своей власти советское государство изначально считало рабочий класс. В его формировании к концу 30-х годов были достигнуты определенные положительные результаты – он вырос численно, стал более консолидирован, расширил свою

---

⁶⁸⁷ Алимova Д., Шамсутдинов Р. К изучению проблемы историографии и истории коллективизации сельского хозяйства // *O'zbekiston tarixi*. 2007. №1. – С. 34.

внутриотраслевую структуру и гендерный состав. Но, проводимая партией, политика по интернационализации рядов республиканского рабочего класса, привела не только к уменьшению в его составе числа рабочих коренных национальностей, но и к негативным, нежелательным для Узбекистана, как национальной и суверенной республики, демографическим изменениям – низким темпам роста городского населения за счет сельского, увеличению в составе населения европейцев и сокращению титульной нации.

Значительные успехи были достигнуты советской властью к концу 30-х годов в формировании новой советской интеллигенции, несмотря на огромные потери, которые она понесла в результате массовых репрессий в ее среде, особенно в первой половине 30-х годов. В Узбекистане процесс ее формирования проходил под строгим контролем государства в условиях упрочения тоталитарного режима власти, социалистической унификации и русификации идеологических воззрений и особенно культурных процессов. Тем не менее, в республике была сформирована своя техническая, гуманитарная, научная, творческая национальная интеллигенция, которая внесла значительный вклад в развитие народного хозяйства, образования, науки, литературы, искусства.

Негативной стороной процесса формирования советской интеллигенции в этот период было увеличение в ее составе числа партийных, советских и хозяйственных работников, представляющих административную интеллигенцию. Из ее представителей в советском обществе к концу 30-х годов сформировалась новая социальная страта – партийно-советская номенклатура, к которой и переходит практически вся власть. Причем, по мере укрепления ее позиций начинают уменьшаться возможности влияния рабочих с производства на политическую и экономическую жизнь республики, тех самых пролетариев, которым в первые годы установления и укрепления советской власти предоставлялись огромные права руководить страной.

Новое общество, декларированное как «общество победившего социализма» в Узбекистане по своей сути не отвечало этим заявлениям пропагандистского партийного аппарата. Оно не было социально единым (в его составе было 2,9% не Kooperированных кустарей, ремесленников, дехкан-единоличников, 0,5% «нетрудовых элементов»); не было оно поголовно грамотным (21,3% населения республики в 1939 г. было неграмотно, в том числе в сельской местности неграмотными были 25,9%); не было оно поголовно атеизировано (57% населения были верующими); не было и социально

однородным (внутри каждого советского класса имелось большое разнообразие профессий с различной оплатой труда, а также активно создавалась своя привилегированная элита из администрации, общественного актива, передовиков производства). Главенствующая роль в нем принадлежала к этому времени уже не рабочему классу, а новому советскому правящему классу – бюрократической партийной номенклатуре.

В целом в результате социального конструирования большевистского руководства страны, завершившегося к концу 30-х годов, общество Узбекистана потеряло активный слой средних собственников, социальное многообразие и самобытность, которые отражали ментальность его коренного населения, и было заключено в искусственно созданную схему, ограниченную только двумя классами - рабочих, колхозников и прослойкой в лице интеллигенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратификационный концептуально - методологический подход к изучению социальной структуры общества обусловил возможность рассмотреть ее в настоящей диссертационной работе, как динамично меняющуюся категорию, многообразную совокупность различных взаимосвязанных между собой социальных страт, определить место и роль каждой из них в обществе, выявить факторы, воздействующие на динамику их развития на различных исторических этапах, и тем самым впервые в отечественной историографии попытаться преодолеть односторонний узкоклассовый подход советских историков к исследованию этой проблемы.

Анализ развития социальной стратификации общества на территории Узбекистана в период с конца XIX в. до конца 30-х годов XX в. с новых позиций показал, что за этот сравнительно небольшой исторический срок она дважды подверглась серьезным трансформациям, которые не являлись итогом естественного развития общества, а были произведены сверху после военных действий царского правительства в Средней Азии во второй половине XIX в. и большевистского переворота в октябре 1917 г.

Агрессивные акции Российской империи в среднеазиатском регионе завершились созданием в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства (Туркестанского края), а Бухарский эмират и Хивинское ханство, потеряв часть территории, попали под протекторат России. Все это принесло коренному населению завоеванных территорий серьезные политические, экономические и социальные изменения. Бухарский эмират и Хивинское ханство постепенно начинают втягиваться в орбиту новых социально-экономических отношений. Развитие торговли с Россией, начавшееся строительство промышленных предприятий, создание филиалов российских банков и представительств крупных торговых фирм, с одной стороны, способствовали более прочному подчинению ханств царской России, усиленному вторжению российского капитала в различные стороны их жизни, усилению в них российского присутствия через рост миграционной волны российских подданных; с другой стороны, способствовали началу процесса проникновения в общество ханств новых капиталистических отношений, которые обуславливали формирование соответствующих им новых социальных групп — торгово-промышленной буржуазии, промышленных рабочих, новой национальной интеллигенции. Но из-за господствовавших феодально-сословных отношений, развивались эти

процессы в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве крайне медленно.

Что касается Туркестанского края, то формально он являлся новой административной единицей России, но фактически был ее новой колонией и развивался исключительно в интересах метрополии. Колониальное положение лишало его прибылей от вывозимой продукции, подрывало возможность перехода к расширенному воспроизводству, самостоятельному трансформированию его экономики на национальной основе в экономику мирового сообщества. Переселенческая политика царского правительства лишала дехкан лучших поливных земель и создавала среди сельского населения атмосферу социальной напряженности на национальной почве.

Завоевание трансформировало социальную стратификацию местного общества. Несмотря на то, что Российская империя сама была сословным государством, она не признала наличие у коренного населения завоеванных территорий своего традиционного деления на сословия – высшие, привилегированные («сипо» и «уламо») и низшее, бесправное («фукаро»). Все местное население Туркестанского генерал-губернаторства было записано в одну новую социальную категорию – «кинородцы». Сословное деление осталось у него только на уровне бытового сознания. Установление новой системы власти и управления обусловило исчезновение сословия «сипо». Мусульманское духовенство, входившее в сословие «уламо», лишившись власти и сословных привилегий, осталось как самостоятельная страта по виду занятий, сохранив свое огромное влияние на коренное население. Социальные страты сословия «фукаро» - дехкане, ремесленники, кустари, торговцы также сохранились полностью по видам их занятий. Утрата сословности и связанных с ней статусных ограничений позитивно сказалась на их положении в обществе. Она открыла простор для их созидательной деятельности в условиях, когда можно было изменить положение в обществе только результатами своего труда

Образование Туркестанского генерал-губернаторства повлекло за собой появление в составе его общества, не известных ранее местному населению, социальных страт европейцев - чиновников колониальной администрации, военнотружущих российской армии, служащих банков и фирм, русской интеллигенции, христианского духовенства, крестьян-переселенцев. Промышленное и железнодорожное строительство, широкомасштабные торговые и финансовые операции, новая социальная ситуация, обусловили формирование в составе коренного населения также новых для него

страт торгово-промышленной буржуазии и промышленных рабочих.

Завоевание внесло изменения в сферы приложения труда и профессиональный состав традиционных для местного общества социальных страт – дехкан, ремесленников, кустарей, торговцев, интеллигенции.

Заинтересованность текстильной промышленности метрополии в дешевом сырье вызвала активное расширение в крае посевов хлопка, переориентировав большинство дехканских хозяйств на его выращивание. Высокая товарность и доходность сделали эту сельскохозяйственную культуру в начале XX в. самой выгодной для небольших (2-3 десятины) дехканских хозяйств, которые оказались самыми рентабельными в этой ситуации. Но положительно сказываясь на экономическом положении дехканских хозяйств, эта массовая хлопковая специализация обуславливала сокращение посевов зерна, что угрожало развитию сельского хозяйства края превращением его в монокультурное, зависимое от завозимого из центральных районов России хлеба.

Появление на внутреннем туркестанском рынке большого количества фабричных товаров из России начало видоизменять диапазон профессиональной деятельности местных кустарей и ремесленников. Были ликвидированы горнодобывающие кустарные промыслы, сократились металлообработка, производство медной домашней посуды, хлопчатобумажных тканей, гончарных изделий. Но поскольку в крае развивалась только промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья, то туркестанские кустари и ремесленники оставались практически по-прежнему монополистами в производстве товаров и оказании услуг, отвечающих запросам коренного населения и широко развитых в регионе. Это обусловило их сохранение практически в прежних объемах и позволило кустарям и ремесленникам, потерявшим свой промысел, профессионально переориентироваться и получить новый источник дохода. Характерно, что местные ремесленники не только успешно переквалифицировались в известных им видах занятий, но и успешно перенимали у приезжих европейских мастеров новые профессии, навыки, инструменты.

Вторжение российского торгово-промышленного и банковского капиталов в торговлю края внесло изменения в национальный состав и круг занятий людей, принадлежащих к этой сфере деятельности. Местные богатые купцы были вынуждены уступить российским торговым магнатам значительную часть оптовой торговли мануфактурой и другими промышленными товарами, а также

закупку и вывоз сельскохозяйственного сырья, в которых до этого были абсолютными монополистами. Что же касается средней, розничной и мелкой базарной торговли, то она, как и прежде, была сосредоточена в руках местных торговцев.

Изменения коснулись и интеллигенции. В начале XX в. из ее передовых представителей формируется новая национальная интеллигенция, ядром которой были джадиды - знаковое явление в общественной и культурной жизни края. Они положили начало национально-демократическому и общественно-политическому движению в местном обществе, выступив за его обновление, просвещение народа, освобождение от колониальной зависимости.

Анализ экономической и социальной ситуации в Туркестанском генерал-губернаторстве в начале XX в. показал, что развитие производительных сил, товарно-денежных отношений, разрушение хозяйственной замкнутости, утрата сословного деления и связанных с ним привилегий, создали благоприятные условия для успешной деятельности самостоятельно хозяйствующих субъектов, каковыми являлись владельцы различной по форме и размерам собственности. Они составляли специфический слой общества – слой собственников, в который входили самые различные по видам занятий социальные страты, издревле являющиеся основой экономики общества с рыночными отношениями. Находясь в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, каждая из них занимала свою прочную нишу в общественном разделении труда, а вместе они представляли внушительную социальную силу. Специфической особенностью развития этого слоя в Туркестане в этот период было усиление в нем позиций средних и мелких собственников. Все вышеназванные перемены позволили им занять лидирующее положение в сельском хозяйстве, мелкой промышленности, ремесленно-кустарном производстве, торговле. Даже небольшая по размерам собственность (земельный участок, мастерская, лавка, мельница, караван-сарай и т.д.) обеспечивала им достойный образ жизни, и потому они были заинтересованы в ее сохранении и укреплении. Для них было характерно трудолюбие, взаимоуважение, бережное отношение к своей и чужой собственности, отсутствие дестабилизирующих устремлений. Заинтересованные в благоприятных условиях для своей деятельности, они являлись гарантами стабильности общества в целом. Именно этот дееспособный слой, разрушенный советской властью в 20-30-е годы XX в., восстанавливается в современных условиях независимого

развития Узбекистана.

Говоря о трансформациях, которые претерпела социальная стратификация общества коренного населения, вошедшего в состав Российской империи, надо отметить, что они не затронули издревле характерные для него традиции общественной жизни, миролюбивые и доброжелательные внутренние социальные отношения, его ментальность. Это обусловило отсутствие в среде коренного населения Туркестанского генерал-губернаторства острых антагонистических социальных противоречий на почве имущественного неравенства, которое всегда присутствует в обществе, основанном на частной собственности. Именно этим объяснялась пассивность и отчужденность основной массы населения края в политических событиях 1917 г., благодаря которым большевики смогли совершить октябрьский переворот.

Захватив власть, большевики приступили к построению социалистического бесклассового общества. Для достижения этой цели они кардинально трансформировали социальную структуру старого общества, уничтожая его традиционные социальные страты, не вписывающиеся в их политическую и идеологическую доктрину. Во второй раз за период чуть более полувека социальная стратификация общества коренного населения на территории Узбекистана подверглась изменениям сверху, причем в этот раз они претворялись в жизнь административными силовыми методами на жесткой классовой основе.

Опираясь на силу власти государственной машины, большевики в 20-30-е годы XX в. целенаправленно и последовательно проводили на территории Узбекистана политику по деформации общественного сознания, разрушению самобытности и культуры, устоявшегося жизненного уклада коренного населения. Социальная политика советской власти в эти годы была направлена на реструктуризацию старого социального пространства, уничтожение собственников, в которых она видела только своих потенциальных врагов, тогда как они вполне могли бы стать опорой ее благосостояния, экономическим гарантом стабильности. Большевики практически боролись с основной массой населения своего государства.

Имея более прочные позиции в городе, советская власть нанесла свой первый удар по городским собственникам. Национализация средств производства и капиталов, реквизиции, конфискации и контрибуции привели к тому, что уже в первые годы нового режима из структуры городского населения исчезли не отдельные представители старого социума, а целые социальные группы

и страты, занимавшие прежде ведущее политическое и экономическое положение - крупная земельная, торгово-промышленная и финансовая буржуазия, маклеры, комиссионеры, чиновники колониальной администрации, резко сократилось число домовладельцев и рантье.

Однако на начальном этапе социалистического строительства советская власть не могла сразу уничтожить всех владельцев собственности, потому что это была основная масса дееспособного населения, представлявшая активную хозяйственную силу. В городах это были кустари, ремесленники, торговцы, садоводы, огородники и т.д. Они сумели адаптироваться в новой политической ситуации, пережить трудности «красногвардейской атаки на капитал» и «политику военного коммунизма», сохранили свое умение трудиться. Новая экономическая политика способствовала оживлению их деятельности и даже увеличила их удельный вес в составе городского населения. В условиях возобновленных рыночных отношений, обладая хорошими профессиональными навыками, они помогали государству восстанавливать разрушенную экономику и способствовали смягчению социальной напряженности в обществе.

Советская власть не смогла оценить позитивные устремления этих страт, увидеть богатый потенциал их трудовых ресурсов и направить их в нужное русло. Для 20-30-х годов XX в. вполне реальной была ситуация, при которой ремесленно-кустарное производство и частная торговля заняли бы свою нишу в экономике республики и, наладив производство и снабжение населения необходимыми товарами и продуктами, отвечающими их бытовым и национальным традициям, позволили бы государству сосредоточить свои усилия на организации крупной промышленности и государственной системы торговли. Но такой путь был отвергнут, и тем самым новая власть упустила реальную возможность обеспечить себе сильные стартовые позиции для строительства социалистического общества.

Стремясь как можно быстрее добиться поставленной цели, партия проводила политику монополизации экономики, разрушая рыночные отношения, всеми мерами искореняя частную собственность и уничтожая тем самым связанные с ней социальные страты. В Узбекистане это осуществлялось посредством принудительного кооперирования кустарей и ремесленников, интенсивного вытеснения частных из торговли, муниципализации городской недвижимости, систематически ужесточавшегося налогового прессинга, дискриминационной кредитно-финансовой политики

Все эти меры привели к тому, что в середине 30-х годов XX в., по заявлению партийных органов, в стране полностью исчезли «чужеродные частнособственнические элементы».

Помимо кустарей, ремесленников и торговцев в советском обществе на начальном этапе его развития существовала еще одна, причем самая многочисленная, страта независимых товаропроизводителей-собственников. Это были дехкане-единоличники. Для большевиков они также были частью мелкой буржуазии и, как кустари, ремесленники и торговцы, являлись источником их потенциальных врагов. Согласно марксистской теории дехкан должны были заменить аграрные рабочие крупных коллективных хозяйств. Однако из-за ограниченных финансовых возможностей и отсутствия необходимых кадров партия не могла сразу же начать реализацию своей аграрной программы, поэтому в 20-е годы XX в. кишлак не затронули ее резкие социальные преобразования. Земельные и внутрисоциальные отношения в нем остались без изменений: сохранили свои прочные позиции середняки, по-прежнему была слабо развита «классовая дифференциация», не было обострения антагонистических противоречий, самовольного захвата байских земель и попыток их передела. Дехканин-единоличник все также был единственным производителем сельскохозяйственной продукции.

Не имея возможности кардинально переделать социальные и экономические отношения в кишлаке, советская власть старалась ограничивать возможности развития крепких дехканских хозяйств классовым подходом к решению таких вопросов, как аренда земли, использование наемного труда, налогообложения, прием в кооперацию, выдача ссуд, оказание агропомощи. Одновременно она стремилась укрепить свои позиции среди кишлачной бедноты через систему привилегий в вышеназванных вопросах и особые «классовые» организации (комитеты и союзы бедноты, союз «Кошчи») и противопоставить бедных дехкан середнякам, внести раскол в прежде единое сельское общество.

В этот период советская власть предпринимала и попытки организовать в кишлаке социалистические формы хозяйствования, организуя коммуны, колхозы, совхозы. Но из-за слабой социальной базы, при отсутствии эффективной помощи со стороны государства эти хозяйства в этот период не представляли сколько-нибудь значительной силы ни в экономике республики, ни в социальных отношениях кишлака.

Нэп и земельно-водная реформа 1925-1927 гг. внесли

позитивные изменения в социальную жизнь кишлака. Практически полностью был ликвидированы безземельные хозяйства, значительно укрепились позиции середняков и наметилась твердая тенденция роста их удельного веса. Этому способствовала растущая система самой разнообразной кооперации, через которую государство могло контролировать деятельность частного сектора. Перед дехканином собственником своей земли постепенно открывался реальный путь успешного развития в рамках социалистического государства на условиях добровольного сотрудничества.

Но советскую власть не устраивало такое развитие социальных отношений в аграрном секторе, поэтому, культивируя тезис о том, что подавляющую часть сельского населения составляют обнищавшие мелкие дехканские хозяйства, а единоличная форма хозяйствования исчерпала свои возможности, она начала в конце 20-х годов XX в. массовую коллективизацию и за несколько лет насильственно преобразовала дехкан-единоличников в новую советскую страту – «класс колхозного крестьянства». Ценой огромных потерь была уничтожена старая структура кишлака, разрушен его традиционный образ жизни, внесен разлад в некогда единые социальные взаимоотношения. Оставаясь тружеником, дехканин перестал быть хозяином земли, на которой он работал.

В 20-30-е годы XX в. тем же гонениям, что и традиционные страты в производственной, аграрной и торговой сферах, подвергались национальная интеллигенция и мусульманское духовенство, являвшиеся духовной и нравственной опорой населения региона. Советская власть, нуждаясь в знаниях национальной интеллигенции, которая стала работать в советских учреждениях, в то же время держала ее под своим строгим идеологическим контролем, не допуская даже слабого намека на свободомыслие. А поскольку интеллигенция была думающей частью общества и выдвигала свои идеи национального развития республики, то она и подвергалась систематическим гонениям. Все проявления свободомыслия со стороны ее передовых представителей жестоко пресекались шумными кампаниями «чисток», показательными судебными процессами, арестами и в итоге привели к уничтожению этой важной и нужной местному обществу интеллектуальной элиты.

С первых же дней советской власти тяжелым было положение и мусульманского духовенства. Новую власть не устраивало его сильное влияние на повседневную жизнь населения региона. Поэтому

она затрачивала большие усилия вначале на антирелигиозную пропаганду, а затем на организацию кампании «воинствующего атеизма». Духовенство было объявлено классовым врагом нового общества и подвергалось массовым репрессиям, в массовом порядке закрывались мечети, старометодные мактабы, медресе, ликвидировались вакфы, казийские суды. К концу 30-х годов XX в. мусульманского духовенства как влиятельной социальной страты местного общества не стало, хотя полная атеизация населения так и не была достигнута.

Декларируемые советской властью принципы социального равенства и справедливости на практике обернулись кардинальной трансформацией традиционной профессиональной структуры старого общества, ликвидацией издревле успешно функционировавших дееспособных социальных страт. В результате агрессивной социальной политики к концу 30-х годов XX в. из советского общества исчезли: частные торговцы, потомки знаменитых среднеазиатских купеческих фамилий и целый пласт населения, издревле занятый торговой деятельностью; ремесленники, представлявшие огромный социально-культурный слой общества с своей системой преемственности профессиональных навыков, секретами традиционного мастерства и морально-этическими нормами; дехкане-единоличники с их умением трудиться и семейными морально-нравственными устоями; национальная интеллигенция и мусульманское духовенство, носители национальной культуры, традиций и духовно-нравственных основ народа. Была ликвидирована частная собственность, а вместе с ней и все собственники, как особый социальный слой, и в последующие годы более трех поколений людей советского государства были воспитаны на идеологических догмах, которые приучали их не воспринимать частную собственность, как основу самостоятельной эффективной хозяйственной деятельности, а централизованную распределительную систему считать главным достижением социальной справедливости.

Разрушение частного предпринимательства не было следствием превосходства социалистического экономического уклада. Наоборот, государственные структуры в производстве товаров широкого потребления, продуктов сельского хозяйства, организации торговли не были готовы решить эти вопросы на должном уровне, самостоятельные же производители мешали пропагандистскому аппарату внедрять в массовое сознание населения идею о преимуществах социалистической системы хозяйства. Массированное наступление на них в начале 30-х годов не было результатом созревших

в обществе социально-экономических, а тем более социально-психологических предпосылок для перехода к качественному скачку в экономике и социальном конструировании. Но, несмотря на это, он был совершен, и добилась партия этого исключительно принудительными волонтаристскими методами.

В ходе социалистического строительства и социального конструирования советской власти претерпели серьезные изменения и новые социальные страты советского общества – рабочие и интеллигенция. Меры, предпринятые государством для форсирования перехода республики в короткий исторический срок к индустриальному этапу, не дали и не могли дать ожидаемых положительных социальных результатов, потому что общество не было к этому подготовлено предыдущим своим развитием. Формирование национального отряда промышленных рабочих осуществлялось административными методами без учета специфики их быта, обычаев. Форсированное индустриальное развитие не привело к значительному росту числа промышленных рабочих из коренного населения, а наоборот, обусловили появление в начале 30-х годов тенденции к его уменьшению, когда в результате научно-технического прогресса в промышленном производстве началось активное вытеснение ручного труда, которым были заняты преимущественно рабочие коренных национальностей. Эти меры обусловили для Узбекистана, как суверенной республики, негативные демографические изменения в структуре его населения, поскольку проблемы улучшения квалификационного состава промышленных рабочих решались советской властью усиленной миграцией рабочих-европейцев. Это привело в конечном итоге к сокращению в составе его населения титульной нации за счет увеличения числа приезжих. Кроме того, серьезными негативными медицинскими последствиями для здоровья женщин обернулось их активное привлечение по воле советских руководителей на работу в тяжелую промышленность, где применение женского труда было просто преступно.

Успешно, но трудно и сложно шло формирование советской интеллигенции. Несмотря на огромные потери, которые она понесла в результате массовых репрессий в начале 30-х годов XX в. в этом процессе были достигнуты большие успехи. В республике была создана система высшего и среднего специального образования, разнопрофильные научно-исследовательские институты, появились национальные специалисты высшей квалификации, из которых

впоследствии сформировались крупные ученые с мировым именем. Для руководства развитием науки был образован Комитет наук – прообраз Академии наук Узбекистана. Узбекская национальная литература обогатилась творчеством талантливых поэтов, писателей, драматургов. Успешно развивались музыка, театр, кино, архитектура, изобразительное и прикладное искусство. Были созданы творческие союзы художников, писателей, архитекторов, композиторов.

Но все эти достижения совершались в русле широкомасштабной политики культурной революции, на жесткой классовой, русифицированной основе, под эгидой утверждения социалистической идеологии в качестве единой мировоззренческой системы всех граждан и метода социалистического реализма в литературе и искусстве. Административно-командная система все больше вмешивалась в творчество интеллигенции. В структуре новой интеллигенции быстро росло число административных работников, многие из которых были малограмотными выдвиженцами, что ухудшало ее качественный состав.

В середине 30-х годов XX в. политическое руководство страны декларировало победу социализма и построение нового «равноправного, социально однородного социалистического общества», которое состояло из полностью зависимых от государства и легко им управляемых двух классов – рабочих и крестьян-колхозников и социальной прослойки – интеллигенции. Но это новое общество не было ни равноправным, ни социально однородным. Помимо новых социальных страт в нем еще оставалось 74 тысячи некооперированных кустарей, ремесленников и дехкан. Вместе с членами семьей их было 183,7 тысяч человек, они составляли 2,9% всего населения республики. В каждой уже советской социальной страте – классе – складывалась социальная неоднородность, так как образовывались группы, различающиеся по занимаемым должностям, уровню образования, профессиональной квалификации, общественной активности, что заметно сказывалось на их материальном положении. Это было вполне естественно, так как общество — это развивающийся организм и стать однородным оно может только в условиях регресса.

Не было новое общество и равноправным. В начале 30-х годов XX в. в его социальной структуре начала формироваться новая социальная страта «партийной номенклатуры». Она состояла из политической элиты советского общества, наделенной большими властными полномочиями и привилегиями, доступ в которую регулировался партией через механизм жесткого отбора. Рабочие и

дехкане, попав в эту административную структуру, быстро теряли связь со своим классом и становились частью сложного, быстро растущего бюрократического аппарата. Именно к нему к концу 30-х годов в советском государстве перешла практически вся полнота власти.

Проведенное исследование дает основание сформулировать некоторые рекомендации, учет которых может помочь активизировать социальные преобразовательные процессы в современном независимом Узбекистане.

Изучение накопленного узбекским народом опыта социальной стратификации показывает, что:

1. Трансформации социальной структуры общества должны являться результатом его естественного развития, применение административных мер в этом процессе оборачивается для общества огромными социальными, экономическими и даже демографическими потерями.

2. Смена общественных отношений и социального состава общества всегда предполагает переходный период, связанный не только с политическими и экономическими трудностями, но и со сложными проблемами социальной адаптации людей, когда происходит болезненный процесс изменения их психологии, мышления, привыкания к новым жизненным реалиям.

3. В условиях рыночных отношений крепкой экономической основой и социальной силой в обществе являются средние собственники – наиболее предприимчивая в индивидуальной производственной деятельности, экономически активная, инициативная часть населения, которая обеспечивает обществу процветание и стабильность, утверждая принцип, что богато то государство, в котором богата каждая семья.

4. В составе средних собственников особой экономической устойчивостью и продуктивностью обладает социальная страта людей, занятых частным семейным предпринимательством (в 20-е годы XX в. они назывались «хозяева, работающие с помогающими членами семьи»). Ее значение для общества неоценимо тем, что помимо экономических, она помогает решать важные социальные и морально-этические задачи – занятость населения, преемственность семейных профессиональных навыков, воспитание у молодого поколения трудолюбия, терпения и терпимости, уважения к старшим и взаимоуважения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

I. ТРУДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА, ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

1.1. Указ Президента Республики Узбекистан УП 4947 «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» от 7 февраля 2017 года // <https://lex.uz/ru/docs/3107042>.

1.2. Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева Олий Мажлису 28.12.2018. // <https://uza.uz/ru/politics>.

1.3. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном Дню учителей и наставников 30.09.2020 г. // <https://uza.uz/ru/posts/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye-30-09-2020>.

1.4. Послание Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева Олий Мажлису 29.12.2020. // <https://president.uz/ru/lists/view/4057>.

1.5. Выступление Президента Республики Узбекистан на видеоселекторном совещании по вопросам кардинального совершенствования системы духовно-просветительской работы, усиления взаимодействия государственных и общественных организаций в этом процессе. 19.01.2021. // <https://e-cis.info/news/566/90406/>

1.6. Мирзиёев Ш.М. Янги Ўзбекистон Стратегияси. Тошкент: “O‘zbekiston”, 2021. – 464 б.

II. ИСТОЧНИКИ

2.1. Архивы

Национальный архив Республики Узбекистан (НА Уз)

Фонды колониального периода

2.1.1. Ф. И-1 – Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора

2.1.2. Ф. И-19 – Ферганское областное правление

2.1.3. Ф. И-36 – Управление начальника г. Ташкента

2.1.4. Ф. И-37 – Ташкентская городская управа

2.1.5. Ф. И-41 – Окружной инженер Туркестанского горного округа

2.1.6. Ф. И-90 – Кокандский биржевой комитет

2.1.7. Ф. И-269 – Сырдарьинский областной статистический комитет

2.1.8. Ф. И-461 – Туркестанское районное охранное отделение

2.1.9. Ф. И-718 – Ташкентская городская дума

Фонды советского периода

2.1.10. Ф. Р-17 – Центральный исполнительный комитет советов рабочих, дехканских и красноармейских депутатов Туркестанской АССР (ТурЦИК)

2.1.11. Ф. Р-25 – Совет Народных Комиссаров Туркестанской АССР (СНК ТАССР)

2.1.12. Ф. Р-27 – Центральный совет народного хозяйства Туркестанской АССР (ЦСНХ ТАССР)

2.1.13. Ф. Р-29 – Народный комиссариат земледелия Туркестанской АССР (Наркомзем ТАССР)

2.1.14. Ф. Р-36 – Народный комиссариат по делам национальностей Туркестанской АССР (Наркомнац ТАССР)

2.1.15. Ф. Р-39 – Народный комиссариат внутренних дел Туркестанской АССР (НКВД ТАССР)

2.1.16. Ф. Р-41 – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции Туркестанской АССР (НК РКИ ТАССР)

2.1.17. Ф. Р-86 – Центральный исполнительный комитет советов рабочих, дехканских и красноармейских депутатов Узбекской ССР (Уз ЦИК)

2.1.18. Ф. Р-89 – Высший совет народного хозяйства УзССР (Уз ВСНХ)

2.1.19. Ф. Р-90 – Народный комиссариат земледелия УзССР (Наркомзем УзССР)

2.1.20. Ф. Р-94 – Народный комиссариат просвещения УзССР (Наркомпрос УзССР)

2.1.21. Ф. Р-97 – Народный комиссариат труда Уз ССР (Наркомтруд УзССР)

2.1.22. Ф. Р-105 – Туркестанский топливный трест ЦСНХ ТАССР

2.1.23. Ф. Р-293 – Туркестанский союз потребительской кооперации (Турксоюз)

2.1.24. Ф. Р-297 – Узбекский совет промысловой кооперации (Узпромсовет)

2.1.25. Ф. Р-303 – Среднеазиатский совет промысловой кооперации (Средазпромсовет)

2.1.26. Ф. Р-382 – Среднеазиатский экономический институт при Средазгосплане

2.1.27. Ф. Р-344 – Верховный революционный трибунал Туркестанской АССР

2.1.28. Ф. Р-837 – Совет народных комиссаров Уз ССР (СНК Уз ССР)

2.1.29. Ф. Р-904 – Народный комиссариат юстиции Уз ССР (Наркомюст УзССР)

Государственный архив города Ташкента (ГА г. Ташкента)

2.1.30. Ф. 10 – Исполнительный комитет Ташкентского городского совета депутатов трудящихся (Ташгорисполком)

2.1.31. Ф. 38 – Ташкентский государственный университет

2.1.32. Ф. 195 – Ташкентская швейная фабрика «Красная Заря»

2.1.33. Ф. 203 – Ташкентский завод сельскохозяйственного Машиностроения (Ташсельмаш)

2.1.34. Ф. 231 – Ташкентский текстильный комбинат

Центральный государственный архив научно-технической и медицинской документации Республики Узбекистан (ЦГА НТМД РУз)

2.1.35. Ф.1 – Народный комиссариат здравоохранения Уз ССР (с 1946 г. Министерство здравоохранения УзССР)

2.1.36. Ф. 14 – Узбекский научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии им. Н.А. Семашко

2.1.37. Ф. 60 – Среднеазиатский научно-исследовательский институт по организации и охране труда

2.1.38. Ф. 61 – Узбекский научно-исследовательский институт экспериментальной медицины

2.1.39. Ф. 64 – Ташкентский научно-исследовательский институт вакцин и сывороток

2.1.40. Ф. 87 – Среднеазиатский научно-исследовательский институт ирригации им. В.Д. Журина (САНИИРИ)

2.1.41. Ф. 94 – Ташкентский государственный проектный институт реконструкции и застройки города Ташкента («Ташгипрогор»)

2.1.42. Ф. 96 – Ташкентский государственный медицинский институт

2.1.43. Ф. 99 – Всесоюзный научно-исследовательский институт хлопководства (СоюзНИХИ)

2.1.44. Ф. 108 – Научно-исследовательский институт садоводства, виноградарства и виноделия им. Р.Р. Шредера

2.1.45. Ф. 109 – Среднеазиатский научно-исследовательский институт защиты растений

2.2. Опубликованные документы и материалы

2.2.1. Дополнительные материалы к отчету Наркомзема Уз ССР по проведению земельно-водной реформы в Самаркандской, Ферганской и Ташкентской областях. – Ташкент: СНК Уз ССР, 1928. – 158 с.

2.2.2. Два года социалистического строительства в Узбекистане. Отчет правительства Уз ССР IV съезду советов Узбекистана (1929–1930 гг.) – Самарканд: СНК Уз ССР, 1930. – 80 с.

2.2.3. Доклад ЦК КП(б) Уз II съезду КП(Б) Уз. – Самарканд: Узгосиздат, 1925. – 180 с.

2.2.4. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием (А.В. Кривошеина) о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. – СПб, 1912. – 88 с.

2.2.5. Земельно-водная реформа в Средней Азии. Сборник материалов. – М.: Московский рабочий, 1927. – 191 с.

2.2.6. Земельный вопрос в Узбекистане. Материалы ко 2-му курултаю советов. – Самарканд: Наркомзем Уз ССР, 1927. – 36 с.

2.2.7. Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. – Ташкент: Узбекистан, 1988. – 312 с.

2.2.8. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. В 4-х томах. – Ташкент: Узбекистан, 1987. Т. 1. (1925–1937 гг.). – 727 с.

2.2.9. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за решение женского вопроса в период строительства социализма. (1917–1937). Сборник документов. – Ташкент: Узбекистан, 1977. – 400 с.

2.2.10. Конституция Туркестанской Республики (принята 6-м Туркестанским съездом советов 15 октября 1918 г.) – Ташкент: Бюро печати при ТурЦИК, 1918. – 16 с.

2.2.11. Конституция Туркестанской Республики (принята 9-м

Туркестанским съездом советов 24 января 1920 г.) – Ташкент: Туркгосиздат, 1920. – 24 с.

2.2.12. Конституция (Основной Закон) Узбекской советской социалистической республики. – Самарканд: Юриздат, 1927. – 39 с.

2.2.13. Конъюнктурный обзор народного хозяйства Узбекистана за 1928–29 г. – Самарканд: ЦСУ, 1930. – 174 с.

2.2.14. Культурное строительство в Туркестанской АССР в период установления советской власти и гражданской войны (1917–1924 гг.). Сборник документов. – Ташкент: Узбекистан, 1973. Т. 1. – 250 с.

2.2.15. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края сенатором графом К.К. Паленом. В 2-х частях. – СПб., 1911.

2.2.16. Материалы IV сессии ЦИК советов УзССР (июль 1926 г.) – Ташкент: Уз ЦИК, 1926. – 70 с.

2.2.17. Материалы к отчету правительства УзССР ЦИК СССР (январь 1925–июнь 1926 гг.). – Ташкент: Уз ЦИК, 1926. – 114 с.

2.2.18. Материалы по проведению земельно-водной реформы в Самаркандской, Ферганской, Ташкентской областях. – Самарканд: СНК УзССР, 1928. – 55 с.

2.2.19. Материалы к отчету ЦК КП(б)Уз к IV парткурултаю. – Самарканд: ЦК КП(б)Уз, 1929. – 53 с.

2.2.20. Материалы к отчету ЦК КП(б)Уз к V парткурултаю. – Самарканд: ЦК КП(б)Уз, 1930. – 138 с.

2.2.21. Материалы к отчету ЦК КП(б)Уз к VI курултаю КП(б) Узбекистана. – Ташкент: ЦК КП(б)Уз, 1934. – 140 с.

2.2.22. Отчет о деятельности Совета народных комиссаров и Экономического совета Туркестанской республики на 1 октября 1922 г. – Ташкент: ТЭС, 1922. – 206 с.

2.2.23. Отчет первого съезда экономических совещаний Туркестанской республики (27 мая–3 июня 1922 г.). – Ташкент: ТЭС, 1922. – 106 с.

2.2.24. Отчет второго съезда экономических совещаний Туркестанской республики (26–30 ноября 1922 г.). – Ташкент: ТЭС, 1923. – 106 с.

2.2.25. Отчет Наркомзема УзССР по проведению земельно-водной реформы в Самаркандской, Ферганской и Ташкентской областях. – Ташкент: Наркомзем УзССР, 1927. – 72 с.

2.2.26. Обзор советского, хозяйственного и социально-культурного строительства Ташкентского округа. Материалы к

отчетному докладу Ташокрисполкома за 1927–28 г. на Втором окружном съезде советов. – Ташкент: Ташокрисполком, апрель 1929. – 181 с.

2.2.27. Основные черты народного хозяйства Средней Азии в 1926–27 г. – Ташкент: Средазэкономсовет. 1928. – 93 с.

2.2.28. Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сборник документов. В 2-х томах. – Ташкент: АН УзССР, 1963. Т. 1. Установление советской власти в Узбекистане. – 659 с.; – Ташкент: Фан, 1972. Т. 2. Упрочение советской власти в Узбекистане. – 608 с.

2.2.39. Подготовка специалистов из рабочего класса. Материалы к VI парткурултаю Уз ССР. – Ташкент: Узгосиздат, 1934. – 58 с.

2.2.30. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора Ферганской области за 1882–1884 гг. – Новый Маргилан, 1884. – 95 с.

2.2.31. Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане (1917–1920 гг.). Сборник документов. – Ташкент: Узгосиздат, 1955. – 237 с.

2.2.32. Репрессии: 1937–1938 гг. Документы и материалы // Составители: Шамсутдинов Р.Т., Каримов Н.Ф., Юсупов Э.Ю. – Ташкент: Шарк, 2005. Вып. 1. – 285 с.

2.2.33. Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений правительства ТАССР за 1917–1922 гг. – Ташкент: СНК ТАССР, 1923. – 213 с.

2.2.34. Съезды советских социалистических республик. Сборник документов в 3-х томах. – Ташкент: Госюриздат, 1959–1960.

2.2.35. Современный кишлак Средней Азии. Социально-экономический очерк. – Ташкент: Средазбюро ЦК ВКП(б), 1926–1927. Вып. I–X.

2.2.36. Социалистическое переустройство сельского хозяйства в УзССР. Сборник документов в 3-х томах. – Ташкент: АН Уз ССР, 1962. Т. 1. Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917–1926 гг.). – 794 с.; – Ташкент: АН Уз ССР, 1968. Т. 2. Подготовка условий сплошной коллективизации в Узбекистане (1927–1929 гг.). – 475 с.; – Ташкент: Фан, 1980. Т. 3. Сплошная коллективизация сельского хозяйства Узбекистана (1929–1932 гг.). – 372 с.

2.2.37. Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. 1929–1955. Документы и материалы /

Составители: Шамсутдинов Р.Т., Расулов Б.Л. Под ред. Д.А. Алимовой. В 3-х томах. – Ташкент: Шарк, 2006.

2.2.38. Трагедия советской деревни: коллективизация, раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. В 5-ти томах. – М.: РОССПЭН, 1999–2006.

2.2.39. Труд и социальное страхование в Узбекистане. Отчет Наркомтруда УзССР о работе за период с момента нацразмежевания до 1 июля 1926 г. – Ташкент: Узгосиздат, 1926. – 175 с.

2.2.40. Хозяйственный план Туркесреспублики на 1923–24 год. – Ташкент: ТЭС, 1923. – 400 с.

2.2.41. Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Тарих институти фаолиятини такомиллаштириш тўғрисида. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг қарори. 1998. 27 июль // O'zbekiston tarixi. – Тошкент, 1999. – № 1. – Б. 15-17.

2.3. Переписи

2.3.1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. – СПб., 1905. Т. LXXXIII. Самаркандская область. – 94 с.; – СПб., 1905. Т. LXXXVI. Сырдарьинская область. – 116 с.; – СПб., 1904. Т. LXXXIX. Ферганская область. – 114 с.

2.3.2. Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. – Ташкент: ЦСУ, 1924. Вып. I. Поволостные итоги Самаркандской области. – 101 с.; – Самарканд: ЦСУ, 1925. Вып. II. Поволостные итоги Ферганской области. – 71 с.; – Самарканд: ЦСУ, 1925. Вып. III. Поволостные итоги Сырдарьинской области. – 179 с.

2.3.3. Материалы Всероссийской переписи 1920 года. Промышленная перепись в Туркестанской республике. – Ташкент: Туркгосиздат, 1922. Вып. 1. Список промышленных заведений г. Ташкента. – 139 с.; – Ташкент: Туркгосиздат, 1924. Вып. 6. Список промышленных заведений Амударьинской области. – 48 с.

2.3.4. Итоги жилищной переписи европейской части г. Ташкента 1921 года. – Ташкент: ЦСУ, 1922. – 72 с.

2.3.5. Классовый и профессиональный состав городского населения ТАССР в 1923 году. (По результатам городской переписи населения ТАССР 1923 года). – Ташкент: ТЭС, 1924. – 142 с.

2.3.6. Итоги переписи учреждений и служащих г. Ташкента в 1924 году // Бюллетень ЦСУ Уз ССР. – Ташкент, 1925. – № 2. – С. 11-107.

2.3.7. Перепись населения нового города Самарканда 16–17

января 1925 года. – Самарканд: ЦСУ Уз ССР, 1925. – 32 с.

2.3.8. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XV. Узбекская ССР. Отдел 1. Народности, родной язык, возраст, грамотность. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – 130 с.;

Т. XXXII. Узбекская ССР. Отдел II. Занятия. – М.: ЦСУ СССР, 1929. – 200 с.; Т. XLIX. Узбекская ССР. Отдел III. Семейное состояние, продолжительность проживания, увечность. – М.: ЦСУ, 1930. – 131 с.;

2.3.9. Материалы всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. – Самарканд: ЦСУ УзССР, 1929. Вып. III. Характеристика городской недвижимости и жилищных условий населения УзССР и ТаджАССР. – 125 с.

2.3.10. Издольная аренда в Узбекистане. (По материалам динамических переписей 1927 и 1929 гг. в гнездах Андижан и Кассан-Сай). – Самарканд: ЦСУ, 1930 – 35 с.

2.3.11. Жилищная перепись г. Ташкента 1932 года. Вып. 1. Население. – Ташкент: Ташгорплан, 1933. – 128 с.;

Вып. 2. Жилищные условия населения. – Ташкент: Ташгорплан, 1934. – 136 с.

2.3.12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР. – М.: Госполитиздат, 1962. – 168 с.

2.4. Статистические сборники

2.4.1. Коллективизация и классовое расслоение кишлака и аула Средней Азии (таблицы и диаграммы). – Ташкент: Средазбюро ЦК ВКП(б), 1930. – 86 с.

2.4.2. Колхозы УзССР в цифрах. – Самарканд: Госплан УзССР, 1930. – 113 с.

2.4.3. Краткий статистический справочник УзССР. Основные показатели развития хозяйства и культуры УзССР за 1933, 1934, 1935 и предварительные сведения за 1936 гг. – Ташкент: ЦСУ Уз ССР, 1936. – 125 с.

2.4.4. Краткий статистический сборник УзССР. Основные показатели развития хозяйства и культуры УзССР за 1913, 1924, 1928, 1932, 1935 гг. – Ташкент: ЦСУ Уз ССР, 1936. – 130 с.

2.4.5. Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах. (Сборник статистических материалов. 1918–1967 гг.) – Ташкент: Узбекистан, 1968. – 248 с.

2.4.6. Материалы по статистике труда Туркестанской

республики. Вып. 1. Бюджет туркестанского рабочего и служащего. – Ташкент: ЦСУ ТАССР, 1922. – 57 с.;

Вып. 2. Производственные союзы г. Ташкента в 1921 г. – Ташкент: ЦСУ ТАССР, 1922. – 75 с.;

Вып. 3. Прогулы рабочих и служащих Туркеспублики в 1921 г. Движение состава, заработная плата рабочих и служащих г. Ташкента в первой половине 1922 г. – Ташкент: ЦСУ ТАССР, 1923. – 55 с.;

Вып. 4. Труд и профессиональные союзы. – Ташкент: ЦСУ ТАССР, 1924. – 99 с.

2.4.7. Народное хозяйство Средней Азии в цифрах. – Ташкент: Правда Востока, 1929. – 83 с.

2.4.8. Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. – М.: Статистика, 1972. – 848 с.

2.4.9. Национальная политика ВКП(б) в цифрах. – М.: Ком. Академия, 1930. – 170 с.

2.4.10. Основные показатели конъюнктуры народного хозяйства Средней Азии за 1924–25 гг. и 1925–26 гг. Таблицы. – Ташкент: Конъюнктурно-экономическое бюро Среднеазиатского экономического совета, 1927. – 31 с.

2.4.11. Основные черты народного хозяйства Средней Азии в 1926–27 году. – Ташкент: Конъюнктурно-экономическое бюро Среднеазиатского экономического совета, 1928. – 92 с.

2.4.12. Основные показатели развития народного хозяйства и культурного строительства Уз ССР за 1913–1957 гг. – Ташкент: Госстатиздат, 1959. – 32 с.

2.4.13. Подготовка кадров в СССР (1927–1931 гг.). Стат. сб. – М.: ЦСУ СССР, 1934. – 84 с.

2.4.14. Показатели по труду в республиках Средней Азии. (К 10-летию национального размежевания). Стат. сб. – Ташкент: ЦСУ УзССР, 1935. – 150 с.

2.4.15. Районы УзССР в цифрах. – Самарканд: Госплан УзССР, 1930. – 314 с.

2.4.16. Сельское хозяйство в Узбекистане за 15 лет. 1924–1939 гг. Стат. сб. – Ташкент: ЦСУ УзССР, 1939. – 82 с.

2.4.17. Средняя Азия в цифрах. – Ташкент: Средазгосплан, 1931. – 293 с.

2.4.18. Статистический ежегодник. 1917–1923. В 2 томах. – Ташкент: ТЭС, 1924. Т. I. Ч. 1-2. – 115 с., Ч. 3. – 451 с.; Т. II. Ч. 1-2. – 167 с., Ч. 3. – 598 с.

- 2.4.19. Статистический обзор Ферганской области за 1904 г. – Новый Маргилан, 1905. – 105 с.
- 2.4.20. Статистический справочник по Самаркандской области. – Самарканд: Горместхоз, 1924. – 136 с.
- 2.4.21. Труд и социальное страхование в Узбекистане. Стат. сб. – Ташкент: ЦСУ УзССР, 1926. – 120 с.
- 2.4.22. Труд в Средней Азии. Стат. сб. – Ташкент: Средазгосплан, 1930. – 152 с.
- 2.4.23. Узбекистан за XV лет. Стат. сб. – Ташкент: ЦСУ УзССР, 1939. – 122 с.
- 2.4.24. Узбекистан. Экономико-географическая характеристика. – Ташкент: АН УзССР, 1950. – 302 с.
- 2.4.25. Университет в цифрах. – Ташкент: Ёш гвардия, 1980. – 18 с.
- 2.4.26. Хлопководство Узбекистана за 50 лет. Стат. справочник. – Ташкент: Узгосиздат, 1967. – 455 с.
- 2.4.27. Численность ценовых промышленных заведений УзССР и занятого в них персонала за 1925–1928 гг. // Бюллетень ЦСУ УзССР. – Ташкент, 1928. – № 20. – С. 3-21.
- 2.4.28. Численность государственных служащих УзССР на 1 января 1928 г. // Бюллетень ЦСУ Уз ССР. – Ташкент, 1928. – № 20. – С. 28-35.

III. ОСНОВНАЯ НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

3.1. Монографии

- 3.1.1. Абдурахимова Н.А., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX в. – Ташкент: Университет, 1999. – 162 с.
- 3.1.2. Абдурашидхонов Мунаввар Кори. Танланган асарлар. – Тошкент: Маънавиат, 2003. – 120 б.
- 3.1.3. Агзамходжаев С. История туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). – Тошкент: Тошкент ислом университети, 2006. – 263 с.
- 3.1.4. Айни С. Рабы (Роман) / Собр. соч. – М.: Художественная литература, 1972. Т. 2. – 440 с.
- 3.1.5. Алкин Илиас. Средняя Азия: Экономико-географический очерк Каракалпакстана, Киргизстана, Таджикистана,

Туркменистана и Узбекистана. – М.: Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем, 1931. – 389 с.

3.1.6. Алимов И.А. Узбекское дехканство на пути к социализму (социально-экономические преобразования в узбекском кишлаке в 1921–1925 гг.). – Ташкент: Фан, 1974. – 120 с.

3.1.7. Алимова Д.А. Решение женского вопроса в Узбекистане (1917–1941 гг.): краткий историографический очерк. – Ташкент: Фан, 1987. – 70 с.

3.1.8. Алимова Д.А. Женский вопрос в Средней Азии. История изучения и современные проблемы (20-80-е годы). – Ташкент: Фан, 1991. – 250 с.

3.1.9. Алимова Д.А. История как история, история как наука. – Ташкент: Узбекистан, 2008. Т. 1. История и историческое сознание. – 280 с.

3.1.10. Алимова Д.А. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. – Ташкент: Узбекистан, 2000. – 24 с.

3.1.11. Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). – Ташкент: Узгосиздат, 1959. – 298 с.

3.1.12. Аминова Р.Х. Аграрная политика советской власти в Узбекистане (1917–1920 гг.). – Ташкент: АН УзССР, 1963. – 344 с.

3.1.13. Аминова Р.Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода советского государства к нэпу. – Ташкент: Фан, 1965. – 347 с.

3.1.14. Аминова Р.Х. Аграрные преобразования в Узбекистане накануне коллективизации. – Ташкент: Фан, 1969. – 240 с.

3.1.15. Аминова Р.Х. Осуществление коллективизации в Узбекистане (1929–1932 гг.). – Ташкент: Фан, 1977. – 320 с.

3.1.16. Аминова Р.Х. Победа колхозного строя в Узбекистане (1933– 1941 гг.). – Ташкент: Фан, 1981. – 340 с.

3.1.17. Аминова Р.Х. Возвращаясь к истории коллективизации в Узбекистане. – Ташкент: Фан, 1995. – 83 с.

3.1.18. Агзамходжаев С. История туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). – Ташкент, 2006. – 263 с.

3.1.19. Байбулатов Д. Чагатаизм-пантюркизм в узбекской литературе. – М. – Ташкент: Объединение госиздательств. Среднеазиатское отделение, 1932. – 39 с.

3.1.20. Беккер Говард, Босков Алвин. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Перевод с

англ. – М.: Иностранная литература, 1961. – 893 с.

3.1.21.Валиев А.Э. Подготовка национальных пролетарских кадров в Узбекистане. – Ташкент: Госиздат Уз ССР, 1934. – 65 с.

3.1.22.Валиев А.К. Советская национальная интеллигенция и ее социальная роль. – Ташкент: Фан, 1969. – 227 с.

3.1.23.Ваҳобов М. Ўзбек социалистик миллати. – Тошкент: Ўзбекистон, 1960. – 536 б.

3.1.24.Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. – Ташкент: Узбекистан, 1961. – 587 с.

3.1.25.Вексельман М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1983. – 202 с.

3.1.26.Волков Е.З. Динамика народонаселения России за восемьдесят лет. – М. – Л.: Госиздат, 1930. – 272 с.

3.1.27.Галузо П.Г. Туркестан – колония. (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). – М.: КУТВ, 1929. – 235 с.

3.1.28.Гафаров Н. По страницам газеты «Бухоро-и-Шариф» (О первой таджикской прессе). – Худжанд: Вароруд, 1999. – 30 с.

3.1.29.Германов В.А. Профессор Пулат Салиев и его время (Жизнь и трагедия основателя узбекской исторической школы). – Ташкент: Фан, 2002. – 64 с.

3.1.30.Голованов А.А. Великий Октябрь и изменение социальной структуры села. – Ташкент: Фан, 1987. – 150 с.

3.1.31.Голованов А.А. Крестьянство Узбекистана: эволюция социального положения. 1917–1937 гг. – Ташкент: Фан, 1992. – 160 с.

3.1.32.Голованов А.А., Саидов И.М. Дехканство Узбекистана на историческом повороте второй половине XIX в. – первой половине XX в. – Самарканд, 2007. – 384 с.

3.1.33.Давыдов А.М. Аграрные преобразования и формирование социалистического землепользования в Узбекской ССР. – М.: Наука, 1965. – 270 с.

3.1.34.Демидов А.П. Экономический очерк хлопководства, хлопковой торговли и хлопковой промышленности в Туркестане. – Ташкент, 1912. – 256 с.

3.1.35.Жадидчилик: ислохот, янгиланиш, мустақиллик ва тараққиёт учун кураш (Туркистон ва Бухоро жадидчилиги тарихига янги чизгилар). Даврий тўплам № 1. – Тошкент: Университет, 1999. –

220 б.

3.1.36. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М.: Наука, 1996. – 152 с.

3.1.37. Заорская В.В., Александер А. Промышленные заведения Туркестанского края. Разработка данных анкеты, проведенной летом 1914 г. Экономической организацией изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сырдарьи. – Петроград, 1915. – 559 с.

3.1.38. Зелькина Е. Земельная реформа в Узбекистане. – Ташкент: Узгосиздат, 1925. – 47 с.

3.1.39. Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. – М.: Ком. академия, 1930. – 128 с.

3.1.40. Зиёев Ҳ. Ўрта Осиё ва Сибирь (XVI–XIX асрлар). – Тошкент: Фан, 1962. – 342 б.

3.1.41. Зиёев Ҳ. Туркистонда Россия тажовузи ва хукумронлигига қарши кураш. – Тошкент: Шарқ, 1998. – 475 б.

3.1.42. Зиёева Д. Туркистон миллий озодлик ҳаракати. – Тошкент: Фафур Фулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти, 2000. – 176 б.

3.1.43. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М.: Наука, 2004. – 574 с.

3.1.44. Изменения классовой структуры общества в Узбекистане за годы советской власти (1917–1980 гг.). – Ташкент: Фан, 1984. – 303 с.

3.1.45. История народного хозяйства Узбекистана. – Ташкент: АН УзССР, 1962. Т. I. – 250 с.

3.1.46. История рабочего класса Узбекистана. В 3-х томах. – Ташкент: Фан, 1964–1966.

3.1.47. История Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1968. Т. II. – 662 с.; – Ташкент: Фан, 1967. Т. III. – 707 с.

3.1.48. Изменение классовой структуры общества в Узбекистане за годы советской власти (1917–1980 гг.). – Ташкент: Фан, 1984. – 303 с.

3.1.49. Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). – М.: Социально-политическая мысль, 2004. – 600 с.

3.1.50. Исхак-хан тура ибн Джунайдаллах Ходжа. Мизан-аззаман (Весы эпохи) / Подготовка к изданию, предисловие, редакция проф. Хисао Коматцу, Бахтиёр Бабаджанов. – Ташкент – Токио:

Институт востоковедения АН РУз, 2001. – 51 с.

3.1.51.Иткин А. Советская торговля Средней Азии. – Ташкент: Узгосиздат, 1936. – 272 с.

3.1.52.ХХ асрининг дастлабки ўтгиз йиллигида Ўзбекистонда тарих фани (тарихшунослик очерклари). I, II-қисмлар. – Тошкент: Фан, 1994. – 455 б.

3.1.53.Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. В 2-х книгах. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. Кн. 1 – 640 с.; Кн. 2 – 768 с.

3.1.54.Кары-Ниязов Т.Н. Очерки истории культуры советского Узбекистана. – М.: АН СССР, 1955. – 560 с.

3.1.55.Катанян Р. Против Касымова – против касымовщины. (Речь государственного обвинителя по делу судебных работников Узбекистана). – Ташкент: Узгосиздат, 1931. – 125 с.

3.1.56.Катанян Р. Бадретдиновщина. (Речь государственного обвинителя по делу прокурорско-следственных работников Узбекистана). – Ташкент – Самарканд: Узгосиздат, 1932. – 120 с.

3.1.57.Лаврентьев В. Пути индустриализации Средней Азии. – Ташкент: Узгосиздат, 1929. – 48 с.

3.1.58.Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). – М.: Госиздат, 1930 – 160 с.

3.1.59.Марказий Осиё ХХ аср бошида: ислохотлар, янгиланиш, тараққиёт ва мустақиллик учун кураш (жадидчилик, мухториятчилик, истиқлолчилик). – Тошкент: Маънавият, 2001. – 142 б.

3.1.60.Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. – Ташкент: АН Уз ССР, 1959. – 184 с.

3.1.61.Мельникова Т.С. Формирование промышленных кадров в Узбекистане. (Состояние, источники и методы формирования промышленных кадров Узбекистана от предоктябрьских лет до Великой Отечественной войны). – Ташкент: Узгосиздат, 1956. – 112 с.

3.1.62.Мустафа Чокай-оглы. Туркестан под властью советов (К характеристике диктатуры пролетариата). – Париж: Ёш Туркистон, 1935. – 147 с.

3.1.63.Мустақил Ўзбекистон тарихининг дастлабки саҳифалари. – Тошкент: Шарқ, 2000. – 224 б.

3.1.64.Овсянников К. Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола. – М.: Госиздат, 1931. – 156 с.

3.1.65.Основы философии. Учебник для высших учебных

заведений. 2-е изд. / Под ред. М.А. Ахмедовой, В.С. Хана. – Ташкент: Mehnat, 2004. – 496 с.

3.1.66.3.1.67. Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Изд. 2. – Ташкент, 1896. Вып. 1. – 272 с.

3.1.67. Очерки по истории государственности Узбекистана. – Ташкент: Шарк, 2001. – 207 с.

3.1.68. Очерки по экономике Средней Азии (Бухара, Хорезм, Туркесреспублика. 1917–1927 гг.) / Под ред. Ю. Пославского и Г. Черданцева. – Ташкент: ТЭС, 1922. – 128 с.

3.1.69. Очерки хозяйственной жизни Туркесреспублики / Под ред. А. Асаткина. – Ташкент: ЦСНХ, 1921. – 598 с.

3.1.70. Панарин А.С. Политология. – М.: Наука, 1998. – 350 с.

3.1.71. Подъячих П.Г. Всесоюзная перепись населения 1939 года. – М.: Госстатиздат, 1957. – 163 с.

3.1.72. Понятовский С.В. Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области. – СПб., 1913. – 357 с.

3.1.73. Промышленность Узбекистана. Краткий очерк развития (1913–1938 гг.). – Ташкент: Узб. филиал АН СССР, 1941. – 221 с.

3.1.74. Рабич Р.Г. Формирование и развитие социально-классовой структуры Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1991. – 124 с.

3.1.75. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М.: Наука, 1995. – 237 с.

3.1.76. Раджабов Қ. Мустақил Туркистон фикри учун мужодалалар. – Тошкент: Ўзбекистон, 2000. – 32 б.

3.1.77. Рахимий Ш. Маорифимизнинг ўтгандаги ва хозириги холи. – Тошкент: Узгосиздат, 1923. – 25 б.

3.1.78. Рахимий Ш. Состояние узбекского просвещения в прошлом и теперь. – Ташкент: Узгосиздат, 1928. – 25 с.

3.1.79. Резцов Л. Октябрь в Туркестане. – Ташкент: Средазкнига, 1927. – 119 с.

3.1.80. Россия. Полное географическое описание. Настольная и дорожная книга / Под ред. В.П. Семенова-Тяньшанского. – СПб., 1913. Т. 19. Туркестанский край. Составил князь В.И. Массальский. – 861 с.

3.1.81. Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. (Сборник главнейших статей, докладов, речей и тезисов). – Ташкент: Узгосиздат, 1925. Ч. 1. 1917–1919 гг. – 218 с.

3.1.82. Саидбаев Т.С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. – М.: Наука, 1978. – 252 с.

3.1.83. Саидов И.М. Проблемы взаимоотношений рабочего класса и дехканства Узбекистана в ходе аграрных преобразований. –

Ташкент: Фан, 1993. – 150 с.

3.1.84. Сафаров Г. Колониальная революция. (Опыт Туркестана). – М.: Госиздат, 1921. – 147 с.

3.1.85. Силов А.К. К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве Средней Азии. – Ташкент: Узгосиздат, 1926. – 77 с.

3.1.86. Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. – Ташкент: Фан, 1965. – 189 с.

3.1.87. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 450 с.

3.1.88. Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. – Ташкент: Фан, 1973. – 229 с.

3.1.89. Социальная философия. – М.: ЮНИТИ, 1995. – 240 с.

3.1.90. Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии. – Ташкент: ТЭС, 1922. – 128 с.

3.1.91. Тарих шохидлиги ва сабоқлари. – Тошкент: Шарқ, 2001. – 463 б.

3.1.92. Тарихий манбашунослик муаммолари. – Тошкент: Университет, 2003. – 224 б.

3.1.93. Тарихнинг ҳасратли саҳифалари. – Тошкент: Шарқ, 2006. – 304 б.

3.1.94. Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. – Ташкент: Шарқ, 2000. – 672 с.

3.1.95. Турсунмухамедов С. Великий октябрь и изменение социальной структуры советского Узбекистана. – Ташкент: Узбекистан, 1977. – 184 с.

3.1.96. Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 – начала 50-х годов. – Ташкент, 2000. – 202 с.

3.1.97. Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии / Избранные труды. – Ташкент: Фан, 1970. Т. 1. – С. 69-317.

3.1.98. Ходжаев Ф. Десять лет борьбы и строительства / Избранные труды. – Ташкент: Фан, 1972. Т. 2. – С. 110-157.

3.1.99. Ходжаев Ф. Народное хозяйство Узбекской ССР. Итоги и перспективы. (К III съезду советов Уз ССР) / Избранные труды. – Ташкент: Фан, 1972. Т. II. – С. 200-289.

3.1.100. Ходжаев Ф. К пятилетию существования Узбекской ССР / Избранные труды. – Ташкент: Фан, 1972. Т. II. – С. 352-383.

3.1.101. Черданцев Г.Н. Среднеазиатские республики. (Экономико-географические очерки). – М.: Плановое хозяйство, 1928. – 140 с.

3.1.102. Шамсутдинов Р., Мамажонов А. Шимолий Кавказ сургунидаги юртдошлар кисмати. – Тошкент: Шарк, 2005. – 335 б.

3.1.103. Шамсутдинов Р. Ўзбекистонда советларнинг кулоклаштириш сиёсати ва унинг фожиали оқибатлари. – Тошкент: Шарк, 2001. – 367 б.

3.1.104. Шамсутдинов Р. Истиқлол йўлида шахид кетганлар. – Тошкент: Шарк, 2001. – 415 б.

3.1.105. Шамсутдинов Р. Қишлоқ фожиаси: жамоалаштириш, кулоклаштириш, сургун (Ўрта Осиё республикалари масолида). – Тошкент: Шарк, 2003. – 542 б.

3.1.106. Шахназаров А.И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. – СПб., 1908. – 130 с.

3.1.107. Шпедт А.Ф. Чистка советского аппарата в Средней Азии. – М. – Ташкент: Узгосиздат, 1931. – 47 с.

3.1.108. Эркаев А. Духовность – энергия независимости. – Ташкент: Маънавият, 1998. – 184 с.

3.1.109. Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX – начало XX в.) – Ташкент: Фан, 1969. – 255 с.

3.1.110. Юферев В.И. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана (Опыт характеристики рабочего вопроса в хлопковых районах Туркестанского края). – СПб., 1914. – 60 с.

3.1.111. Юферев в. Хозяйство сартов Ферганской области. – Ташкент, 1911. – 76 с.

3.1.112. Юферев В. Хлопководство в Туркестане. – Л.: АН ССР, 1925. – 198 с.

3.1.113. Юферев В. Очерки по экономике хлопкового хозяйства. – М.: Госиздат, 1927. – 175 с.

3.1.114. Ясперс К. Смысл и значение истории. – М.: Наука, 1991. – 390 с.

3.1.115. Ярошевич Н.К. Организация крестьянского хозяйства Средней Азии. – Самарканд – Ташкент: Узгосиздат, 1926. – 85 с.

3.2. Статьи

3.2.1. Абдуллаев Р.М. Интеграционные процессы в мусульманском мире и Туркестанские джаиды // Жаидчилик: ислохот, янгиланиш, мустақиллик ва таракқиёт учун кураш. Даврий

тўплам. № 1. – Тошкент: Университет, 1999 – Б. 69-82.

3.2.2. Абдурахимова Н. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – начале XX века (историография проблемы) // *O'zbekiston tarixi*. – Ташкент, 2000. – № 1-2. – С. 71-80.

3.2.3. Абдурахимова Н. Узбекистан в составе Российской империи // *Очерки по истории государственности Узбекистана*. – Ташкент: Шарк, 2001. – С. 120-140.

3.2.4. Алимов И.А. Левацкие перегибы в решении религиозного вопроса в ТАССР // *Общественные науки в Узбекистане*. – Ташкент, 1991. – № 1. – С. 31-40.

3.2.5. Алимова Д. Историческое мировоззрение джадидов и их проект будущего Туркестана // *Туркистон мустақиллиги ва бирлиги учун кураш саҳифаларидан*. – Тошкент: Маънавият, 1996. – Б. 8-20.

3.2.6. Алимова Д. Жадидчилик харакатининг ижтимоий-сиёсий моҳияти ва жадидлар тафақури // *Жадидчилик ислоҳот, янгилаНИШ, мустақиллик ва тараққиёт учун кураш*. Даврий тўплам № 1. – Тошкент: Университет, 1999. – Б. 35-50.

3.2.7. Алимова Д. XIX аср охири XX аср бошида Бухородаги ижтимоий-сиёсий вазият ва жадидчилик // *Жадидчилик ислоҳот, янгилаНИШ, мустақиллик ва тараққиёт учун кураш*. Даврий тўплам № 1. – Тошкент: Университет, 1999. – Б. 83-103.

3.2.8. Алимова Д. Ислам и «воинствующий» атеизм в литературе Узбекистана в 20–30-е годы // *O'zbekiston tarixi*. – Ташкент, 2000. – № 4. – С. 58-64.

3.2.9. Алимова Д. Национально-прогрессивное движение джадидизм и его общественно-политическая сущность. Взгляды на государственность // *Очерки по истории государственности Узбекистана*. – Ташкент: Шарк, 2001. – С. 141-161.

3.2.10. Алимова Д. Религиозная толерантность и гуманистические идеи национально-прогрессивной интеллигенции Туркестана // *O'zbekiston tarixi*. – Ташкент, 2005. – № 3. – С. 12-21.

3.2.11. Арутюнян Ю.В. Изменение социальной структуры советских наций // *История СССР*. – М., 1972. – № 4. – С. 3-20.

3.2.12. Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 года: «дервишский газават» или антиколониальное выступление? // *O'zbekiston tarixi*. – Ташкент, 2001. – № 2. – С. 25-30; № 4. – С. 61-67.

3.2.13. Бабаджанов Б. Русская колонизация Центральной Азии: взгляд местных интеллектуалов // *Международная конференция в рамках программы регионального сотрудничества (СОСОР)*

Министерства иностранных дел Франции «Исламские ценности и центральноазиатские реалии. (Ташкент, 2003). – Рабочие документы ИФЕАК. № 7. март 2004. – С. 11-22.

3.2.14. Бродский А. Хроника университета. Сводка по приему в САГУ // Бюллетень САГУ. – Ташкент, 1927. Вып. 15. – С. 387-393.

3.2.15. Вексельман М.И. О численности рабочего класса Средней Азии накануне Октября // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1985. – № 9. – С. 24-31.

3.2.16. Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация. – М., 1992. Вып. 1. – С. 160-177.

3.2.17. Заорская В.В. Перспективы промышленной и промысловой колонизации Средней Азии // Труды научно-исследовательского института землеустройства и переселения Туркестана. – М., 1929. Т. 11. – С. 136-145.

3.2.18. Костин Р.А., Невесенко Е.Д. Социальная стратификация: к вопросу научного понимания // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-stratifikatsiya-k-voprosu-nauchnogo-ponimaniya/viewer>

3.2.19. Николенко Н.А. Профессиональная стратификация как социальный феномен: теоретические подходы и методы изучения // Вестник Волгоградского университета. Серия 7, Философия. 2014. №6. – С. 44-54.

3.2.20. Пасилов Б. Идеология и практика становления тоталитарной государственности в Туркестане // O'zbekiston tarixi. – Ташкент, 1999. – № 3. С. 46-49.

3.2.21. Филанович М.И. О некоторых аспектах истории общины в древности и происхождении «махалля» // O'zbekiston tarixi. – Ташкент, 2003. – № 2. – С. 12-19.

3.2.22. Хасанов Б. Репрессии против интеллигенции Узбекистана в 20-30-е годы и их последствия // O'zbekiston tarixi. – Ташкент, 2000. – № 1-2. – С. 101-109.

3.2.23. Ярошевич Н.К. Состояние сельского хозяйства Средней Азии за 1923/1924 годы // Народное хозяйство Средней Азии. – Ташкент, 1924. – № 5. – С. 1-16.

3.2.24. Яроцкий М.В. Итоги и перспективы Среднеазиатского госуниверситета // Бюллетень САГУ. – Ташкент, 1935. Вып. 20. – С. 220-232.

IV. ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 4.1. Bacon E. Russian Influence on Central Asia Languages. Cornell University Press. – London, 1980. – 273 p.
- 4.2. Barghoorn J. Soviet Russian Nationalism. – New York, 1956. – 150 p.
- 4.3. Becker S. Russian protectorates in Central Asia, Bukhara and Khiva. 1865–1924. – Cambridge, 1967. – 416 p.
- 4.4. Beeghly L. The structure of Social Stratification in the United States. – Boston. London. Toronto. Sydney. Tokyo. Singapore, 1996. – 328 p.
- 4.5. Bennigsen A., Lemercier-Quel que jay Ch. L’Islam en Union Sovietique. – Paris, 1968. – 120 p.
- 4.6. Bennigsen A., Lemercier-Quel que jay Ch. Les mouvements nation aux chez les musulmans de Russie. – Paris, 1960. – 140 p.
- 4.7. Benningsen A. The Islamic threat to the Soviet State. – London. Canberra, 1983. – 120 p.
- 4.8. Bregel Y. Bibliography of Islamic Central Asia. Compiled and edited by Yuri Bregel. Part I–III. – Bloomington, Indiana, 1995. – 250 p.
- 4.9. Bregel Y. Notes on the study of Central Asia. – Indiana University research institute for inner Asia studies. – Bloomington, Indiana, 1996. – 61 p.
- 4.10. Bregel Y. Rewriting Central Asia History // Orient. – 1997. – № 5. – P. 109-120.
- 4.11. Carrere D’Encausse H. Realites et limites de la presence russe en Asia Central. Influence de la culture // L’Afrique et L’Asia. 1958, № 44. – P. 1-25.
- 4.12. Carrere D’Encausse H. Islam and Russian Empire: reform and revolution in Central Asia. University of California Press. – London, 1988. – 190 p.
- 4.13. Caroc O. Soviet Empire, the Turks of Central Asia and Stalinism. – London – New York, 1954. – 128 p.
- 4.14. Central Asia: 120 years of Russian Rule. – Durham: Duke University Press, 1989.
- 4.15. Chokaiev (Chokai-ogly) Mustapha. Turkestan and the Soviet Regime // Journal of the Royal Central Asian Society, XVIII (1931). – P. 403-420.
- 4.16. Chombart de Lauwe. Les paysans Sovitique. – Paris, 1961. – 280 p.

- 4.17. Davies R.W. and Stephen Y. Wueqteroff. The years of Hunger: Soviet agriculture. 1931–1933. – New York. Palgrave, Macmillan, 2004. – 555 p.
- 4.18. Dinerstein H.S. Communism and the Russian peasant. – Illinois. 1955 – 190 p.
- 4.19. Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. – Stanford: 1987. – 280 p.
- 4.20. Giddens A. Sociology. – Oxford, 1991. – 250 p.
- 4.21. Hayit B. Some problems of Modern Turkistan History. An analysis of Soviet attacks on the alleged falsifiers of the history of Turkistan. – Düsseldorf, 1963. – 61 p.
- 4.22. Holdsworth Mary. Turkestan in the Nineteenth Century (A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva). – Oxford. Soviet Affairs Study Group, 1959. – 80 p.
- 4.23. Hollander P. Soviet and American Society. – Oxford. New York, 1973. – 287 p.
- 4.24. Hostler Ch.W. Turkish and the Soviets (the Turks of the world and their political objectives). – London, 1957. – 165 p.
- 4.25. Jukeles A., Bauer R. The Soviet Citizen. – Cambridge. Massachusetts. London, 1959. – 200 p.
- 4.26. Jukeles A. Social Change in Soviet Russia. – Cambridge (Mass.), 1968. – 220 p.
- 4.27. Keller Sh. To Moscow, Not Mecca. The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia. 1917–1941. – Westport, Connecticut, London, 2001. – 277 p.
- 4.28. Khalid A. Printing, publishing and reform in Tsarist Central Asia // International Journal of Middle East Studies. 1994. № 2. Vol. 26. – P. 187-200.
- 4.29. Khalid A. The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia. – Berkeley, 1998. – 126 p.
- 4.30. Krader L. The peoples of Central Asia. – Bloomington, 1962. – 319 p.
- 4.31. Kraus J. Stratifications, Class and Conflict. – New York. 1979. – 300 p.
- 4.32. Kulsk W. The Soviet regime. Communism in practice. – New York, 1963. – 340 p.
- 4.33. Le colonialisme Sovietique. – Paris. 1956. – 250 p.
- 4.34. Lapidus J. Women in Soviet Society. – University of California Press, 1978. – 75 p.
- 4.35. Lynne Viola. Peasant Redels under Stalin. Collectivization and

the Culture of Peasant Resistance. – Oxford University Press. Oxford, 1996. – 312 p.

4.36. Lynne Viola. The role of the OGPU in Dekulakization, mass Deportation, and Special Resettlement in 1930 // The Carl Beck Papers. East European Studies. № 406. January. 2000. – 50 p.

4.37. Milton M J. Social Class in American Sociology. – Durham, 1958. – 350 p.

4.38. Monteil V. Les Musulmans Sovietiques. – Paris, 1957. – 150 p.

4.39. Ollworth A. Edward. The Modern Uzbeks from the Fourteenth Century to the Present. – Hoover Institution Press Stanford University. Stanford, California, 1990. – 410 p.

4.40. Park A. Bolshevism in Turkestan. 1917–1927. – Columbia University Press, New York, 1957. – 428 p.

4.41. Parkin F. Max Weber. – London, 1982. – 90 p.

4.42. Parkin F. Marxisme and Classe Theory a bourgeois critique. – London, New York, 1994. – 190 p.

4.43. Parsons T. The Structure of Social Action. – New York, 1937. – 80 p.

4.44. Pierce R. Russian Central Asia. Bukhara and Khiva. 1865–1924. – Cambridge, 1968. – 305 p.

4.45. Rambaud A. The expansion of Russian. Problems of the East and problems of the Far East. – Boston. Longwood, 1979. – 95 p.

4.46. Rossides Daniel W. Social Stratification. The interplay of Class, Race, and Gender. – Prentice Hall. New Jersey, 1997. – 524 p.

4.47. Rywkin M. Russia in Central Asia. – Collier books, New York. Collier-Macmillan, London, 1963. – 191 p.

4.48. Schrag C., Larsen O., Catton W. The Nature of Stratification // Sociology. New York, 1969

4.49. Seton-Watson H. The New imperialism. – London, 1964. – 52 p.

4.50. Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. – New York, Harper. 1928. – 356 p.

4.51. Sorokin P. Society, Culture, and Personality. – New York, Harper, 1947. – 420 p.

4.52. Stamp A.H. Other nation colonies. – Kent. England, 1958. – 420 p.

4.53. The peoples of Soviet Central Asia. – London, 1966. – 126 p.

4.54. Waiston L. Agriculture under Communism. – London, 1962. –

130 p.

4.55. Walsh B.W. Russia and the Soviet Union. Modern History. – Michigan University press, 1968. – 682 p.

4.56. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization, Translated and edited by A.B. Henderson and Talcott Parsons. – New York, 1947. – 450 p.

4.57. Whight E. Classes. - London, 1985. – 250 p.

4.58. Wheeler J. The modern history of Soviet Central Asia. – New York. Washington, 1964. – 272 p.

4.59. Wheeler J. The peoples of Soviet Central Asia. – London, 1966. – 126 p.

Монография

Махкамова Надира

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА НА
ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ,
НАСИЛЬСТВЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ
(КОНЕЦ XIX в. – 30-е ГОДЫ XX в.)**

Subscribe to print 05/02/2024. Format 60×90/16.

Edition of 300 copies.

Printed by “iScience” Sp. z o. o.

Warsaw, Poland

08-444, str. Grzybowska, 87

info@sciencecentrum.pl, <https://sciencecentrum.pl>

9 788366 216891

